



ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (13)
2021

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ
ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ
РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ
ВРАГА

РОССИЯ И КИТАЙ

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ
И ВООРУЖЕННОЕ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

СПЕЦСЛУЖБЫ

КАЗАЧЕСТВО





ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (13)
2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик РФ, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».





История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается неизблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.



Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf



★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ



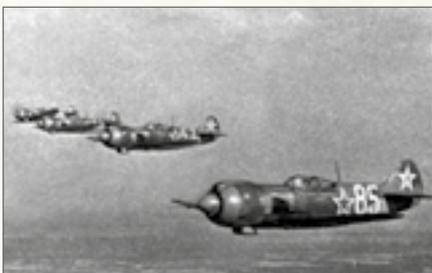
И.С. Конев
Белгородско-Харьковская
операция 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ



Анатолий Андреев_
Проблема № 1 24

★ АВИАЦИЯ РОССИИ



Авиация в оборонительной
операции на Волге 50

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА



К.К. Звонарев_
Русская агентурная разведка с
1906 по 1914 год..... 66

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ



Н.Г. Кузнецов
Непокоренный
Севастополь..... 96

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ



Попытка расследования тра-
гедии 22 июня 1941 года... 109

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА



Приказ наркома обороны СССР
о задачах партизанского движе-
ния. 121

★ РОССИЯ И КИТАЙ



А.И. Черепанов
Военный советник в Китае 127

★ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО



А.Б. Широкоград
Предпосылки к сотрудничест-
ву РККА с Рейхсвером 152

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Из единого генерального плана
повстанческого штаба ОУН..162
Спецдонесение наркома гос-
безопасности УССР
Савченко 168

★ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Владимир Стрюков
Они стояли у истоков военной
разведки 174

★ СПЕЦСЛУЖБЫ



С.Г. Чуев
«Предприятие Цеппелин» ...180

★ КАЗАЧЕСТВО



Александр Камчатов
Что есть Сечь запорожская 211

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Беседа К.М. Симонова с гене-
рал-полковником А.П. Покров-
ским 242

С.В. Дмитриевский
Политический портрет
Сталина 261



И.С. КОНЕВ,
Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза,
командующий войсками Степного фронта в 1943 г.

БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ



▲ Генерал-полковник И.С. Конев во время Белгородско-Харьковской операции

Успешные бои к югу от Курска летом 1943 г. были в центре внимания друзей и недругов нашей Родины, предметом споров на страницах мировой прессы, причиной разочарований внутри гитлеровского блока и величайшим радостным событием для советских людей.

С 5 по 12 июля наши войска героически оборонялись, затем нанесли мощный контрудар по немецко-фа-

шистским войскам и отбросили их на позиции, которые они занимали до начала наступления. С 24 июля по 2 августа войска Степного и Воронежского фронтов усиленно и основательно готовились к прорыву вражеской обороны и к переходу в решительное контрнаступление. Это было третье за период Великой Отечественной войны крупное контрнаступление. Контрнаступление под Курском слагалось из двух опе-

раций: Орловской и Белгородско-Харьковской.

Мне, командующему Степным фронтом, хотелось бы рассказать о наступлении войск фронта в Белгородско-Харьковской операции.

Следует сразу же оговориться, что контрнаступление под Курском нельзя механически сравнивать со знаменитыми контрнаступлениями под Москвой и Сталинградом, поскольку военно-политическая и экономиче-



ская обстановка в тот период не могла быть поставлена в логическое сравнение с обстановкой лета 1943 г.

Здесь мы еще до начала наступления противника имели заблаговременно сосредоточенные мощные стратегические резервы, тогда как противник не располагал ими и был вынужден начать поспешную переброску своих войск на курское направление с других участков фронта, ослабляя тем самым эти участки. Много и других фактов, которые нетрудно увидеть даже неспециалисту военного дела, свидетельствуют о несравнимости этих операций.

Переход наших войск в контрнаступление был для Гитлера полной неожиданностью, поскольку немецкое командование так и не раскрыло нашего плана преднамеренной обороны. Тем более немцы, как уже отмечалось, имели незначительный успех, сумев лишь вклиниться в нашу оборону на обоянском направлении на глубину до 35 км. Начавшееся 12 июля наступление войск Западного (командующий генерал В. Д. Соколовский) и Брянского (командующий генерал М. М. Попов) фронтов нарушило всю оборону врага на орловском плацдарме. Уже к исходу 13 июля 11-я гвардейская армия (командующий генерал

И. Х. Баграмян) вклинилась в оборону противника на 25 км, а через неделю после начала наступления она продвинулась в глубину до 70 км, создав угрозу основным коммуникациям орловской группировки врага с северо-запада. Значительных успехов добились и войска Брянского фронта.

15 июля произошли резкие изменения в ходе борьбы на орловском плацдарме. С утра после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в контрнаступление войска правого крыла Центрального фронта. Главный удар наносился на Гремячево по центру вражеской группировки, наступавшей раньше на Курск. В результате боев враг был отброшен на исходные позиции.

Масштабы борьбы на орловском направлении все больше расширялись. Решался вопрос, имевший большое значение для дальнейшего развития войны: насколько реален немецкий план перевести борьбу на советско-германском фронте в стабильные позиционные формы.

На совещании в ставке 26 июля Гитлер требовал от командующего группой армий "Центр" генерал-фельдмаршала фон Клюге быстрого отступления войск с орловского плацдарма, сокращения за счет этого

линии фронта и высвобождения ряда дивизий для переброски на другие участки.

Крайне неблагоприятно для противника разворачивались события и на южном фланге Курской дуги. К 23 июля соединения Воронежского и Степного фронтов отбросили белгородско-харьковскую группировку врага на исходные позиции.

К концу июля основные силы войск Воронежского и Степного фронтов были сосредоточены севернее и северо-западнее Белгорода, что создавало условия для нанесения глубокого фронтального удара по стыку 4-й танковой армии и оперативной группе "Кемпф". Исходя из этого, было принято решение осуществить пересекающий удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Валки—Новая Водолага с целью раскола белгородско-харьковской группировки противника и последующего охвата и разгрома вражеских войск в районе Харькова.

Небезынтересно привести полностью план операции, доложенный Ставке, который был одобрен и утвержден Верховным Главнокомандующим.

"Товарищу Иванову (условная фамилия И. В. Сталина).

Докладываем:

В связи с успешным прорывом фронта противника и развитием наступления на белгородско-харьковском направлении операцию в дальнейшем будем проводить по следующему плану.

1. 53 А с корпусом Соломатина будет наступать вдоль Белгородско-Харьковского шоссе, нанося главный удар в направлении Дергачи. Армия должна выйти на линию Олыпаны, Дергачи, сменив на этой линии части Жадова.

69 А наступает левее 53 А в направлении Черемошное. По достижении Черемошное 69 А, передав пару лучших дивизий Мангарову, сама остается во фронтовом резерве на доукомплектовании в районе Микояновка, Черемошное, Грязное.

69 А необходимо как можно быстрее подать пополнение 20 000 человек.

7 гв. А сейчас будет наступать из района Пушкарное на Бродок и далее на Бочковка, сворачивая фронт противника с севера на юг.

С рубежа Черемошное, Зиборовка 7 гв. А будет наносить главный удар на Циркуны и выйдет на линию Черкасское—Лозовое, Циркуны, Ключкин.

Частью сил из района Зиборовка будет наступать на Муром и далее на Терновая для того, чтобы помочь 57 армии форсировать р. Северный Донец в районе Рубежное, Стар. Салтов.





2. 57 А Юго-Западного фронта желательно передать в подчинение Степного фронта и сейчас готовить удар 57 А с линии Рубежное, Стар. Салтов в общем направлении на Непокрытая и далее на совхоз им. Фрунзе.

57 А необходимо вывести на линию совхоз Кутузовка, совхоз им. Фрунзе, Рогань (северная).

Если 57 А будет оставаться в подчинении Юго-Западного фронта, то ее нужно обязать с подходом Шумилова в район Муром перейти в наступление в вышеуказанном направлении.

3. Для проведения второго этапа, т.е. Харьковской операции, в состав Степного фронта необходимо передать 5 гв. танковую армию, которая выйдет в район Ольшаны, Старый Мерчик, Огульны.

Харьковскую операцию ориентировочно предлагаю построить в следующем плане:

а) 53 А во взаимодействии с армией Ротмистрова будет охватывать Харьков с запада и юго-запада.

б) Армия Шумилова будет наступать с севера на юг с линии Циркуны, Дергачи.

в) 57 А будет наступать с востока с линии совхоз им. Фрунзе, Рогань, охватывая Харьков с юга.

г) 69 А (если она будет к этому времени пополнена) развернется в стыке между Жадовым и Манаровым в районе Ольшаны и будет наступать на юг для обеспечения Харьковской операции с юга.

69 А будет выходить на линию Снежков Кут, Минковка, Просяное, Новоселовка.

д) Левый фланг Воронежского фронта необходимо вывести на линию Отрада, Коломак, Снежков Кут.

Эту задачу должны выполнить армия Жадова и левый фланг 27 армии.

Армию Катуква желательно иметь в районе Ковяги, Алексеевка, Меррефа.

Юго-Западному фронту необходимо нанести удар из района Замостье в общем направлении на Меррефа, наступая по обоим берегам р. Мжа, частью сил наступать через Чугуев на Основа, частью сил необходимо очистить от противника лес южнее Замостье и выйти на рубеж Новоселовка, Охочае, Верх. Бишкин, Геевка.

4. Для проведения Харьковской операции необходимо кроме 20000 пополнения дать 15 тысяч для пополнения дивизий 53 и 7 гв. армий, для доукомплектования танковых частей фронта дать 200 штук Т-34 и 100 Т-70, КВ — 35 штук. Перебросить четыре полка самоходной артиллерии и две инженерные бригады. Доукомплектовать ВВС фронта штурмовиками, истребителями и бомбардировщиками в количестве: истребителей — 90, Пе-2 — 40, Ил-2 — 60.

Просим утверждения.

№ 64, б. 8. 43.

Жуков, Конев, Захаров



Как следует из этого плана, ударами войск Воронежского и Степного фронтов оборона врага дробилась на изолированные части, и создавались условия для уничтожения группировки противника по частям.

Какова же была группировка противника? Для обороны белгородско-харьковского плацдарма немцы держали крупную группировку войск в количестве 15 пехотных и 3 танковых дивизий. Кроме того, в ходе сражения на это направление противник перебросил еще 5 танковых, моторизованную и 4 пехотные дивизии.

Следует заметить, что в ходе войны гитлеровские войска научились создавать прочную, хорошо насыщенную и глубоко эшелонированную оборону.

Тактическая зона обороны противника состояла из главной и второй полос общей глубиной до 18 км. При этом главная полоса обороны противника глубиной 6—8 км состояла из двух позиций, на каждой из которых были оборудованы опорные пункты и узлы сопротивления, соединенные между собой траншеями

полного профиля. Траншеи были соединены ходами сообщения. В опорных пунктах противник имел значительное число дзотов. Вторая полоса состояла из одной позиции глубиной 2—3 км. Между главной и второй полосами проходила промежуточная позиция.

Населенные пункты противник подготовил для круговой обороны. Вокруг Харькова было оборудовано два кольцевых обвода. Белгород также был хорошо защищен оборонительными сооружениями, опорными пунктами с множеством огневых точек, несколькими рядами колючей проволоки с огромным количеством минных полей.

Каменные постройки были превращены в маленькие «крепости».

Меловые горы Белгорода были использованы для прикрытия вражеских войск.

Не случайно немцы придавали белгородско-харьковскому плацдарму важное стратегическое значение. Он был наиболее сильным бастионом немецкой обороны на востоке, воротами, запирающими нашим

войскам путь на Украину. На территории этого плацдарма располагался один из важнейших экономических и политических центров Советского Союза, вторая столица Украины — Харьков, а также Белгород, Сумы, Ахтырка, Лебедин, Богодухов, Чугуев и другие города.

Особое положение занимал в обороне противника Харьков, который расценивался Гитлером как «восточные ворота» Украины.

И это понятно: Харьков — крупнейший железнодорожный узел на путях из Москвы в Донбасс, Крым, Кавказ, важнейший узел шоссейных дорог и авиалиний, город машиностроения, металлообработки, химической, легкой и пищевой промышленности. Придавая Харькову большое стратегическое значение, Гитлер требовал от своих генералов удержать любой ценой город.

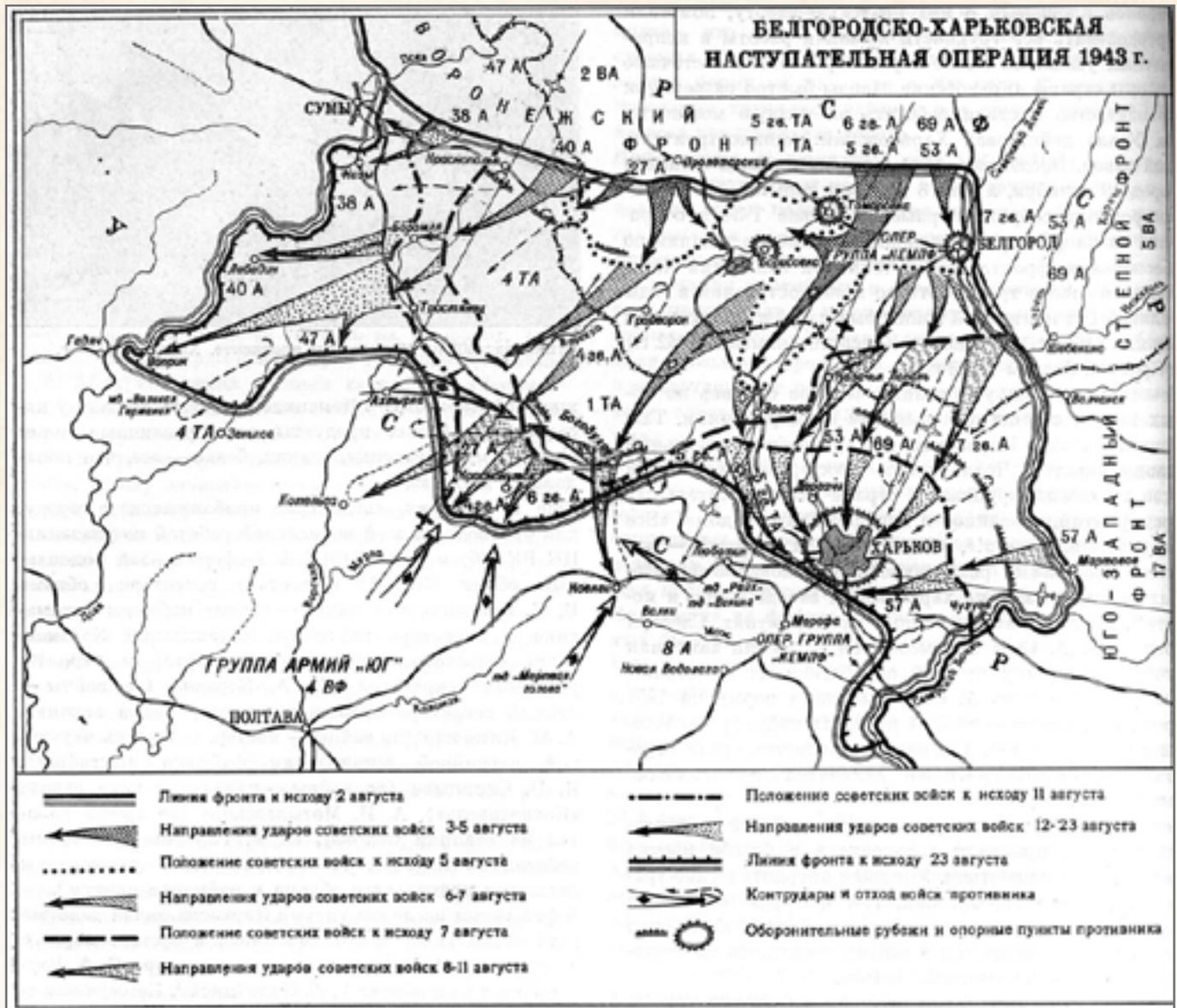
Сильно пересеченная местность в сочетании с прочной обороной врага затрудняла наши наступательные действия.

В XVII в. здесь проходила так называемая Белгородская черта —



▲ Харьков, август 1943 года





▲ Карта операции

оборонительная линия, представлявшая собой ряд крепостей, земляных валов и укреплений, защищавших Русское государство от набегов с юга. На местах древних засек возникли новые укрепления, посерьезнее прежних.

Для успешного выполнения поставленных Ставкой задач мы подготовились основательно. Достаточно отметить, что на направлениях главных ударов 5-й гвардейской и 53-й армий, действовавших в главной полосе основного удара, плотность артиллерийского насыщения доходила до 230 стволов на 1 км фронта. Это создало такой огневой удар, что,

по свидетельству пленных, немало уцелевших немецких солдат лишлись рассудка.

На рассвете 3 августа мощной артиллерийской и авиационной подготовкой началось контрнаступление на белгородско-харьковском направлении. Оборона врага была прорвана. В первой половине дня соединения общевойсковых армий Воронежского и Степного фронтов на направлении главного удара вклинились в оборону противника на глубину 5—6 км. Вскоре в прорыв были введены 1-я и 5-я гвардейская танковые армии с задачей передовыми бригадами завершить прорыв

тактической зоны обороны врага и основными силами развить успех в оперативной глубине.

С прорывом вражеской обороны перед войсками Степного фронта практически встала задача освобождения Белгорода. Зная, что наступление на Белгород с севера потребует очень больших усилий, я делал все для того, чтобы соединениями правого крыла 53-й армии генерала И. М. Мангарова и действовавшего в ее полосе 1-го механизированного корпуса М. Д. Соломатина выйти на пути отхода противника на запад. Удар с фронта осуществляла 69-я армия генерала В. Д. Крюченкина,



а 7-я гвардейская армия под командованием генерала М. С. Шумилова (член Военного совета З. Т. Сердюк), форсировав Северный Донец, должна была атаковать вражеский гарнизон с востока.

Итак, перед наступлением передний край обороны врага был тщательно обработан, вся система огня подавлена. А затем после выявления оставшихся неподавленными огневых точек, они были уничтожены повторным артиллерийским налетом и авиацией 5-й воздушной армии под командованием генерал-лейтенанта авиации С. К. Горюнова. Большую роль в обработке переднего края противника сыграли артиллеристы дивизий и полков и артиллерийские дивизии РГК. Нужно отдать должное командующему артиллерией фронта генерал-лейтенанту Н. С. Фомину и представителю Ставки генералу И. М. Чистякову, умело и творчески организовавших такое мощное артиллерийское наступление. Но, несмотря на все это, 4 августа сопротивление противника усилилось.

Темпы продвижения наших войск снизились. Все наши попытки зайти с фланга, чтобы нанести обходной удар по врагу, не удавались. Основ-

ная танковая группировка противника, находившаяся перед нашим фронтом, оказывала ожесточенное сопротивление, хотя наши танковые армии уже громили вражеские резервы.

4 августа войска 53-й и 69-й армий Степного фронта, ведя ожесточенные бои, прорвали второй и третий оборонительные рубежи противника, прикрывавшие Белгород с севера.

7-я гвардейская армия в составе восьми стрелковых дивизий (111-я и 15-я гвардейские стрелковые дивизии 49-го гвардейского стрелкового корпуса, 73-я, 78-я, 81-я гвардейские стрелковые дивизии 25-го гвардейского стрелкового корпуса, 72-я, 36-я гвардейские и 213-я стрелковые дивизии 24-го гвардейского стрелкового корпуса) со многими танковыми и артиллерийскими полками и бригадами, вклинившись в оборону противника, наступала на Белгород с востока. Она ликвидировала Михайловский плацдарм на восточном берегу Северного Донца, и ее соединения завязывали бои уже на западном берегу.

Немецкое командование забеспокоилось. 4 августа началось выд-

вижение из Донбасса на харьковское направление 3-го танкового [28] корпуса и танкового корпуса СС. Управления (штабы) этих корпусов уже были в Харькове.

Я потребовал от 53-й армии с 1-м механизированным корпусом разгромить части 6-й танковой дивизии врага и развивать наступление на Микояновку. 1-му механизированному корпусу удалось из-за правого фланга армии выйти в район Грязное, Репное и отрезать белгородской группировке немцев пути отхода на юго-запад и юг.

69-я армия при содействии 7-й гвардейской армии должна была овладеть Белгородом, а 7-я гвардейская армия — прорвать неприятельскую оборону и выйти на рубеж Таврово, Бродон, чтобы во взаимодействии с 69-й и 53-й армиями окружить белгородскую группировку немцев.

Бои за город приняли ожесточенный характер. Первыми в Белгород в 6 час. утра 5 августа ворвались подразделения 270-го гвардейского стрелкового полка 89-й гвардейской стрелковой дивизии (командир дивизии полковник М. П. Серюгин), а также части 305-й и 375-й стрелковых дивизий под командованием соот-





▲ В освобожденном Белгороде

ветственно полковника А. Ф. Васильева и полковника П. Д. Говоруненко. С востока город атаковали 93-я гвардейская и 111-я стрелковая дивизии 7-й гвардейской армии.

5 августа войска 69-й и соединения 7-й гвардейской армий Степного фронта штурмом овладели Белгородом. В этот же день после напряженных боев был освобожден Орел. Столица нашей Родины Москва впервые в ходе Великой Отечественной войны отметила выдающиеся победы артиллерийским салютом. Это был первый артиллерийский салют в честь боевой доблести советских войск. С тех пор салюты в Москве в ознаменование побед Красной Армии стали славной традицией.

А тем временем наши танковые армии, обладая высокой маневренностью, успешно действовали в отрыве от основных сил общевойсковых армий. За пять дней соединения 1-й танковой армии, которой командовал генерал М. Е. Катуков,

продвинулись в глубину обороны противника более чем на 100 км и к исходу 7 августа овладели Богодуховом, 5-я гвардейская танковая армия овладела Казачьей Лопанью и Золочевом. Белгородско-харьковская группировка врага была расщеплена на две части.

Наступление наших войск продолжало стремительно развиваться. К 11 августа войска Воронежского фронта, значительно расширив прорыв в западном и юго-западном направлениях, подошли к Боромле, Ахтырке, Котельве и перерезали железную дорогу Харьков—Полтава, а войска Степного фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление танковой группировки противника, подошли к внешнему обводу харьковских оборонительных линий.

Противник основательно подготовился к борьбе за город. Такой укрепленный район взять было нелегко. Все наше внимание было приковано сюда, к этой крепости, для возведе-

ния которой гитлеровцы пригоняли много тысяч людей. Велико было желание врага удержать город.

Оборона противника, по данным разведки и показаниям пленных, представляла собой систему дзотов с перекрытием в два-три наката и частично железобетонных сооружений. Широко применялся фланкирующий и косопрямельный огонь, все узлы сопротивления имели огневую связь, огневые точки были соединены ходами сообщения, передний край усилен инженерными сооружениями, проволочными и противотанковыми заграждениями, минными полями.

Все каменные строения на окраинах города были превращены в своеобразные долговременные огневые точки, нижние этажи домов использовались в качестве огневых позиций для артиллерии, верхние занимали автоматчики, пулеметчики и гранатометчики.

Въезды в город и улицы на окраинах были заминированы и перекры-



ты баррикадами. Внутренние кварталы города также были подготовлены к обороне с системой противотанкового огня.

Для обороны Харькова немецкое командование сосредоточило сильную группировку в составе восьми пехотных, двух танковых дивизий, артиллерийских частей, многих отрядов СС, полиции и других подразделений, сосредоточив их, в основном, на северном и восточном фасах внешнего оборонительного обвода при значительном эшелонировании войск в глубину. Гитлер приказал удерживать Харьков любой ценой и потребовал от генералов широкого применения репрессий против солдат и офицеров, проявивших признаки трусости и нежелания драться. Он указывал Манштейну, что потеря Харькова создаст угрозу потери Донбасса.

Чтобы предотвратить возможность глубокого охвата харьковской группировки войск с юго-запада, гитлеровское командование ввело в бой против войск Воронежского фронта оперативные резервы — танковые и мотострелковые дивизи-

зии, переброшенные из Донбасса и с орловского направления, которые нанесли сильные контрудары по нашим войскам на богодуховском, а затем и на ахтырском направлениях. Одновременно принимались меры по усилению войск, ведущих бой за Харьков. Сюда были переброшены танковые дивизии СС: "Райх", "Мертвая голова", "Викинг", 3-я танковая дивизия и моторизованная дивизия "Великая Германия".

Если противник принимал все меры к тому, чтобы удержать Харьков, то мы должны были во что бы то ни стало взять его. Задача была непростой. В ходе войны советские войска трижды предпринимали наступательные операции с целью освободить Харьков. Первое наступление правели войска Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 г. Вначале они прорвали оборону врага и продвинулись на незначительную глубину. Однако сказались недостаточная подготовка и значительное превосходство противника в живой силе и технике. Наступление не достигло поставленной цели.

В феврале 1943 г. снова началось освобождение Харьковской области. В ходе этого наступления 16 февраля войска Воронежского фронта освободили Харьков. Но в конце февраля противник пере группировал силы, подтянул свежие резервы и перешел в контрнаступление. 15 марта 1943 г. Харьков опять был оставлен, хотя воины сражались за город героически.

В мою задачу не входит разбирать причины неудач. Об этом участники боев и военные историки уже сказали свое слово. Особенно подробно пишет об этом Маршал Советского Союза К.С. Москаленко в своей книге "На юго-западном направлении". Однако в то время, когда мы должны были третий раз и навсегда освободить Харьков, я вспомнил неудачные уроки и решил учесть опыт предшествующих операций, чтобы действовать наверняка.

Разумеется, стратегическая обстановка в период Курской битвы сложилась для нас более благоприятно, однако это не должно было нас успокаивать. Приходилось много и напряженно думать, взвешивать



▲ На Воронежском фронте





все факторы, анализировать данные о противнике, изучать оборону врага, лично все проверять. Велико было желание на этот раз освободить город с полной гарантией, что еще раз не придется отдавать его врагу. Для этого нужно было наголову разбить противника, выбить его из Харькова, причинив городу как можно меньше разрушений. Ни в коем случае не следовало допускать перехода юрода или отдельных районов из рук в руки. Это как раз и приводит к полному разрушению населенного пункта. Нам это было хорошо известно на примере Воронежа.

Мы начали тщательно готовиться к предстоящим тяжелым сражениям за Харьков. Вместе с командующим артиллерией фронта, танкистами, авиаторами, командующими армиями, а в отдельных случаях и командирами дивизий мы изучали наиболее выгодные подступы к городу. С этой

целью я выезжал на НП П. А. Ротмистрова, И. М. Манагарова, Н. А. Гагена, М. С. Шумилова, где мы вместе прикидывали, от куда и какими силами лучше нанести удар. Оценивая местность, характер укреплений противника, намечали маневр своими войсками, место, где целесообразно сосредоточить главную ударную силу артиллерии, где удобнее нанести танковый удар, куда нацелить авиацию. Это был сложный процесс. Требовалось учесть все положительное и отрицательное, найти верный ключ к успеху.

Будучи у генерала Н. А. Гагена, я заинтересовался юго-восточным направлением со стороны Волчанска, однако здесь развитию удара могли препятствовать реки с крутыми берегами, противник наверняка будет на них держаться.

Перед самым НП генерала М. С. Шумилова открывалась панорама

Харькова. М. С. Шумилу удалось войти на окраину Харьковского тракторного завода. Отсюда брать город удобнее. Но при этом варианте потребуется больше артиллерии, так как необходимо пробить нашим войскам путь через железобетонные заводские сооружения. Причинять такие большие разрушения крупнейшему предприятию города не хотелось. Да и особой целесообразности в нанесении главного удара именно отсюда тоже не было. Здесь будут затруднены действия танковой армии П. А. Ротмистрова, которой потребуются значительная перегруппировка сил. Лучше, если армия генерала М. С. Шумилова будет брать штурмом отдельные здания завода и вести уличные бои.

69-я армия генерала В. Д. Крюченкина наступала на Харьков с севера, вдоль Московского шоссе, прямо в лоб и имела перед собой



▲ Командующий 5 ТА Ротмистров П.А.





▲ Генерал Ватутин

очень сильные опорные пункты в виде приспособленных к обороне прочных заводских зданий. Казалось бы, что направление самое прямое и близкое, но оно и самое трудное для наступающей пехоты.

Уезжая с НП, я прикидывал в уме все плюсы и минусы, прицеливаясь к Харькову со всех сторон, с разных направлений и наконец пришел к окончательному решению: наиболее выгодное направление для нанесения главного удара является северо-западное, где находится 53-я армия генерала И. М. Мангарова. Членами Военного совета в армии были генералы П. И. Горохов и А. В. Царев, начальником штаба — генерал К. Н. Деревянко. Здесь наилучшие подступы к городу, лес, командные высоты, с которых хорошо просматривается весь Харьков. Теперь надо было решить вопрос обеспечения удара этой армии с запада со стороны Люботина, откуда непрерывно контратаковали танковые дивизии противника. Танкам мы решили противопоставить танки и вести наступление на город с этого направления двумя армиями: 53-й армией и танковой армией и А. Ротмистрова. Правда, эта армия, вновь возвращенная фронту, была

уже не той, какой она от нас уходила. Ожесточенные бои ослабили ее, в ней насчитывалось только 160 танков и самоходных орудий. Однако и эти силы могли значительно облегчить фронту решение главной задачи.

Так в раздумьях и сомнениях рождался окончательный план взятия Харькова, выработывалась идея операции.

Мой передовой командный пункт находился на участке 53-й армии генерала И. М. Мангарова, т. е. на главном направлении.

Приближался день и час решающего наступления.

Не зная положения войск на фронте, но желая скорее увидеть Харьков свободным, некоторые представители УССР приезжали ко мне на КП и выражали неудовольствие нашим медленным наступлением. Каюсь, я не мог уделить им должного внимания, разъяснить все как следует, да и не имел права раскрывать оперативный план. Времени было в обрез. Я был поглощен руководством войсками.

Все эти дни войска фронта вели активные боевые действия. Передышки не было. Врага непрерывно теснили, выбивали из укрепленных

узлов, били артиллерией и авиацией. Медленно, но верно войска фронта продвигались вперед, чтобы вплотную подойти к городу. Конечно, хорошо было бы не только выбить противника из города, но и окружить его. Однако нужно сказать, что обход такого крупного центра, как Харьков, полное его окружение при создавшемся расположении наших войск были бы связаны с большими разрушениями. Это стало ясно, когда мы еще были на подходе к городу. Противник в то время еще обладал большими танковыми силами и непрерывно ими маневрировал, поэтому окружение Харькова было трудной задачей для фронта. Мог бы нам помочь в этом Воронежский фронт, но он ввязался в танковые бои у Богодухова. Юго-Западный фронт мог бы сделать глубокий обход, но к этому времени, к сожалению, наступление этого фронта не получило развития.

8 августа по моей просьбе решением Ставки нашему фронту была передана 57-я армия Юго-Западного фронта.

10 августа мною была отдана директива на овладение Харьковом. Основная ее идея состояла в том, чтобы обороняющуюся в районе Харькова группировку противника разгромить на подступах к Харькову, в поле. Мы отчетливо представляли, что борьба в городе, который так тщательно подготовлен к обороне, потребует от войск очень больших усилий, будет чревата значительными потерями личного состава и может принять затяжной характер. Кроме того, бои в городе могли привести к ненужным потерям среди гражданского населения, а также к разрушениям жилых зданий и уцелевших промышленных предприятий. Надо было сделать все, чтобы в полевых условиях расколоть и разбить вражескую группировку по частям, лишить ее взаимодействия с танковыми войсками, наносившими контрудар в районе Богодухова, изолировать город от притока танковых резервов с запада.

По сравнению с первоначальным замыслом операции план взятия





▲ На марше

города был уточнен и заключался в следующем: 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала П. А. Ротмистрова наносила удар западнее Харькова — на Коротич и Люботин. Цель удара — отрезать пути отхода противника на Полтаву и изолировать Харьков от притока резервов противника со стороны Богодухова. 53-я армия под командованием генерала И. М. Манагарова и 1-й механизированный корпус под командованием генерала М. Д. Соломатина наносили удар по западным и северо-западным окраинам Харькова. 69-я армия генерала В. Д. Крюченкина наступала на Харьков с севера вдоль Московского шоссе. 7-я гвардейская армия генерала М. С. Шумилова наступала на северо-восточные окраины города, а 57-я армия — на левом крыле фронта, южнее Харькова.

Для обеспечения прорыва внешнего оборонительного обвода войска Степного фронта были усилены 4234 орудиями и минометами при соотношении 6,5: 1 в нашу пользу.

11 августа уже шли ожесточенные бои с врагом, упорно оборонявшим опорные пункты и узлы сопротивле-

ния, расположенные севернее оборонительного обвода и прикрывавшие подступы к нему. Лишь к ночи 53-я, 69-я и 7-я гвардейская армии на всем фронте подошли вплотную к внешнему Харьковскому оборонительному обводу.

57-я армия, преодолев второй оборонительный рубеж противника, захватила крупные узлы сопротивления и подошла своим правым флангом к промежуточному рубежу, прикрывавшему Харьков с юго-востока. На отдельных участках завязались ожесточенные бои в траншеях.

69-я армия, ликвидировав крупные неприятельские узлы сопротивления в районах Черкасское—Лозовое, Большая Даниловка и уничтожив до 1 тыс. гитлеровцев, подошла вплотную к городскому обводу на северной окраине Харькова. Своим центром армия вклинилась в глубину городского обвода, захватив Сокольники — один из опорных пунктов, входивших в систему обороны города.

7-я гвардейская армия, завершив прорыв внешнего обвода, обошла Харьков с северо-востока; 57-я армия форсировала реку Роганку,

с ходу прорвала своим правым флангом промежуточный оборонительный рубеж и внешний обвод.

В результате весьма напряженных боев 12 и 13 августа войска нашего фронта на ряде участков подошли вплотную к городскому обводу и завязали бои на окраинах Харькова.

Немецкое командование бросило для обороны все, что было можно противопоставить нашим войскам, и в течение четырех дней нам пришлось вести упорные бои на достигнутых рубежах, отражая ожесточенные контратаки гитлеровцев, пытавшихся любой ценой задержать наше наступление. Но все их контратаки были отбиты, и войска 53-й, 5-й гвардейской танковой и 57-й армий готовились к нанесению новых ударов с целью глубокого охвата Харькова с запада, востока и юга.

Особенно жестокие бои развернулись с 18 по 22 августа, когда немцы пытались разгромить основные силы ударной группировки Воронежского фронта в районе Богодухова, чтобы добиться решительного изменения обстановки в свою пользу на всем белгородско-харьковском плацдарме.



Однако эти попытки противника не могли изменить ход сражения за Харьков.

Утром 18 августа 53-я и 57-я армии продолжали наступление, стремясь более плотно охватить Харьков с запада и юго-запада. Войскам 53-й армии пришлось вести тяжелые бои северо-западнее Харькова за очищение лесного массива. Наступление 299-й и 84-й стрелковых дивизий этой армии на северную опушку леса не увенчалось успехом. Тогда вместе с генералом И. М. Манагаровым мы приняли решение: ночной атакой пробить оборону противника и овладеть лесом. Вся артиллерия дивизий, часть армейской артиллерии и танки были выдвинуты на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. После мощного огневого налета части 299-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. Я. Клименко и 84-й стрелковой дивизии под командованием генерала П. И. Буняшина сломали сопротивление противника и овладели лесным массивом. Из резерва была введена 252-я стрелковая дивизия под командованием генерала Г. И. Аниси-

мова. Я наблюдал действия дивизии. Ее части быстро и умело продвигались через лес и во взаимодействии с 299-й и 84-й стрелковыми дивизиями к утру 19 августа, очистив лесной массив, развернули бои за село Пересечная и переправы через реку Уду.

В этих боях особенно отличились бойцы 1-го батальона, 41-го стрелкового полка, 81-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Еременко. Героями показали себя бойцы рот этого батальона в ночной рукопашной схватке. Освобожденный от врага лесной массив сыграл роль хорошего подступа и удобного плацдарма в дальнейшей борьбе за Харьков.

Итак, части 53-й армии захватили выгодные позиции для нанесения удара по западным и северо-западным окраинам Харькова. С высоты 208,6 и с опушки леса открывался вид на город. Мой наблюдательный пункт был оборудован на высоте 197,3 и совмещен с наблюдательным пунктом генерала И. М. Манагарова. Отсюда я и руководил боевыми действиями по освобождению Харькова.

Чтобы ускорить овладение Харьковом, я отдал приказ сосредоточить 5-ю гвардейскую танковую армию в районе леса южнее села Полевое. Ударом на Коротич она должна была перерезать противнику пути отхода из Харькова на запад и юго-запад.

Используя наведенные ночью переправы и проходы через железнодорожную насыпь и сосредоточив свои танки на южном берегу Уды, 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление и охватила группировку врага в районе Харькова с запада и юго-запада, а 57-я армия — с юго-востока.

Для группировки противника в районе Харькова создавалась угроза полного окружения. В его распоряжении остались лишь одна железная и одна шоссейная дороги, да и те были под постоянными ударами 5-й воздушной армии.

Одновременно сосед справа — 5-я гвардейская армия под командованием генерала А. С. Жадова, тесно взаимодействуя с 53-й армией, наступала западнее Харькова.

Во время напряженной борьбы за Харьков войска Брянского



▲ Под огнем артиллерии





и Центрального фронтов, успешно завершив Орловскую наступательную операцию, вышли на подступы к Брянску; войска Юго-Западного и Южного фронтов развернули бои за освобождение Донбасса; на Воронежском фронте контрудары врага в районе Богодухова и Ахтырки не принесли ему успехов, хотя войска этого фронта в ожесточенных боях 17—20 августа понесли чувствительные потери. Однако, по свидетельству генерала С. М. Штеменко, повествующего в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» о том периоде, вмешательство И. В. Сталина, который указал командующему Воронежским фронтом на недопустимость распыления сил и средств, вскоре выправило положение.

Во второй половине дня 22 августа немецко-фашистские войска стали отходить из района Харькова. Чтобы не дать возможности противнику уйти из-под ударов, вечером 22 августа я отдал приказ о ночном штурме Харькова.

Всю ночь на 23 августа в городе шли уличные бои, полыхали пожары, слышались сильные взрывы. Войска 53-й, 69-й, 7-й гвардейской, 57-й армий и 5-й гвардейской танковой армии, проявляя мужество и отвагу, умело обходили опорные пункты врага, просачиваясь в его оборону, нападали на его гарнизоны с тыла. Шаг за шагом советские воины очищали Харьков от фашистских захватчиков.

Ворвавшиеся в город на рассвете 23 августа части 183-й стрелковой дивизии успешно наступали по Сумской улице и первыми вышли на площадь Дзержинского. Воины 89-й гвардейской стрелковой дивизии по Клочковской улице вышли к зданию Госпрома и водрузили над ним Красное знамя.

К 11 час. 23 августа войска Степного фронта полностью освободили Харьков. Большая часть группировки, оборонявшей город, была уничтожена. Остатки ее отступили.

За пять месяцев вторичной оккупации фашисты еще больше разру-

шили Харьков. Они сожгли и взорвали сотни лучших зданий, дочиста ограбили город, увезли даже трамвайные рельсы, мебель, оборудование магазинов, дрова. На территории Клинического городка, где находился госпиталь, фашисты уничтожили около 450 раненых бойцов и командиров Красной Армии. Развалины были всюду. В городе, где теперь проживает более 1 млн. жителей, было тогда всего лишь 190 тыс. человек. По далеко не полным данным, гитлеровцы уничтожили в концлагерях свыше 60 тыс. харьковчан, более 150 тыс. было вывезено в Германию.

23 августа стало днем освобождения Харькова.

Прежде чем докладывать И. В. Сталину о положении дел на фронте и об освобождении Харькова, как и обычно, я позвонил По-скребышеву. Он ответил:

— Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

Тогда я решил звонить сам. На первые звонки ответа не последовало.



▲ Огневой вал





▲ Салют в Москве победителям

довало. Я потребовал от телефонистки:

— Звоните еще. За последствия отвечаю.

Наконец, слышу знакомый хрипловатый голос.

— Слушаю...

— Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

Сталин не замедлил с ответом.

— Поздравляю. Салютовать будем по первому разряду.

Стоит заметить, что, работая ночью, Сталин обычно в это время отдыхал. Я знал об этом, но тем не менее взятие Харькова было таким важнейшим событием, что я не мог не доложить ему лично о завершении Харьковской операции.

Вечером Москва вновь салютовала воинам Степного фронта, на этот раз за освобождение Харькова, 20 залпами из 224 орудий.

23 августа 1943 г. во всех частях и соединениях был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего,

в котором говорилось, что в боях за Харьков все бойцы, офицеры и генералы показали свое мужество, героизм, отвагу и умение бить ненавистного врага. Все му личному составу фронта объявлялась благодарность. 10 дивизий Степного фронта — 89-я гвардейская Белгородская стрелковая, 252-я, 84-я, 299-я, 116-я, 375-я, 183-я стрелковые, 15-я, 28-я, 93-я гвардейские стрелковые — были удостоены высокой чести именоваться "Харьковскими". Ряд частей, а также большое число генералов, офицеров, сержантов и красноармейцев получили правительственные награды.

Надолго останется в памяти участников освобождения Харькова и жителей города митинг воинов и трудящихся, проведенный 30 августа у памятника Т.Г. Шевченко. Как мы и предполагали, авиация врага в этот день неистовствовала.

Собираясь, видимо, отомстить нам за то, что мы разбили его при взятии Харькова, враг решил разру-

шить Харьков с воздуха. Но ни одному вражескому самолету не удалось прорваться сквозь огонь наших зенитчиков и обойти плотное прикрытие города с воздуха силами 5-й воздушной армии. Давая приказ на прикрытие города авиацией во время демонстрации, я сказал командующему 5-й воздушной армией, что нужно создать надежный "защитный зонт".

Все оставшиеся в живых жители города вышли на улицы. Харьков ликовал. Харьковчане радовались полному и окончательному освобождению от гитлеровских захватчиков. Бурными аплодисментами и радостными возгласами встретила площадь появление на трибуне представителей Коммунистической партии Украины, правительства, Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, командования фронта и делегаций партийных и советских организаций Харькова, интеллигенции, рабочих и крестьян. Митинг открыл секретарь Харьковского горкома КП(б)У Чураев.





▲ Освободители

Первое слово было предоставлено мне. В своем выступлении я отметил, что в ожесточенных боях воины Степного фронта при содействии армий Воронежского фронта разгромили лучшие танковые немецкие дивизии и освободили Белгород, а затем вторую столицу Украины — Харьков.

Курская битва явилась “лебединой песней” германских танковых войск, так как понесенные ими в этой битве огромные потери в танках и в личном составе исключали возможность восстановления их бывшей боевой мощи. Далее я передал боевой привет от бойцов, офицеров и генералов фронта всем участникам митинга и поздравил харьковчан с освобождением от фашистской неволи.

Затем выступили командир 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской стрелковой дивизии генерал М. П. Серюгин, профессор А. В. Терещенко, инженер завода “Серп и молот” Борзий и др. В заключение было зачитано приветствие от имени Коммунистической партии Украины.

Площадь была запружена народом. В толпе то и дело мелька-

ли белые платки — люди плакали от радости.

Вспоминая эти события, я испытываю великое чувство гордости за наших советских воинов, за весь советский народ, проявивший невиданные в истории патриотизм, мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Какие можно сделать краткие выводы из сказанного в этой главе? Прежде всего следует оговориться, что и здесь, и в последующих главах я не смогу рассказать о великих событиях подробно, не в состоянии упомянуть всех, даже наиболее отличившихся командиров соединений и частей, не представляется возможным дать всеобъемлющий разбор действий пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков, связистов, инженеров и т. д., хотя все они заслуживают этого. Поэтому и в выводах трудно подробно остановиться на всех вопросах.

Как следует из сказанного, победа в битве за Харьков досталась нам нелегко. Войска фронта

наступали против мощной, еще не рассосавшейся танковой группировки противника, наносившей удар на южном фланге Курской дуги. Мне бы хотелось хотя бы коротко рассказать о боевой доблести всех родов войск, проявивших подлинный героизм в борьбе против сильного и опытного врага. Наша пехота — царица полей, претерпев еще до войны организационные и качественные изменения (она имела много своего автоматического оружия, свою артиллерию и минометы), приняла на себя основную тяжесть ратного труда.

Само название “пехота” изменилось, она была переименована в “стрелковые войска”, роль которых в бою как самого массового рода войск была огромна. Стрелковые батальоны и полки под гром артиллерии вместе с танками, при поддержке авиации задавали тон в атаке. Наступая, они завершали бой и вместе с танками, артиллерией и саперами закрепляли завоеванные позиции.

Советский народ всегда с любовью воздаст должное мужеству и героизму воинов стрелковых войск. Кому теперь неизвестны имена героев Советского Союза — Александра Матросова, Юрия Смирнова, Мелитона Кантария, Михаила Егорова и многих, многих других воинов стрелковых войск, возвеличивших своими подвигами нашу Родину!

Наши артиллеристы, представители огневой, ударной силы, стойко сдерживали натиск врага в обороне, отлично обеспечивали наступательные операции.

Убедительно доказали свое моральное и боевое превосходство над врагом и советские танкисты. Техническое превосходство нашего танка Т-34 наглядно проявилось на поле боя. Значительно выше оказалась и тактическая подготовка танкистов. Советские танковые войска под командованием генералов П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистрова, С. И. Богданова, М. Е. Катукова и В. М. Баданова на всех этапах борьбы сражались умело и храбро и были могучей ударной и манев-



ренной силой сухопутных войск.

Опыт подтвердил, что созданные танковые армии новой организации вполне оправдали себя как оперативные объединения, способные вести боевые действия в оперативной глубине, и в отрыве от стрелковых соединений.

В этой операции большую роль сыграли наши летчики, которыми командовали генералы С. А. Красовский, С. И. Руденко, В. А. Судец, С. К. Горюнов, М. М. Громов, Т. Т. Хрюкин и Н. Ф. Науменко.

В успешном проведении Белгородско-Харьковской операции немалую роль сыграли командование и штабы. Большая заслуга принадлежит всему коллективу штаба фронта, которым умело руководил генерал М. В. Захаров.

Военные советы армий, командармы, армейские штабы были на высоте положения. В сражении за Харьков особо ответственные задачи выпали на долю 53-й армии. Ее командарм — волевой, опытный и храбрый генерал И. М. Манагаров в ходе боевых операций, чтобы всегда видеть поле боя, находился не далее чем в 2—3 км от линии

боевых порядков. Более того, генерал часто рисковал своей жизнью (за что нередко получал замечания от старших начальников), несколько раз был ранен, но продолжал руководить войсками прежними методами.

Работоспособностью и организованностью выделялся Военный совет 53-й армии, где членом Военного совета был генерал П. И. Горохов (его я знал еще в бытность мою командиром полка), а также штаб армии во главе с генералом К. Н. Деревянко.

Умело руководили войсками 7-й и 5-й гвардейских армий генералы герои Сталинграда М. С. Шумилов и А. С. Жадов. Настойчивость и упорство в достижении цели не раз проявляли командарм 57-й армии генерал Н. А. Гаген и командарм 69-й армии В. Д. Крюченкин.

Сейчас трудно назвать имена всех командиров и политработников соединений и частей фронта, внесших достойный вклад в нашу победу, но их боевые дела не остались незамеченными. Родина не один раз отмечала заслуги генералов, офицеров, сержантов и рядовых во-

инов Степного фронта правительственными наградами.

Разгромом группировки врага в районе Белгорода и Харькова и ликвидацией его белгородско-харьковского плацдарма победоносно закончилось контрнаступление в битве под Курском.

В ходе наступательных боев войска Воронежского и Степного фронтов при содействии войск Юго-Западного фронта нанесли сокрушительное поражение ударной группировке, наступавшей на Курск с юга, и разгромили 15 дивизий противника. Уже со второй половины июля контрнаступление наших войск переросло в общее наступление Красной Армии и привело к крушению немецко-фашистского фронта от Великих Лук до Азовского моря.

Битва под Курском и дальнейшие наступления были одними из важнейших и решающих событий Великой Отечественной и второй мировой войны. В этом сражении потерпела полный крах гитлеровская наступательная стратегия и выявилась неспособность немецкой обороны противостоять нашему



▲ Противотанковая артиллерия





▲ Пленные захватчики

наступлению, впервые успешно осуществленному в широких масштабах в летних условиях. После сражения на Курской дуге Советские Вооруженные Силы до конца войны прочно сохраняли в своих руках стратегическую инициативу.

Битва явилась крупным вкладом в развитие советского военного искусства и военной науки. В этой связи хотелось бы еще раз уточнить высказанные выше некоторые соображения, касающиеся замысла операции и использования стратегических резервов.

Как уже говорилось, в районе Курского выступа Ставка ВГК приняла решение о переходе к преднамеренной обороне. Верная оценка обстановки и предвидение событий позволили сделать правильный вывод, что главные события развернутся в районе Курска. Именно поэтому Ставкой предусматривалось обескровить здесь врага в оборонительном сражении, а затем выбрать момент и перейти в контрнаступление с целью окончательного разгрома ударных группировок гитлеровских войск.

Ход событий подтвердил правильность этого решения. В результате оборонительного сражения противник был измотан, обескровлен и ввел в сражение все свои резервы. В этот критический для врага момент наши войска перешли в контрнаступление и окончательно разгромили его в двух стратегических операциях — Орловской и Белгородско-Харьковской. Решающий разгром врага был достигнут не в оборонительном сражении, а в наступательных операциях. Здесь мы имели выдающийся пример творческого подхода Ставки ВГК, Генерального штаба, командования фронтов в определении стратегических задач на лето 1943 г.

Опыт Курской битвы, как и ряда других операций, учит, что для достижения крупного стратегического успеха необходимо иметь крупные резервы, какими явились в данном случае войска Степного фронта.

Ход Курской битвы показал, что благодаря вводу стратегических резервов удалось создавать необходимое превосходство в силах над противником, выгодные условия

маневра, в короткие сроки сорвать наступление врага, а затем перейти в решительное контрнаступление.

Конечно, идеально было бы сохранить Степной фронт и при необходимости нанести удар всеми его силами. Но обстановка сложилась таким образом, что Ставка потребовала немедленно парировать удары противника на прохоровском направлении ближайшими резервами. А Степной фронт был рядом со сражающимся Воронежским фронтом. Вот почему сначала по указанию Ставки из Степного фронта были взяты два танковых корпуса, потом — две армии, а спустя некоторое время — еще две армии. В целом опыт использования стратегических резервов в битве под Курском весьма поучителен и не потерял своего значения в современных условиях.

Правда, теперь несколько изменились характер и качество стратегических резервов, однако вопрос о создании их и о своевременности их ввода на направлении главного удара остается одним из основных в военном искусстве.



В организации и ведении обороны под Курском исключительно ярко проявилась основная сущность обороны в понимании советского военного искусства, рассматривающего ее как вид боевых действий, применяемый с целью обескровить противника и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление.

Необходимо еще раз напомнить, что оборона под Курском была преднамеренной, и это наложило свой отпечаток на весь ее характер. Известно, например, что наши войска под Курском были весьма насыщены артиллерией, позиции были хорошо оборудованы, боевые порядки глубоко эшелонированы. Оборона под Курском была не только более устойчивой, но и более активной, чем под Москвой и Сталинградом. Это выразилось прежде всего в проведении мощной артиллерийской и авиационной контрподготовки, в своевременном занятии подготовленных к обороне полос,

в широком маневре силами и средствами и проведении контрударов по войскам врага.

Глубокая, многополосная оборона под Курском строилась в первую очередь как противотанковая. Она отличалась большой устойчивостью, что достигалось правильным расположением противотанковых опорных пунктов и районов, тесным огневым взаимодействием между ними, широким применением инженерных заграждений, минных полей, увязанных с системой противотанкового огня, маневром противотанковыми артиллерийскими резервами. Но победа в этой битве была одержана наступлением.

Успешно решена была в битве под Курском весьма важная проблема организации прорыва заблаговременно подготовленной и глубоко эшелонированной обороны противника на брянском и харьковском направлениях.

Прорыв обороны противника осуществлялся на сравнительно

узких участках фронта, на которых смело массировались силы и средства, что обеспечивало численное и материальное превосходство над войсками врага. Достаточно, например, отметить, что командующий 11-й гвардейской армией Западного фронта генерал И.Х. Баграмян на участке прорыва, составлявшем около 40% общего фронта наступления армии, сосредоточил 92% стрелковых дивизий и все средства усиления. Основные силы на направлении главного удара также были сосредоточены и в войсках 5-й гвардейской и 53-й армии. Здесь оперативная плотность составляла 1,5 км на дивизию, до 230 орудий и минометов и до 70 танков и САУ на 1 км фронта.

Такое массирование сил и средств в сочетании с хорошей подготовкой наступления обеспечило успешный взлом неприятельской долговременной обороны.

Прорыв — искусство, а не просто результат арифметических выкладок. Из опыта войны мы знаем немало



▲ Встреча





▲ На броне танков

примеров, как иногда трудно удавался прорыв. Как правило, основным содержанием оперативного прорыва были разгром главных сил противника в тактической зоне и создание условий для ввода в прорыв подвижных сил — танковых армий или вторых эшелонов фронта (армии).

Для развития успеха в оперативной глубине в битве под Курском впервые вводились в прорыв танковые армии, составлявшие подвижную группу фронта. Особый интерес представляет использование 1-й и 5-й гвардейской танковых армий в Белгородско-Харьковской операции. Действуя рядом, они после прорыва тактической зоны обороны развернули стремительное наступление и продвинулись до 120—150 км. 1-я танковая армия, наступая на богодуховском направлении, проходила по 20—30 км в сутки в отрыве от общевойсковых армий, наносила удары по оперативным резервам, по флангам и тылам гитлеровских войск, заставляя их оставлять свои оборонительные позиции и отступать.

Следует заметить, что в составе Степного фронта насчитывалось 1380 бронеединиц. А всего в составе трех фронтов в Курском сражении было 4980 танков и самоходно-артиллерийских установок, что составляло

примерно 50% бронеединиц всей действующей армии. Это свидетельствует о том, что Ставка Верховного Главнокомандования предусматривала массированное использование бронетанковых и механизированных войск на главном стратегическом направлении. Результат этого дальновидного планирования общеизвестен.

Под Курском развернулось небывалое встречное танковое сражение, наиболее крупное в истории второй мировой войны. В районе Прохоровки, а затем в районах Ахтырки и Богодухова было поистине танковое побоище. Опыт этих боев весьма ценен. Он показал, что успех сражения танковых армий зависит от их взаимодействия с общевойсковыми армиями, от правильной организации артиллерийской и авиационной поддержки, от быстрой концентрации сил на главном направлении, от стремительности атаки и непрерывности управления.

Много ценного для развития теории военного искусства дал опыт использования в Курской битве военно-воздушных сил. Наша авиация завоевала полное господство в воздухе. В контрнаступлении было осуществлено авиационное наступление в полном объеме и на большую глубину. Эффективно велась борьба

с резервами противника. Авиация, как в обороне, так и контрнаступлении, использовалась массированно, в тесном взаимодействии нескольких воздушных армий с авиацией ПВО страны.

Огромную работу в период Курской битвы выполнял тыл Советской Армии, обеспечивавший войска всеми видами вооружения и боевой техники, боеприпасами и горючим, продовольствием и снаряжением.

Доброе слово надо сказать о наших славных медиках, которые отдавали все силы, чтобы своевременно эвакуировать в тыл бойцов и командиров, раненных на поле боя, спасти жизнь советским воинам и вернуть их в строй.

Говоря о развитии тактики в Курской битве, мне хочется подчеркнуть, что организация и ведение общевойскового боя — весьма сложный вид военного искусства. От командиров и штабов, организующих общевойсковую бой, требуется тщательная подготовка наступления, организация взаимодействия и управления, ибо только объединенными усилиями всех родов войск можно достичь успеха.

Действия воинов, подразделений, частей, соединений и объединений под Курском, Орлом и Харьковом, Белгородом были тщательно



исследованы, всесторонне отражены в военной литературе, не только в интересах истории, но и потому, что опыт битвы под Курском не потерял своего значения и в наши дни.

Многие общие принципы в деятельности командования, штабов и войск представляют значительный интерес и сейчас, особенно при теоретической разработке беззастенчивого периода войны.

Историческая победа Советских Вооруженных Сил в Курской битве имела огромное международное значение.

Свободолюбивые народы всего мира воочию убедились, что, несмотря на отсутствие второго фронта в Европе, военные планы фашистской Германии терпят провал.

Исключительно велико было и стратегическое значение побе-

ды Красной Армии в сражении под Курском. «Если битва под Сталинградом, — говорил И. В. Сталин, — предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой».

В битве под Курском советский народ и его Вооруженные Силы одержали не только военную, но и крупнейшую морально-политическую победу.

Во всем величии проявились в этой битве высокие морально-боевые качества советских людей, их беззаветный патриотизм.

Самоотверженное служение Родине, способность преодолевать тяжелые испытания, готовность к подвигу стали нормой поведения, свойством характеров сотен тысяч солдат и офицеров Красной Армии.

Активно участвовали в борьбе с ненавистным врагом население и местные партийные организации. В самый разгар битвы партизаны развернули «рельсовую войну». К середине августа партизаны Белоруссии, Украины, Курской, Орловской, Брянской и Смоленской областей активизировали свои действия, что оказало большую помощь наступающим фронтам.

Свыше 100 тыс. советских воинов — участников Курской битвы, Харьковской и Белгородской сражений были награждены орденами и медалями, многие из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Авторитет Советского Союза как решающей силы в борьбе с фашистской Германией еще более возрос. Победа под Курском укрепила надежды народов оккупированных гитлеровцами стран на скорое освобождение, активизировала борьбу сил антифашистского Сопротивления.

Битва под Курском знаменовала собой крупный этап в развитии советского военного искусства. Она останется в веках не только как символ непобедимой мощи социалистического государства, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией, и его Вооруженных Сил, но и как выдающийся пример достижений передовой советской военной науки. ■



▲ Харьков наш





АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ
(литературный псевдоним П.А. Судоплатова)

ПРОБЛЕМА № 1



▲ Разведчики атомщики: Феклистов А.С., Квасников Л.Р., Барковский В.Б., Яцков А.А.

Еще в 1940 году советские ученые, узнав о ходивших в Западной Европе слухах о работе над сверхмощным оружием, предприняли первые шаги по выявлению возможности создания атомной бомбы. Однако они считали, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшем будущем. Комиссия Академии наук по изучению проблем атомной энергии под председательством академика Хлопина, специалиста по радиохимии, тем не менее, рекомендовала правительству и научным учреждениям отслеживать научные пу-

бликации западных специалистов по этой проблеме. Хотя правительство не выделило средств на атомные исследования, начальник отделения научно-технической разведки НКВД Квасников направил ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США, обязав собирать всю информацию по разработке «сверхоружия» — урановой бомбы.

Эта инициатива Квасникова связана с другими драматическими событиями, когда в Германии, США и Англии ученые-физики приступили к изучению возможностей создания ядерного оружия задолго до организации американским правительством

спеццентра по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе.

В Германии научным центром атомных исследований стал Берлинский физический институт Общества кайзера Вильгельма, а его ректором назначили профессора Гейзенберга. К участию в научных разработках были подключены физико-химические институты Гамбургского, Лейпцигского, Грейфсвальдского, Гейдельбергского и Ростокского университетов.

В течение двух лет группа Гейзенберга провела отправные теоретические исследования и эксперименты, необходимые для создания атомно-



го реактора с использованием урана и тяжелой воды. Также было установлено, что взрывчатым веществом может служить изотоп урана-238 — уран-235, содержащийся в обычной урановой руде.

В 1943 году всемирно известный физик Нильс Бор, бежавший из оккупированной немцами Дании в Швецию, попросил находившихся там видных ученых Елизавету Мейтнер и Альфвена проинформировать советских представителей и ученых, в частности Капицу, о том, что его посетил немецкий физик Гейзенберг и сообщил: в Германии обсуждается вопрос о создании атомного оружия. Гейзенберг предложил международному научному сообществу отказаться от создания этого оружия, несмотря на нажим правительств. Не помню, Мейтнер или Альфвен встретились в Гетеборге с корреспондентом ТАСС и сотрудником нашей разведки Косым и сообщили ему, что Бор озабочен возможным созданием атомного оружия в гитлеровской Германии. Аналогичную информацию от Бора, еще до его

бегства из Дании, получила английская разведка. Западные ученые высоко оценивали научный потенциал советских физиков, им были хорошо известны такие крупные ученые, как Иоффе, Капица, и они искренне считали, что, предоставив информацию Советскому Союзу об атомных секретах и, объединив усилия, можно обогнать немцев в создании атомной бомбы.

Намеченные исследования в Германии нуждались в достаточных запасах урана, получении тяжелой воды или чистого графита. Для лабораторных разработок хватало руды, поставляемой с месторождения в Яхимове из Чехословакии, но в дальнейшем урана требовалось значительно больше. Еще сложнее было положение с тяжелой водой. Однако вскоре проблемы разрешились. После оккупации Бельгии весной 1940 года на обогатительной фабрике концерна «Юнион миньер» немцы захватили около 1 200 тонн уранового концентрата, что составило почти половину имеющегося мирового запаса урана (другая часть

запаса в сентябре того же года была тайно переправлена из Конго в Нью-Йорк). С оккупацией Норвегии в руках у немецких руководителей атомного проекта оказался завод фирмы «Норск-гидро» в Рjukanе, в то время единственный в мире производитель и поставщик тяжелой воды (накануне оккупации 185 килограммов тяжелой воды были вывезены по запросу Жолио-Кюри в Париж, она же попадает в США).

В декабре 1940 года под руководством Гейзенберга завершилась постройка первого опытного реактора, а фирма «Ауэргезельшафт» освоила производство металлического урана в Ораниенбурге. Одновременно в секретных лабораториях «Сименса» начался поиск путей промышленной очистки графита для использования его в качестве замедлителя нейтронов в реакторе при отсутствии тяжелой воды, а также развернулось проектирование электроэнергетического обеспечения проекта.

Знаменательно, что почти в то же самое время решением Особого совещания НКВД в апреле 1940 года



▲ Бор Нильс



▲ Гейзенберг В.К.





▲ Хоутерманс Ф.О.

из СССР был выслан известный немецкий физик Ф. Хоутерманс. Он длительное время работал в физико-техническом институте в Харькове, в частности, с известнейшим физиком Ландау, занимался вопросами ядерной физики. Хоутерманс был арестован в декабре 1937 года «как подозрительный иностранец, прикидывавшийся беженцем-антифашистом». В защиту Хоутерманса выступили крупнейшие физики мира: Бор, Эйнштейн, Жолио-Кюри.

Находясь в заключении, Хоутерманс дал согласие на сотрудничество с органами НКВД после своего возвращения в Германию. Это обстоятельство было чисто формальным. Хоутерманса, как сочувствовавшего коммунистам, немедленно арестовало гестапо. Тем ни менее по ходатайству немецких физиков он вскоре был выпущен из тюрьмы и включился в научную работу в Германии.

Поворот в судьбе Хоутерманса привел, однако, к резкой активизации всех исследований по возможностям создания атомного оружия в США и Англии в 1941 году. Хоутерманс поручил своему доверенному

лицу немецкому физику Ф. Райхе, покинувшему Германию в 1941 году, проинформировать физиков о фактическом начале работ в фашистской Германии по созданию атомного оружия.

Резидент нашей разведки в Нью-Йорке Овакимян проинформировал в апреле 1941 года о встрече беженца из фашистской Германии с виднейшими физиками западного мира, находившимися в США, в ходе которой обсуждалось громадное потенциальное военное значение урановой проблемы. Однако накануне войны этим материалам не придавали существенного значения.

16 сентября 1941 года британский военный кабинет — так назывался кабинет министров во время войны — рассмотрел специальный доклад о создании в течение двух лет урановой бомбы. Проект по урановой бомбе получил название «Трубный сплав». На эти работы крупному британскому концерну «Империал кемикал индастриз» были ассигнованы громадные средства. Маклин, проверенный агент из кембриджской группы, передал нам шестиде-

сятистраничный доклад британского военного кабинета с обсуждением этого проекта.

Другой наш источник — агент из «Империал кемикал индастриз» — сообщил, что руководство концерна рассматривает вопрос об атомной бомбе только в теоретическом плане. Одновременно нам стало известно, что Комитет начальников штабов Великобритании также принял решение о строительстве завода по созданию атомной бомбы. Наш резидент в Лондоне Горский срочно попросил Центр провести экспертизу направленных нам материалов.

Первоначально ученые дали по этим материалам отрицательное заключение.

Поскольку наши ученые рассматривали вопрос об атомном оружии только как теоретическую возможность, мы не были удивлены тем, что информация по урановой бомбе носила противоречивый характер.

Наша разведывательная деятельность в США в то время была направлена на противодействие Германии и Японии. Хейфец, резидент в Сан-Франциско, пытался завербовать агентуру в США для последующего использования ее в Германии, но не добился существенных результатов, поскольку имел связи в основном в еврейских общинах американского тихоокеанского побережья.

В задачи Хейфеца и Зарубина входила нейтрализация антисоветской деятельности белой эмиграции в США, представленной такими фигурами, как Керенский, бывший премьер Временного правительства, и Чернов, лидер партии эсеров, высланный из России по указу Ленина в 1922 году.

Дело в том, что мы начали получать помощь по ленд-лизу, и было крайне важно создать в глазах американцев самое благоприятное впечатление о нашей стране, тем более что правительство Рузвельта очень болезненно реагировало на критику его связей с Советским Союзом, раздававшуюся в Конгрессе и на страницах газет. Мы стремились выявить, в какой мере эта критика инспирирована белой эмиграцией.



Однако все это отошло на второй план, когда Хейфец и наш оперативный работник Семенов сообщили, что американские власти намерены привлечь выдающихся ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, к разработкам особо секретной проблемы, и на эти цели правительство выделяет двадцать процентов от общей суммы расходов на военно-технические исследования. Хейфец сообщил также, что связанный с нелегальной сетью компартии США видный физик Оппенгеймер и его коллеги покидают Калифорнию и уезжают на новое место для проведения работ по созданию атомной бомбы.

Решение американцев выделить такие крупные суммы на атомный проект в этот опасный для союзников период войны убедило нас, что он имеет жизненно важное значение и может быть фактически выполнен.

Первая встреча Хейфеца и Оппенгеймера произошла в декабре 1941 года в Сан-Франциско на собрании по сбору пожертвований в помощь беженцам и ветеранам гражданской войны в Испании. Хейфец посетил это собрание в качестве советского вице-консула. Он хорошо говорил на английском, немецком и французском языках и был незаурядной личностью. Еще в 30-е годы, будучи заместителем резидента в Италии, он заметил и начал первичную разработку Ферми и его молодого ученика Понтекорво, которые выделялись своими антифашистскими взглядами и могли стать источниками научно-технической информации.

Хейфец некоторое время работал секретарем Крупской. Его дядя был одним из основателей компартии США, когда работал в Коминтерне. Находясь на нелегальном положении в Германии, Хейфец окончил Политехнический институт в Йене и получил диплом инженера. Хейфец как еврей рисковал в Германии головой, но его темная кожа позволила ему использовать фальшивые документы студента-беженца из Индии, обучающегося в Германии.

Хейфец вращался в различных кругах Сан-Франциско, пользовался

большим уважением коммунистов и левых (они называли его «мистер Браун»). Опекаемый им светский салон госпожи Брамсон часто посещали нелегально состоявшие в компартии США Роберт Оппенгеймер и его брат Фрэнк.

К тому времени до Хейфеца уже доходили слухи о начале работ над сверхбомбой, но Москва все еще сомневалась в важности и неотложности атомной проблемы.

Тогда же Хейфец сообщил, что Оппенгеймер упомянул о секретном письме Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту в 1939 году, в котором обращал его внимание на необходимость исследований для создания нового оружия в связи с угрозой фашизма.

Оппенгеймер был разочарован тем, что со стороны властей быстрой реакции на письмо Эйнштейна не последовало и что работы разворачиваются медленно.

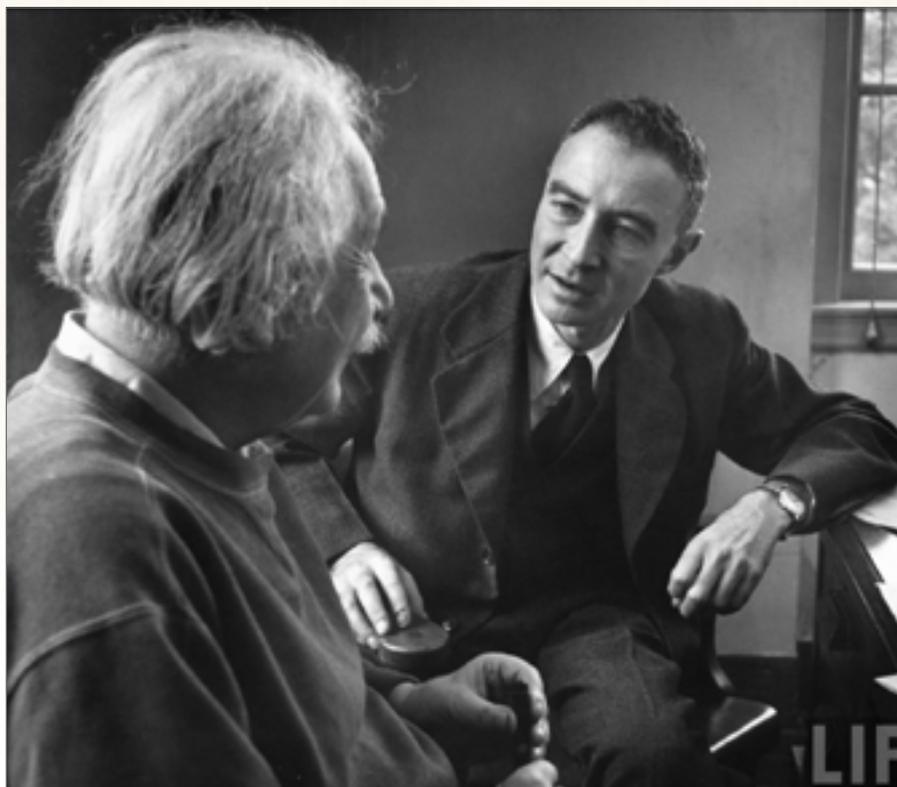
Опытный профессионал Хейфец прекрасно знал, как расположить к себе Оппенгеймера. Не могло быть и речи о том, чтобы предложить ему

деньги, прибегнуть к угрозам или шантажу с использованием компрометирующих материалов. Благодаря личному обаянию он установил доверительные отношения с Оппенгеймером через его брата Франка, обсуждая сложную ситуацию в связи с нападением японцев на Перл-Харбор и нависшую над миром угрозу фашизма.

В традиционном смысле слова Оппенгеймер, Ферми и Сцилард никогда не были нашими агентами. Это утверждал и Квасников, возглавлявший в 1947-1960 годах советскую научно-техническую разведку: «Ученых, работавших с нашей разведкой, агентами назвать было нельзя».

Информация Хейфеца имела исключительно важный характер. Центр поручил Семенову (кодовое имя «Твен») проверить сообщения, полученные от Хейфеца. Семенов должен был выявить главных ученых-специалистов, привлеченных к работе над сверхсекретным проектом, и определить конкретную роль каждого.

Семенов пришел в органы госбезопасности в 1937 году. Он один



▲ Эйнштейн А. и Оппенгеймер Р.





▲ Семенов С.М.

из немногих имел высшее техническое образование, и его послали учиться в США, в Массачусетский технологический институт, чтобы в дальнейшем использовать по линии научно-технической разведки. Он эффективно действовал как оперативный сотрудник под прямым руководством Овакимяна, который работал под прикрытием советской внешнеторговой фирмы «Амторг» в Нью-Йорке. Именно Семенову и его помощнику Курнакову удалось установить прочные контакты с близкими к Оппенгеймеру физиками из Лос-Аламоса, работавшими в 20-30-х годах в Советском Союзе и имевшими связи в русской и антифашистской эмиграции в США.

Так стал регулярно действовать главный канал поступления информации по атомной бомбе. Это Семенов привлек к сотрудничеству супругов Коэнов, выполнявших роль курьеров. Лона Коэн передала нам в 1945 году важнейшие научные материалы по конструкции атомной бомбы.



▲ Эйтингон Н.И.

Семенов, используя свои связи в Массачусетском технологическом институте, определил, кто из видных ученых участвует в так называемом Манхэттенском проекте по созданию атомной бомбы, и независимо от Хейфеца сообщил весной 1942 года, что не только ученые, но и американское правительство проявляют серьезный интерес к этой проблеме. Семенов сообщал также, что в проекте участвует известный специалист по взрывчатым веществам Кистяковский, украинец по национальности.

Мы немедленно дали указание использовать агентуру среди русских эмигрантов для обеспечения подходов к Кистяковскому. Однако два наших важных агента в США — бывший генерал царской армии Яхонтов, женатый на сестре жены наркома госбезопасности СССР Меркулова, эмигрировавший в США после гражданской войны, и Сергей Курнаков, ветеран операций ГПУ по эмиграции в США, не смогли привлечь Кистяковского.

На связи у Семенова некоторое время находились супруги Юлиус и Этель Розенберги, привлеченные к сотрудничеству с нашей разведкой Овакимяном еще в 30-х годах. Научно-техническая информация Розенбергов не имела существенного значения — они со своими родственниками были подстраховочным звеном, далеким от основных операций. Позднее арест и суд над ними привлек внимание всего мира.

Семенову принадлежит, пожалуй, основная роль в создании канала поступления разведывательной информации по атомной бомбе, через который в 1941-1945 годах мы получили, как пишет Терлецкий в своих воспоминаниях, американские секретные отчеты, а также английские материалы с описанием основных экспериментов по определению параметров ядерных реакций, реакторов, различных типов урановых котлов, диффузионных разделительных установок, дневниковые записи по испытаниям атомной бомбы и тому подобное.



В марте 1942 года Маклин представил в Центр документальные данные об интенсивной работе по атомной проблеме в Англии. В том же году советская военная разведка привлекла к сотрудничеству Фукса.

Важные события произошли и в нашей стране. В мае 1942 года Сталин получил письмо от молодого ученого-физика, специалиста по ядерным реакциям, будущего академика Флерова, который обращал внимание на подозрительное отсутствие в зарубежной прессе с 1940 года открытых научных публикаций по урановой проблеме, а это, по его мнению, свидетельствовало о начале работ по созданию атомного оружия в Германии и других странах. Флеров предупреждал, что немцы могут первыми создать атомную бомбу.

По времени поступление этого письма совпало с информацией нашей резидентуры, из оккупированного немцами Харькова. Нам сообщали, что бывший политэмигрант в СССР Ф. Хоутерманс прибыл в Харьков со специальной миссией, направленной военным командова-

нием Германии с целью получения дополнительных данных в украинском физико-техническом институте об использовании в военных целях советских исследований по проблеме урана. Хоутерманс в период немецкой оккупации Харькова фактически стал одним из руководителей украинского физико-технического института. В сообщениях агентуры указывалось, что Хоутерманс прибыл в Харьков «в эзэсовской форме».

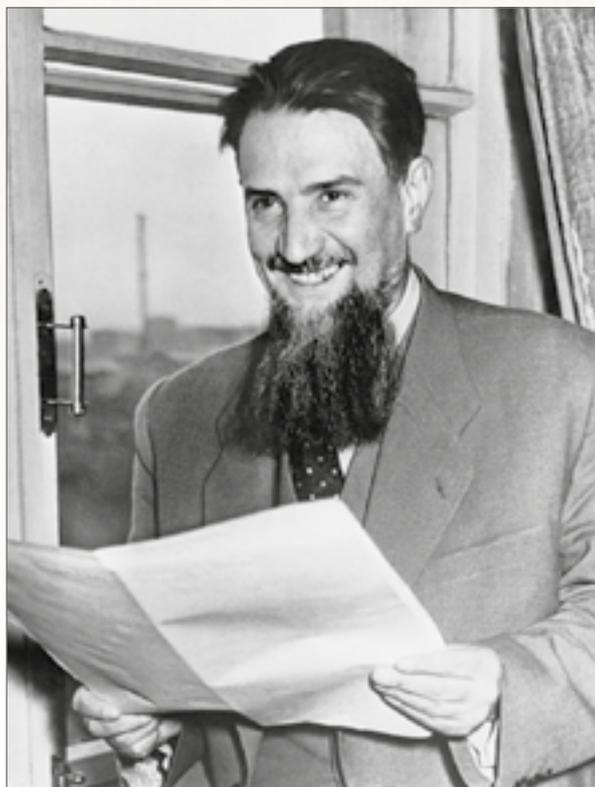
Капица был проинформирован о появлении Хоутерманса в Харькове и Киеве в составе немецкой военной миссии по демонтажу научного оборудования. Капица придавал этому сообщению важное значение, указав, что это подтверждает развитие работ в Германии по созданию урановой бомбы.

Информация от агентуры, полученная в деловых и промышленных кругах Швеции, была противоречивой. В Германии и Скандинавии упорно циркулировали слухи о работах немцев над «сверхоружием», но никаких подробностей об этих

работах мы не знали. Только после войны стало ясно, что под «сверхоружием» имелась в виду двухступенчатая ракета на основе модели «Фау-2», которая могла бы достигнуть побережья США.

Информация по атомной бомбе, поступившая из США и Англии, совпадала. Она подтвердилась, когда мы получили сообщение о возможности создания атомной бомбы со слов видного физика-ядерщика Елизаветы Мейтнер. Мейтнер была в поле зрения нашей разведки с тех пор, когда в 1938 году встал вопрос о возможности ее приезда в Советский Союз для работы. Потом ей пришлось бежать из фашистской Германии в Швецию, где Нильс Бор помог ей устроиться на работу в Физический институт Академии наук. Агентов-женщин, вышедших на Мейтнер, инструктировала по указанию Берии заместитель резидента НКВД в Стокгольме Зоя Рыбкина.

В марте 1942 года Берия направил Сталину всю информацию, поступившую из США, Англии, Скандинавии и оккупированного Харькова.



▲ Курчатов И.В.



▲ Капица П.Л.





▲ Вернадский В.И.

В письме он указывал, что в Америке и Англии ведутся научные работы по созданию атомного оружия.

В феврале 1943 года, когда британские спецслужбы провели диверсионную операцию в Веморке (Норвегия), где был завод тяжелой воды, необходимой для атомного реактора, Сталин поверил, что атомный проект приобретает реальное содержание. О подробностях диверсии нам сообщили наши источники в Норвегии, Филби и кембриджская группа из Лондона. Берия приказал взять на заметку эту операцию. Его, естественно, насторожило, что, несмотря на имевшуюся договоренность с англичанами о совместном использовании наших агентурных групп в Скандинавии, Западной Европе и Афганистане для проведения крупных операций по диверсиям и саботажу, англичане не просили нас о поддержке своего рейда в Веморке. Это говорило о том, что диверсионной операции в Норве-

гии англичане придавали особое значение.

До начала 1943 года у нас никаких практических работ в области создания атомной бомбы не велось. Еще до нападения немцев Государственная комиссия по военно-промышленным исследованиям отклонила предложения молодых физиков-ядерщиков Института физико-технических исследований в Харькове и немецкого ученого эмигранта Ланге начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства. Предложение было направлено в отдел изобретений Наркомата обороны, но его сочли преждевременным и не поддержали.

В марте 1942 года Берия предложил Сталину создать при Государственном Комитете Обороны научно-консультативную группу из видных ученых и ответственных работников для координации работ научных организаций по исследованию атомной энергии. Он также просил Сталина разрешить ознакомить наших видных

ученых с информацией по атомной проблеме, полученной агентурным путем, для ее оценки. Сталин дал согласие и предложил, чтобы независимо друг от друга несколько ученых дали заключение по этому вопросу.

По проблеме создания в ближайшем будущем атомной бомбы высказались, с одной стороны, академик Иоффе и его молодой ученик профессор Курчатов, которых ознакомили с материалами разведки, с другой — академик Капица (его проинформировали устно о работах по атомной бомбе в США, Англии и Германии).

Иоффе привлекли к исследованиям по атомной энергии по совету академика Вернадского. Он был известен западным ученым, поскольку в 20-30-х годах совершил ознакомительные поездки в лаборатории Западной Европы и США. В 1934 году, находясь в Бельгии, Иоффе отклонил предложение уехать на работу в США, хотя в то время противоречия в наших научных кругах между физиками резко обострились. Особенно остро конфликтовали московские и ленинградские ученые.

Непримиримую позицию к школе Иоффе занимали, в частности, и некоторые влиятельные профессора Московского университета. Это продолжалось не один год.

Иоффе оценил громадную важность информации об атомных исследованиях в Америке и поддержал необходимость начала работ по созданию советской атомной бомбы. В дальнейшем Иоффе сыграл видную роль в улаживании конфликтов между учеными Московского университета и Академии наук, и он был одним из инициаторов создания вскоре после войны трех главных Центров атомных исследований.

Капица считал, что проблема создания атомной бомбы бросает вызов современной физике и ее решение возможно только совместными усилиями наших ученых и ученых США и Англии, где проводятся фундаментальные исследования по атомной энергии.

В октябре 1942 года Сталин на своей даче в Кунцеве принял



только Вернадского и Иоффе. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться с нами информацией и вместе проводить работы по атомной энергии.

На это Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что неофициальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным.

После этой встречи, впервые руководство страны окончательно убедилось в реальной возможности создания атомного оружия, и Сталин так был заворожен мощным разрушительным потенциалом атомной бомбы, что в конце октября 1942 года предложил дать кодовое название плану нашего контрнаступления под Сталинградом — операция «Уран». Во всех идеях и предложениях у него всегда присутствовал этот внутренний мотив, непонятный собеседникам.

На основе информации из Лондона от источника в концерне «Империал кемикал индастриз», который играл важную роль в английском проекте «Трубный сплав», Сталин приказал Первухину, наркому химической промышленности, оказать самую серьезную поддержку ученым в работе по созданию атомного оружия.

Прошел год. Капица, проинформированный НКВД в 1942–1943 годах о миссии Хоутерманса в оккупированном Харькове и о начале работ в США и Германии над атомным оружием, несколько раз обращался к Сталину и Берии с предложениями пригласить Бора, чтобы тот возглавил нашу атомную программу. По согласовании с Молотовым он написал Бору письмо, в котором просил приехать его в Советский Союз, где ему гарантировались самые лучшие условия для работы. Когда Бор находился в Англии, его пригласили в советское посольство, где он встретился с резидентом НКВД Горским, действовавшим под прикрытием должности советника посольства, но в ходе беседы Бор избегал обсуждать вопросы атомных исследований.

В конце января 1943 года была получена информация от Семенова («Твен»), что в декабре 1942 года в Чикаго Ферми осуществил первую цепную ядерную реакцию. Наш

источник, насколько я помню, молодой Понтекорво, сообщил о феноменальном успехе Ферми условной фразой: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света». Однако эта информация носила самый общий характер, и спустя несколько месяцев Курчатов запросил дополнительные материалы о первой ядерной реакции.

В это же время Барковский передал из Лондона закрытые научные труды западных ученых по атомной энергии за 1940–1942 годы. Эти первые научные материалы подтвердили, что западные ученые достигли большого прогресса в создании атомной бомбы.

Таким образом, мы располагали не только устными сообщениями, но и протоколами обсуждения на заседаниях английского военного кабинета перспектив использования атомной энергии для создания сверхмощного оружия.

В 1943 году резидентом в Мехико был назначен Василевский. Он вполне подходил для этой работы: у него был опыт войны в Испании, где он командовал диверсионным партизанским отрядом; он успешно выполнил агентурные операции в 1939–1941 годах в Париже; он адаптировался к жизни на Западе, был всегда хорошо одет, подтянут,

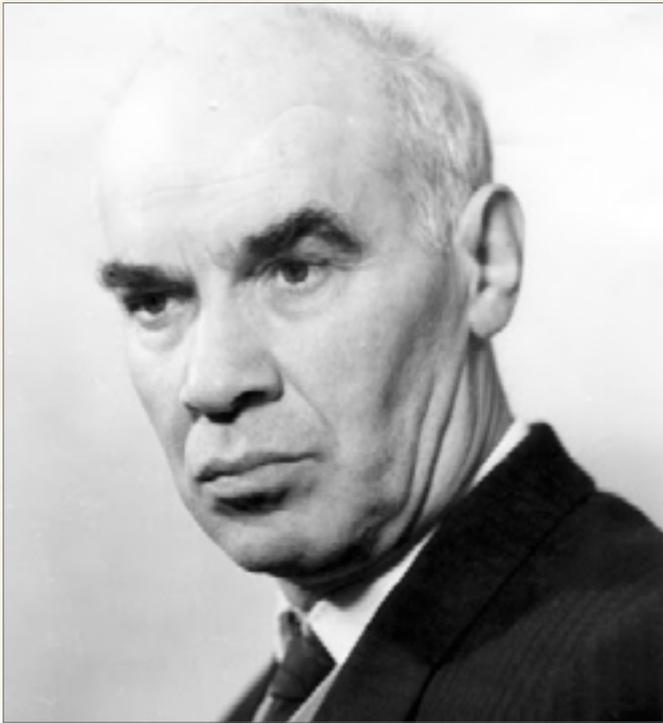


▲ Понтекорво Бруно



▲ Ферми Энр.

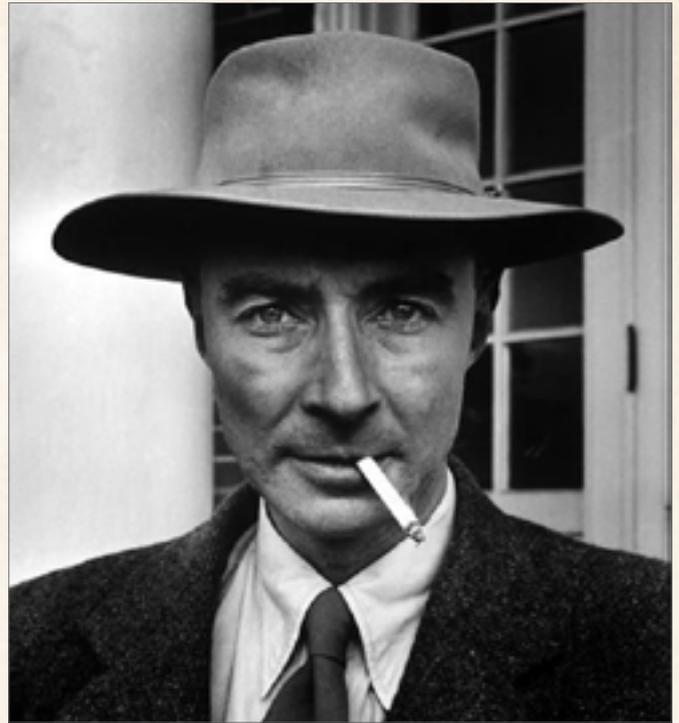




▲ Кикоин И.К.

владел французским и испанским языками, обладал незаурядными способностями располагать к себе людей и привлекать к сотрудничеству под удобным предлогом. Василевскому удалось восстановить связи с агентурой в США и Мексике, привлеченной Эйтингоном и Григулевичем для проведения операции по ликвидации Троцкого.

В 1939–1941 годах во время пребывания в США Эйтингону было предоставлено чрезвычайное право вербовать и привлекать к сотрудничеству людей без санкции Центра, используя родственные связи. Василевскому эта агентура была известна, так как он был одним из активных участников операции в Мексике. Перед отъездом в Мексику он получил специальное разрешение на использование этих людей. Через эти законсервированные на некоторое время каналы Василевский наладил связь с Понтекорво в Канаде и некоторыми специалистами Чикагской лаборатории Ферми, минувшая наша резидентуру в Нью-Йорке. Понтекорво сообщил Василевскому, что Ферми положительно отнесся к идее поделиться информацией по атомной



▲ Оппенгеймер Роберт

энергии с учеными стран антигитлеровской коалиции.

11 февраля 1943 года Сталин подписал постановление правительства об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Возглавил это дело Молотов. Тогда же было принято решение ввиду важности атомной проблемы сделать ее приоритетной в деятельности разведки НКВД. Берия первоначально выступал в качестве заместителя Молотова и отвечал за вопросы обеспечения военных и ученых разведывательной информацией. Он приказал познакомить Иоффе, Курчатова, Кикоина и Алиханова с научными материалами, полученными агентурным путем, без разглашения источников информации.

Кикоин, прочитав доклад о первой ядерной цепной реакции, был необычайно возбужден и, хотя ему не сказали, кто осуществил ее, немедленно отреагировал: «Это работа Ферми. Он единственный в мире ученый, способный сотворить такое чудо». Им показали некоторые материалы в оригинале на английском языке. Чтобы не раскрывать конкретных источников информа-

ции, Судоплатов закрыл ладонью ту часть документа, где стояли подписи и перечислялись источники. Ученые взволнованно сказали: «Послушайте, Павел Анатольевич, вы слишком навивны. Мы знаем, кто в мире физики на что способен. Вы дайте нам ваши материалы, а мы скажем, кто их авторы». Иоффе тут же по другим материалам назвал автора — Фриша. Немедленно доложили об этом Берии и было получено разрешение раскрывать Иоффе, Курчатова, Кикоину и Алиханову источники информации.

В апреле 1943 года в Академии наук СССР была создана специальная лаборатория №2 по атомной проблеме, руководителем которой назначили Курчатова. Ему едва исполнилось сорок лет. Это было смелое решение. Но мы знали, что американский атомный проект возглавил 44-летний Оппенгеймер, не имевший звания лауреата Нобелевской премии. Наши физики старшего поколения не могли поверить, что Бор и Ферми работают в подчинении у Оппенгеймера. Уже в декабре 1943 года по прямому указанию Сталина Курчатова был избран действительным членом Академии наук.



Получив от НКВД доклад о первой цепной ядерной реакции, осуществленной Ферми, Курчатов обратился к Первухину с просьбой поручить разведывательным органам выяснить ряд важных вопросов о состоянии атомных исследований в США. В связи с этим была проведена реорганизация деятельности служб разведки Наркомата обороны и НКВД. В течение пяти лет, в 1940-1945 годах, научно-техническая разведка велась специальными подразделениями и отделениями Разведупра Красной Армии и 1-го управления НКВД-НКГБ, заместителем начальника которого я был до февраля 1942 года. В 1944 году было принято решение, что координировать деятельность разведки по атомной проблеме будет НКВД. В связи с этим была создана группа «С» (группа Судоплатова), которая позднее, в 1945 году, стала самостоятельным отделом «С». Помимо координации деятельности Разведупра и НКВД по сбору информации по атомной проблеме, на группу,

а позднее отдел, были возложены функции реализации полученных данных внутри страны.

Согласно решению правительства отдел «С» стал рабочим аппаратом бюро №2 Спецкомитета правительства СССР по «проблеме №1». Квалифицированные специалисты и ученые, работавшие в отделе, регулярно докладывали о получаемых разведывательных материалах на заседаниях комитета и научно-технического совета, который возглавлял нарком боеприпасов Ванников.

Курчатов и ученые его группы часто бывали у Берии, обсуждая вопросы организации работ в соответствии с получаемой от НКВД информацией. Фактически Курчатов и Иоффе поставили перед Сталиным вопрос о замене Молотова Берией в качестве руководителя всех работ по атомной проблеме.

Наши ученые, чтобы ускорить научные работы по атомной энергии, были очень заинтересованы в регулярном ознакомлении с ходом этих работ в США. В письме от 7 марта

1943 года заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Первухину Курчатов писал:

«Получение данного материала имеет громадное, неопределимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».

Курчатов подчеркивал, что «вся совокупность сведений... указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей».

В другом письме от 22 марта 1943 года Курчатов сообщал, что внимательно рассмотрел последние работы американцев по трансуранным элементам и установил новое направление в решении всей проблемы урана. «До сих пор, — пишет Кур-



▲ Берия Л.П.



▲ Судоплатов П.А.





чатов, — работы по трансуроновым элементам в нашей стране не проводились. В связи с этим обращаюсь к вам с просьбой дать указание разведывательным органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке».

Наши источники информации и агентура в Англии и США добыли 286 секретных научных документов и закрытых публикаций по атомной энергии. В своих записках в марте-апреле 1943 года Курчатов назвал семь наиболее важных научных центров и 26 специалистов в США, получение информации от которых имело огромное значение. С точки зрения деятельности разведки, это означало оперативную разработку американских ученых в качестве источников важной информации.

В феврале 1944 года состоялось первое совещание руководителей военной разведки и НКВД по атомной проблеме в кабинете Берии на Лубянке. От военных присутствовали Ильичев и Мильштейн, от НКВД — Фитин и Овакимян. Судоплатов был официально представлен как руководитель группы «С», координировавший усилия в этой области. С этого времени разведка Наркомата обороны регулярно направляла нам всю поступающую информацию по атомной проблеме.

Осенью 1944 года Берия в качестве заместителя председателя правительства, курировавший производство вооружений и боеприпасов, официально возглавил работу по созданию атомного оружия. Это было инициировано Курчатовым. Его письмо носит исключительно важный характер и заслуживает опубликования без купюр:

«Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР

товарищу Л. П. Берия

В письме т. М. Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей.

В течение последнего месяца я занимался предварительным изучением новых весьма обширных

(3000 стр. текста) материалов, касающихся проблемы урана.

Это изучение еще раз показало, что вокруг этой проблемы за границей создана, невиданная по масштабу в истории мировой науки, концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов. У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943-1944 году, положение дел остается совершенно неудовлетворительным.

Особенно неблагоприятно обстоит дело с сырьем и вопросами разделения. Работа лаборатории №2 недостаточно обеспечена материально-технической базой. Работы многих смежных организаций не получают нужного развития из-за отсутствия единого руководства и недооценки в этих организациях значения проблемы.

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре.

И. Курчатов

г. Москва

29 сент. 1944 г. «

В 1944 году Хейфец вернулся в Москву Берии свои впечатления о встречах с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Выслушав доклад Хейфеца, Берия сказал, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения.

По указанию Берии все ученые, задействованные в советском атом-

ном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам; весь персонал атомного проекта был обеспечен специальным питанием и высококвалифицированной медицинской помощью. В это же время все личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, напрямую участвовавших в проекте или в получении разведывательной информации по атомной проблеме, были переданы из управления кадров в секретариат Берии.

Тогда же в секретариат Берии из американского отдела передали наиболее важные оперативные материалы по атомной энергии, добытые разведкой. Из дела оперативной разработки «Эноммоз» по атомной бомбе, до сих пор хранящегося в архиве службы внешней разведки, было изъято около двухсот страниц. В целях усиления режима безопасности без санкции Берии никто не имел доступа к этим материалам. Возник конфликт с заместителем Берии Завенягиным, который требовал ознакомить его с документами. Ему отказали. Он получил доступ к материалам разведки только после разрешения Берии.

Когда были получены данные о том, что американские власти уделяют особое внимание секретности своего атомного проекта, Эйтингон и Судоплатов предложили использовать группы нелегалов в качестве курьеров и для работы с источниками информации: они понимали, что американская контрразведка обратит внимание на связи Хейфеца с прокоммунистическими кругами, имеющими выход на специалистов Манхэттенского проекта. Получив соответствующую директиву Москвы, Зарубин приказал Хейфецу немедленно прекратить разведывательные операции с использованием активистов компартии.

Однако ряд активистов компартии продолжали действовать по собственной инициативе. В 1943 году, нарушив полученное от Зарубина указание, они, не зная о наших выходах на семью Оппенгеймера, обратились



к нему с просьбой о предоставлении информации Советскому Союзу о работах в Лос-Аламосе. Оппенгеймер, опасавшийся раскрытия связей через жену и брата с нашими людьми, вынужден был поставить в известность американские спецслужбы об этой просьбе знакомого физика, связанного с компартией. Это привело к тому, что все связи с видными физиками, участвовавшими в работах по атомной бомбе, были переключены на канал нелегальной разведки и использование специальных курьеров, имевших безупречное прикрытие в глазах американской контрразведки.

В 1943–1944 годах мы использовали различные каналы подходов к американским атомным секретам. Нашими главными целями были лаборатории Лос-Аламоса, заводы Ок-Риджа и лаборатории по ядерным исследованиям в Беркли. Мы также пытались проникнуть в промышленные фирмы, выполнявшие заказы, связанные с созданием атомного оружия.

Оппенгеймер и Ферми не знали, что уже в то время они фигуриро-

вали в наших оперативных материалах как источники информации под кодовыми именами «Директор резервации», «Вексель», «Эрнст». Псевдоним «Вексель» использовался иногда и для источника обобщенных материалов, поступающих от ученых-физиков, участвовавших в американском атомном проекте. Под общим псевдонимом «Стар» иногда фигурировали Оппенгеймер и Ферми. Но никто из них никогда не был нашим завербованным агентом разведки.

Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того, как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка («Лука») постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять

на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура Семенова.

В США Зарубина часто ездила в Калифорнию, где Хейфец ввел ее в круг людей, близких к семье Оппенгеймера. Благодаря связям Хейфеца она получила все установочные данные на членов семьи и родственников Оппенгеймера, отличавшихся левыми взглядами. Хейфец организовал встречу Зарубиной с женой Оппенгеймера Кэтрин, которая симпатизировала Советскому Союзу, коммунистическим идеалам.

Ветераны ЦРУ, работавшие у нас весной 1992 года над архивом ЦК КПСС, натолкнулись на материалы Коминтерна о связях Оппенгеймера с членами законспирированной ячейки компартии США. Они обнаружили также и запрос нашей разведки Димитрову, председателю Коминтерна, в июне 1943 года с просьбой предоставить данные для использования этих связей.

Зарубина и Хейфец через жену Оппенгеймера Кэтрин убедили Оп-



▲ Зарубин В.М.



▲ Зарубина Е.Ю.

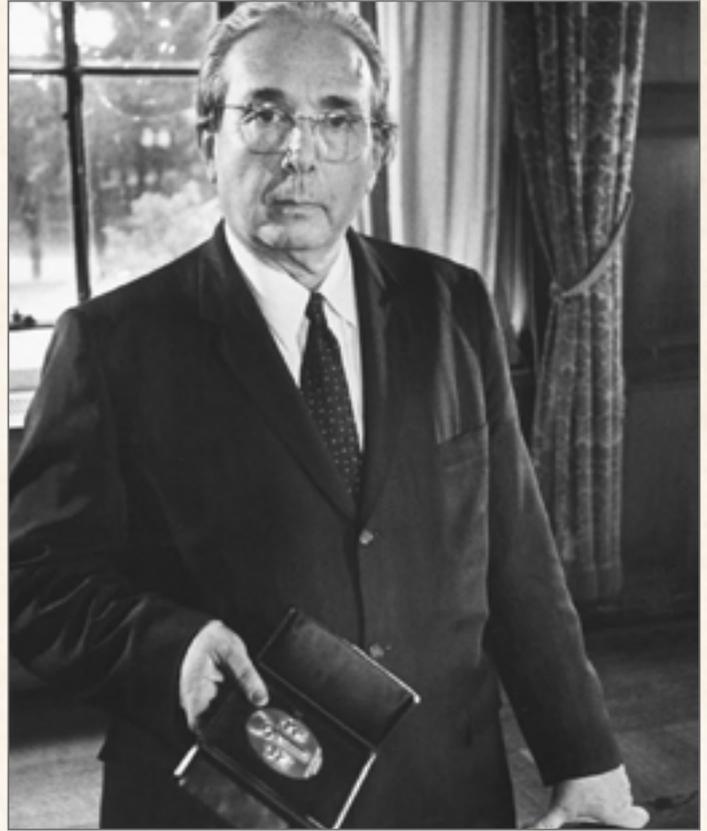




▲ Клаус Фукс

пенгеймера воздержаться от открытого высказывания взглядов в поддержку коммунистов и левых кругов, чтобы не привлекать внимания американских спецслужб. Они также уговорили Оппенгеймера поделиться информацией с учеными, бежавшими от преследований нацистов. Оппенгеймер согласился это сделать, а также допустить этих людей к научной работе в атомном проекте, если получит подтверждение их антифашистских взглядов.

Таким образом, Оппенгеймер, Ферми и Сцилард помогли нам внедрить надежные агентурные источники информации в Ок-Ридж, Лос-Аламос и чикагскую лабораторию. В США было четыре важных источника информации, которые передавали данные о работе лаборатории в наши резидентуры в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они также поддерживали связи с нашей нелегальной резидентурой, использовавшей для прикрытия аптеку в Санта-Фе. Материалы, которые получал в Нью-Йорке Семенов, а позднее Яцков, посту-



▲ Сцилард Лео

пали от Фукса и одного из наших глубоко законспирированных агентов через курьеров.

Одним из этих курьеров была Лона Коэн. Ее муж, Морис Коэн, был привлечен к сотрудничеству Семеновым. Когда Мориса в июле 1942 года призвали на военную службу, было решено в качестве курьера использовать его жену. Яцков («Джонни»), сотрудник советского консульства в Нью-Йорке, принял Лону Коэн на связь от Семенова.

Среди виднейших ученых, которых мы активно разрабатывали, используя их родственные связи и антифашистские настроения, был Георгий Гамов — русский физик, сбежавший в США в 1933 году из Брюсселя, где проходил международный съезд физиков. Возможность использования Гамова и подходов к нему через его родственников в СССР, которые фактически являлись нашими заложниками, нам подсказал академик Иоффе. Гамов имел широкие связи с американскими физиками и поддерживал дружеские

отношения с Нильсом Бором.

В некоторых случаях американские специалисты нарушали правила работы с секретными документами и показывали Гамову отчеты об опытах, консультировались у него. Нарушение режима работы с документами делалось по общему согласию ученых. Проверка ФБР в 1948 году установила исчезновение более 1500 страниц из отчетной документации по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе. Однако от Гамовых удалось получить в устной форме общие характеристики ученых, узнать их настроения, оценки реальной возможности создания атомной бомбы. Между Бором, Ферми, Оппенгеймером и Сцилардом была неформальная договоренность делиться секретными разработками по атомному оружию с кругом ученых-антифашистов левых убеждений.

Другой источник информации в Теннесси, получавший сведения от Ферми и Понтекорво, был связан с нелегальной группой, также использовавшей как прикрытия аптеку



в Санта-Фе, откуда материалы переслались с курьером в Мексику.

Ученые в ядерную эпоху Оппенгеймер предложил директору проекта генералу Гровсу пригласить для работы в Америке виднейших ученых Европы. Среди них был Нильс Бор. Бор ни в коей мере не был нашим агентом, но он оказал нам неоценимые услуги. После разговора с Мейтнер в 1943 году в Швеции он активно выступил за то, чтобы поделиться атомными секретами с международным антифашистским сообществом ученых.

В 1933 году немецкий коммунист Фукс вынужден был искать убежище в Англии. Получив в Бристольском университете образование, он продолжал работать там как физик. В 1941 году Фукс сообщил о своем участии в атомных исследованиях видному деятелю коммунистического и рабочего движения Юргену Кучинскому. Кучинский проинформировал нашего посла в Англии Майского.

Майский был в натянутых отношениях с резидентом НКВД в Лондоне Горским и поэтому поручил военному атташе Кремеру войти в контакт с Фуксом. Фукс сначала встречался с Урсулой Кучински («Соня»), агентом военной разведки, одним из организаторов сети «Красная капелла».

Фукс перед отъездом в США был проинструктирован об условиях возобновления связи с ним. В США Фукс должен был в общении с американскими коллегами подчеркнуть, что он единственный человек в группе английских специалистов, которому грозил немецкий концлагерь. По этой причине Фукс пользовался абсолютным доверием Оппенгеймера и по его указанию получил доступ к материалам, к которым не имел формально никакого отношения.

Оппенгеймеру приходилось вступать в острый конфликт с генералом Гровсом, который категорически возражал, чтобы до сведения английских ученых доводилась обобщенная информация по результатам исследований и экспериментов (нас информировал об этом Фукс).

Кстати, английские власти и разведка также поставили перед своими

специалистами задачу по сбору всей информации по атомной бомбе, поскольку американцы не собирались делиться с ними атомными секретами.

Возможно, была еще одна причина, по которой Оппенгеймер пригласил Фукса в Лос-Аламос, а позднее — в Центр научных исследований в Принстоне. Может быть, Оппенгеймер знал, что Фукс не останется после войны в Америке. Я помню, что в агентурных материалах зафиксированы его слова: информация должна передаваться теми, кто по личным обстоятельствам покинет Лос-Аламос и страну после окончания работы по атомной бомбе. Кроме того, Оппенгеймер имел основания предполагать, что Фукс связан с коммунистами, и это тоже могло сыграть свою роль.

Лиза Зарубина восстановила связь с двумя глубоко законспирированными агентами, польскими ев-

реями, на западном побережье. Они были легализованы Эйтинггоном в начале 30-х годов во время его краткой нелегальной командировки в США. Первоначально планировалось, что эти агенты осядут в Калифорнии с целью организации диверсий на транспортных судах, вывозящих в Японию стратегическое сырье (уголь, нефть, металл) в случае военного конфликта между СССР и Японией. Более десяти лет эти агенты не привлекались к активным действиям.

Один из них был зубной врач (кодовое имя «Шахматист»), получивший французский медицинский диплом в конце 20-х годов. Его обучение оплатил ГПУ. Жене зубного врача удалось установить дружеские отношения с семьей Оппенгеймера. Так была создана конспиративная связь с семейством Оппенгеймера и его ближайшим окружением, выпавшая из поля зрения амери-



▲ Гровс Л. и Оппенгеймер Р.





▲ Рузвельт Ф.Д.

канской контрразведки. Насколько я помню, ФБР не знало и о конспиративных контактах Зарубиной. Только в 1946 году в связи с другими разоблачениями ФБР твердо установило, что Зарубина была сотрудницей советской разведки, но она уже находилась в Москве.

Таким образом, Семенов и Лиза Зарубина создали систему надежных связей, а Квасников и Яцков под руководством Овакимяна обеспечили бесперебойную передачу информации по атомному оружию на заключительном этапе работ в Лос-Аламосе в 1945 году.

Надо отметить, что ознакомление наших ученых с научными трудами разработчиков американского атомного оружия — Оппенгеймера, Ферми, Сциларда — имело важное значение для широкого развертывания у нас работ по атомной бомбе. Хочу подчеркнуть, что эта информация поступала к нам конспиративным путем с их ведома. Насколько я помню, так через «Роберта» и «Директора резервации», как именовался в нашей переписке Лос-Аламос, мы получили пять секретных обобщенных докладов о ходе работ по созданию атомной бомбы.

Подобный материал был направлен не только нам, но и шведским ученым. По нашим разведанным,

насколько я помню, шведское правительство располагало детальной информацией по атомной бомбе в 1945-1946 годах. Шведы отказались от создания собственного ядерного оружия из-за колоссальных затрат. Но тот факт, что они имели достаточно данных, чтобы принять решение по этому вопросу, позволяет сделать вывод: шведы получали, как и мы, информацию по атомной бомбе, в частности и от Бора, после того, как он покинул Лос-Аламос.

Комитет Обороны СССР постановлением ГКО за № 7357 установил сроки окончания строительства циклотронной лаборатории при Ленинградском физико-техническом институте — к 1 января 1946 года. Ответственность за выполнение задания возлагалась на двух академиков — А. Иоффе, директора Физтеха, и А. Алиханова, заведующего объектом. А через месяц, 21 февраля Сталин подписывает постановление ГКО № 7572 «О подготовке специалистов по физике атомного ядра» для лаборатории № 2 и смежных с ней учреждений.

Постановление содержало 16 пунктов с изложением подробных обязанностей по обустройству и финансированию учебно-материальной базы, выделению лабораторных помещений, обеспечению обслужи-

вающим персоналом и постройке циклотрона для Московского университета. Увеличение численности обучаемых предусматривалось доукомплектованием старших курсов по специальности «Физика атомного ядра» путем перевода студентов-отличников из других вузов.

Плановые задания по подготовке специалистов в областях химии радиоактивных и редких элементов, компрессорных машин и молекулярной физики были определены для Ленинградского университета и Политехнического института, Московского института тонкой химической технологии. Кроме того, Центральное статистическое управление в месячный срок провело учет и регистрацию специалистов-физиков, работавших во всех отраслях народного хозяйства, научно-исследовательских и других учреждениях, после чего Курчатову предложили провести отбор нужных ему специалистов.

Мы знали, что военные эксперты и специалисты по взрывчатым веществам играют ведущую роль в развитии работ по атомной бомбе в Америке. В свою очередь, и мы приняли решение, учитывая американский опыт, назначить крупного специалиста по производству взрывчатых веществ, видного организатора военной промышленности Ванникова ответственным за инженерное и административное обеспечение нашего атомного проекта. Ванников сыграл в работах по атомной бомбе в СССР ту же роль, что и генерал Гровс в США.

Мы были не только проинформированы о технических разработках американской атомной программы, но знали и о внутренних чисто человеческих конфликтах и соперничестве между учеными и специалистами, работавшими в Лос-Аламосе, о напряженных отношениях ученых с генералом Гровсом — директором проекта. В особенности мы отметили информацию о серьезных разногласиях генерала Гровса и Сциларда. Гровс был в ярости от академического стиля научной работы Сциларда и его отказа подчиняться режиму секретности и военной дисциплине.



Борьба с генералом стала своеобразным хобби Сциларда. Гровс не доверял ему и считал рискованным его участие в проекте. Он даже пытался отстранить его от работы, несмотря на громадный вклад Сциларда в осуществление первой в мире цепной ядерной реакции урана.

Оппенгеймер, по словам Хейфеца, был человеком широкого мышления, который предвидел как колоссальные возможности, так и опасности использования атомной энергии в мирных и военных целях. Мы знали, что он останется влиятельной фигурой в Америке после войны, и поэтому нам необходимо было тщательно скрыть контакты с ним и его ближайшим окружением.

Мы понимали, что подход к Оппенгеймеру и другим видным ученым должен базироваться на установлении дружеских связей, а не на агентурном сотрудничестве, и нашей задачей было использовать то обстоятельство, что Оппенгеймер, Бор и Ферми были убежденными противниками насилия. Они считали, что ядерную войну можно предотвратить путем создания баланса сил в мире на основе равного доступа сторон к секретам атомной энергии, что, по их мнению, могло коренным образом повлиять на мировую политику и изменить ход истории.

В разведывательной работе разграничение между полезными связями, знакомствами и доверительными отношениями весьма условно. В служебных документах употребляется специальный термин — агентурная разведка, что означает получение материалов на основе работы агентов и офицеров разведки, действующих под прикрытием какой-либо официальной должности. Однако ценнейшая информация зачастую поступает от источника, который не является агентом, взявшим на себя формальные обязательства по сотрудничеству с разведкой и получающим за это деньги. В оперативных документах этот источник информации все равно рассматривается в качестве агентурного, поскольку выход на него базируется на контактах и связях с агентами или доверенны-

ми лицами из близкой к нему среды.

Я был поражен, что мировоззрение многих виднейших западных физиков и наших ученых совпадает. Как я уже писал, Вернадский в 1943 году вполне искренно предлагал Сталину просить американское и английское правительства поделиться с нами информацией об атомных исследованиях и вместе с западными учеными работать над созданием атомной бомбы. Таких же взглядов придерживались Иоффе, Капица, Нильс Бор.

Бор после бесед с Оппенгеймером, очевидно, знавший об утечке информации к советским и шведским ученым, встречался с президентом Рузвельтом и пытался убедить его в необходимости поделиться с русскими секретами Манхэттенского проекта, чтобы ускорить работы по созданию бомбы. Наши источники в Англии сообщили, что Бор не только делал это предложение

президенту Рузвельту, но, якобы по его поручению, вернулся в Англию и пытался убедить английское правительство в необходимости такого шага. Черчилль пришел в ужас от этого предложения и распорядился, чтобы были приняты меры для предотвращения контактов Бора с русскими.

Супруги Зарубины, несмотря на достигнутые результаты в работе, недолго прожили в Вашингтоне. И произошло это не по их вине и не из-за активности ФБР. Один из подчиненных Зарубина, сотрудник резидентуры НКВД в посольстве подполковник Миронов, направил письмо Сталину, в котором обвинял Зарубина в сотрудничестве с американскими спецслужбами. Миронов в письме указал — он следил за Зарубиным — даты и часы встреч Зарубина с агентами и источниками информации, назвав их контактами



▲ Василевский Л.П.





▲ Сталин И.В. и Молотов В.М.

с представителями ФБР. Для проверки выдвинутых обвинений Зарубины были отозваны в Москву. Проверка заняла почти полгода. Было установлено, что все встречи санкционировались Центром и ценная информация, полученная Зарубиным, не бросала на него и тени подозрений в сотрудничестве с ФБР. Миронов был отозван из Вашингтона и арестован по обвинению в клевете. Однако когда он предстал перед судом, выяснилось, что он болен шизофренией. Его уволили со службы и поместили в больницу.

В 1943 году в Центре было принято решение строить контакты с учеными-атомщиками с использованием нелегальных каналов. Непосредственное руководство действиями нелегалов было возложено на нашего резидента в Мексике Василевского. После отъезда Зарубиных Василевский руководил сетью агентов из Мехико, иногда посещая Вашингтон, но долго там не задерживался, чтобы не привлекать внимания американской контрразведки. Было решено свести к минимуму использование опорных пунктов резидентуры в Вашингтоне.

Я вспоминаю, что Василевский рассказывал мне, как в 1944 году он приехал в Вашингтон и, в частности,

должен был передать в Центр материалы, полученные (от Ферми, но, к своему ужасу, узнал, что шифровальщик отсутствует. На следующий день американская полиция доставила шифровальщика в посольство, подобрав в одном из баров, где он напился до бесчувствия.

Василевский немедленно принял решение не использовать посольство в Вашингтоне для передачи особо важных сообщений. В 1945 году за успешную работу в разработке линии Ферми в США Василевский был назначен моим заместителем по отделу «С». Почти два года он возглавлял отдел научно-технической разведки в НКВД, а потом в Комитете информации — нашем центральном разведывательном ведомстве, существовавшем с 1947 по 1951 год.

Василевский был уволен из органов безопасности в 1947 году — стал одной из первых жертв начавшейся антисемитской кампании. В апреле — июле 1953 года он начал вновь работать в аппарате, но его опять уволили — теперь уже по сокращению штатов как «подозрительного» человека. Умер Василевский в 1979 году.

Описание конструкции первой атомной бомбы стало известно нам

в январе 1945 года. Наша резидентура в США сообщила, что американцам потребуется минимум один год и максимум пять лет для создания существенного арсенала атомного оружия. В этом сообщении также говорилось, что взрыв первых двух бомб, возможно, будет произведен через 2-3 месяца.

В это время наша разведка активизировалась, и мы получили значительную информацию о Манхэттенском проекте и о планах использования месторождений урановой руды в Бельгийском Конго, Чехословакии, Австралии и на острове Мадагаскар. Агентам военной разведки удалось проникнуть в канадскую фирму создавшую специальную корпорацию по разработке урановой руды. Резидент военной разведки «Мольер», он же вице-консул в Нью-Йорке Михайлов, сообщал о работах лаборатории в Беркли, близ Сан-Франциско по анализу урановых руд.

Примерно в это же время сотрудничавший с нами начальник разведки чехословацкого правительства в Лондоне Моравец проинформировал нас, что английские и американские спецслужбы проявили большой интерес к разработке урановых месторождений в Судетских горах. Он получил доступ к материалам англо-чешских переговоров по вопросу эксплуатации месторождений урана в послевоенный период.

По мере приближения окончания войны в Советском Союзе начали предпринимать первые шаги по геологическому поиску урановой руды.

В феврале 1945 года нами была получена информация и захвачены немецкие документы о высококачественных запасах урана в районе Бухово — в Родопских горах. Мы обратились к Димитрову, в то время уже главе болгарского правительства, и болгарские власти оказали нам содействие в разработке месторождений урана.

Постановление ГКО № 7408 от 27 января 1945 года за подписью Сталина адресовалось только Молотову и Берии.



«Совершенно секретно, особой важности»

« 1. Организовать в Болгарии поиски, разведку и добычу урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также геологическое изучение других известных или могущих быть открытыми месторождений урановых руд и минералов.

2. Поручить НКВД СССР (т. Молотову) провести переговоры с правительством Болгарии о создании смешанного Болгарско-Советского акционерного общества с преобладанием советского капитала для производства поисков, разведки и добычи урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также производства геологического изучения других известных или могущих быть открытыми в Болгарии месторождений урановых руд и минералов.

Переговоры с болгарскими властями и всю документацию по созданию и оформлению акционерного общества проводить, именуя месторождение радиевым».

Созданное советско-болгарское горное общество возглавил Щорс — сотрудник нашей разведки, горный инженер по образованию.

Урановая руда из Бухово была нами использована при пуске первого атомного реактора. В Судетских горах в Чехословакии урановая руда оказалась более низкого качества, но тоже использовалась нами. Мы скрывали эти работы от американцев и англичан. Для координации наших разведывательных и контрразведывательных мероприятий в Чехословакию был направлен опытный работник разведки, бывший резидент в Италии Рогатнев.

Поставкам болгарского урана, ввиду более высокого его качества, уделялось исключительное внимание. Димитров лично следил за урановыми разработками. Мы направили в Болгарию более трехсот горных инженеров, срочно отозвав их из армии: район Бухово охранялся внутренними войсками НКВД.

Однако вскоре через агентуру нам стало известно, что американские

спецслужбы готовят диверсионные акты с целью сорвать поставки урана в Советский Союз и одновременно выявить подлинный размах работ, чтобы определить сроки создания ядерного оружия в СССР. Американцы даже пытались организовать похищение Щорса. Мы приняли контрмеры: Эйтингон занялся перевербовкой американских разведчиков и их жен, задержанных при содействии нашей агентуры из местных турок вблизи урановых месторождений, но успеха не достиг.

Из Бухово поступало примерно полторы тонны урановой руды в неделю. Наша разведка обеспечила работавших на урановых рудниках американскими инструкциями и методикой по технике добычи урана и его учету. В 1946 году в СССР были открыты и сразу же стали разрабатываться крупные месторождения урана более высокого качества. Однако интенсивные работы в Бухово продолжались: мы хотели создать

у американцев впечатление, что болгарский уран нам крайне необходим. Подписанное Завенягиным, заместителем Берии, соглашение с правительством Болгарии о разработках и поставках урана, дезинформационные мероприятия, организованные Эйтингоном и группой офицеров, подтверждали важность для нас этих урановых разработок.

В марте 1945 года мы направили на имя Берии обобщенный доклад об успешном развитии работ в США по созданию атомной бомбы. В этом докладе детально описывались американские центры, в частности лаборатория в Лос-Аламосе, заводы в Ок-Ридже, давалась подробная характеристика деятельности американской фирмы «Келекс», дочерней компании «Келлок» в Нью-Йорке, отмечались работы по атомной бомбе, проводимые крупнейшими фирмами США «Джоунс констракшн», «Дюпон», «Юнион карбайт», «Кемикл компани» и другими. В докладе



▲ Щорс И.А.





▲ Завенягин А.П.

указывалось, что американское правительство затратило 2 миллиарда долларов на разработку и производство атомного оружия и что в общей сложности в проекте занято более ста тридцати тысяч человек.

Кроме того, агентура сообщала о строго ограниченном круге лиц, которым было известно назначение проводимых работ; о допуске к таким данным правительственных чиновников только по личному разрешению президента США; о создании в рамках проекта собственной контрразведки, полиции и иных служб; об изъятии из библиотек США всех ранее открытых публикаций по исследованиям в области атомной энергии; о замене настоящих фамилий ученых и специалистов, имевших непосредственное отношение к работам в таких атомных центрах, как Лос-Аламос, Ок-Ридж, Хэнфорд, псевдонимами; о физической охране ответственных лиц, а также о других подобных мероприятиях.



▲ Первухин Михаил Георгиевич

В апреле 1945 года Курчатов получил от нас очень ценный материал по характеристикам ядерного взрывного устройства, методе активации атомной бомбы и электромагнитному методу разделения изотопов урана. Этот материал был настолько важен, что уже на следующий день органы разведки получили его оценку.

Курчатов направил Сталину доклад, построенный на основе разведанных, о перспективах использования атомной энергии и необходимости проведения широких мероприятий по созданию атомной бомбы.

Через 12 дней после сборки первой атомной бомбы в Лос-Аламосе мы получили описание ее устройства из Вашингтона и Нью-Йорка. Первая телеграмма поступила в Центр 13 июня, вторая — 4 июля 1945 года. Кстати, пять лет спустя эти телеграммы, возможно, были расшифрованы американцами и послужили основанием для давления на Фукса, чтобы

он признался в шпионаже. Я, однако не могу полностью поверить в это, хотя подтверждаю, что источники, указанные в телеграммах, «Чарльз» и «Млад» — это Фукс и Понтекорво.

Мы доложили Берии, что два источника, не связанные друг с другом, сообщили о предстоящем испытании ядерного устройства.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки наши работы по созданию атомной бомбы приобрели широкий размах. В это время мы получили из США особенно ценные материалы.

Детальный доклад Фукса («Чарльз») был доставлен диппочтой после того, как он встретился 19 сентября со своим курьером Гарри Голдом. Доклад содержал тридцать три страницы текста с описанием конструкции атомной бомбы. Позднее мы получили дополнительное сообщение по устройству атомной бомбы через каналы связи от Холла («Млад»), которое передала Лона Коэн. Не пом-



ню, чье описание бомбы было более подробным. Но сходство было поразительным. Мне кажется, что в материалах содержалось подробное изложение главы доклада правительству и Конгрессу США по устройству атомной бомбы, которая по соображениям секретности была опущена в официальной публикации, — докладе комиссии Смита, опубликованном 12 августа 1945 года. Мы знали, что Оппенгеймер и генерал Гровс редактировали этот доклад. Фукс сообщил, что Оппенгеймер отказался подписать доклад, опубликованный комиссией, поскольку, как он считал, в нем была дезинформация, направленная на то, чтобы задержать атомные исследования в других странах.

Среди материалов, которые мы получили в сентябре-октябре 1945 года, были некоторые разделы доклада, не попавшие в отчет комиссии Смита и фотографии помещений заводов в Ок-Ридже. Они были особенно ценными, поскольку мы также приступили к строительству предприятий и форсировали работы по созданию первого атомного реактора. Я припоминаю, что двенадцатистраничная справка-доклад, составленная Семеновым, по устройству атомной бомбы была подписана Василевским и направлена Берии и Сталину. Этот документ фактически лег в основу программы всех работ на следующие 3-4 года.

Качество и объем полученной информации от источников в США и Англии был весьма важен для организации и развития нашей атомной программы. Подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов, спецификации по производству урановой и плутониевой бомбы сыграли важную роль в ускорении наших работ. Ценными были данные о конструкции системы фокусирующих взрывных линз и размерах критической массы урана и плутония для взрыва ядерного устройства; о сформулированном Фуксом принципе имплозии — сфокусированном взрыве вовнутрь; данные о плутонии-240, детонаторном устройстве, времени и последовательности операций по производству

и сборке бомбы и способе приведения в действие содержащегося в ней инициатора. Были получены данные о строительстве заводов по очистке и разделению изотопов урана, что значительно сокращало время на переработку урановой руды, а также дневниковые записи о первом испытательном взрыве атомной бомбы в США в июле 1945 года.

После атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Оборона (ГКО) 20 августа 1945 года приняли решение о кардинальной реорганизации работы по атомной энергии — проблеме № 1. Для этого был создан Спецкомитет правительства с чрезвычайными полномочиями Берия как член Политбюро и заместитель председателя ГКО был назначен председателем, Первухин — заместителем, генерал Махнёв — секретарем.

В комитет входили члены Политбюро — Маленков (секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам), Вознесенский (председатель Госплана) академики Курчатов и Капица; нарком боеприпасов Ванников, заместитель наркома внутренних дел Завенягин. Рабочим аппаратом комитета было специально созданное 1-е Главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Начальником управления был назначен Ванников, Завенягин стал его первым заместителем. При Спецкомитете был научно-технический совет, его председатель — Ванников, заместитель председателя — Иоффе. Отдел «С» возглавлял Судоплатов от НКВД-НКГБ, это был рабочий аппарат так называемого 2-го бюро комитета.

Сталин предложил, чтобы Иоффе и Капица стали членами Спецкомитета по проблеме № 1. Однако Иоффе отказался, ссылаясь на свой преклонный возраст. Он сказал, что будет более полезен в научно-техническом совете. Именно Иоффе рекомендовал назначить профессора Курчатова на должность научного руководителя атомной программы.

На заседаниях Спецкомитета было очевидно какое значение имели личные отношения членов правительства, их амбиции в принятии важных

государственных решений. Наркомы, члены комитета, стремились во что бы то ни стало утвердить свое положение и позиции. Очень часто возникали жаркие споры и нелицеприятные объяснения. Берия выступал в качестве арбитра и добивался безусловного неукоснительного выполнения всех директив руководства.

Начальник отдела «С» поддерживал дружеские отношения и с Иоффе, и с Капицей. По предложению Берии он подарил Капице охотничье ружье. Капица как-то посетовал, что у него сохранился в плохом состоянии лишь один экземпляр книги о русских инженерах, написанный его тестем — академиком Крыловым, крупнейшим инженером-кораблестроителем. Судоплатов прибег к услугам специальной правительственной типографии — книгу напечатали в двух экземплярах на отличной бумаге. Капица послал один экземпляр Сталину, надеясь попасть к нему на прием.

Наблюдалось растущее соперничество между Капицей и Курчатовым на заседаниях Спецкомитета. Капица был выдающейся личностью, прекрасным тактиком и стратегом, крупнейшим организатором науки. Часто научные выступления он комментировал с большим чувством юмора. Одно заседание Спецкомитета в 1945 году проходило в часы трансляции из Лондона футбольного матча между нашей командой и английской. Члены Политбюро и правительства были шокированы, когда Капица предложил прервать заседание и послушать матч. Возникла неловкая пауза, но Берия, ценивший юмор, к всеобщему изумлению, объявил перерыв. Напряжение спало. А затем настроение присутствовавших поднялось, поскольку наша команда победила.

Капица, сыгравший важную роль в иницировании наших работ по атомной проблеме и установлении контактов с западными учеными, в частности, Терлецкого с Бором, естественно, претендовал на самостоятельное и руководящее положение в реализации атомного проекта.

Но вскоре отношения между Капицей, Берией и Вознесенским ис-





▲ Розенберги Этель и Юлиус

портились. Капица предложил, чтобы Курчатов консультировался с ним по оценке результатов работ и выводов, прежде чем докладывать на заседаниях Спецкомитета. Первухин поддержал Капицу, но Берия и Вознесенский не согласились. Берия потребовал, чтобы Капица и Курчатов вносили в правительство альтернативные предложения. Более того, Берия предложил Капице на базе своего института продублировать ряд экспериментов Курчатова.

Капица был возмущен и утверждал, что такая переориентация его института будет означать фактическое свертывание работ по теоретической физике в Советском Союзе. Спустя месяц, в октябре 1945 года, Капица обратился к Берии и Вознесенскому за объяснением, почему с ним не проконсультировались, когда принимали решение о создании новых учебных институтов по подготовке специалистов в области ядерной физике вне Академии наук — Инженерно-физического (МИФИ) и Физико-технического (МФТИ).

Капица написал Сталину, что Берия и Вознесенский не прислушиваются к мнению ученых, что только

ученым можно доверить руководство атомным проектом. После неудачных попыток добиться от Сталина поддержки в этом конфликте Капица вскоре был выведен из состава Спецкомитета. Его оставили в покое, но лишили доступа к атомным разработкам.

Спецкомитет по атомной проблеме обладал чрезвычайными полномочиями по мобилизации сил любых ресурсов для создания атомной бомбы. На практике это означало, что когда в Сибири стали строиться заводы по переработке урановой руды, пришлось сильно ограничить электроснабжением ряд предприятий. На заседаниях Спецкомитета разгорелись ярые споры с нецензурной бранью между членами комитета Первухина и Вознесенского, когда обсуждался вопрос о том, за какими предприятиями сохранить в полном объеме потребление электроэнергии. Было совершенно неожиданным, что Первухин, защищая предприятия курируемой им химической промышленности, нападал на Воскресенского, члена Политбюро, старшего по положению.

В первый послевоенный год разведывательные операции по атомной

проблеме пользовались особым приоритетом. В декабре 1945 года Берия оставил пост наркома внутренних дел и переехал с Лубянки в Кремль, в кабинет заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседания Спецкомитета по атомной проблеме также стали проходить в Кремле, а не в НКВД.

27 декабря 1945 года в адрес Берии были направлены для рассмотрения на Спецкомитете правительства переведенные с английского языка материалы по конструкции атомной бомбы, образцы корпуса детонатора бомбы, полученные по линии агентства органов безопасности и военной разведки.

Заседания Спецкомитета обычно проходили в кабинете Берии. Это были жаркие дискуссии. Помимо острых споров о распределении электроэнергии, Первухин продолжал свои нападки на Вознесенского, требуя увеличения фондов цветных металлов для нужд предприятий химической промышленности, занятых в производстве ядерного топлива. Берия вмешивался в эти споры, призывая Первухина и Вознесенского к порядку. В этом особом правительст-



венном органе считали себя равными по служебному положению независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро.

Было очевидно, какой большой интерес и внимание к экономическим вопросам и развитию промышленности проявлял Берия. Он как заместитель председателя ГКО в годы войны отвечал не только за деятельность спецслужб, но и за производство вооружения и боеприпасов, работу топливно-энергетического комплекса. В особенности его интересовали вопросы добычи и переработки нефти. В кабинете Берии стояли макеты нефтеперерабатывающих заводов. По его инициативе Ванников, Устинов и Байбаков (им не было еще 40 лет) были выдвинуты на высокие посты наркомов производства боеприпасов, вооружения и нефтяной промышленности.

Разведка имела важное значение во внешней политике, обеспечении безопасности страны, но не меньшее значение имело восстановление народного хозяйства и создание атомной бомбы.

Хозяйственная деятельность позволяла людям проявлять таланты и способности в решении таких проблем, как преодоление нехватки ресурсов, срывы поставок оборудования и материалов.

Организовать слаженную работу многих производственных отраслей промышленности для реализации атомной программы было делом не менее сложным, чем успешное проведение разведывательно-диверсионных операций в годы войны.

Берия, грубый и жестокий в общении с подчиненными, мог быть внимательным, учтивым и оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал этих людей от всевозможных интриг органов НКВД или же партийных инстанций. Он всегда предупреждал руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, и у него была уникальная способность как внушать людям чувство страха, так и воодушевлять на работу. Естественно, для директоров промышленных

предприятий его личность во многом отождествлялась с могуществом органов госбезопасности. Мне кажется, что вначале у людей превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия часто поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. Кажется, что он взял эти качества у Сталина — жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать атмосферу уверенности у руководителя, что в случае успешного выполнения поставленной задачи поддержка ему обеспечена.

Осенью 1945 года в нашей программе работ над атомной бомбой наступил критический момент. Надо было приступить к созданию первого советского атомного реактора. Однако ученые не были едины в оценке представленных разведкой материалов, так как информация была противоречивой. Американцы использовали два типа реакторов: графитный и работавший на тяжелой воде.

Возник огромный риск в использовании добытых военной разведкой образцов урана-235. Следовало принять решение, по какому пути пойти при строительстве первого реактора. Как решить проблему? Была выдвинута фантастическая идея — направить в США группу ученых для тайной встречи с Оппенгеймером, однако положение Оппенгеймера в обществе резко изменилось. Наша попытка восстановить прерванные с ним прямые контакты через общих знакомых в Чикаго в 1945 году не увенчалась успехом. Выдвигалось и другое предложение — послать Капицу к Нильсу Бору. Капица хорошо был известен на Западе и пользовался большим авторитетом в научном мире. Несомненно, что его письмо к Бору в 1943 году способствовало установлению, при посредничестве разведки, неформального контакта с западными учеными, работавшими в области атомных исследований.

Однако Капица вел себя независимо, и это не нравилось руководству, а неприязненное отношение к нему Берии и Вознесенского исключало возможность его поездки за границу.

Курчатов и Кикоин предложили, чтобы в Данию на встречу к Бору поехал в сопровождении офицеров разведки высококвалифицированный специалист, профессор Зельдович, работавший у Курчатова. Но Зельдович не подходил для этой роли, так как не был сотрудником разведки, ему не могли раскрыть в случае необходимости во время командировки агентурные связи за рубежом. Эти обстоятельства заставили положиться на тех ученых, которые работали в аппарате разведорганов. Выбор был невелик. В штате отдела «С» было два офицера — научные сотрудники, физики по образованию, владевшие в некоторой степени английским языком. После того, как они были приняты на работу в НКВД, оба посещали семинар Капицы и Ландау. Один из них, Рылов, будучи ученым, проявлял большую склонность к аналитическо-разведывательной работе. Другой, Терлецкий, только что защитивший кандидатскую диссертацию, впоследствии лауреат Государственной премии, не был связан своими научными интересами с группой Курчатова, Иоффе, Алиханова и Кикоина и мог дать собственную оценку научных материалов. В 1943 году он отклонил предложение Курчатова работать у него.

Терлецкий и Рылов переводили и редактировали поступающие к нам материалы по атомным работам, докладывали на заседаниях научно-технического совета Спецкомитета. Работая в разведке, Терлецкий продолжал оставаться творческим человеком. Решили остановить свой выбор на Терлецком — он мог бы произвести своей широкой эрудицией и осведомленностью нужное впечатление на Нильса Бора.

Берия утвердил предложение направить Терлецкого в Копенгаген. Не могло быть и речи, чтобы для выполнения столь важного задания отправить Терлецкого на встречу одного. Он не имел вообще никакого





▲ Терлецкий Ю.П.



▲ Овякимян Г.Б.

представления об оперативной работе, поэтому было принято решение, что полковник Василевский, непосредственно курировавший линию Ферми, должен выехать вместе с ним.

Предполагалось, что Василевский начнет разговор с Бором, а Терлецкий перейдет к обсуждению технических вопросов. С ними также был переводчик, сотрудник НКВД.

Василевский выехал в Данию под фамилией Гребецкий, Терлецкий — под своей собственной.

В своих мемуарах Терлецкий пишет, что накануне поездки в Копенгаген его принял Капица и посоветовал не задавать Бору много вопросов, «а просто представиться, передать письмо и подарки от него, рассказать о советских физиках, и Бор сам сообщит о многом, что нас интересует».

Предварительная договоренность о встрече с Бором была достигнута.

Накануне встречи Бор сообщил в советское посольство, что примет нашу делегацию. В начале встречи Бор нервничал, вспоминал Терлец-

кий, и у него слегка дрожали руки. Видимо, Бор понял, что впервые напрямую имеет дело с представителями советского правительства и настало время выполнить принятое им и другими физиками решение поделиться секретами атомной бомбы с международным сообществом ученых и советскими физиками.

После первой встречи с Василевским на приеме в нашем посольстве 6 ноября 1945 года Бор предпочел вести разговор по научным вопросам только с Терлецким. Выбора не было, и пришлось санкционировать встречу Терлецкого и Бора наедине с участием переводчика. Вопросы для беседы с Бором были подготовлены заранее Курчатовым и Кикоиным.

Речь шла, как видно из опубликованных документов, о перепроверке порученной ранее разведывательной информации со стороны виднейшего ученого, симпатизировавшего Советскому Союзу.

Терлецкий сказал Бору, что его тепло вспоминают в Московском уни-

верситете, передал ему рекомендательное письмо и подарки от Капицы, привет от Иоффе и других советских ученых, поблагодарил за готовность проконсультировать советских специалистов по атомной программе.

Бор ответил на вопросы о методах получения в США урана, диффузионном и масс-спектрографическом, о комбинации этих методов, каким образом достигается большая производительность при масс-спектрографическом методе. Он сообщил, что в США все котлы работают с графитовыми модераторами, так как производство тяжелой воды требует колоссального количества электроэнергии.

Терлецкий получил ответы на целый ряд принципиально важных вопросов, в том числе о плутонии-240, о нем в официальном докладе Смита, полученном нами от Бора и из США, не было ни слова. Встреча, по мнению Курчатова, имела важное значение для верификации нашими специалистами имевшихся у разведки нескольких сотен отчетов и трудов



Ферми, Сциларда, Бете, Оппенгеймера и других зарубежных ученых. Было рассмотрено, как вспоминает Квасников, 690 научных материалов. По мнению Джона Хассарда, известного английского специалиста по ядерной физике из London's Imperial College, Бор в устной форме дал существенную информацию русским о конструкции американской атомной бомбы. Джек Сарфатти, физик-теоретик, ученик одного из создателей атомной бомбы Х. Бете, также считает, что ответы Бора содержали важную стратегическую информацию по созданию ядерного оружия.

Знаменательно, что Бор формально поставил в известность английскую спецслужбу о встрече и беседе с советскими специалистами по атомной программе, передаче русским доклада комиссии Смита, но вместе с тем он умолчал о характере заданных ему вопросов. Таким образом, западные спецслужбы до ареста Фукса не имели представления о том, что принципиально важные вопросы создания атомного оружия нам уже известны.

Между прочим, Сцилард сразу же после атомных взрывов в Японии предсказал, что Советский Союз через 2-3 года создаст свое ядерное оружие. А Бор тогда же выступил за установление международного контроля за использованием атомной энергии.

Отдел «С» еще до испытания атомного оружия американцами в июне 1945 года вывез с семьями из Германии видных немецких ученых: Нобелевского лауреата Г. Герца, профессоров Р. Дюпеля, М. Вольмера, Г. Позе, П. Тиссена — всего около двухсот специалистов, включая 33 докторов наук и 77 инженеров.

Под Москвой, в Малоярославце-10 — сейчас Обнинск был создан укомплектованный немецкими специалистами секретный центр по разработке, добыче и обогащению урановой руды и металлургии урана.

Важная работа выполнялась Нобелевским лауреатом Г. Герцем и его группой в Сухуми по технологии разделения изотопов урана-235 и урана-238.

Сотрудники отдела «С» помогли поисковой группе Ю. Харитона в Гер-

мании обнаружить и доставить в Советский Союз сто тонн окиси урана прямо под носом американских оккупационных властей в Германии.

Василевский встречался также с Жолио-Кюри. Однако Берия и Сталин приняли решение не привлекать Жолио-Кюри к атомным разработкам в СССР, хотя он хотел приехать к нам. Оставаясь на Западе, Жолио-Кюри был более полезен, потому что влиял на формирование выгодной для нас пацифистской позиции видных ученых-атомщиков.

Было очевидно, что американская контрразведка подобралась довольно близко к нашим источникам информации и агентуре, обслуживающей их.

Оперативная обстановка резко осложнилась. Когда был запущен наш первый реактор в 1946 году, Берия приказал прекратить все контакты с американскими источниками. На встрече с начальником отдела «С» он предложил обдумать, как можно воспользоваться авторитетом Оппенгеймера, Ферми, Сциларда и других близких к ним ученых в антивоенном движении. Мы считали, что антивоенная кампания и борьба за ядерное разоружение может помешать американцам шантажировать нас атомной бомбой, и начали широкомасштабную политическую кампанию против ядерного превосходства США. Мы хотели связать американские правящие круги политическими ограничениями в использовании ядерного оружия — у нас атомной бомбы еще не было. Берия категорически приказал не допустить компрометации видных западных ученых связями с нашей разведкой: для нас было важно, чтобы западные ученые представляли самостоятельную, имеющую авторитет и влияние политическую силу, дружественную по отношению к Советскому Союзу.

Через Фукса идея о роли и политической ответственности ученых в ядерную эпоху была доведена до Ферми, Оппенгеймера и Сциларда, которые решительно выступили против создания водородной бомбы. В своих доводах они были совершенно искренни и не подозревали, что

Фукс под нашим влиянием логически подвел их к этому решению. Действуя как антифашисты, они объективно превратились в политических союзников СССР.

Директива Берии основывалась на информации, полученной от Фукса в 1946 году, о серьезных разногласиях между американскими физиками по вопросам совершенствования атомного оружия и создания водородной бомбы. На совещании, состоявшемся в конце 1945 или в начале 1946 года, ученые вместе с Фуксом выступили против разработки «сверхбомбы» и столкнулись с резкими возражениями Теллера.

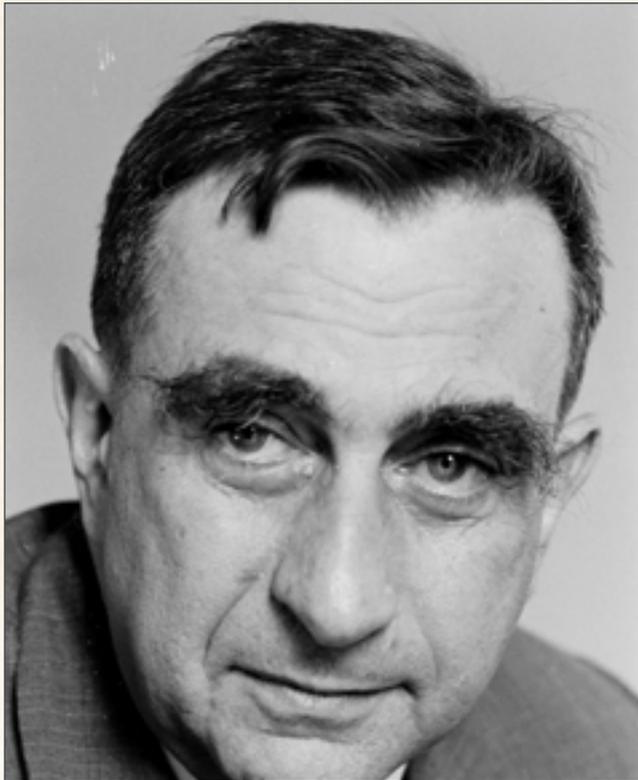
Клаус Фукс отклонил предложение Оппенгеймера продолжить работу с ним в Принстоне, возвратился в Англию и продолжал снабжать нас исключительно важной информацией. С осени 1947 года по май 1949-го Фукс передал нашему оперативному работнику Феклисову основные теоретические разработки по созданию водородной бомбы и планы начала работ, к реализации которых приступили в США и Англии в 1948 году.

Особенно ценной была полученная от Фукса информация о результатах испытаний плутониевой и урановой атомных бомб на атолле Эниветок.

Сведения о развитии атомных исследований в Англии и реальных запасах ядерного оружия в США, переданные Фуксом в 1948 году, совпали с исключительно важной информацией из Вашингтона, полученной от Маклина, который с 1944 года занимал должность секретаря английского посольства в США и контролировал всю канцелярию этого ведомства. Он сообщил, что потенциал ядерного вооружения США недостаточен для ведения войны с Советским Союзом.

В научных кругах США и СССР важную роль играли крупнейшие ученые с независимыми политическими убеждениями. Они всегда стремились сохранить собственное лицо, стремились жить в мире, созданном их воображением, с иллюзией независимости. Но независимость ученого, вовлеченного





▲ Теллер Эдвард

в работы громадной государственной важности, всегда остается иллюзией.

А для Курчатова в научной работе главными всегда были интересы государства. Он был менее упрям и более зависим от властей, чем Капица и Иоффе. Берия, Первухин и Сталин сразу уловили, что он представляет новое поколение советской научной интеллигенции, менее связанное со старыми традициями русских ученых. Они правильно поняли, что он амбициозен и полон решимости подчинить всю научную работу интересам государства. Правительство стремилось любой ценой ускорить испытание первой атомной бомбы, и Курчатов пошел по пути копирования американского ядерного устройства. Вместе с тем не прекращалась параллельная работа над созданием бомбы советской конструкции. Она была взорвана в 1951 году. В США аналогичную позицию занимал Теллер, стремившийся утвердить монополию США на ядерное оружие. Будучи настоящими учеными, Курчатов и Оппенгеймер в то же время были административными руководителями важнейших проектов, имевших



▲ Флеров Г.Н.

судьбоносное значение для мира. Конфликт личных убеждений, научных интересов и административных обязанностей в таком случае неизбежен. Мы не можем быть им судьями, работа этих людей над бомбой открыла новую эру в науке. Однако дело не только в открытии, суть проблемы в том, что впервые крупнейшие ученые мира действовали не только как носители научных идей, но и как государственные деятели.

Надо отметить, что первоначально ни Курчатов, ни Оппенгеймер не были окружены так называемой «научной бюрократией», чиновниками от науки, которые появились в значительных масштабах во второй половине 50-х годов.

В 40-х годах ни одно правительство в мире не могло достаточно эффективно полностью контролировать научно-технический прогресс. Парадокс заключался в том, что и американское, и советское правительства вынуждены были в интересах успешного решения атомной проблемы полагаться на совместную работу с учеными различных мировоззрений, возможно, даже враждебных властям,

и приспосабливаться к их запросам, потребностям, экстравагантному поведению.

Виднейшие ученые мира, разделяя антифашистские и пацифистские взгляды, полные иллюзий о возможной ведущей роли ученых в мировом правительстве после того, как будет открыта атомная энергия, были склонны делиться достижениями в этой области с учеными-единомышленниками дружественных стран. Отставив свои идеалы, Бор, Оппенгеймер сыграли по существу ту же роль диссидентов-ученых капиталистического мира, что и академик Сахаров в 1960-х годах, открыто выступавший против создания сверхмощного, нового термоядерного оружия и как политический противник советского режима.

С началом «холодной войны» настроения ученых резко изменились. Именно поэтому американские физики отвергли в 1948 году попытку нашего нелегала Фишера (Абель) возобновить сотрудничество с ними. Они поняли, что это не сотрудничество, а шпионаж.

Разведывательные материалы по атомной бомбе сыграли неоче-



нимую роль не только в военной политике, но и в дипломатической сфере. Когда Фукс сообщил нам неопубликованные в докладе комиссии Смита данные о конструкции атомной бомбы, он также предоставил нам исключительно ценные сведения о масштабах производства урана-235. Эта информация Фукса дала возможность рассчитать, сколько американцы производили урана и плутония ежемесячно, и помогла определить реальное количество атомных бомб, которыми они располагали.

Сведения, полученные от Фукса и Маклина, позволили сделать заключение, что американская сторона не была готова вести ядерную войну в конце 40-х и даже в начале 50-х годов. По значению эти сведения могут быть приравнены к информации Пеньковского о реальном советском ракетно-ядерном потенциале, которую в начале 60-х годов он передал американцам. Подобно Фуксу, Пеньковский сообщил, что Хрущев блефует и не готов к конфронтации с США, так же как и американцы не были готовы к полномасштабной атомной войне с СССР в конце 40-х годов.

Когда началась «холодная война», Сталин твердо проводил линию на конфронтацию с США. Он знал, что угроза американского ядерного нападения до конца 40-х годов была маловероятна. По нашим данным, только к 1955 году США и Англия должны были создать запасы ядерного оружия, достаточные для уничтожения Советского Союза.

Информация Фукса и Маклина сыграла большую роль в стратегическом решении советского руководства поддержать китайских коммунистов в гражданской войне в 1947-1948 годах. Мы располагали данными, что президент Трумэн рассматривает возможность применения атомного оружия, чтобы не допустить победы коммунистов в Китае. Тогда Сталин сознательно пошел на обострение обстановки в Германии, и в 1948 году возник Берлинский кризис. В западной печати появились сообщения, что президент Трумэн и премьер-министр Англии Этли готовы применить атомное оружие, чтобы не до-

пустить перехода Западного Берлина под наш контроль. Однако мы знали, что у американцев не было нужного количества атомных бомб, чтобы противостоять нам одновременно в Германии и на Дальнем Востоке, где решалась судьба гражданской войны в Китае. Американское руководство переоценило нашу угрозу в Германии и упустило возможность использовать свой ядерный арсенал для поддержки китайских националистов.

В 1951 году, когда мы разрабатывали план по военно-диверсионным операциям против американских баз, Молотов, комментируя наши предложения, отметил, что такие операции должны проводиться в соответствии не только с военными соображениями, но прежде всего с политическими решениями. Он сказал, что наша позиция и решительные действия по блокаде Берлина в значительной мере помогли китайским коммунистам. Для Сталина победа коммунистов в Китае означала громадную поддержку его линии в противоборстве с США. Стратегия Сталина сводилась к созданию опорной оси СССР — Китай в противостоянии западному миру.

В августе 1949 года мы испытали свою первую атомную бомбу. Это событие подвело итог невероятным напряженным семилетним трудам. Сообщения об этом в нашей печати не появилось — мы опасались превентивного ядерного удара США. Поэтому сообщение об этом в американской печати 25 сентября 1949 года вызвало шок у Сталина, руководства атомным проектом и в особенности у отвечавших за обеспечение секретности атомных разработок. Наша первая реакция — американской агентуре удалось получить данные о проведенном испытании. Если мы проникли в Манхэттенский проект, то нельзя исключать аналогичные действия американской разведки. Ко всеобщему облегчению, примерно через неделю наши ученые сообщили, что научные приборы, установленные на самолетах, при регулярном заборе проб воздуха могут обнаружить следы атомного взрыва в атмосфере. Объяснение ученых позволило орга-

нам безопасности избежать обвинения в том, что американской разведке удалось внедрить своего агента в круги создателей отечественного атомного оружия.

Курчатов и Берия за выдающиеся заслуги в укреплении могущества нашей страны были отмечены высшими наградами, большими денежными премиями и специальными грамотами о пожизненном статусе почетных Граждан Советского Союза. Все участники советской атомной программы получили привилегии: бесплатный проезд в транспорте, государственные дачи, право поступления детей в высшие учебные заведения без вступительных экзаменов. Последняя привилегия сохранялась до 1991 года для детей сотрудников разведки — нелегалов, находящихся при исполнении служебных обязанностей за рубежом.

Указом Президиума Верховного Совета от 29 октября 1949 года была награждена орденами большая группа сотрудников разведки, принимавших участие в операциях по атомному оружию, Горский, Квасников и Феклисов получили ордена Ленина; Барковский, Семенов, Яцков — ордена Трудового Красного Знамени. В 1996 году Квасников (посмертно), Яцков (посмертно) получили звание Героев Российской Федерации. Феклисов и Барковский получили эту высшую награду при жизни.

Оценивая материалы по атомной проблеме, прошедшие через отдел «С», следует принять во внимание высказывания академиков Харитона и Александрова на собрании, посвященном 85-летию со дня рождения Курчатова. Они отметили его гениальность в конструировании атомной бомбы и в ответственнейшем решении начать строительство заводов по производству урана и плутония, в то время как мы располагали лишь мизерным количеством этих материалов, полученным лабораторным путем. Атомная бомба была создана в СССР за четыре года. Талант Курчатова, его организационные способности и настойчивость Берии сыграли важную роль в успешном решении атомной проблемы в Советском Союзе. ■





АВИАЦИЯ В ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА ВОЛГЕ



Весной 1942 г. Красная Армия, закрепляя успехи своего зимнего наступления, временно перешла к обороне. Положение на всех участках советско-германского фронта стабилизировалось. Советские войска, испытав неудачи и радость первых крупных побед, стали опытнее, организованнее и сильнее.

Благодаря героическим усилиям советского народа, руководимого Коммунистической партией, к середине 1942 г. в основном была завершена перестройка всех отраслей народного хозяйства для обеспечения нужд фронта. Авиационная промышленность не только восстановила

утраченные мощности, но значительно превзошла их и обеспечила выпуск в 1942 г. 25 240 самолетов, в том числе 21 342 боевых. На вооружение авиации поступали современные для того времени самолеты Як-1, Ил-2, Пе-2. Началось производство новейших истребителей Ла-5. Союзническая помощь Англии и США по ленд-лизу была незначительной. На 1 мая 1942 г. в составе наших ВВС имелось всего лишь 249 иностранных самолетов устаревших типов: «Харрикейн», «Киттихаук», «Тамогаук».

Наряду с производством боевых самолетов с поршневыми двигателями принимались меры по созданию

реактивных самолетов. 15 мая 1942 г. летчик-испытатель капитан Г.Я. Бахчиванджи провел испытание первого реактивного самолета конструкции В.Ф. Болховитинова.

Произошли улучшения и в организационной структуре авиации. В марте 1942 г. из частей дальнебомбардировочной авиации ВВС была организована авиация дальнего действия (командующий генерал А.Е. Голованов, заместитель по политчасти генерал Г.Г. Гурьянов, начальник штаба генерал М.И. Шевелев) с подчинением ее Ставке ВГК. В начале мая началось формирование воздушных армий фронтов и однородных ави-



ационных дивизий, а в конце лета 1942 г. и авиационных корпусов резерва ВГК. Проводилось интенсивное переучивание летного состава на новую авиационную технику. Было завершено создание стройной системы подготовки и переподготовки летного и технического состава, расширена сеть запасных авиационных полков и бригад и проведена их специализация по родам авиации и даже по типам самолетов. В воздушных армиях в целях переподготовки летного состава были созданы отдельные учебно-тренировочные авиационные полки. Обобщался боевой опыт, и на этой основе совершенствовались оперативное искусство ВВС и тактика родов авиации.

Объем работ личного состава инженерно-авиационной службы в первой половине 1942 г. значительно увеличился, в связи с тем, что качество самолетов, выпускаемых перебазируемыми в восточные районы заводами, ухудшилось. Это требовало проведения значительно большего объема профилактических

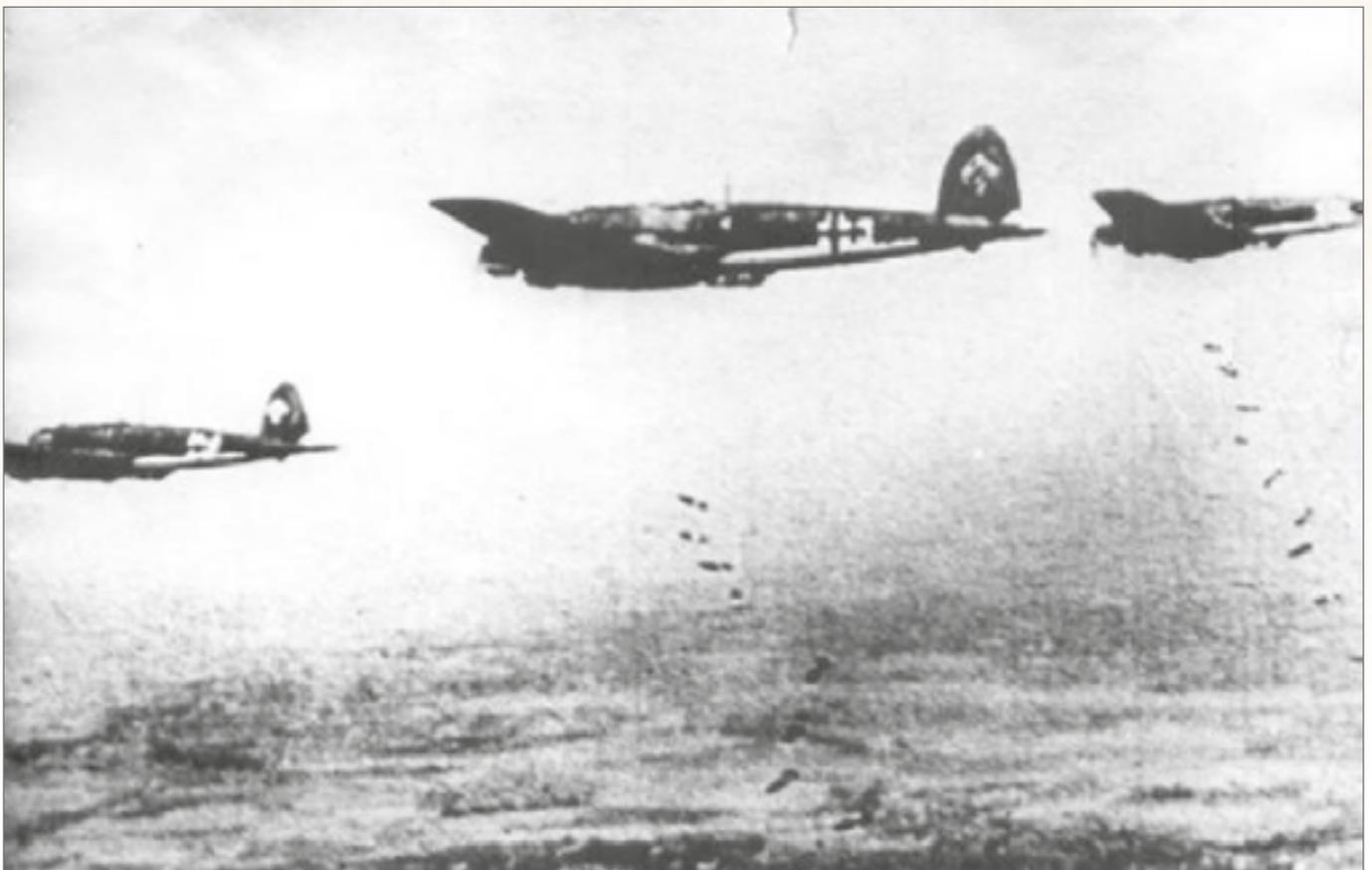
работ по поддержанию в боевой готовности авиационной техники. Из-за необеспеченности ВВС необходимыми материалами и запасными частями задерживалось восстановление поврежденных самолетов. Однако благодаря трудовому героизму, творческой инициативе и помощи специалистов авиационных заводов инженерно-технический состав добился снижения количества неисправных самолетов.

Гитлеровское командование также провело ряд важных мероприятий с целью усиления своих войск и авиации на советско-германском фронте. За счет формирования новых дивизий и использования соединений своих союзников оно имело на советско-германском фронте наибольшее за всю войну количество войск и техники. Здесь были сосредоточены основные силы немецкой авиации, однако качество ее летного состава ухудшилось. Понеся большие потери за первый год войны, немецкое командование вынуждено было пополнять кадры недостаточно

опытными летчиками выпуска 1942 г.

Путем решительного наступления фашисты рассчитывали овладеть стратегической инициативой, захватить важнейшие политические и экономические центры СССР и закончить войну на востоке. Крупная наступательная операция в начале лета 1942 г. готовилась на южном крыле фронта. Основной целью ее являлось уничтожение наших войск западнее Дона, овладение районом Кавказа с его нефтяными и продовольственными ресурсами.

Советское Верховное Главнокомандование планировало осуществить летом 1942 г. несколько наступательных операций почти на всех фронтах, главная операция намечалась на харьковском направлении. В период подготовки к летней кампании 1942 г. Ставка ВГК полагала, что наступательные операции Красной Армии сольются с мощными ударами наших союзников — англо-американских войск — по Германии с запада. Однако этого не произошло.





В мае относительное затишье на фронтах сменилось ожесточенной борьбой. Наиболее тяжелая обстановка для советских войск сложилась в Крыму и в районе Харькова. Неудачи наших войск под Харьковом вынудили Красную Армию отказаться от наступательных планов и вновь, как и летом 1941 г., перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Инициатива ведения действий опять перешла к противнику.

Обладая превосходством в силах и средствах, в июне противник вышел к Воронежу, верхнему течению Дона и захватил Донбасс. Оборона наших войск между реками Северный Донец и Дон в полосе шириной до 170 км была прорвана. Немецкие войска получили возможность главными силами развивать наступление на Кавказ и к Волге. В целях усиления обороны 12 июля был создан Сталинградский фронт (командующий маршал С. К. Тимошенко) в составе 63, 21, 62, 64-й общевойсковых ар-

мий и 8-й воздушной армии (командующий генерал Т. Т. Хрюкин, заместитель по политчасти бригадный комиссар А. И. Вихорев, начальник штаба генерал Я. С. Шкурин).

Для наступления на сталинградском направлении немецкое командование сосредоточило около 30 дивизий и около 1200 самолетов. На направлении главного удара противник превосходил 62-ю и 64-ю армии в людях и боевой технике более чем в 2 раза. В составе его авиации находились отборные авиационные части, вооруженные самолетами Me-109, Me-110, He-111, Ю-87, Ю-88. 8-я воздушная армия фронта на 17 июля насчитывала более 300 самолетов. Кроме того, здесь действовало до 150 — 200 дальних бомбардировщиков и 50 — 60 истребителей 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО.

В связи с отходом авиачастей в район Сталинграда сложилась тяжелая обстановка для тыла 8-й воздушной армии (заместитель команду-

ющего по тылу генерал В. И. Рябцев). Авиационные части армии базировались на аэродромы, расположенные на правом берегу Дона, в непосредственной близости к противнику. 14 июля был отдан приказ о перемещении четырех районов авиационного базирования в составе 30 батальонов аэродромного обслуживания на левый берег Дона.

Отход частей тыла воздушной армии был сопряжен с большими трудностями, так как авиация противника систематически разрушала переправы через Дон, наносила этим частям большие потери. Во время отхода почти полностью вышел из строя тракторный парк и большое количество специальных автомашин. Сильно износился бортовой транспорт. Особенно тяжелое положение было с резиной. Запасы материальных средств с аэродромов правобережья Дона были перевезены неполностью, частично они уничтожались. Таким образом, к началу ожесточенных боев на дальних подступах к Ста-



линграду для нашей авиации сложились неблагоприятные условия.

Боевые действия авиации на дальних подступах к городу начались утром 17 июля 1942 г. В первые шесть дней боев 8-я воздушная армия поддерживала передовые отряды войск 62-й и 64-й армий, которые вели тяжелые бои на реках Чир и Цимля. Основные усилия авиации направлялись на уничтожение ударных группировок противника. В первый день боев бомбардировщики и штурмовики произвели 13 групповых ударов по колоннам танков и автомашин на дороге Н. Астахов — Морозовский, железнодорожной станции и аэродрому Морозовский. Прикрытие наших войск и переправ осуществлялось группами истребителей в 4 — 6 самолетов.

Существенную поддержку сухопутным войскам оказала авиация дальнего действия, которая в течение шести ночей действовала по районам скопления войск и переправам врага через реки Дон и Чир и его резервам в районах Острогожска, Россоши, Богучара, Кантемировка.

Под натиском превосходящих сил противника передовые отряды 62-й и 64-й армий отошли на основной рубеж обороны — Клетская, Калмыков, Суворовский. 23 июля две сильные группировки противника нанесли удары по сходящимся направлениям на Калач и, прорвав оборону наших войск, через два дня вышли к Дону в районе Каменской, окружили часть войск 62-й армии и стремились прорваться к Волге кратчайшим путем. В те дни все силы 8-й воздушной армии были сосредоточены для поддержки 1-й и 4-й танковых армий, наносивших контрудар по прорвавшейся группировке врага. Противник понес значительные потери и был временно остановлен, а части 62-й армии вышли из окружения.

В ходе начавшихся ожесточенных боев Верховное Главнокомандование усиливало сухопутные войска и авиацию. В состав 8-й воздушной армии прибывали части и соединения из резерва ВГК, что позволило увеличить интенсивность действий авиации. От ее ударов против-

ник понес большие потери. Только 28 июля было уничтожено и повреждено до 30 танков и 30 автомашин, 2 батареи зенитной артиллерии и 16 самолетов противника.

В период боев за переправы в районе Калача был организован пункт управления истребителей, с которого осуществлялось: наблюдение за воздушной обстановкой; оповещение истребительных авиачастей, находившихся на аэродромах, и летчиков в воздухе о действиях вражеских самолетов; наведение истребителей на самолеты противника с земли по радио и управление ими в зоне видимости; наращивание сил в воздухе за счет вызова групп

истребителей. На этом пункте находился заместитель командующего 8-й воздушной армией. Периодически там были и командиры авиационных истребительных соединений и частей. Это способствовало повышению оперативности в управлении авиацией, усилению воздействия на врага, вскрытию и устранению недочетов в действии нашей авиации.

Одновременно осуществлялось приближение патрулирующих групп истребителей к линии фронта и эшелонирование их по высоте, что повышало эффективность действий и сокращало потери нашей авиации. Летчики начали действовать по принципу: ходить врозь, а сра-





жаться вместе. Такое построение групп прикрытия давало возможность свободно маневрировать и вести наступательный бой.

Наши бомбардировщики и штурмовики в основном действовали группами в составе 4 — 6 самолетов при сопровождении 2 — 4 истребителей. Районы скопления вражеских войск и техники иногда подвергались ударам более крупных сил. Так, 31 июля было нанесено четыре удара по войскам и переправам в районе Калача с участием в них более 160 самолетов. В результате было уничтожено и повреждено свыше 30 танков, 150 автомашин, 50 повозок с боеприпасами, 3 орудия. Действия днем дополнялись ударами ночью экипажами фронтовых и дальних бомбардировщиков. Противник находился под непрерывным воздействием нашей авиации с воздуха, и темпы его продвижения замедлялись.

По мере повышения интенсивности и эффективности действий авиа-

ции противник усиливал прикрытие своих сухопутных войск и часто стал наносить удары по нашим аэродромам. Однако врагу не удалось снизить активность советской авиации. В те дни исключительно успешно сражались летчики 434-го истребительного авиационного полка под командованием майора И.И. Клещев. За первые 18 дней боев они провели 144 воздушных боя и сбили 36 вражеских самолетов, проявляя при этом образцы храбрости и героизма. лейтенант Кукушкин и сержант Смирнов, возвращаясь на свой аэродром после выполнения боевого задания, встретили 9 немецких бомбардировщиков под прикрытием 12 истребителей. Несмотря на превосходство сил врагами малый запас бензина, наши летчики вступили в неравный бой, сбили пять вражеских самолетов и сорвали их удар по нашим войскам. В этом бою смертью героя погиб командир звена лейтенант Кукушкин.

Майор И.И. Клещев в то время являлся одним из новаторов тактики

истребительной авиации, повседневно совершенствовал свое боевое мастерство, искал новые способы ведения боя, изучал тактику противника. Он всегда искал врага и вел активный наступательный бой. Этому учил и своих подчиненных. Внезапные атаки обеспечивали им победу. Десятки героев воспитал майор Клещев.

Особенно активно действовали экипажи 150-го бомбардировочного авиационного полка, вооруженные самолетами Пе-2, во главе с командиром полка подполковником И.С. Полбиным. Они применяли метод бомбометания с пикирования, в результате чего более полно использовались тактико-технические данные самолетов и врагу наносились ощутимые потери.

Большой интерес представляет удар летчиков Полбина по вражескому бензохранилищу в районе хутора Морозовский. Это бензохранилище гитлеровцы тщательно замаскировали. Кроме того, оно охранялось большим количеством зенитной



артиллерии и истребителей. И тем не менее два советских пикирующих бомбардировщика днем прорвались к нему и на втором заходе зажгли резервуары с бензином. Немецкие танки из-за несвоевременной подачи горючего не могли вступить в бой.

Глубокий прорыв противника на кавказском и сталинградском направлениях к концу июля резко обострил обстановку. Советские войска отходили с тяжелыми боями и потерями, оставляя врагу богатые промышленные и сельскохозяйственные районы. В связи с этим 28 июля Народный комиссар обороны обратился к Вооруженным Силам с приказом № 227, в котором охарактеризовал опасное положение, создавшееся на юге страны, и от имени Родины потребовал усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение. Приказ требовал от офицеров и генералов повысить стойкость войск и авиации, перестроить партийно-политическую работу в войсках в соответствии с обстановкой

и мобилизовать все силы и средства на отпор врагу. Сознание смертельной опасности, нависшей над Родиной, придавало воинам новые силы и укрепляло их боевую стойкость.

Потерпев неудачу в попытке прорваться к Волге с западного направления, гитлеровцы перегруппировали свои войска для наступления с юго-запада. Они повернули сюда 4-ю танковую армию с кавказского направления. 31 июля эта армия при содействии авиации перешла в наступление и через два дня вышла в район Котельниково. Создалась угроза удара во фланг и тыл войск 62-й и 64-й армий. Для борьбы с прорвавшейся группировкой 3 августа была сформирована оперативная группа фронта под командованием генерала В.И. Чуйкова, которую поддерживала 8-я воздушная армия, ежедневно производившая до 600 самолето-вылетов. Над полем боя шли ожесточенные воздушные бои.

В первые дни августа воздушная разведка в районе железнодорож-

ной станции Абганерово, Плодовитое установила сосредоточение большой группы вражеских войск, которая 5 августа перешла в наступление в направлении станции Тингута. В связи с этим основные усилия наших бомбардировщиков и штурмовиков были направлены на поддержку войск 64-й армии. Для ударов по войскам противника в течение первого дня наша авиация произвела 265 самолето-вылетов. Для борьбы с танками успешно применялись и истребители ЛаГГ-3, вооруженные 37-мм пушками. Так, 5 августа восемь истребителей уничтожили четыре танка, шесть автомашин и автобензоцистерну противника.

Уничтожение авиации противника стало чаще производиться эффективными ударами по аэродромам. 5 августа 7 самолетов 268-й истребительной авиационной дивизии атаковали аэродром Б. Донщина, на котором находилось до 80 вражеских самолетов. В результате удара было выведено из строя 8 машин,



▲ Голованов А.Е.



▲ Руденко С.И.





а через несколько дней 8 самолетов Ил-2 228-й штурмовой авиационной дивизии нанесли удар по аэродрому Обливская, где находилось до 90 самолетов. В результате удара было выведено из строя до 40 самолетов противника.

В целях обеспечения бомбардировщиков и штурмовиков эпизодически высылались группы истребителей в район их действия для расчистки воздушного пространства. Несмотря на господство в воздухе вражеской авиации, наши летчики смело вступали в воздушные бои, наносили ей потери. Только за первые пять дней августа в 115 воздушных боях было уничтожено 54 вражеских самолета и 28 — на аэродромах. Большая протяженность Сталинградского фронта (700 км) создавала затруднения в управлении войсками. В связи с этим 5 августа он был разделен на два фронта — Сталинградский и Юго-Восточный. 8-я воздушная армия вошла в состав Юго-Восточного фронта, а для Сталинградского фронта формировалась 16-я воздушная армия (командующий генерал П. С. Степанов, с 28 сентября 1942 г. генерал С. И. Руденко, заместитель по политчасти полковой комиссар А. С. Виноградов, начальник штаба

полковник Н. Г. Белов, с 31 октября 1942 г. генерал М. М. Косых).

4-я немецкая танковая армия 6 августа, возобновив наступление, вышла к станции Тингута. Через три дня наша 64-я армия, пополненная резервами, при содействии авиации нанесла контрудар по прорвавшейся группировке противника. В результате были разгромлены три полка пехоты, подбиты и уничтожены десятки танков. Противник был оттеснен, а наши войска вновь вышли на внешний оборонительный обвод города. 8-я воздушная армия, имея в те дни 250 — 300 исправных самолетов, действовала напряженно, ежедневно совершала по 400 — 600 самолетов-вылетов. В целях усиления ударов по противнику, по опыту обороны под Москвой, для штурмовых атак по вражеским войскам привлекались истребители 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО, которая прикрывала Сталинград.

В тяжелые дни непрерывных сражений особенно большую волю к победе проявляли летчики-истребители. 6 августа командир звена 183-го истребительного авиационного полка старший лейтенант М. Д. Баранов, возглавляя патрулирование четырех самолетов Як-1 над

переправой через Дон, вступил в бой с 25 истребителями противника и в первой же атаке сбил одного, затем атаковал подошедших бомбардировщиков, подбил один самолет и принудил его произвести посадку в расположение наших войск.

В это время немецкие истребители атаковывали наших штурмовиков. Тогда Баранов пришел им на помощь и сбил еще один Me-109. Израсходовав все свои боеприпасы, он пошел на таран и плоскостью своего самолета нанес удар по хвостовому оперению вражеского самолета, а сам спасся на парашюте. Таким образом отважный летчик в течение нескольких минут сбил четыре вражеских самолета. Всего за короткий срок он уничтожил 24 фашистских самолета, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. М. Д. Баранов в 1943 г. погиб смертью храбрых.

Активными действиями наши войска при поддержке авиации сорвали план противника с ходу выйти к Волге. За 30 дней ценой больших потерь враг продвинулся на 60 — 80 км. Наша авиация за это время совершила около 15500 самолетов-вылетов, в воздушных боях и на аэродромах уничтожила 567 немецких самолетов.

Боевые действия на ближних подступах к Сталинграду начались 17 августа. После провала плана по захвату города с запада и юга немецкое командование решило нанести два удара по сходящимся направлениям из районов Трехостровского и Абганерово. Немецкие ударные группировки при поддержке 1 тыс. самолетов, сосредоточенные на узких участках фронта, имели превосходство над нашими войсками в 2 — 3 раза.

С 17 по 23 августа усилия 8-й и 16-й воздушных армий были направлены на разгром противника у переправ в районе Вертячего и Песковатки. Было совершено более 1 тыс. самолетов-вылетов. В это же время часть сил авиации поддерживала войска 64-й армии юго-западнее Сталинграда. Но сил нашей авиации не доставало, противник удерживал господство в воздухе.

Учитывая сложность создавшейся обстановки, по указанию Ставки



ВГК к 20 августа 1942 г. пять дивизий авиации дальнего действия перебазировались с Московского аэроузла ближе к району боевых действий, что дало возможность усилить удары по противнику.

Наращивание усилий авиации позволило совместно с сухопутными войсками наносить более ощутимые удары по врагу. Но обстановка была еще сложной.

20 августа на пополнение 8-й воздушной армии прибыла с переучивания на новые истребители Ла-5 287-я истребительная авиационная дивизия (командир полковник С.П. Данилин). На второй же день она вступила в бой. Только за 27 дней летчики этой дивизии успешно провели 299 воздушных боев и уничтожили в них 97 вражеских самолетов.

Пользуясь превосходством в силах, противник 23 августа ценой больших потерь прорвал оборону, вышел к Волге в районе Латошинка, Рынок и расчленил войска Сталинградского фронта на две части 8-км коридором. Его авиация, перебазировавшись на передовые аэродромы, повысила свою активность и во второй половине дня нанесла по Сталинграду массированный удар, в котором участвовало несколько сот самолетов, всего в течение дня она произвела около 2 тыс. самолето-пролетов. В городе возникли пожары. Это было варварское разрушение города с многотысячным мирным населением. В этот день наши истребители провели над городом 25 воздушных боев и совместно с зенитной артиллерией сбили 90 фашистских самолетов.

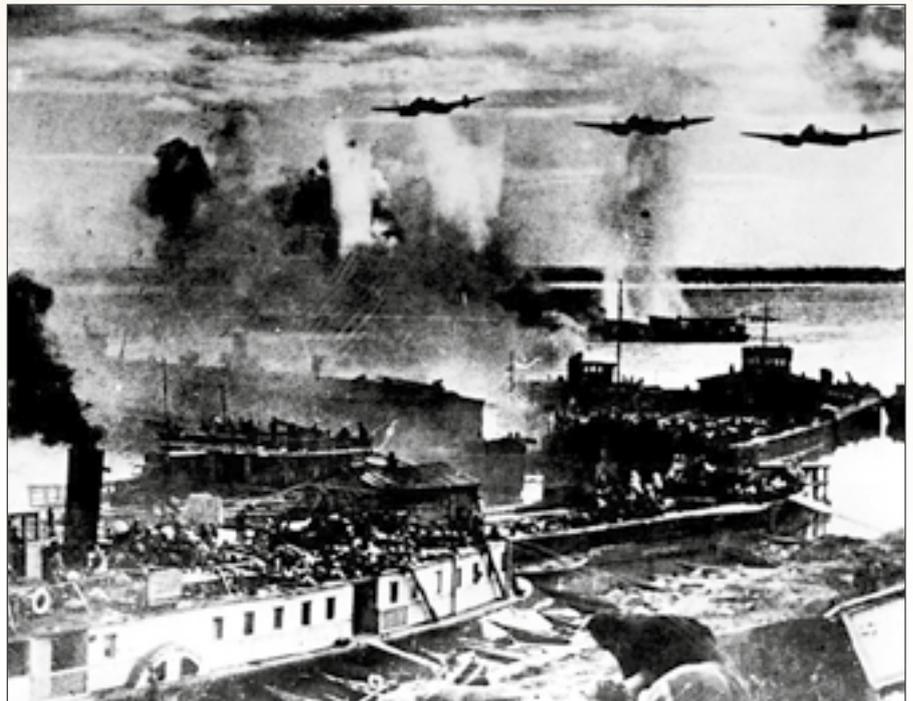
В сложных условиях обстановки советским командованием были проведены мероприятия по усилению обороны и противодействия противнику. В состав 8-й и 16-й воздушных армий прибыло новое пополнение. Улучшалось взаимодействие авиации с войсками и между родами авиации. Усилия авиации сосредоточивались для поддержки и прикрытия войск при обороне города. Совершенствовались противовоздушная оборона аэродромов, базирование и снабжение авиации.

Самоотверженно работал личный состав тыловых частей по созданию необходимых условий для обеспечения боевых действий авиационных полков. Особое внимание обращалось на подготовку аэродромов, восстановление автотракторной техники и организацию подвоза материальных средств. Заканчивалось строительство 50 новых аэродромов за Волгой. С этой целью туда было переброшено 3 инженерно-аэродромных батальона и 8 батальонов аэродромного обслуживания, а решением обкома партии и облисполкома мобилизовано 3500 человек местного населения. В результате проведенных мероприятий тыловое обеспечение боевых действий авиации начало осуществляться в основном бесперебойно.

С 23 августа по 2 сентября усилия авиации были сосредоточены на поддержку войск, наносивших контрудары по прорвавшейся группировке врага. Советские летчики днем и ночью наносили удары по противнику севернее города. Вместе с сухопутными войсками они не дали возможности врагу овладеть Сталинградом с ходу. 7 сентября всеми видами разведки было установлено, что в районе Гумрака про-

тивник сосредоточил крупные силы для перехода в наступление. 272-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия в ночь на 8 сентября нанесла сосредоточенный удар по ударной группировке и, как стало известно, фактически сорвала ее наступление в назначенное время.

По инициативе летчиков 16-й воздушной армии на штурмовиках Ил-2 силами инженерно-технического состава авиационных полков были оборудованы кабины для воздушных стрелков, установлены в них пулеметы. Воздушные стрелки еще не были предусмотрены штатным расписанием для этих самолетов, на боевые задания первое время летали механики, техники, специалисты по авиавооружению и спецоборудованию. Обеспечивая боевую готовность самолетов наравне с остальным техническим составом, многие из них совершали в день по 2 — 3 боевых вылета. В начале ноября промышленность стала поставлять на фронт уже двухместный Ил-2. Так, в ходе боев условия обстановки, требования тактики авиации оказывали существенное влияние на улучшение боевых возможностей самолетов. Все это способствовало улучшению действий штурмовиков и снизило их потери.





Самолеты Ил-2 гитлеровские солдаты называли «черной смертью». 7 сентября командир штурмовой авиаэскадрильи капитан П. С. Виноградов, нанося во главе семерки Ил-2 удар по танкам и пехоте врага на поле боя, подвергся атаке четырех Ме-109. Умело организовав оборону и боевые действия группы штурмовиков, он лично вступил в неравный бой с вражескими истребителями и два из них сбил. Раненный в бою, отважный командир под прикрытием своих подчиненных сумел довести поврежденный самолет до аэродрома и произвести посадку. Приказом Народного комиссара обороны капитану П. С. Виноградову было присвоено звание подполковник, он был назначен командиром 694-го штурмового авиационного полка и награжден орденом Ленина.

В ходе ожесточенных сражений советские летчики часто применяли такие приемы воздушного боя, которых избегали немецкие летчики, — стремительные лобовые атаки и таран. Воздушный таран применялся в решительные моменты боя, когда не было возможности сбить вражеский самолет другими средствами. Беспрецедентный подвиг в те дни

совершил молодой летчик Б. М. Гомолко. 8 сентября 1942 г. группа истребителей 520-го истребительного авиационного полка во время прикрытия наших войск встретила десять немецких бомбардировщиков. Старший сержант Гомолко, совершающий свой первый боевой вылет, смело врзался в строй самолетов врага и сбил один бомбардировщик. В последующих атаках, израсходовав боеприпасы, будучи раненным, пошел на таран. Винтом своего самолета он отрубил хвостовое оперение второму бомбардировщику, после чего покинул свой неуправляемый самолет. Спускаясь на парашюте, Гомолко приготовился для боя с немецкими летчиками, также спускавшимися на парашютах. Одного он застрелил при попытке оказать сопротивление, а двух других взял в плен и доставил в штаб своего авиаполка. Вскоре старший сержант Б. М. Гомолко получил звание лейтенант и был награжден орденом Ленина.

Небо над Волгой было началом большого и славного боевого пути летчика В. Д. Лавриненкова. В одном из боев он был тяжело ранен, но сумел посадить самолет на свой аэродром. Вылечившись, отважный

летчик снова поднял свой истребитель в воздух.

Патрулируя над переправой наших войск, старшина Лавриненков заметил две группы вражеских бомбардировщиков и решил их атаковать. Перед атакой к нему пристроился летчик из другого авиаполка, который, очевидно, отстал от своей группы.

— Атакуем! — крикнул Лавриненков по радио.

Длинная трасса пушечного огня незнакомого летчика прошла вражеский самолет, а Лавриненков короткой пулеметной очередью сбил флагманский бомбардировщик. Загорелись сразу два фашистских самолета. Во второй атаке Лавриненков поджег один Ю-87. Напарник, покачав крыльями, начал отходить в сторону, но в это время появились четыре немецких истребителя. Лавриненков и летчик самолета Ла-5, имя которого Владимир так и не узнал, смело ринулись в лобовую атаку. Немецкие летчики не приняли боя, повернули обратно. Лавриненков, ставший впоследствии дважды Героем Советского Союза, только за один месяц боев на Волге уничтожил 16 немецких самолетов. В одном полку



с Лавриненковым храбро сражался Герой Советского Союза А. В. Алелюхин, который впоследствии был удостоен второй Золотой Звезды.

И так почти ежедневно — многие наши летчики вступали в бой против больших групп вражеских самолетов. Это свидетельствовало о высокой отваге и мужестве советских авиаторов, которые атаковывали противника, невзирая на его численное превосходство. Еще в первые дни боев за Сталинград 8 истребителей под командованием майора И. Н. Степаненко атаковали 18 бомбардировщиков, шедших при сопровождении 8 истребителей противника, и сбили 4 самолета, из них 2 уничтожил командир группы. В этой схватке его самолет был серьезно поврежден, но Степаненко не покинул поля боя, а продолжал умело управлять подчиненными до тех пор, пока остальные немецкие самолеты не были обращены в бегство.

14 сентября майор Степаненко во главе группы из шести истреби-

телей, прикрывая войска 62-й армии, ведущие бои в районе железнодорожной станции Сталинград, смело атаковал 30 бомбардировщиков, сопровождаемых 12 истребителями. В ходе боя он сбил три самолета, а остальных наши летчики принудили беспорядочно сбросить бомбы вне цели и повернуть обратно. В начале октября при ведении воздушной разведки самолет Степаненко атаковали четыре истребителя. В завязавшемся бою он сбил двух, а остальные скрылись в облаках. За выдающиеся успехи в боях майор И. Н. Степаненко впоследствии был дважды удостоен звания Героя Советского Союза.

Наряду с успехами в боях имели место и недочеты. Истребители не всегда надежно сопровождали бомбардировщиков и штурмовиков. Прибывшие на пополнение авиационные полки в сжатые сроки вводились в бой. Имелись недостатки и в работе штабов по управлению истребителями в воздухе, но они быстро устранялись в ходе наступательной операции.

В 16-й воздушной армии по указанию командующего ВВС Красной Армии была организована радиосеть наведения. Для ее организации был вызван заместитель командующего 13-й воздушной армией Ленинградского фронта генерал В. Н. Жданов, который уже имел опыт в области наведения истребителей по радио с земли. Сеть наведения состояла из центральной радиостанции, находившейся в районе КП 16-й воздушной армии, и радиостанций авиационных дивизий и полков, находившихся на аэродромах, а также станций наведения, расположенных около линии фронта, которые имели связь с летчиками-истребителями в воздухе. Радиостанции наведения имели следующие задачи: информация летчиков, находящихся в воздухе, о воздушной обстановке; наведение их на появившиеся самолеты противника; вызов истребителей с аэродромов и перенацеливание их на другие цели. В качестве наводчиков на радиостанциях были





привлечены 25 командиров авиационных полков из запасных авиационных бригад с целью приобретения и распространения боевого опыта. На основе этого опыта в сентябре 1942 г. была разработана и введена в действие первая инструкция ВВС Красной Армии о наведении фронтовых истребителей по радио, которая явилась ценным руководящим документом и практическим пособием для авиачастей.

Таким образом, поступление новых типов самолетов, увеличение самолетного парка, улучшение тактики действий авиации, приобретение боевого опыта командным и летным составом способствовало успешному выполнению авиацией боевых задач. За 27 дней напряженных сражений на ближних подступах к Сталинграду наша авиация совершила около 16 тыс. самолето-вылетов и наряду с нанесением больших потерь вой-

скам и технике противника уничтожила 655 его самолетов. За это время почти в 2 раза увеличился удельный вес действий авиации ночью. Повысилось ее напряжение

Летом 1942 г. началось формирование авиационных корпусов резерва Главного Командования, состоящих из 2 — 4 дивизий. В истребительных авиационных дивизиях создавались группы «охотников» в составе 4 — 8 летчиков. Состав истребительных полков был увеличен с 22 до 32 боевых самолетов. Авиационные полки летным составом и самолетами пополнялись в ходе боевых действий. Это повысило боеспособность полка и увеличило продолжительность ведения им боевых действий. Основной тактической единицей стало звено, состоящее из двух пар истребителей. Атака вражеских самолетов производилась преимущественно с задней полусфе-

ры, сверху. Стала сокращаться дальность открытия пулеметно-пушечного огня.

Советское правительство и командование предприняли ряд мер, чтобы оказать решительное противодействие немецкой авиации и тем самым улучшить обстановку в пользу нашей авиации. С этой целью был издан ряд приказов НКО и ВВС. В одном из них указывалось:

«Считать боевым вылетом для истребителей только такой вылет, при котором истребители имели встречу с воздушным противником и вели с ним воздушный бой, а при выполнении задачи по прикрытию штурмовиков и бомбардировщиков считать боевым вылетом только такой вылет, при котором штурмовики и бомбардировщики при выполнении боевой задачи не имели потерь от атак истребителей противника».

Требования этого приказа повлияли на повышение эффективности действий истребителей.

Наше командование всячески поощряло инициативные решительные действия летчиков. Оно требовало, чтобы истребители в первую очередь вступали в борьбу с бомбардировщиками противника.

В развитии тактики, особенно истребителей, большое значение имело обобщение боевого опыта, что позволило командованию ВВС к осени 1942 г. разработать и в декабре 1942 г. выпустить в свет Руководство по боевым действиям истребительной авиации.

К середине сентября в районе Сталинграда обстановка продолжала оставаться все еще напряженной. Войска противника вышли на городской оборонительный обвод, вклинились в оборону на стыке войск 62-й и 64-й армий, овладели важными высотами и находились в 3 — 4 км от центра города.

Перед войсками Сталинградского фронта стояла задача удержать город, не дать возможности противнику форсировать Волгу и выйти на ее левый берег, а также силами войск Донского фронта задержать продвижение врага к северу от города, в упорных боях нанести ему потери



и выиграть время для подготовки контрнаступления.

Противник, захватив выгодные исходные позиции и подтянув резервы, начал штурм города. С 13 по 27 сентября проходили ожесточенные бои в южной и центральной части города. Ценой огромных потерь гитлеровцы на ряде участков фронта вышли к Волге. С первых дней боев за город соединения 8-й воздушной армии и авиации дальнего действия уничтожали ворвавшиеся в город войска противника и его подходившие резервы. Эффективность действий нашей авиации высоко оценил командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков.

Чтобы сдержать наступление врага и сорвать переброску его резервов на север, к участку контрудара Сталинградского фронта, войска 62-й армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии 19 сентября нанесли контрудар из северной части города. В это же время 8-я воздушная армия и авиация дальнего действия уничтожали выдвигавшиеся резервы противника из района Городище. Только в течение двух ночей в этот район было совершено 600 самолето-вылетов. В результате согласованных действий сухопутных войск и авиации противник был лишен возможности производить маневр своими резервами.

Удары наших бомбардировщиков и штурмовиков переносились поочередно из одного района города в другой. 23 сентября авиация 8-й и 16-й воздушных армий и авиация дальнего действия наносила удары по врагу в центральной части города, а 24 сентября она активно действовала в южной части города. Командование сухопутных войск неоднократно присылало положительные отзывы об успешных действиях наших летчиков. В те дни большое значение приобретали удары бомбардировщиков ночью.

В период боев в Сталинграде авиация оказала существенную поддержку войскам и получила богатый опыт по уничтожению вражеских войск в крупном городе. Основными объектами действий являлись

отдельные здания, занимаемые врагом, артиллерия, минометы, танки, скопления войск и техники.

Наша авиация действовала в тесном взаимодействии с сухопутными войсками. Штурмовики и истребители, взаимодействуя с пехотой и артиллерией, атаковывали противника непосредственно на переднем крае, а фронтовые и дальние бомбардировщики уничтожали артиллерию, резервы и войска, находящиеся в 2 — 5 км от линии фронта. Группы штурмовиков наводились на цель авиационными офицерами с КП или НП командиров стрелковых полков при помощи ракет, дымов, трассирующих снарядов.

Наряду с поддержкой войск фронтовая бомбардировочная, штурмовая авиация и АДД периодически вела борьбу с железнодорожными перевозками и вражеской авиацией на аэродромах. Истребительная авиация, получая пополнение, активнее стала переходить к наступательным боям. Потери вражеской авиации увеличились. В сентябре только летчиками 16-й воздушной армии было уничтожено в воздушных боях 290 самолетов противника. Снижение активности немецкой авиации выразилось в сокращении ударов по нашим аэродромам и тыловым объектам, а также в уменьшении числа полетов немецких «охотников». Это свидетельствовало о значительных потерях лучших летных кадров врага.

Командующий ВВС Красной Армии генерал А. А. Новиков, находясь в районе боев, своевременно принимал меры по более эффективному применению авиации. Он требовал сосредоточивать ее усилия на решающих направлениях, соблюдать строгую централизацию в руководстве боевыми действиями, оставлять часть сил в резерве, тщательно организовывать воздушную разведку для усиления ударов по противнику.

Командование ВВС Красной Армии требовало: систематически наносить удары по аэродромам противника, блокировать их; усилить действия «охотников» вытеснять вражескую авиацию с передовых аэродромов, чем затруднить ее дей-

ствия на поле боя; предоставить истребителям инициативу в выборе способа атаки; значительную часть их сил направлять за линию фронта для уничтожения вражеских самолетов еще на путях подхода к ней; создать условия для умножения побед наиболее выдающихся мастеров воздушного боя, которых надо выращивать и смело выдвигать на командные должности, заменяя неспособных командиров; для разработки новых тактических способов действий истребителей привлекать передовых командиров и летчиков; лучшие тактические приемы распространять на все части; не выпускать в бой молодых летчиков, не имеющих боевого опыта, без основательной их проверки и тренировки.

В период с 27 сентября по 18 ноября центр борьбы в городе переместился в район рабочих поселков и заводов. Войска фронта при содействии авиации не только отражали многочисленные атаки врага, но и сами неоднократно переходили в контратаки. Ожесточенная борьба шла за каждую улицу, каждый дом. Авиация днем и ночью вела боевые действия в интересах сухопутных войск, наносила удары по аэродромам, железнодорожным объектам и резервам противника.

Упорство, мужество и героизм личного состава возрастали с каждым днем. Коммунисты и комсомольцы личным примером в бою показывали образцы храбрости. Комиссар 291-го истребительного авиационного полка батальонный комиссар Л. И. Бинов в воздушном бою сбил вражеский истребитель, затем плоскостью своего самолета таранил второй самолет, после чего произвел посадку. Во время боев в центральной части города покрыл себя бессмертной славой младший лейтенант А. А. Рогальский. Во время штурмового удара по противнику он повторил подвиг Гастелло. Его самолет был подожжен зенитным огнем. Рогальский направил горящий Ил-2 в скопление немецких танков и автомашин.

Лейтенант В. Е. Пятов в одном воздушном бою дважды таранил





вражеский самолет, который после второго удара рухнул на землю. Сам летчик-герой, показав образец мужества, высокое летное и боевое мастерство, произвел посадку на своем аэродроме. Число примеров самоотверженности и героизма с каждым днем росло. Политорганы, партийные и комсомольские организации в газетах, в боевых листовках, лозунгах, плакатах, на партийных и комсомольских собраниях, в беседах широко популяризировали опыт героев-авиаторов.

Между летчиками взаимодействующих авиачастей воспитывалась боевая дружба, взаимная выручка в бою. В письме от 18 сентября 1942 г. авиаторам 581-го истребительного авиационного полка летчики 783-го штурмового авиационного полка выразили горячую товарищескую признательность за надежное прикрытие и сопрово-

ждение их до цели и обратно. В ответном письме летчики-истребители осязались и впредь надежно обеспечивать боевые действия штурмовиков. Летчики обоих полков дали клятву отстаивать город.

Героическая стойкость и мужество наших войск и активные действия авиации днем и ночью способствовали нанесению больших потерь войскам и авиации противника. За 12 суток боев, с 27 сентября по 8 октября, противник смог продвинуться всего лишь на несколько сот метров.

После захвата Тракторного завода противник сосредоточил свои основные усилия для окончательного разгрома 62-й армии. Но в это время на помощь защитникам города подходили свежие резервы. Кроме того, 19 октября из района севернее города войска Донского фронта нанесли контрудар.

Активно действовала 272-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия (командир полковник П. О. Кузнецов), которая совершила 375 самолето-вылетов. Каждому полку были указаны конкретные объекты для действий на территории Тракторного завода, направление захода на цель и время удара. Противник подвергался атакам через каждые 3 — 5 минут. Для обеспечения успешных действий выделялись опытные экипажи «охотники» с целью подавления ПВО в районе цели. Удары бомбардировщиков не только причиняли противнику значительные потери, но и изматывали его силы в течение всей ночи. Они помогли 62-й армии задержать дальнейшее продвижение вражеских войск. В октябре экипажи на самолетах По-2 вели боевые действия с высоким напряжением, каждую ночь они совершали по 7 — 10 боевых вылетов



и сбрасывали на противника от 180 до 350 кг бомб с каждого самолета.

Было обращено большое внимание на совершенствование тактики действий ночных экипажей. Наиболее опытные и подготовленные летчики стали выполнять задачи способом «охотников» для атак железнодорожных эшелонов, находящихся как на перегонах, так и на железнодорожных станциях. Удары по этим объектам даже одиночных экипажей были высоко результативными. Например, летчики 272-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии только в течение двух ночей в девяти местах разрушили железнодорожное полотно, взорвали два паровоза и восемь вагонов, на железнодорожных станциях создали до 15 очагов пожара. Движение поездов было прекращено на 8 — 12 часов.

Одновременно с интенсивными боевыми действиями летчики на По-2 транспортировали войскам боеприпасы и продовольствие. За период сентябрь — декабрь 1942 г. для материального обеспечения правофланговой группы войск 62-й армии было совершено 1008 самолето-вылетов и доставлено около 200 тонн различного груза.

Особенно отличились летчики 709-го авиационного полка (командир майор М. Г. Хороших). За успешные боевые действия в ходе борьбы с врагом и транспортировку грузов войскам приказом НКО от 27 ноября 1942 г. этот полк был преобразован в гвардейский, а приказом НКО от 4 мая 1943 г. ему было присвоено наименование Московский. Основанием для присвоения такого наименования послужило то, что в декабре 1941 г. этот полк был в основном сформирован из летчиков-москвичей аэроклуба Октябрьского района Москвы.

Совершенствовалась тактика и истребителей «охотников», которые стали все чаще вылетать за линию фронта с целью поиска и уничтожения одиночных самолетов, железнодорожных эшелонов на перегонах, штабных автомашин, радиостанций, артиллерийских орудий и т. д.

В 8-й воздушной армии из опытных летчиков был сформирован истребительный авиационный полк «мастеров воздушного боя». Они стали шире и активнее практиковать перехват вражеских самолетов путем вылета из засад. Было улучшено и управление. В октябре 1942 г. за Волгой, у хутора Бурковский, в 287-й истребительной авиационной дивизии был организован пункт наведения и управления.

Совершенствовалась и тактика действий штурмовиков, которые стали атаковать цели группами в 6 — 9 самолетов. Большое внимание уделялось внезапности нанесения удара, успешно использовались штурмовики в качестве дневных бомбардировщиков, которые также применялись для перехвата и уничтожения вражеских бомбардировщиков в воздухе.

В сравнении с летом 1941 г. авиация дальнего действия стала действовать более активно и только ночью. Удары наносились по ограниченному количеству объектов в одном районе. Полет к цели и бомбардирование ее производились экипажами с временным интервалом в 2 — 3 минуты. Выход на цель осуществлялся по расчету времени и курса, по характерным ориентирам и при помощи светонаведения. Светообозначение войск достигалось выкладыванием линии из костров на удалении 1 — 1,5 км от переднего края, а также ракетами, трассирующими снарядами и фарами автомашин. Применявшиеся средства светонаведения и светообозначения показали хорошие результаты.

Ведя напряженные оборонительные бои, наши сухопутные войска и авиация постепенно создавали благоприятные условия для предстоящего контрнаступления. Для завоевания господства в воздухе и ослабления авиации противника силами 8-й воздушной армии и авиацией дальнего действия по указанию Ставки ВГК 27 — 29 октября наша авиация действовала по 13 аэродромам и совершила 502 самолето-вылета, при этом уничтожила несколько десятков немецких самолетов и повредила взлетно-посадоч-

ные полосы на ряде аэродромов, что снизило активность немецкой авиации и вынудило ее перебазироваться на тыловые аэродромы. В октябре в районе Сталинграда было проведено более 260 групповых воздушных боев, в которых сбито около 200 немецких самолетов и более 80 уничтожено на аэродромах.

Таким образом, количественное увеличение самолетов, улучшение их качества, внедрение радиосредств в управление, улучшение работы инженерно-авиационной службы и материально-технического обеспечения, а также устранение недочетов в тактике действий родов авиации — все это увеличило роль авиации в поддержке войск в период ожесточенных боев. В течение 67 дней обороны города она совершила 45325 самолето-вылетов, сбросила 15440 тонн бомб, провела более 1 тыс. воздушных боев. В воздушных боях, на аэродромах и огнем зенитной артиллерии было уничтожено 929 вражеских самолетов.

В результате проведенной советскими войсками Сталинградской оборонительной операции план гитлеровского командования на летнюю кампанию 1942 г. был сорван. Были созданы благоприятные условия для перехода Красной Армии в решительное контрнаступление.

Наша авиация активно содействовала войскам в удержании оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к городу и во время боев в нем, помогала войскам удерживать водные рубежи, участвовала в контрударах, вела борьбу с резервами противника и прикрывала сухопутные войска и важные объекты. Кроме того, авиагруппы Гражданского воздушного флота и части сил авиации дальнего действия транспортировали военную технику, личный состав, боеприпасы, продовольствие войскам и вывозили раненых в тыл страны.

Своими непрерывными боевыми действиями авиация оказала неоценимую поддержку войскам в удержании ими плацдармов в Сталинграде, в изматывании войск и уничтожении значительной части лучших летчиков противника.





В период оборонительной операции фронтовая авиация, авиация дальнего действия и истребительная авиация ПВО страны совершила 77 тыс. самолето-вылетов (в том числе АДД более 11 тыс.). На войска и объекты противника было сброшено 23 тыс. тонн бомб, выпущено 38 тыс. реактивных снарядов, до 1,2 млн. пушечных снарядов и около 4 млн. патронов. От ударов нашей авиации противник понес большие потери. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено более 2100 его самолетов.

По сравнению с оборонительной операцией под Москвой наша авиация в боях между Доном и Волгой применялась более массированно. Это достигалось главным образом путем сосредоточения усилий двух воздушных армий фронтов, авиационных резервов Ставки ВГК, значительной части сил дальней авиации, истребительной авиационной дивизии ПВО страны. Централизация управления, достигнутая за счет создания воздушных армий и однородных авиационных соединений, облегчала массированное применение авиации на важных направлениях.

Оправдал себя опыт координации усилий видов авиации, впервые осуществленный представителями Ставки ВГК по авиации. В оборонительной операции для управления боевыми действиями истребительной и штурмовой авиации стали применяться радиосредства.

Непрерывно совершенствовалась организация взаимодействия авиации с войсками. В штабах общевойсковых армий постоянно находились представители от авиации, отработывались планы взаимодействия.

По сравнению с операциями, проведенными нашими войсками в 1941 г., удельный вес ночных действий авиации в битве на Волге был значительно выше (около 47% всех самолето-вылетов), этим самым достигалась непрерывность воздействия авиации на войска противника в дневное и ночное время.

В условиях, когда немецкая авиация свои основные усилия сосредоточивала над полем боя, главным способом борьбы с нею являлись воздушные бои, в которых было уничтожено 76% вражеских самолетов.

Большую помощь общевойсковому и авиационному командованию оказала воздушная разведка. При

помощи ее своевременно устанавливались районы сосредоточения резервов и ударных группировок войск и авиации противника. Для ведения воздушной разведки наряду со специальными разведывательными авиационными полками широко привлекались отдельные опытные летные экипажи, звенья, эскадрильи всех родов авиации. Визуальное наблюдение за действиями противника стало дополняться воздушным фотографированием, а передача сведений о противнике стала осуществляться по радио с борта самолета-разведчика.

Полученный опыт поддержки авиацией сухопутных войск в ходе длительных боев за Сталинград нашел широкое применение в последующих операциях Великой Отечественной войны при овладении крупными городами.

Новым в тактике штурмовой авиации было широкое применение ее в качестве ближних бомбардировщиков днем и частично ночью. В связи с этим штурмовики стали вести боевые действия не только на бреющем полете, но и со средних и малых высот. Для длительного воздействия по войскам противника и повышения



обороноспособности наши летчики в районе цели стали более широко применять боевой порядок — «круг самолетов»

Главным способом боевых действий наших истребителей при прикрытии сухопутных войск и объектов тыла, как и в предыдущих операциях, было систематическое патрулирование в дневное время. Поступление на вооружение новых типов самолетов Як-7б и Ла-5 дало возможность применять в воздушном бою маневр в вертикальной плоскости. К концу оборонительной операции в штатах истребительных авиационных полков было организационно оформлено авиазвено, состоящее из двух пар самолетов, ставшее основной тактической единицей.

В оборонительной операции партийно-политические органы, партийные и комсомольские организации проводили большую идейно-воспитательную работу, основной целью которой являлось укрепление морального состояния личного состава и воспитание его в духе беззаветной преданности Родине, смелости и решительности в бою.

Большое внимание уделялось воспитанию любви и уважения к командиру и укреплению единоначалия. С объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии» в авиационных частях были проведены партийные и комсомольские собрания, беседы, лекции, доклады, в которых разъяснялось значение преданности и веры в командира, особенно в период выполнения боевого задания. Неуклонное и точное выполнение боевого приказа было первым законом для летчика. Этот закон был нерушим при любых, даже самых трудных, условиях. Чувство высокой ответственности, вера в свои силы, взаимная товарищеская поддержка помогали им выходить победителями даже в боях с численно превосходящим противником. Воля к победе и презрение к смерти были замечательными качествами советских авиаторов.



Личному составу разъяснялось, что победу над врагом готовят народы всей нашей Родины: воины армии, авиации и флота — на фронте — и героические труженики — в тылу. В авиачастях обсуждались письма, полученные от трудящихся Ленинграда, Москвы, городов Урала, Казахстана, Узбекистана и других республик. Налажен был обмен письмами и делегациями между трудящимися самолетостроительных заводов и воинами-авиаторами. Практиковалось вручение представителями трудящихся отличившимся летчикам именных самолетов в торжественной обстановке на фронтовых аэродромах, в запасных авиационных полках или на авиационных заводах. Труженики тыла брали обязательства лучше работать в тылу, авиаторы — мужественно и стойко сражаться на фронте с врагом до полной победы над ним.

Широко популяризировались подвиги летного и технического состава. По случаю награждения отдельных летчиков орденами в полках проводились митинги. Вручение наград, как правило, производилось на аэродромах в присутствии всего личного состава. Боевые подвиги летчиков описыва-

лись в специальных боевых листках, листовках-«молниях», а также в дивизионных, армейских и фронтовых газетах. О героях-летчиках писали теплые письма их родным, а также на предприятия и в колхозы, где они трудились до ухода в авиацию. В авиационных полках широко практиковались встречи и беседы молодых авиаторов с ветеранами, Героями Советского Союза, которые делились своим боевым опытом.

Героические подвиги и напряженные боевые действия летчиков были высоко оценены Коммунистической партией. Только за период с 17 июля по 1 октября 1942 г. в 8-й воздушной армии шесть отважных летчиков были удостоены звания Героя Советского Союза, а более 1030 авиаторов награждены орденами и медалями.

Многогранная и повседневная партийно-политическая работа обеспечила высокую патриотическую сознательность, боевую выучку, стойкость в боях и героизм личного состава авиачастей в оборонительный период и морально подготовила его к предстоящему контрнаступлению. ■





К.К. ЗВОНАРЕВ, полковник Красной Армии,
начальник 2-го агентурного отдела Разведупра ГШ РККА

РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА с 1906 по 1914 год



ПЛАНЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ АГЕНТУРНОЙ РАЗВЕДКИ

В начале 1906 г., в результате работ разных компаний и совещаний по реорганизации управления армий, был издан приказ по военному ведомству с опубликованием новых

штатов разных военных учреждений, в том числе и вновь созданного Генерального штаба. К последнему перешли также и разведывательные функции.

Согласно приказа по военному ведомству от 22/IV 1906 года за №252, было создано 5-ое делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера, в которое перешли

оперативные-добывающие функции разведки. Личный состав этого делопроизводства должен был состоять из 5-ти штатных делопроизводителей — полковников или подполковников Генштаба и 6-ти их помощников в тех же чинах.

Обработка добытых этим делопроизводством сведений и материалов об иностранных армиях была





▲ Токио

сосредоточена в шести делопроизводствах части 2-го обер-квартирмейстера.

Новый орган разведки взялся за дело весьма горячо и энергично еще до официального объявления штатов и положения о 5-м делопроизводстве. Почти весь старый личный состав был отстранен от дела и заменен новым. Деятельность прежнего аппарата разведки подверглась всесторонней критике, в которой участвовали даже те лица, кои до того стояли к разведке очень близко и имели на ее деятельность известное влияние.

Мы вкратце остановимся на более ценных критических замечаниях, ибо они дают возможность заглянуть в закулисную сторону русской агентурной разведки.

Капитан Никольский написал «Краткий очерк положения нашей негласной военной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации». В этом очерке он, между прочим, указывал, что русская агентурная разведка военных сил и средств иностранных государств, не имея никакой определенной программы, «представляется совершенно случайной и всегда получает не то, что надо, а лишь то, что доставляет слепой случай».

Причину такого положения автор «очерка» видел, главным образом, в отсутствии организации службы разведки. Он сам признавал, что почти полная неосведомленность русской разведки о состоянии вооруженных сил Японии показывала, насколько мало в действительности Россия знала о своих соседях.

Хотя Никольский и допускал, что сведения, имеющиеся об европейских государствах должны быть несравненно полнее, но, судя по тому, что они в большинстве случаев добывались лишь случайно, без определенной системы и притом устаревшими, — он предполагал, что эти сведения были далеко неудовлетворительными и не могли представить истинной картины о силах соседей.

По мнению Никольского, «в настоящее время (т. е. к концу 1905 г.) сравнительно сносно поставлена разведка лишь на Ближнем Востоке, где мы имеем под видом консулов, ряд негласных военных агентов в Эрзеруме, Ване, Хаме и в Персии. В Европейских государствах негласная разведка, главным образом, производится военными агентами, официальными представителями нашей армии. В силу официального положения, военным агентам крайне неудобно вести негласную разведку на широких началах и каждый

из них постоянно рискует в случае обнаружения его разведывательной деятельности отчислением от должности».

«При усиленном негласном надзоре, каковой обыкновенно установлен за военными агентами, последним приходится ограничиваться лишь случайно приобретаемыми, с большим риском для себя, сведениями, т. е. другими словами, — военные агенты поставлены в невозможность систематически вести негласную разведку, почему и все сведения, ими добываемые, суть случайные и требующие проверки».

Предложения разных случайных лиц, коими пользовалась русская разведка — являлись, по мнению Никольского, источником совершенно случайным и притом еще более ненадежным, если принять во внимание, по его словам, что «в некоторых иностранных государствах принята система фабрикации самими штабами заведомо ложных документов, которые и предлагаются к покупке при посредстве подставных лиц».

Никольский полагал, что для правильной постановки дела разведки необходимо принять следующие меры:

1. Выработать определенную программу разведки;
2. Отпустить достаточное количество средств;
3. Сохранить в полной тайне структуру, как общей организации, так и самых разведок;
4. Установить непрерывность негласного наблюдения за известным районом иностранного государства.

В заключение Никольский указывал, что соблюдение выдвинутых им условий уж не так трудно. Некоторые затруднения, по его мнению, могли встретиться лишь при ассигновании необходимых средств. Но и здесь он видел выход в том, что уж если сочли возможным субсидировать Черногорию в размере 331.000 руб. в год, «то, надо полагать, что для более полезного назначения тоже найдут возможным отпускать ежегодно приблизительно ту же сумму».





Сохранения в тайне общей организации, а также и «самих разведок», по мнению Никольского, можно было достигнуть при выполнении следующих условий:

1. Руководство разведкой всех видов должно быть централизовано;

2. Во главе разведки должны встать лица, продолжительное время работающие в этой области и подчиненные непосредственно одному из высших начальников;

3. Негласные агенты, производящие сбор сведений, должны быть вполне независимы друг от друга, и один другого совершенно не знать.

Соблюдение первого и второго условий, по мнению Никольского, дало бы возможность посвятить в дело разведки весьма ограниченное количество лиц, что более гарантировало бы сохранение тайны и сделало бы менее возможным повторение таких случаев, как, например, дело поручика Леонтьева в Варшаве в 1903 году (Леонтьев служил по разведке в штабе Варшавского военного округа и одновременно состоял агентом германской разведки).

Никольский надеялся, что при полном сосредоточении управления всей агентурной разведкой в одних руках — в разведывательном отделении, — все военные учреждения,

которым необходимо получать секретные сведения об иностранных государствах, будут обращаться непосредственно к лицу, возглавляющему разведывательное отделение, и последнее будет совершенно самостоятельно добывать требуемые сведения при посредстве своих агентов, известных лишь отделению.

Соблюдение третьего условия, по словам Никольского, дало бы возможность контроля над действиями каждого агента путем сопоставления добываемых ими сведений. Кроме того, этим гарантировалось бы сохранение в тайне всей системы организации разведывательной службы в случае измены или провала агента.

Непрерывность наблюдения дала бы возможность представить полную и истинную картину состояния сил противника в любой момент. Примером подобного непрерывного и полного наблюдения, по мнению Никольского, могла бы служить японская организация разведки в Приамурской области, где задолго до войны японцы, якобы, не только следили постоянно за перемещениями или увеличением войск, но даже вели у себя, в Главном штабе, именные списки офицеров русских пограничных гарнизонов, отмечая каждого прибывшего и ушедшего.

Значительным подспорьем к ведению агентурной разведки, по мнению Никольского, могла бы служить организация этой разведки на основаниях, принятых в некоторых государствах (Франция, Япония), где особо назначенные лица предлагают и продают иностранцам сфабрикованные сведения и документы, получая за них деньги, идущие затем на содержание личного состава агентуры. Кроме материальных выгод, подобная организация направляет деятельность иностранных агентов в направлении, желательном для применяющих этот способ, в то же время показывая, чего именно иностранцы не знают про данную страну.

Мы так подробно остановились на «очерке» капитана Никольского для того, чтобы показать, какой сумбур и непонимание царили в организации русской агентурной разведки после русско-японской войны. Хотя большинство из того, о чем пишет Никольский, являлось самыми элементарными, азбучными истинами и правилами разведки, все же, оказывается, они не были известны русскому Генеральному штабу.

Мнение Никольского о царившем в русской разведке хаосе подтвердил также в своем «всеподаннейшем» от-



▲ Офицеры штаба императорской армии



чете и командующий войсками Киевского военного округа за 1904 год. Он, между прочим, писал:

«... Война с Японией дала наглядные доказательства, какое громадное значение имеет правильная организация разведки вероятного противника предстоящих театров войны. Дело это носит у нас чисто случайный характер и правильной организации не имеет. Мы не только не принимаем мер, чтобы проникнуть в замыслы наших врагов и изучить их средства для ведения войны, но не можем уберечься от сети тех разведочных органов, которые они распространили в наших пределах. К каким печальным последствиям ведет такое положение этого дела с открытием военных действий, не приходится пояснять...»

В начале 1906 года помощник начальника военно-статистического отдела полковник Михельсон, убедившись на горьком опыте русско-японской войны в неадекватности русской агентурной разведки, представил по команде доклад, дошедший до начальника Главного штаба, в котором рисовал картину положения русской разведки «в настоящее время» и давал советы, как ее нужно организовать в будущем с точки зрения органа, обрабатывающего добытые сведения. Как всякий доклад того времени по этому вопросу, он начинался ссылкой на печальные события на Дальнем Востоке. Доклад весьма обстоятелен и дает полную картину того хаоса и неразберихи, которая существовала в деле разведки того времени, почему мы на нем остановимся несколько подробнее.

Михельсон считал, что при сложности современного военного дела возможный неприятель не сможет полностью скрыть всех своих приготовлений к войне. Дело разведки неприятеля по своему характеру походит на диагнозы врача по внутренним болезням, или на судебное следствие по искусно скрытому преступлению.

Из этого следует, что дело разведки мирного времени требует продолжительной подготовки и специализа-

ции служащего ей кадра офицеров Ген. штаба и выполнения следующих условий:

1. Объединение работы всех офицеров Ген. штаба, изучающих данное государство, в одно общее, стройное и планообразное целое;

2. Возможно долгого удержания опытных работников на систематизации и обработке сведений по данной армии.

«В настоящее время, — писал Михельсон, — дело разведки мирного времени находится в следующем положении.

Разведкой занимаются четыре органа: VII отделение Главного штаба, военные агенты, отчетные отделения штабов округов, искусственное отделение главного инженерного управления. Сюда надо прибавить еще: агентуру главного артиллерийского управления и случайные командировки (например, инженерно-строительная часть). Нельзя не держать связи и с главным морским штабом.

Деятельность всех этих учреждений совершенно не объединена и одно учреждение не знает, что делается в другом, часто одна и та же работа делается параллельно в разных местах. Благодаря этому, общий итог работы этих органов разведки и обработки добытых сведений едва ли может считаться сколько-нибудь удовлетворительным.

Сверх того, все эти органы разведки, кроме своего прямого дела, заняты еще другими обязанностями, к делу разведки совершенно не относящимися.

Так как деятельность VII отделения заключается в систематизации и обработке получаемых из разных источников сведений, то характер делопроизводства в нем таков, что результаты деятельности могут быть видны только в местах работы. Между тем до сих пор, благодаря стремлению подвергнуть ее бумажному отчету, установлено было требование разных срочных докладов и отчетов. Так как они представлялись начальнику Главного штаба, военному министру

и восходили до всеподаннейших докладов, то они требовали весьма тщательной редакции внешности и иногда по несколько раз заключали в себе одни и те же сведения (например, сведение, извлеченное в штабе из газеты "Berliner Tageblatt", представлялось в рапорте военным агентом, из этого рапорта делалось извлечение для доклада, затем об этом писалось в так называемых "отчетах о деятельности военных агентов" по третям — раз и за год — второй раз). Кроме того, в отделение присылалось для перевода много писем и бумаг на иностранных языках, хотя бумаги эти с деятельностью данного стола ничего общего не имели. Из всякого рапорта военного агента, занимавшего более двух страниц, независимо от его содержания, делалось "извлечение" и т. д. Все это в такой степени раздвигало и кромсало по частям время, что настоящей работой по изучению иностранных государств приходилось заниматься по собственной инициативе во вне-служебное время.

Относительно удержания опытных в деле разведки офицеров на этого рода службе надо заметить, что введенная с 1-го мая 1903 г. новая организация Главного штаба нанесла этому вопросу такой удар, что в течение уже первого года Главный штаб вынужден был брать чуть ли не всякого, кто сам соблаговолит согласиться на службу в Главном штабе («на имеющую ныне открыться вакансию послан запрос 7-ми офицерам. От 5-ти получен отрицательный ответ. 2 еще не ответили») — (доклад Михельсона).

Объяснялось это главным образом тем, что реформа Главного штаба 1903 года поставила офицеров, служивших в Главном штабе на один уровень с чиновниками, выслужившимися из писарей. Работа офицеров Ген. штаба, требовавшая зачастую самостоятельного мышления, творческих, новых комбинаций, вызываемых быстро изменяющейся общественной жизнью, была поставлена на одну доску с канцелярской рутинной.





▲ Хольмсен И.А. военный агент на Балканах ▲ Константинополь

Такое положение — (по мнению Михельсона), — в связи с положением материальным, само собой являлось принуждением к уходу из Главного штаба, ибо «понятно, что штаб-офицеры Ген. штаба, сверстники которых состоят начальниками штабов дивизий и пользуются правами полковых командиров, не могут довольствоваться положением, равным чиновнику столоначальнику».

Нарисовав печальное положение дела, полковник Михельсон предложил следующие меры для улучшения его постановки:

Во-первых — объединить деятельность всех офицеров Ген. штаба, работающих над данным государством.

Во-вторых — обеспечить достаточное число опытных работников.

На докладе Михельсона 2-ой ген. — квартирмейстер Поливанов написал, что он проекту сочувствует, но «данное время неблагоприятно для организации мероприятий в смысле штатных изменений, а потому возможно ограничиться лишь некоторыми компромиссами».

Министерство иностранных дел внимательно следило за реорганизационными мероприятиями военного ведомства, особенно в области разведки. Видя, что в это ведомстве идет долгое писание всевозможных докладов и проектов, некоторые «горячие головы» из министерства иностранных дел сделали довольно скромную попытку — прихватить к министерству иностранных дел разведку всех видов, на первых порах, во всей Азии. Эта попытка зафиксирована в «проекте учреждения при первом департаменте министерства иностранных дел разведочного бюро», сводившемся к следующему предложению:

1. Деятельность бюро охватывает Малую Азию, Аравийский полуостров, Персию, Афганистан, Тибет, Индо-Китай, Индию, Китай, Японию, Корею, все английские колонии на востоке и Монголию.

2. Агенты этого бюро делятся на две категории: на постоянных и инспекторов. Агенты постоянные должны жить в каком-либо пункте, заранее им указанном и заниматься

самыми разнообразными профессиями, по указаниям бюро. Инспектора, преимущественно офицеры Ген. штаба, дважды в год объезжают постоянных агентов и доносят о желательных изменениях.

3. Каждому агенту отводится строго ограниченный район действий, который он должен изучить до мельчайших подробностей.

4. Желательно войти в соглашение с ведомством торгового мореплавания, дабы оно предписало капитанам коммерческих судов по приходе из в какой-либо порт отсылать в разведочное бюро краткое донесение о слышанном и виденном в предшествующем порту.

5. Желательно также войти в соглашение с духовным ведомством для ежегодной посылки, за счет разведочного бюро, православных миссионеров в Персию, Китай, Корею, Афганистан и Японию. Обязать этих миссионеров вести ежегодный журнал своих впечатлений и один раз в год отсылать краткий конспект этого дневника начальнику разведочного бюро.



Стоимость всего этого предприятия его инициаторы определяли в размере 800.000 руб. в год, т.е. «равной стоимости одного миноносца», причем они утверждали, что «разведочное бюро принесет России значительно более пользы, чем миноносец».

В министерстве иностранных дел этот «проект» подвергся детальному обсуждению, но в конце концов решили сдать его в архив, даже не предложив вниманию военного ведомства.

В Генеральном штабе долго ломали головы над всеми этими бесчисленными докладами и проектами и, наконец, решили, что нужно попытаться получить сведения о том, как дело агентурной разведки поставлено в иностранных государствах и сообразно с этим решить вопрос. Во исполнение этого решения всем русским военным агентам за границей было разослано циркулярное письмо, предлагавшее срочно собрать соответствующие данные.

Однако этот циркуляр остался глазом вопиющего в пустыне. Из всех военных агентов откликнулся лишь один, — военный агент в Константинополе — полковник Хольмсен. Он

писал, что, несмотря на его «весьма близкие и дружественные отношения с коллегами», ему «не удалось привести в точную известность, сколько именно денег тратится различными государствами для таковой цели».

«... Относительно постановки этого дела в Турции, — писал Хольмсен, — можно сказать, что этот вопрос совершенно не разработан, тайная разведка в сопредельных странах целиком предоставлена усмотрению находящихся в этих странах военных агентов, которым, однако, для этой цели отпускаются деньги в самом ограниченном размере».

Далее Хольмсен сообщал свои наблюдения о приемах тайной разведки иностранных государств на ближнем Востоке.

Сообщенные данные показались, однако, слишком сложными для русского Генерального штаба. Все изложенные им комбинации и приемы не укладывались ни в какие схемы и штатно-тарифные таблицы. А русский Генеральный штаб все зло и все причины неудач искал именно в том, что его агентурная служба до сих пор не поддавалась схематическому и штатно-тарифному изображению.

Поэтому он отбросил в сторону все, на что указывал Хольмсен и другие, и приступил к составлению схемы агентурной сети на всем земном шаре и к выработке штатов и окладов агентам.

По схеме, относящейся к концу 1906 г., было намечено, что Генеральный штаб должен иметь в Германии агентов в следующих пунктах: в Берлине, Магдебурге, Ганновере, Касселе, Штутгарде, Страсбурге и Мюнхене. Каждому из этих агентов ставилась (теоретически по штату) определенная задача. Штаб Варшавского военного округа должен был иметь агентов: в Торне, Кульме, Лейпцене, Познани, Бреславле, Кротшине, Оппельне, Глогай, Кюстрине, Лейпциге и Дрездене. Виленский военный округ: в Мариенбурге, Данциге, Кенигсберге, Тильзите, Инстербурге, Лике и Алленштейне. При этом, помимо указания пунктов и количества агентов, было указано, что «территориальным разграничением сфер разведки Генерального штаба и военных округов будет служить Берлинский меридиан; линия разграничения между Варшавским и Виленским военными округами будет лично установлена впослед-



▲ Занкевич М.И. военный агент Австро-Венгрия Румыния



▲ Вена





ствии по сношении с названными округами».

В Австро-Венгрии агенты Генерального штаба, по схеме, должны были находиться в следующих пунктах: в Вене, Граце, Инсбруке, Аграше, Сараеве, Праге и Иосифштадте.

Агенты Варшавского военного округа: в Кракове, Перемышле и Львове.

Агенты Киевского военного округа: в Паша, Германштадте, Темешваре, Будапеште, Пресбурге, Коломне и еще в четырех пунктах обозначенных буквами А, Б, В и Г.

По мысли Генерального штаба, все эти лица должны были «комплектоваться из интеллигентных людей, по возможности — из военного общества, на оклад 8.000 руб. в год. Одни нанимаются в тех государствах, где не предполагено устроить сеть агентуры и где выбраны такие центры, которые имеют по тем или другим причинам важное значение для международного шпионажа. Их назначение — вербовать агентов преимущественно среди офицеров, попавших в затруднительное материальное положение, добывать секретные документы и, кроме того, держать Генеральный штаб в курсе современного состояния дела разведки в Европе и Америке (ее приемы, организация, меры

борьбы и т.п.). Во время войны эти лица могли бы служить для связи...».

В Турции и Румынии, по схеме, Генеральному штабу полагалось иметь агентов в Константинополе и Бухаресте. Но агенты должны были быть и в Браилове, Адрианополе, Яссах, Галлиполи, Галаце и Монастыре.

На Дальнем Востоке (Китай и Япония), по схеме, полагалось иметь 138 разных наименований агентов и тратить на их содержание в год 64.800 рублей.

Всех этих агентов предполагалось иметь «образованными» и в совершенстве знающими свое дело. Для их подготовки намечалось открытие пяти специальных школ.

Для проведения этого плана в жизнь нужны были деньги. Генеральный штаб разработал смету расходов в сумме 1.007.600 рублей в год, т.е. на 823.050 руб. больше, чем до этого времени. В объяснительной записке к этой смете, между прочим, говорилось, что «расход на внешнюю разведку определен примерно, в предположении, что потребуются иметь: главных тайных агентов Генерального штаба — 15, а каждому штабу округа по 2; вспомогательных тайных агентов Ген. штаба — 10, а каждому штабу округа — 4–5.

По данным опыта, расход на главных тайных агентов коле-

блется от 6 до 18 тысяч руб. в год, а на вспомогательных — от 2 до 4 тысяч руб. в год...».

Смета была предоставлена по команде, но «наверху» подверглась сильному сокращению, так что в конце концов было отпущено лишь 385.000 руб. Конечно, нельзя сказать, чтобы эта сумма была бы велика или достаточна. Однако, при верном определении возможного противника и сосредоточении на нем «главных» финансовых ресурсов, кое-что сделать было бы можно. Но Ген. штаб решил вопрос по-своему. Он никак не мог опомниться от удара Японии и, что самое важное, оказался зараженным идеей реванша. Не успела улечься еще реорганизационная лихорадка, как все остальные вероятные противники были оставлены, если не совсем без надзора и изучения, то на попечении пограничных военных округов, а сам Генеральный штаб со своей «главной» агентурой начал ломать головы вокруг вопроса как бы забраться в секреты Японии.

Выше мы уже отмечали, что некоторые из чинов министерства иностранных дел еще раньше предлагали объединить всю разведку на Востоке при министерстве иностранных дел, создав специальное разведывательное бюро для этой цели. Военное ведомство тоже при-



▲ Ванновский Г.М. Китай, Корея, Япония



▲ Пекин



шло к заключению о необходимости объединить разведку всех ведомств на Дальнем Востоке, однако, с той лишь разницей, что этот объединенный орган должен был находиться при Генеральном штабе. Из этого предложения Генерального штаба ничего не вышло потому, что каждое из ведомств, ратовавших за объединение разведки на Востоке, хотело подчинить это объединение обязательно себе. Так как ни одно из них уступить не хотело, то на разговорах дело и закончилось.

Единственно, что удалось Генеральному штабу выторговать от министерства иностранных дел, это несколько консульских мест на Дальнем Востоке.

Разные предприимчивые дельцы учитывали растерянное настроение Генерального штаба и засыпали его самыми сногшибательными и заманчивыми предложениями, проектами и планами. Не имея возможности привести их все, мы остановимся на одном, весьма характерном для царского правительства, проекте штабс-капитана Лехмусара (2 октября 1910 г.).

Лехмусару казалось, что русское правительство могло бы очутиться в весьма выгодном положении, если бы оно не ограничивалось одними «простыми разведками», т. е. сбором сведений, а обратило бы внимание, «на поддержание в корейцах того враждебного к японцам настроения, которое господствует теперь среди большинства корейского населения». Он указывал, что один видный корейский деятель уже просил русские власти во Владивостоке оказать некоторую поддержку корейскому национальному движению, но тогда мысль эту нашли опасной и даже не решились подвергнуть ее обсуждению.

Лехмусар указал, что в 1909 году корейцы получили из Петербурга от бывшего корейского посланника принца И-Пом-Чин'а 10.000 руб., «но эти деньги попали в неблагонадежные руки и растаяли по чужим карманам». В 1910 г., после аннексии был организован сбор денег между корейцами Уссурийского края,

но арест русскими властями главных деятелей помешал делу.

Программа действий Лехмусара вкратце была следующей.

1. Лехмусар, по указанию высшего русского начальника, должен был действовать через какого-нибудь верного корейца, который от своего имени под руководством Лехмусара действовал бы через других корейцев.

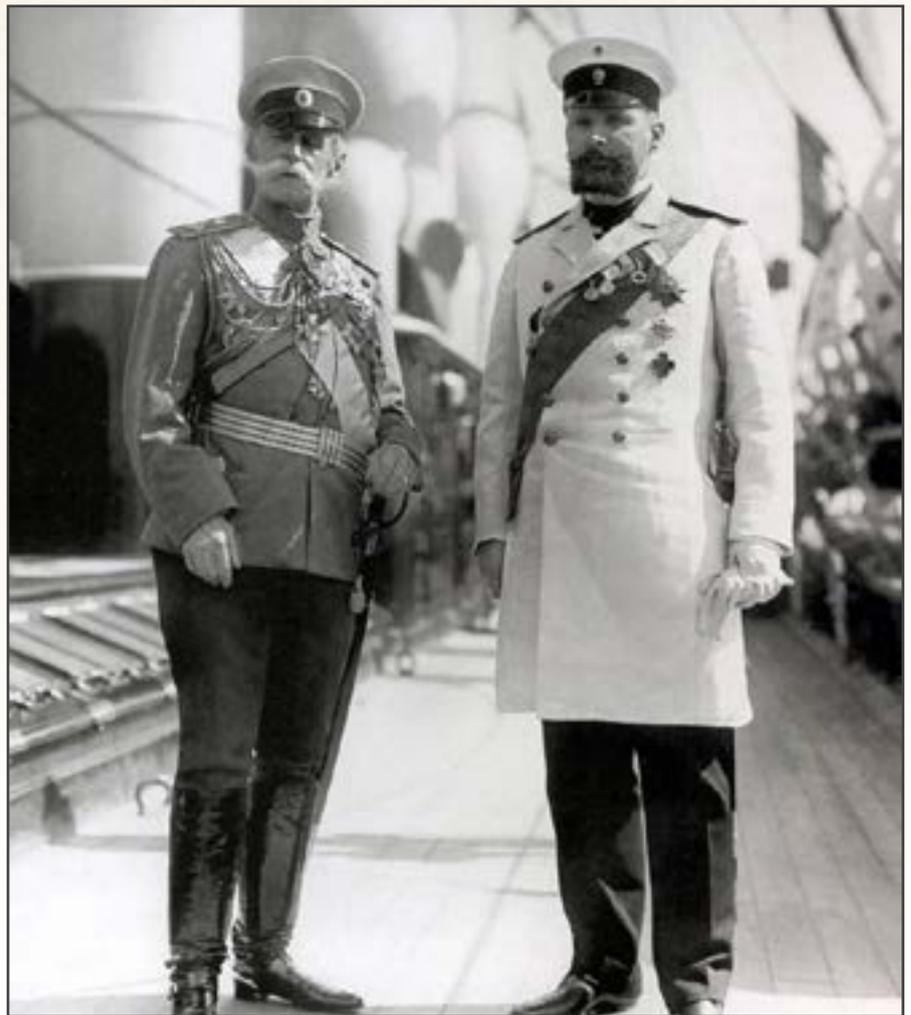
2. Среди корейцев должна была распространяться специальная литература, направленная против японцев, ибо «таким именно способом японцы возбуждали против нас корейцев перед последней войной».

3. Нужно было оказать поддержку инсургентскому движению, которое за последнее время почти что заглохло, вследствие отсутствия средств. «Что касается ныне принятого спо-

соба борьбы инсургентов, — писал Лехмусар, — посредством вооруженных нападений на японских железнодорожников и на маленькие войсковые отряды, то такой способ надо признать не достигающим цели; вместо этого необходимо направить действия инсургентов главным образом на разрушение железных дорог, телеграфных линий и опытных японских ферм, чтобы расстроить японскую экономическую жизнь в стране».

4. Сумму расходов на поддержание такого рода деятельности в Корею Лехмусар на первое время определял в 20.000 руб. в год.

В заключение Лехмусар заявлял, что, в случае обнаружения такой его тайной деятельности, он согласен взять всю вину на себя лично, как будто «действовавший по своей



▲ Фредерикс и Столыпин





собственной инициативе из симпатий к корейскому народу».

Этот удивительный проект скорее всего был направлен в сторону активной (разрушительной), чем информационной разведки. Но заслуживает внимания не сам этот «проект», а те резолюции верхов царского ведомства, которых он удостоился, и та переписка, которая возникла по этому вопросу между военным министерством и министерством иностранных дел.

Проект доклада по этому вопросу от имени начальника Генерального штаба был составлен для военного министра. В этом докладе довольно подробно излагалась история этого вопроса и разногласия между разными ведомствами. Из доклада мы узнаем, что военный министр уже ранее просил министра внутренних дел указать Приамурскому генерал-губернатору ген. Унтебергеру на необходимость создать благоприятную почву для использования Кореи, в случае нужды, в целях русской государственной обороны, «поскольку таковая цель достижима путем твердого, но благожелательного и внимательного отношения русской государственной власти к нуждам и интересам населяющих Южно-Уссурийский корейцев, в рядах которых насчитывается не мало влиятельных и преданных России политических эмигрантов».

В таком же духе было написано и министру иностранных дел с просьбой поддержать военное ведомство.

Однако, как министр внутренних дел, так и министр иностранных дел категорически восстали против каких бы то ни было комбинаций с корейцами.

В этот спор вмешался председатель совета министров Столыпин, который указал министрам — военному, внутренних и иностранных дел, что «ввиду наших новых отношений с Японией, вытекающих из последнего договора, намеченная вашим высокопревосходительством (военным министром. — К. З.) мера утратила свою прежнюю остроту и важность и, во всяком случае, могла бы подде-



▲ Янушкевич Н.Н., начальник ГШ

жать осуществлению лишь с особой осторожностью». Вместе с тем Столыпин обращал внимание Приамурского генерал-губернатора на то, что «означенная мера может почитаться практически приемлемой лишь постольку, поскольку она совместима с теми ограничениями в отношении к корейцам, которые установлены в виде противодействия наплыву в наши владения желтой расы».

Идея реванша, которой был проинкинут проект Лехмусара, вообще господствовала в умах и настроениях военной головки, что видно также из следующего отчета 5-го делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера о своей деятельности за истекший (1907) год.

Отчет начинался ссылкой на то, что «1907 год внес в область сбора сведений о вероятных противниках

новое начало», заключавшееся в том, что «все мероприятия в названной области были предприняты на основании выработанного плана и строгой системы».

Автор доклада считал нужным «сознаться», что в прежние годы «большая часть мероприятий в указанной области носила характер случайный и прерывчатый, причиной чему являлось отсутствие как особых разведывательных органов, так и строгой системы в деятельности тех органов, на которые, между прочим, была возложена разведывательная работа, последствием этого являлась та недостаточная осведомленность о вероятных противниках, даже в пределах отпускаявшихся весьма скудных средств, так рельефно сказалась в минувшую войну».

Уроки этой последней, по словам автора — и побудили Генеральный



штаб обратить серьезное внимание на реорганизацию разведки.

Какими же предпосылками Генеральный штаб руководствовался в этой своей «реорганизаторской» работе?

На этот вопрос дает ответ автор указанного отчета.

«... Генеральный штаб пришел к заключению, что дальневосточные государства приобретают в настоящее время значение важных в международной политике факторов...», а поэтому Ген. штаб «преимущественно сосредоточил свое внимание на возможно лучшей организации сбора сведений именно о наших дальневосточных соседях».

Как видим, идея реванша еще в 1907 году тянула руководителей царской разведки на Дальний Восток и приковывала к себе их сугубое внимание.

Указав на недостаточность средств и трудность ведения агентурной разведки на Дальнем Востоке и перечислив достигнутые результаты, автор отчета подчеркнул, что

«общее положение разведки не может быть признано удовлетворительным», по следующим причинам:

1. Недостаточность отпускаемых средств.

2. Отсутствие помощи и поддержки со стороны остальных ведомств, особенно министерства иностранных дел, которое, при желании, могло бы оказать военному ведомству громадные услуги, хотя бы в смысле насаждения агентурной сети. Но этого на самом деле не было.

«При наличности существующей у нас междуведомственной обособленности, — говорит автор отчета, — разведка, в особенности на Востоке, даже при больших средствах, никогда не достигнет надлежащей высоты, так как в силу непреодолимых для военного ведомства трудностей, фундамент ее — сеть неподвижных агентов-резидентов — никогда не будет иметь необходимых для сего очертания и густоты».

Такова оценка работы разведывательных органов со стороны самого Генерального штаба.

ОТПУСКИ ДЕНЕЖНЫХ СУММ НА АГЕНТУРНУЮ РАЗВЕДКУ

Сейчас несколько слов о самом больном вопросе всех разведок — денежных отпусках.

После русско-японской войны и вплоть до 1909 года русский Генеральный штаб ежегодно получал на секретные расходы 344.140 рублей. В 1909 году Государственная дума вотировала еще дополнительный ежегодный отпуск сроком на три года в размере 160.000 рублей.

В 1910 г. военное министерство возбудило ходатайство об увеличении отпуска денег на секретные расходы с 1 января 1911 г. еще на 1.143.720 рублей сроком на 10 лет. Это ходатайство было уважено. Таким образом, начиная с января 1911 года Генеральный штаб начал получать на секретные расходы всего 1.947.850 рублей ежегодно.

В 1913 году министерство финансов пыталось уменьшить эту сумму.



▲ Агапеев В.П., военный агент, Сербия, Бельгия



▲ Потапов Н.М., военный агент в Черногории





Тогда Генеральный штаб представил объяснительную записку, в которой указывал, что ассигнования на секретные расходы в иностранных государствах выражаются в следующих размерах:

Эти цифры были взяты из бюджетов за 1913 г. и, конечно, явно не соответствовали действительности. Суммы на секретные расходы иностранных государств всевозможным образом маскировались, отпускались по сметам других ведомств или по другим, совершенно невинным, статьям. Известно, например, что в Германии по смете военного ведомства на секретные расходы в 1913 году было отпущено 392.500 марок, а по смете министерства иностранных дел — 1.300.000 марок.

С другой стороны, в объяснительной записке доказывалось, что Россия находится в особых условиях по протяжению своих границ и по количеству соседей. Протяжение одних сухопутных границ Генеральным штабом исчислялось в 17.017 верст, из коих 3.555 на западе, 1.217 на Кавказе и 12.245 в Азиатской России.

Число самостоятельных государств, граничивших с Россией, достигало 11-ти.

При отпуске 1.917.850 руб. в год тратилось на разведку на западе 305.000 руб., на востоке — 317.000 руб. Кроме того, с 1911 года к Генеральному штабу перешла и военная контрразведка, на которую на западе тратилось около 395.000 руб. и на востоке — 204.000 руб. в год.

Интенсивность своей разведывательной и контрразведывательной деятельности Ген. штаб иллюстрировал примером Варшавского военного округа, который, якобы, имел 57 агентов за границей и 68 внутренних контрразведывательных пунктов.

После таких «убедительных» доводов смета генерального штаба, конечно, была утверждена и на 1913 год в размере 1.917.850 рублей.

Если к этой сумме прибавить еще 224.130 руб., расходовавшихся ежегодно на содержание официальных военных агентов, то получается довольно внушительная цифра — 2.171.980 руб. Однако, как это видно из подобного перечня распределения, не вся сумма расходовалась на агентурную разведку.

Из нее нужно выкинуть субсидию Черногории, расходы на контрразведку, на выдачу посо-

бий офицерам и т. д., что составляет 1.280.050 рублей. Таким образом, на разведку в прямом смысле этого слова оставалось всего лишь 891.920 руб. Из этой суммы военные округа расходовали в год 290.000 руб., военные агенты — 309.180 руб., а Ген. штаб непосредственно — 292.800 руб.

Нельзя сказать, чтобы такое распределение отпускавшихся на разведку кредитов было целесообразным. Сумма, отпускавшаяся штабам военных округов, не соответствовала тем задачам, которые ставились последним, она была чересчур мала, ибо к тому времени Ген. штаб старался всю тяжесть разведки перевалить на плечи военных округов. Ген. же штаб в своем распоряжении оставлял непомерно большую сумму денег, которую не знал как и на что израсходовать. Нельзя признать целесообразным, также крайне мизерные отпуска средств некоторым военным агентам, которым не только было разрешено, но и приказано заниматься агентурной разведкой, как например, военному агенту в Лондоне.

С другой стороны, отпускавшие на агентурную разведку средства не всегда расходовались по своему прямому назначению. В этом отношении грешили не только местные органы, но и сам Генеральный штаб, пользуясь тем, что расходование этих сумм фактически никем не проверялось. Например, Генеральный штаб ежегодно тратил по 3.040 руб. на «содержание в Сан-Стефано храма-усыпальницы и причта при нем». Некоторые военные округа из отпускаемых на разведку сумм выдавали пособия разным лицам, ничего общего с разведкой не имевшим, строили памятники когда-то павшим воинам и т. д. Военные агенты покупали на агентурные суммы венки на могилы умерших попов и т. д.

Генеральный штаб пытался вести с этими ненормальностями борьбу. Но, так как и сам он был погрешным в такого рода махинациях, то, понятно, борьба эта цели не достигала.



▲ Игнатьев А.А.



РУКОВОДЯЩИЕ УКАЗАНИЯ И МЕРОПРИЯТИЯ ГЕН. ШТАБА В ОТНОШЕНИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ (АТТАШЕ)

Помимо Дальнего Востока, Генеральный штаб уделял также не мало времени и энергии введению разьединенных, разбросанных разведывательных ячеек в определенные рамки. Так, в организационном отношении, Генеральным штабом была составлена «штатная ведомость распределения военных агентов и их помощников по разрядам».

В упрощенном виде эта «штатная ведомость» рисуется следующим образом:

1. Военные агенты в государствах, отнесенных к 1-му разряду, — в Англии и Америке, получали: жалованья — 1.628 рублей, столовых — 4.342 руб. в год, квартирных — 1.500 руб. и на служебные расходы в год — 800 руб.

2. Военные агенты в государствах, отнесенных ко 2-му разряду — в Австро-Венгрии, Германии, Франции, Китае и Японии, жалованья получали по 1.628 руб., столовых — 3.799 руб., квартирных — по 1.200 руб. и на служебные расходы — по 700 руб. в год.

3. Военные агенты в государствах, отнесенных к 3-му разряду — в Бельгии, Дании, Италии, Турции и Черногории, получали жалованья по 1.628 руб., столовых — 2.713 руб., квартирных — 1.200 руб. и по 600 руб. на служебные расходы.

4. Военные агенты в государствах, отнесенных к 4-му разряду — в Швейцарии, Румынии, Болгарии, Сербии и Греции, жалованья получали по 1.628 руб., столовых — 2.171 руб., квартирных — 1.200 руб., на служебные расходы — по 400 руб. в год.

5. Военные агенты в государствах, отнесенных к 5-му разряду — в провинции Хорасан и Персии, получали жалованья по 1.178 руб., столовых — 1.682 руб., квартирных — 900 руб.,



▲ Аверьянов П.И., военный агент в Турции

на служебные расходы — 400 руб.

На военного агента в Бельгии были возложены также агентские обязанности по Голландии, а на военного агента в Дании — по Швейцарии и Норвегии.

Помощников имели военные агенты в Англии, Китае (два помощника) и Японии.

Жалованье военные агенты получали не по чину, а по занимаемой должности.

Сумма «на служебные расходы» отпускалась в полное и безотчетное распоряжение военных агентов и их помощников и предназначалась на содержание верховой лошади,

канцелярии, на приобретение приказов, инструкций, уставов, газет и журналов для личного пользования военного агента.

Кроме этих сумм, каждый военный агент еще получал ежегодно в свое безотчетное распоряжение разъездные деньги.

Все эти суммы, отпускавшиеся военным агентам, исчислялись золотом, считая один рубль равным 1/10 полуимпериаала или 4 франкам.

Эти суммы, однако, не исчерпывают все отпуска военным агентам. При назначении на должность каждый военный агент получал так называемую «курьерскую дачу» (равную





стоимости 3-х билетов первого класса до места назначения) и 500 червонцев (5.000 руб.).

При отчислении военного агента он получал ту же курьерскую дачу и 1.000 руб. кредитными.

Что из себя представляли «курьерские дачи», показывает тот факт, что в 1907 году на эту надобность было ассигновано 24.800 руб.

Таким образом, военный агент в стране 1-го разряда, помимо «курьерских дач» и червонцев, получал в год 7.270 руб.

На агентурные расходы все военные агенты вместе получали до 45.000 руб. в год. Но в 1907 году такой безотчетный отпуск военным агентам сумм на агентурные расходы был признан нерациональным, ибо выяснилось, что эти суммы не расходовались по своему прямому назначению, а являлись как бы дополнительным содержанием военных агентов. Поэтому впредь было решено отпускать военным агентам эти суммы на агентурные расходы под отчет.

Вообще же содержание военных агентов (без отпусков на агентурные расходы) обходилось в год 148.420

руб. золотом или 224.130 руб. кредитными, причем сюда еще не входили расходы на оплату телеграфа и почты, которые также относились на интендантскую смету.

Считая организационные вопросы так или иначе введенными в штатно-тарифные нормы, Генеральный штаб приступил к урегулированию вопроса работы военных агентов по существу.

Прежде всего необходимо было дать указания относительно того, чем именно интересуется Ген. штаб. До этого времени всем посылавшимся за границу официальным и тайным военным агентам вместо точных, ясных и определенных заданий, периодически освежаемых, ставилась лишь одна общая задача — освещать данное государство в военно-политическом, экономическом и статистическом отношении. Расшифровки этой всеобъемлющей формулы не давалось. Лишь в 1906 году была осознана необходимость детализировать даваемые общие задачи. Для этой цели в начале 1906 года при Генеральном штабе было создано специальное совещание «по составлению программы

для военных агентов». На совещании были представлены почти все главные управления военного министерства. Собралось всего 5 генералов и 4 полковника Генерального штаба. На этом совещании Генеральному штабу пришлось выслушать много неприятных истин. Агентура Генерального штаба беспощадно критиковалась представителями главных управлений военного министерства и некоторые из них требовали создания собственной, самостоятельной и независимой от Генерального штаба, агентуры. Так, например, представитель главного артиллерийского управления заявил, что «до сих пор артиллерийское ведомство не имело и не могло иметь постоянных агентов за границей и должно было получать нужные сведения через Генеральный штаб от военных агентов. Однако такой порядок оказался на практике совершенно неудовлетворительным, вследствие слабой организации нашей военной агентуры и неподготовленности лиц, ее составляющих». Ежегодные командировки по 3–4 офицера за границу, с целью, главным образом, технического усовершенствования, также не могли дать



▲ Бодэ А.К., военный агент США



▲ Вашингтон





▲ Алексеев М.В.

нужных артиллерийскому управлению сведений. Когда же представители Генерального штаба заявили, что не может быть и речи о создании специальной агентуры артиллерийского управления, представитель этого управления внес предложение «пересмотреть организацию военной агентуры и включить в ее состав офицеров-артиллеристов. В тех же случаях, когда в составе военной агентуры не будет специалистов, периодически командировать таковых для совместной работы с военными агентами по разбору и собиранию сведений по артиллерийской части».

Кроме того, представитель артиллерийского управления настаивал на предоставлении этому управле-

нию «некоторой самостоятельности и независимости в собирании специально-технических сведений, для чего в бюджете этого управления должны быть особые денежные средства, как для специальных командировок, так и для покупки в исключительных случаях ценных документов и чертежей».

Однако последнее требование руководителя главного артиллерийского управления было категорически отвергнуто начальником Генерального штаба. Видя такое отношение начальника Генерального штаба к вопросу о децентрализации агентурной разведки, представитель главного инженерного управления ограничился тем, что представил

совещанию специальную «декларацию», в которой, между прочим, указывалось, что это управление много сведений получает через посредство иностранных фирм, но эти сведения должны всегда тщательно контролироваться, так как «фирмы очень часто предлагают то, что за границей при испытании оказалось непригодным для дела». Далее «декларация» указывала, что наиболее ценные сведения возможно получать только через посредство военных агентов, но что практика показала, что донесения военных агентов по техническим вопросам инженерного ведомства носят совершенно случайный характер и не основываются «на строгой и вместе с тем необходимой по существу дела программе».

Представители Генерального штаба указывали в ответ на все эти упреки, что в будущем работа агентурной разведки улучшится, что вся беда в том, что до сих пор ни одно из центральных управлений не представляло своих требований на нужные сведения.

В результате этого совещания все главные управления военного министерства представили громадные ведомости с перечнем необходимых им сведений. Генеральный штаб из этих отдельных ведомостей составил общую сводку и разослал их своим 12 военным агентам. Но самое характерное здесь то, что эта сводка вышла до того обширной и, следовательно, невыполнимой, что сам Ген. штаб, препровождая ее военным агентам для исполнения, счел нужным заявить следующее:

«... Различными отделами военного министерства представлены требования сведений, которые им необходимы и которые должны быть вами исполнены. Сведения эти до известной степени сокращены в особом совещании, но все-таки представляются весьма обширными. Прежде чем приступить к исполнению заявленного, предлагаю вам составить себе программу и постепенность исполнения. То, что может быть добыто непосредственно вами, то вы исполните, то же, что потребует помощи посто-





▲ Ностиц Г.И., военный агент Франция



▲ Париж

ронних лиц и специалистов, должно быть вами выделено и заявлено.»

«В интересах дела я считаю необходимым сообщить вам, что помощь в этом отношении может быть оказана лишь в ограниченном размере...»

Таким образом, вместо того, чтобы ясно и определенно заявить военным агентам, что вот, мол, вам программа минимум с перечнем наиболее важных и необходимых в первую очередь сведений и программа максимум с перечнем сведений общего, но более второстепенного характера, Генеральный штаб препроводил им всю кипу заданий и заявил, — «разберитесь в них и составьте себе программу действий». Понятно, что военные агенты «составили себе программу», но эта программа как раз шла в разрез с потребностями военного ведомства. Ясно, что ни один военный агент не включил в свою программу во-

просов, освещение которых сопряжено с трудностями. Он себе наметил для исполнения более мелкие вопросы, не требовавшие особого труда, но маловажные для военного ведомства. Следовательно, и здесь Генеральный штаб не мог подняться до уровня руководителя и свалил решение такого важного вопроса в агентуре на плечи исполнителей — военных агентов.

Необходимо отметить, что в смысле постановки конкретных задач своим подчиненным исполнительным органам и в настаивании на их исполнении Генеральный штаб хромал на обе ноги. Он, видимо, был бессилен отличить важные вопросы от мелких, первоочередные от второстепенных. И, когда читаешь иногда мелочные до смешного задания, создается впечатление, что все крупное, большое и важное в жизни иностранных армий русскому Генеральному штабу было уже из-

вестным, оставалось лишь выяснить второстепенные вопросы и разные мелочи. Так, например, в конце 1906 года военному агенту в Париж летит задание: «Срочно выяснить порядок пригонки ружья у барабанщиков французской армии, достать рисунки и фотографии, уясняющие эту программу». Легко себе представить, сколько труда и энергии военный агент затратил на освещение этого «архиважного» вопроса.

Таким образом, снабжение военных агентов вышеуказанной кипой заданий нельзя рассматривать как разрешение вопроса руководства и направления разведывательной деятельности военных агентов. Изменений в это вопрос не было внесено до начала войны 1914–1918 гг. Каждый военный агент доставлял то, что ему случайно попадало в руки, но доставлял это лишь тогда, когда добыча и этих случайного характера сведений не требовала затраты де-



нег. Если же за эти сведения нужно было платить деньги, даже в пределах сметы военного агента или Генерального штаба, — решение вопроса передавалось... царю. Чтобы не быть в этом вопросе голословным, мы приведем два из многочисленных примеров.

От военного агента в Париже капитана графа Игнатьева был получен рапорт (от 6 сентября 1906 года №115) следующего содержания:

«Один из тайных агентов, работающих у меня, предложил мне приобрести копию секретного плана мобилизации итальянской армии и, как образец, принес мне первые 50 страниц II тома. Копия сделана фотографическим способом...»

Я первоначально ответил, что данные эти не могут особенно интересовать мое правительство, на что агент мне объяснил, что весь документ заключает в себе около 1.000 печатных страниц и что Россию может интересовать план сосредоточения итальянской армии к швейцарской границе для совместных действий с германскими армиями против Франции.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что документ этот уже

был в руках бывшего начальника русской тайной полиции в Париже г-на Мануйлова, который, якобы, предлагал его приобрести военному министерству, но получил отрицательный ответ.

Со своей стороны предполагаю, что означенный документ был уже продан французскому правительству и агент мой, сохранив копии, желает получить вторично за него деньги в России.

Зная однако трудность получения каких-либо сведений от французского Главного штаба и не будучи осведомлен о степени интереса к плану сосредоточения итальянской армии, считаю долгом об изложенном довести до сведения вашего.

1-й обер-квартирмейстер ответил на это предложение, что «начальник Генерального штаба приказал отклонить приобретение плана мобилизации итальянской армии».

В данном случае такое решение вопроса вполне понятно, так как русский Генеральный штаб получил этот мобилизационный план итальянской армии от французов.

Но совершенно непонятен и нецелесообразен порядок, изложенный ниже в предложениях военного

агента в Лондоне, особенно испрашивание разрешения царя на расходование суммы из им же утвержденной сметы.

Военным агентом в Лондоне до апреля 1907 года был свиты его величества генерал-майор Вогак. В августе 1906 года один из его агентов предложил ему купить следующие документы:

«1. Хранимый под строгим секретом и трудно добываемый военный "Газеттир" Афганистана.

2. Укрепления Афганистана и их вооружения.

3. Новый план войны лорда Китченера, включающий действия Японии.

4. Военный договор с феодальными индийскими князьями, с замечаниями лорда Китченера.

5. "Газеттир", касающийся Персии и Малой Азии.

6. "Monthly minutes of India office", т. е. ежемесячную сводку всех распоряжений и сведений индийского правительства.

7. Секретную дорожную карту Афганистана с укреплениями».

Дальше Вогак писал:

«Приобретение всех этих документов вызывает расход в 13.000



▲ Дьяконов П.Н., военный агент в Англии



▲ Лондон





▲ **Вогак К.И.**

рублей, не считая денег на выписку № 6.

Ввиду того, что у нас сведения, подобные вышеприведенным почти вовсе отсутствуют, то приобретение таковых является в высшей степени желательным.

В настоящее время добыт документ чрезвычайной важности, а именно: "Новый план войны лорда Китченера, включающий действия Японии".

За означенный документ просят 250 фунтов стерлингов (около 2.500

руб.). Расход этот предлагается произвести из сумм сметы Главного управления Генерального штаба по параграфу "на известное вашему императорскому величеству употребление".

Испрашивается: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству соизволить на изложенное».

Этот документ показывает, во-первых, чему равнялась самостоятельность Генерального штаба и военного министерства в вопросах

ведения разведки; во-вторых, из него вытекает роль Николая Романова в вопросах разведки; в третьих же, становится ясной и подтверждается бюрократическая волокита в решении оперативных вопросов разведки.

Результаты этого странного порядка налицо и характеризуются следующим документом — рапортом преемника на пост военного агента в Лондоне ген. Вогака — ген. Ермолова (от 3 апреля 1907 г. за № 12). Он писал относительно указанного выше предложения агента следующее:

«§ 1 — приобретен ген. Вогак, § 2 — поздно, случай упущен, § 3 — приобрести сейчас стало неудобным, § 4 — лицо, предлагавшее нам, продало его Франции за 4.000 франков (160 англ. фун.), мы предлагали только 50 англ. фун., § 6 — приобрел ген. Вогак за 100 англ. фун., § 7 — приобрел ген. Вогак за 250 англ. фун.».

Такой порядок, как видим, неизбежно приводил к тому, что упускался случай и возможность приобрести тот или иной документ. И это совершенно понятно. Ведь человек, который решился на продажу другому государству вверенных ему секретов своей страны, в большинстве случаев, делал это из-за запутанности своего финансового положения. Обычно ему нужно было достать определенную сумму к определенному сроку. Он, следовательно, не мог ждать «высочайшего соизволения» в течение нескольких месяцев, а вынужден был искать более состоятельного и самостоятельного покупателя, который бы сразу взял «товар» и заплатил условленную сумму.

Благодаря этому, у русского Генштаба нередко из-под носа ускользали самые ценные документы.

На абсурдность такого положения вещей указывали все. В частности, командир сводного корпуса в Маньчжурии в своем рапорте на имя военного министра (от 20 октября 1906 года, № 342–798) писал:

«Наш военный агент в Японии Генштаба полковник Самойлов по прежним штатам получал, кроме своего содержания, в полное и безотчетное распоряжение еще



три тысячи рублей в год на секретные расходы. Ныне, со введением новых штатов, эта статья вовсе уничтожена и на секретные расходы не полагается по штату ничего, а установлено, что в случае необходимости приобретать какие-либо секретные сведения, необходимо об этом представление и тогда могут быть отпущены деньги.

Такой порядок представляет громадное неудобство, что между предложением и получением разрешения проходит слишком много времени; обыкновенно же люди, предлагающие свои услуги, не ждут, они идут на такую деятельность, в особенности японцы, лишь под давлением каких-либо экстренных обстоятельств, вроде крупного проигрыша, уплаты по векселю и тому подобных случаев, требующих немедленно достать денег, а не ждать их 4 месяца...».

Начальник Генерального штаба, в оправдание этого положения ответил следующее:

«Сколько мы бы ни тратили этим путем денег, мы только ими обогатим японцев, а взамен получим то, что они пожелают нам дать. Это положение вполне нормальное для полковника Самойлова и до поры до времени выйти из него он не будет в состоянии. Чтобы парализовать это положение, мною была установлена еще до отправления Самойлова к месту назначения особая организация, которая постепенно будет расширяться. Средства, данные в распоряжение начальника Генерального штаба, по размерам задач не велики и приходится иметь необыкновенную экономию и осторожность, желая тратить их производительно. Было бы весьма легко распределить всю сумму между агентами, но нахожу такой способ непрактичным и ныне, в особенности по отношению к Дальнему Востоку.

Наши военные агенты за время войны привыкли к таким безгранично широким тратам, что те суммы, которые пришлось бы им долю теперь, показались бы им ничтожными. Их надо приучить

работать с меньшими деньгами, самим изучая страну, следя за жизнью, вращаясь в обществе, а не при помощи продажных людей, в большинстве случаев достоящих сомнительный материал.

Я очень сожалею, что военному агенту в Токио были, как-то мне было передано ген. — майором Орановским, отпущены сравнительно большие суммы».

Вот это — действительно классический, по своей неграмотности и непониманию существа дела разведки, взгляд начальника Генерального штаба на приемы ведения агентурной разведки. Таковы были в России начальники Генерального штаба.

В таком положении этот вопрос оставался до августа 1912 года, когда военным министром было утверждено «Положение о порядке ассигнования, расходования и отчетности по суммам, отпускаемым Ген. штабу на секретные расходы». Согласно этого «положения», все без исключения суммы, предназначенные на секретные расходы по Ген. штабу,

должны были заноситься ежегодно в смету Ген. штаба и основанием для их расходования служил высочайше одобренный проект сметы секретных расходов в наступающем году.

Проект этой сметы составлялся ежегодно на основании следующих данных:

а) утвержденных начальником Ген. штаба докладов о развитии разведки и контрразведки;

б) частных предположений окружных штабов и вообще всех исполнительных разведывательных органов, непосредственно подведомственных Ген. штабу, о желательном развитии их разведывательной деятельности и вытекавших из этого изменениях в расходах;

в) кратких предварительных сведений о произведенных в текущем году расходах и ожидавшихся к началу нового года остатках от ассигнований текущего года, сообщавшихся по телеграфу к 1-му декабрю в Ген. штаб;

г) особых распоряжений по расходованию секретных сумм на некоторые специальные секретные мероприятия.



▲ Куропаткин А.Н.





По утверждении сметы царем, Ген. штаб сообщал по телеграфу штабам военных округов и вообще всем подведомственным ему разведывательным органам размер открывавшегося им кредита на новый сметный год и переводил полностью или частями, в зависимости от потребности средств, окружных штабов назначенные им кредиты. Суммы, ассигнованные остальным разведывательным органам, непосредственно подведомственным Ген. штабу, переводились на их имя в местные банки.

Расходование секретные сумм, согласно этого нового положения, должно было производиться следующим образом:

а) в Ген. штабе: все расходы в пределах отделов высочайше одобренной сметы секретных расходов в данном году производились по общим указаниям начальника Ген. штаба распоряжением генерал-квартирмейстера. Расходы, вызывавшие перемещения ассигнований из одного отдела сметы в другой, производились лишь с особого каждый раз

разрешения начальника Ген. штаба по письменным докладам отдела генерал-квартирмейстера.

б) в окружных штабах: все расходы в пределах отделов смет, утвержденных начальниками окружных штабов, производились распоряжением окружных генерал-квартирмейстеров;

в) разведывательные органы, непосредственно подведомственные Ген. штабу, имели право расходовать ассигнованные им суммы своей властью в пределах всей утвержденной сметы, донося, однако, о каждом случае перемещения ассигнований из одного отдела сметы в другой с мотивировкой такого перемещения.

Отчеты всеми без исключения учреждениями и лицами, коим отпускались суммы на секретные расходы по смете Ген. штаба, должны были представляться последнему.

По получении в Ген. штабе денежных отчетов от подчиненных ему органов, они докладывались начальнику Ген. штаба, после чего через военного министра представлялся

на высочайшее одобрение общий денежный отчет по секретным суммам за истекший год.

Русский Генеральный штаб решил после своего возникновения также улучшить качественный состав военных агентов, как разведчиков. Уж очень была в глаза полная непригодность для изучения иностранных армий личного состава существовавшего института военных агентов. Но положение Генерального штаба в этом вопросе было больше, чем щекотливое. Назначать на должность военного агента в первоклассных странах хорошего разведчика, но не именитого, не гвардейского офицера, — было невозможно. Назначать же графов и князей — полковников и генералов «свиты его величества» — не составляло никакой пользы для изучения армий иностранных государств.

Про одного из таких военных агентов в Лондоне — ген. Ермолова, русский морской агент капитан 1-го ранга Рейн писал в 1911 года начальнику Морского Ген. штаба,



▲ Сухомлинов В.А.



▲ Бонч-Бруевич М.Д.





▲ Шебеко В.Н., военный агент в США



▲ Чертков Г.Г., военный агент

что «он (Ермолов) для своего поста малоподвижен и с ленцой. Помощник его, излишний по сущности работы здесь военного агента, подполковник Голеевский, карикатура офицера Ген. штаба, не слишком далекий, малообразованный и несколько arrogantный человек. Пользы какой-либо Ермолов мне принести не может по своей малой осведомленности и тяжести на подъем. К подп. Голеевскому мои отношения вежливые, но совершенно безразличные, так как в серьез его брать нельзя».

И вот, Генеральный штаб решил комбинировать, искать среди этой придворной камарильи лиц, которые бы совмещали в себе все условия, — и разведывательные способности, и знатное происхождение и положение, и принадлежность к гвардии. Источником, снабжавшим Ген. штаб военными агентами по-прежнему был оставлен Петербургский военный округ.

31-го октября 1906 года генерал-квартирмейстер генерального штаба ген. — майор Дубасов писал (№ 846) начальнику штаба Петербургского военного округа следующее: «По приказанию начальни-

ка Генерального штаба. Главное управление Ген. штаба, стремясь поставить вопрос разведки вообще, а военной агентуры в частности, на более прочных основаниях, просят сообщать для внесения в список кандидатов на должность военных агентов и их помощников нижепоименованные сведения о тех офицерах Ген. штаба, которые желали бы и могли бы с успехом быть назначены на вышеупомянутые должности:

Начальник Ген. штаба предъявляет этим офицерам следующие требования:

1. Воспитанность, тактичность и умение держать себя в обществе.
2. Любовь и склонность к разведке.
3. Владение иностранными языками.

4. Желательно, чтобы названные офицеры были материально обеспечены помимо службы.

По понятным причинам офицеры, которые обременены долгами или предаются разного рода излишествам (кутежи, карты, женщины и т. д.), должны быть, конечно, исключены...»

Несмотря, однако, на благия намерения которые этими четырьмя

требованиями преследовал Генеральный штаб, ему их в жизнь провести полностью не удавалось. Военными агентами в более крупные и интересные европейские страны приходилось назначать тех из офицеров Ген. штаба, которые имели высокие протекции. Понятно, что разведка от этого только проигрывала. «Четыре требования» сводились к нулю и из них соблюдались лишь 1, 3 и 4.

С другой стороны, русско-японская война так напугала власть имущих, что они начали придумывать всевозможные причины своей неосведомленности об истинном состоянии и положении японской армии и свои выводы начали обобщать.

Весьма характерным объяснением такого рода являются рассуждения начальника штаба войск Дальнего Востока ген. Орановского на имя военного агента в Китае полковника Огородникова (отношение от 9 июля 1906 года за № 4341).

По мысли этого начальника штаба, военный агент, находясь долго на одном месте, усваивает «свой определенный взгляд, который может получить предвзятое направле-





ние. Ярким примером такого явления может служить бывший военный агент в Японии полковник Ванновский, который с самого начал внушил себе чувство презрения к японской армии и к японским порядкам, стараясь убедить в этом всех остальных, и работал все время в таком вредном для нас направлении...».

Значит, по мысли ген. Орановского, военных агентов нужно было, по возможности, чаще сменять, чтобы они не могли «усвоить свой определенный взгляд» на армию



▲ Гудим-Левкович П.П. военный агент в Греции

и порядки данной страны. Начальник же Генерального штаба писал, что военных агентов «надо приучить работать с меньшими деньгами, самим, изучая страну, следя за жизнью, вращаясь в обществе». Тут два противоположных взгляда, друг друга исключаящих и оба одинаково неверных, не жизненных и вредных для дела разведки. Ибо, если «почаще сменять» всех военных агентов, то они, не успев войти в «общество», должны будут уезжать и из «личного» изучения страны ничего не получить. Изучение страны и армии только посредством «вращения в обществе» и «слежки за жизнью» дает именно такие результаты, какие дала деятельность злосчастного родственника Куропаткина — Ванновского...

Выше мы указали, что главное артиллерийское управление военного министерства добивалось права на ведение самостоятельной агентурной разведки за границей. На это Генеральный штаб не согласился. Тогда было выдвинуто требование — назначить помощников военных агентов по технической части. На это Ген. штаб согласился, но лишь в 1910 году, когда стала очевидной необходимость обратить серьезное внимание на техническую разведку. В виде опыта было решено назначить помощников военных агентов по технической части при военных агентах во Франции и Австро-Венгрии. Однако, министерство финансов на этот вопрос смотрело иначе и в соответствующих ассигнованиях отказало. Генеральный штаб на этом успокоился и вопрос заглох до начала войны 1914–1918 гг., когда стало возможным не считаться с мнением министерства финансов...

Большим вопросом в деятельности разведки являлся вопрос связи в мирное время с официальными военными агентами и офицерами-разведчиками, прикомандированными под ложными предлогами к посольствам и консульствам. Казалось бы, что этот вопрос является самым легким и несложным, но на деле было иначе. Если бы военное ведомство надеялось на дипломатических курьеров министерства иностранных дел,

то оно получало бы почту от своих военных агентов, особенно находившихся в восточных странах, в год два-три раза. Кроме того, нужно иметь в виду, что надежность этих дипломатических курьеров была весьма проблематичной и возможность их подкупить не представляла для иностранной контрразведки большого труда и даже не требовала особенно больших денег. И, как в старое «доброе» время, когда деятельность «черных кабинетов» казалась крайне ограниченной и неусовершенствованной, Генеральный штаб до самого начала войны 1914–1918 гг. продолжал вести со своими военными агентами самую секретную переписку по обыкновенной почте. Бывали случаи, когда военные агенты против этого протестовали, указывали что «вся входящая и исходящая корреспонденция военного агента (телеграфная и почтовая) подвергается перлюстрации» (см. рапорт военного агента в Вене полк. Марченко, от 29/IV 1907 г., №135). Но это не помогало. Легкомысленное отношение Генерального штаба к этому важнейшему вопросу агентуры доходило до того, что он считал возможным сообщить военному агенту в Китае следующую ересь (6 октября 1907 г. №631):

«... Пересылка корреспонденции вам будет производиться не через министерство иностранных дел, ибо это затрудняет наши миссии, а через Петербургский почтамт заказною бандеролью непосредственно на имя военного агента в Китае...».

Значит, из-за нежелания «затруднять наши миссии», Генштаб сознательно облегчал противнику возможность проникать в его агентурные дела. Из переписки, довольно обширной, по вопросам связи видно, что даже на упаковку и заклепку корреспонденции не обращалось должного внимания. Так, военный агент в Вене в апреле 1907 года вынужден был донести Генеральному штабу (№331), что «печати на конверте №901 были треснуты и конверт имел подозрительный вид. Испрашиваю особо секретные бумаги



в синей обертке заклеивать предварительно в конверте с помощью "Syndetikona (особо приготовленного гуммиарабикума, не растворяющегося на пару)».

Военный агент в Болгарии полковник Леонтьев дополнял эту картину предложением (13/III 1907 г., №53):

«... Необходимо ввести взаимное извещение о полученных номерах, так как некоторые донесения посылаются почтой, где пропажи составляют обычное явление, да и телеграммы не всегда доставляются по адресу...».

Командир сводного корпуса в Маньчжурии ген. — лейт. Дембовский в рапорте на имя военного министра (21/X 1906 г., №8880/811) писал:

«... Несмотря на неоднократные просьбы в посылке пакетов, адресованных на имя нашего военного агента в Японии, не иначе, как через штаб крепости Владивосток, полковник Самойлов продолжает получать пакеты по японской почте с надписями: "секретно" и "совершенно секретно", что вполне в расчетах японцев, читающих нашу корреспонденцию...».

Комендант Владивостокской крепости, писал 19/1 1907 г. (№29), начальнику Генерального штаба:

«... К сожалению, не все пакеты, имеющие назначение военному агенту в Японии, предварительно посылаются и поступают в штаб крепости. Так, зарегистрирован случай сдачи секретного пакета в Харбине, имеющего следующую надпись: "Секретно. Военному агенту в Японии, полковнику Самойлову. Токио, через крепость Владивосток".

Согласно этой надписи, наша почта, не сдавая пакета в штаб крепости, направила его обычным порядком и, как предполагает полк. Самойлов, этот пакет и еще другие пять поступили к нему, побывав в руках японцев и с явными следами, что они были вскрыты».

У читателя, не посвященного в «тайны» Владивостокской крепости, может создаться впечатление, что если бы пакет посылался че-



▲ Кузьмин-Караваев А.Н., военный агент, Персия, Афганистан

рез ее штаб, то это значило бы, что он не мог попасть в руки японцев. В действительности же дело обстояло следующим образом. Штаб крепости, получив с русской почты секретный пакет для военного агента в Японии, ждал прибытия русского парохода и сдавал его капитану для отвоза в какой-либо порт, где имелось русское консульство. Гарантий же, что японцы на пароходе не имели всего человека, конечно, никаких не было.

Характерно, что когда Ген. штаб запросил министерство иностранных дел — нельзя ли как-нибудь связь с агентами Ген. штаба в Персии и Бомбее поддерживать через посредство этого министерства, —

последнее ответило, что «все сведения, поступающие из Персии, могли быть пересылаемы в штаб Кавказского военного округа при посредстве шахской почты», а из Бомбея «еже-недельно шифром по английской почте через Порт-Саид на Батум».

Русский морской агент в Америке (капитан 1-го ранга Васильев) в своих отчетах за 1911 г. и 1912 г. приводил весьма характерный пример того, как чиновники русского министерства иностранных дел относились к упаковке и пересылке дипломатической почты.

Он писал, что «в присутствии секретарей посольства однажды, в виде опыта, были вынуты пакеты из посольского вализного мешка,





▲ Ромейко-Гурко Д.И., военный агент, Швейцария

не трогая печатей, замков и не разрезая наружного шва у мешка».

«О легкости и простоте вскрытия запечатанного конверта, снятия копий или фотографий с документов говорить не стоит. Между тем, министерство иностранных дел, посылая для сведения своих представителей за границей литографированные копии секретных и несекретных депеш их коллег, под общим названием "дипломатический салат", а также и шифры, совершенно не подозревает, что с документов этих могут снять копии на почте в Вашингтоне... Мой рассказ о важно-комической роли, которую исполняют курьеры-чиновники министерства иностранных дел, развозя по Европе донесения своих шефов, видимо, произвел должное впечатление, так как наше посольство в Вашингтоне получило грозный запрос по этому поводу. Однако посольство, подтвердив

справедливость всего вышеизложенного, высказало сомнение, чтобы вашингтонское правительство так интересовалось русскими делами.

Так как последнее заключение основано лишь только на святой наивности и на доверии, которые едва ли могут быть приемлемы в подобных случаях, то и для полноты картины позволю себе добавить, что в вашингтонском почтамте заведывающим отделением иностранной корреспонденции состоит г. Milas, служивший ранее в министерстве иностранных дел и лет пять тому назад бывший вторым секретарем американского посольства в Петербурге. Неужели он случайно находится на службе в почтамте? Неужели случайно нами получаются заказные письма и пакеты вскрытыми со штемпелем "Opened by mistake"? Неужели также случайно французский посол тому же Кудашеву при мне говорил, что написал официальную ноту с протестом против вскрытия его писем? Ведь не секрет также, что почтмейстеры в Париже, Бухаресте, Галаце, Берлине и т.п. состоят на огромном жалованьи у министерства внутренних дел (русского. — К. З.) и вся нужная для нас корреспонденция доставляется в наши миссии, посольства и консульства для перлюстрации писем тайными агентами, состоящими при них...».

Связь с военным агентом в Константинополе также поддерживалась посредством капитанов русских пароходов. Здесь все как будто бы шло хорошо, пока одного из таких капитанов не накрыла русская же таможня в Одессе. Привезенные капитаном для штаба Одесского военного округа газеты были таможней переданы в цензуру, которая так «процензуровала» эти газеты, что когда они, наконец, попали в штаб округа, то оказалось, что самые интересные места в этих газетах замазаны до неузнаваемости цензорской кисточкой. Поднялся громадный скандал, в результате которого действия таможни и цензуры в прошлом были оправданы, но впредь было предложено пакеты в адрес штаба округа пропу-

скать, не задерживая и не подвергая цензуре...

Штаб Черноморского флота в сентябре 1906 года тоже писал начальнику Морского Ген. штаба, что Севастопольская таможня начала задерживать и подвергать вскрытию и таможенному досмотру адресованные на имя штаба морским агентом в Константинополе казенные пакеты, запечатанные гербовою печатью посольства и с надписью "Expedition officielle", причем присылавшиеся агентом еженедельно номера турецких газет, а также книги на иностранных языках, отправлялись в цензуру. Таможенные чиновники заявили, что они будут вскрывать даже пакеты с надписью «секретно».

На запрос Морского Ген. штаба министр финансов ответил, что действия Севастопольской таможни были вполне правильными, так как от вскрытия освобождалось только то, что везли фельдъегеря.

Через два месяца министр финансов изменил этот взгляд и сообщил начальнику Морского Ген. штаба, что "как выяснилось из сношения с главным управлением по делам печати, казенные посылки, препровождаемые из Константинополя от нашего морского агента на имя штаба Черноморского флота, не должны подлежать рассмотрению цензуры".

Положение в вопросе связи усугублялось еще и тем обстоятельством, что вся переписка с военными агентами велась на официальных бланках с указанием на конверте полного адреса (названия учреждения, должности, чина и др.). При этом пакеты распределялись на простые, секретные и совершенно секретные, в зависимости от их содержания. Следовательно, иностранная контрразведка могла безошибочно, по одному наружному виду, определить, какой из пакетов представлял для нее интерес, и над которым стоило поработать по его перлюстрации. Военные агенты все это видели и знали. Они писали в Ген. штаб, указывали на все это.

В начале 1913 года некий П. Брандт написал в «Русском Инвалиде» (№ 142, от 29/V) статью



«К борьбе со шпионажем», в которой доказывал всю ложность надежд на сохранение секрета при существовавших тогда образцах конвертов, прошивании и накладывании сургучных печатей. Но Ген. штаб счел лучшим не обращать внимания на критику и указания со стороны.

Он не понимал того вреда, который наносил этим своей же собственной агентуре, и никаких мер предосторожности не принимал, — ибо нельзя считать за таковые приказ по военному ведомству 1908 г. №15, с приложением весьма неудачных образцов конвертов, — и лишь удивлялся, когда секретные сотрудники его и военных агентов проваливались один за другим...

Другой вопрос, который Ген. штаб, под напором военных агентов, все же заинтересовался, это — вопрос о неприкосновенности жилищ военных агентов и вопрос относительно прислуги военных агентов.

Особенно в этом отношении волновался военный агент в Японии. В 1906 году он доносил в Ген. штаб следующее: *«из секретного источника имею сведения, что за мной установлен самый строгий надзор. Мне даже известны некоторые лица, приставленные чтобы следить за мной, но вероятно есть и другие — мне неизвестные. В последнее время было несколько случаев, заставляющих меня удвоить внимание и принять все меры к надлежащему хранению бумаг, что и заставляет меня возбудить вопрос о разрешении сжечь ненужные дела...».*

Военный агент в Австро-Венгрии, после того, как ему стало известно, что австрийцы читали его и Ген. штаба шифрованные телеграммы, и, следовательно, находились в курсе русских агентурных секретов, писал:

«... Вот уже месяц, как я стал получать письма от неизвестных авторов и визиты подозрительных лиц. №25-й, с которым я несколько раз встречался в обществе, тщательно меня избегает.

Боятся вступить со мной в разговоры и все офицеры ниже генерального чина...».

В 1911 году в русском Берлинском посольстве всплыл совершенно случайно весьма пикантный случай, доказывающий, как в царских учреждениях охранялись государственные тайны.

Военный агент в Швейцарии в декабре 1910 года сообщил в Генеральный штаб, что из подслушанного разговора двух германских дипломатов он понял, что немцы в русском посольстве в Берлине имеют своего агента по фамилии Рехак.

Генеральный штаб запросил мнение военного агента в Берлине по этому вопросу. Ответ последнего раскрыл кошмарную картину безалаберности, беззаботности и халатности царских чиновников.

Он доносил, что Юлиус Рехак действительно служил около 20 лет в русском посольстве в должности старшего канцелярского служителя. На его обязанности лежала уборка помещения канцелярии посольства, покупка и выдача канцелярских принадлежностей, отправка почты, заделка курьерской почты, сдача и получение этой почты на вокзалах и пр. Кроме того, Юлиус, как его называли в посольстве, являлся комиссионером по каким угодно делам. Осведомленность его было поразительна. Во всех учреждениях и заведениях Берлина у него имелись «задние ходы».

Ясно, каким удобным для русской беззаботности человеком являлся



▲ **Энгальчев П.Н., военный агент в Германии**



посольств, миссий и генеральных консульств, а «отнодь не в своей квартире, хотя бы и в секретных негораемых хранилищах...»,

Во-вторых, Ген. штаб предложил военным агентам заменить своих вольнонаемных слуг русским подданными военнослужащими, лучше всего из состава нижних чинов полевой жандармерии, причем Ген. штаб в данном случае соглашался покрыть расходы по отправке в экипировке такого «нижнего чина», а оплату для него на месте помещения и продовольствие — возлагал на личные средства военных агентов.

В третьих, всем военным агентам был разослан следующий циркуляр:

«Имеются сведения о случаях ненадежности частной прислуги некоторых из наших военных агентов. Замечено:

1. Стремление прислуги точно выяснить, кто посещает военного агента и с какой целью, хотя бы это и не вызывалось требованиями службы.

2. Рытье в бумагах, брошенных черновиках и т. п.

3. Вхождение, более частое, чем нужно, при шифровке бумаг.

4. Пропажа ключей от секретных шкафов и т. д.

Изложенное сообщается для сведения и принятия мер предосторожности — даже от прислуги, вывезенной из России, и уже долго состоящей на службе».

Таким образом, оба этих вопроса теоретически как будто бы были разрешены, но фактически осталось в силе старое положение, ибо посольства, миссии и генеральные консульства крайне неохотно предоставляли военным агентам помещения для хранения секретных документов, а если и предоставляли, то сопротивлялись принятию необходимых мер предосторожности. «Нижних чинов из состава полевой жандармерии» также не везде и не всегда высылали.

Далее, одним из вопросов, волновавших военных агентов и мешавших их работе, был вопрос о взаимоотношениях с послами и консулами.

Вот несколько примеров.

Военный агент в Австро-Венгрии

полковник Занкевич в 1911 году писал генерал-квартирмейстеру Ген. штаба об отношении к нему посла Гирса. *«Уже из отзывов лиц, близко знающих Гирса, — писал Занкевич, — я знал, что он принадлежит к числу тех послов, которые не только не признают совместной работы с военным агентом, но и стараются облечь деятельность подведомственных им канцелярий и свою собственную в покров тайны от него. Всегда ориентируя посла в представляющих для него интерес военно-политических вопросах, я, не получая от него каких-либо ценных указаний, до последнего времени все же не замечал в нем желания играть со мной в прятки.»*

Получив сведения о раскрытии нашего агентского шифра австрийцами, посол счел возможным сказать мне об этом лишь через два дня...».

Далее Занкевич указывал, что вся беда, по его мнению, в том, что Гирс боится, как бы Занкевич не использовал его сведений для своих донесений.

В другом рапорте тот же Занкевич сообщал Ген. штабу, что некоторое время тому назад он обратился к полковнику Артамонову (военный агент в Сербии) с просьбой помочь ему организовать наблюдение в Боснии и Герцеговине через Сербию. Артамонов почему-то уведомил об этом посла Гартвига, который счел нужным и возможным послать в министерство иностранных дел с курьером депешу политического характера, в которой упоминает и о просьбе Занкевича. В министерстве иностранных дел все такого рода депеши литографировались и рассылались во все посольства и миссии.

Занкевич умолял Генеральный штаб принять меры, чтобы его просьба к Артамонову не попала бы в этот литографируемый материал.

Такого рода фактов можно было бы привести довольно много. Но нам кажется, что и приведенных достаточно для характеристики отношений между представителями министерства иностранных дел и военного ведомства.

В 1907 г. Генеральный штаб разослал всем своим официальным военным агентам циркуляр, из которого вновь приходится сделать вывод о весьма слабой осведомленности Ген. штаба в отношении своих соседей. Суть циркуляра заключалась в следующем. Начальник Ген. штаба приказал всем официальным военным агентам донести, помещают ли они свои статьи по вооруженным силам соответствующих государств в «Русском инвалиде». Далее его именем приказывалось, что «во всяком случае, такие статьи, во избежание того, чтобы печать располагала бы более подробными сведениями, нежели имеются в управлении Генерального штаба, — должны представляться начальнику Генерального штаба для прочтения...».

Увеличилась ли от этого мероприятия осведомленность Ген. штаба об иностранных армиях, — нам неизвестно...

В 1908 году 5-ое делопроизводство Ген. штаба, наконец, пришло к заключению, что «... наши разведывательные органы, представляя свои донесения, в большинстве случаев не знают, как оценена их работа. Почти совершенно нет и обмена сведениями между названными органами, большинство которых не знает, на что направлена работа других разведывательных органов».

Исходя из этих соображений, 5-ое делопроизводство предложило ежемесячно составлять перечни важнейших донесений со сжатым изложением последних и указаниями, по каким вопросам следует продолжать работу, что необходимо проверить, на что обратить особое внимание, какие работы начать вновь и т. д.

Такого рода перечни предполагалось рассылать всем военным агентам и штабам военных округов, которые «таким образом будут знать, как оценены их донесения, в каком направлении желательна их дальнейшая работа по каждому вопросу. Зная, кроме того, что доносят соседи, военные агенты и окружные штабы будут обмениваться необходимыми





▲ Пототский С.Н., военный агент в Бельгии

донесениями, проверять друг от друга свои сведения, — следствием чего будет более согласованная и производительная работа».

Однако, эти благие рассуждения 5-го делопроизводства в жизнь проведены не были. Никто из местных разведывательных органов так и не получил оценки Ген. штабом своих донесений. Единственно, что Ген. штаб провел в жизнь, это то, что делало и министерство иностранных дел, — донесения в Ген. штабе копировались и рассылались всем местным органам без оценки или пояснений Ген. штаба. Местным органам разведки этот порядок никакой пользы не приносил. Наоборот, увеличивалось количество «входящих» и разбухал секретный архив. Кроме того, вместо проверки добытых сведений, ленивым разведчикам этот порядок представлял широкие возможности вводить Ген. штаб в заблуждение, т.е. перефразировать донесения своих коллег и представлять в Ген. штаб, как что-то новое.

В 1910 году Ген. штаб нашел, что его местные разведывательные органы совершенно нерационально расходуют большие суммы. В денежных

отчетах показывалось изрядное количество агентов, сведений же поступало мало.

В виду этого, всем военным агентам было сообщено, что «ген. — квартирмейстер Ген. штаба выразил пожелание, чтобы для ведения негласной разведки в важнейших соседних государствах они пользовались бы услугами не мелких отдельных агентов, а крупным лицом, оплачиваемым соответствующим содержанием (примерно до 10.000 руб. в год), которое само являлось бы руководителем агентурной сети в своем государстве».

Этого, однако, оказалось недостаточно. Ген. штаб захотел и сам непосредственно заполучить таких крупных агентов-подрядчиков и руководить ими.

В делах военного агента в Австро-Венгрии, оставленных во время войны на хранение голландского посольства, мы нашли письмо подполковника Энкеля от 23 января 1912 года на имя военного агента Занкевича, в котором Энкель указывал, что одной из главнейших задач Особого делопроизводства является организация за границей тайной военно-осведомительной службы в целях:

«1. Доставления Главному управлению Ген. штаба в мирное время документальных данных, раскрывающих стратегические предположения наших вероятных противников на случай войны.

2. Заблаговременного раскрытия признаков частичного осуществления указанных выше предположений в период обостренных дипломатических отношений, в предвидении возможного разрыва.

3. Всестороннего и своевременного осведомления Главного управления Ген. штаба о ходе осуществления тех же предположений с наступлением разрыва, а равно о военных действиях наших противников в период войны».

Энкель находил, что этими задачами определенно намечалось, во-первых, территориальное начертание необходимой Главному управлению Ген. штаба агентурной

сети, — в центральных учреждениях военного министерства; во-вторых, определялись те требования, которым должны были удовлетворять входившие в состав агентурной сети лица («готовность при всяких обстоятельствах служить в пользу России или во вред данного государства, соответствующее общее развитие и компетентность в военном деле, соответствующее общественное положение, занятие или связи, обеспечивающие лицу возможность выполнять взятые им на себя осведомительные функции и т.д.»).

По мнению Энкеля, важность указанных задач не допускала возможности ограничиться лишь пассивным использованием благоприятных случайностей для насаждения агентурной сети, а требовала «широкого применения в этом направлении активного начала».

По этим соображениям Энкель и обращался к военному агенту в Вене с просьбой, «не отказать в содействии». Последнее, по словам Энкеля «могло бы выразиться в указании чинов из числа служащих в центральных учреждениях военного министерства или войсковых штабов Австро-Венгрии, отличающихся нравственной неустойчивостью и беспринципностью, падких до денег или женщин, а равно и обремененных долгами», лиц различных национальностей, положений и профессий, пригодных для осведомительной службы в мирное и военное время, в отношении которых имеется уверенность, что попытка привлечь их в агентурную службу могла бы увенчаться успехом. «Лица этой категории предпочтительно не должны принадлежать к национальности, недружественной той политической группе, в которую входит Австро-Венгрия, и, вместе с тем, не должны подлежать призыву на родине, в случае войны, в ряды армии».

В заключение Энкель уверял Занкевича, что попытки привлечения на осведомительную службу указанных выше лиц будут проводиться со «всею необходимой тщательностью и осторожностью» и что участие Занкевича в этом деле «будет сохранено в полнейшей тайне».



Наконец, все военные агенты получили циркулярное письмо от имени начальника Генерального штаба в котором говорилось:

«В виду того, что Париж, Брюссель и Цюрих, как значительные центры международного шпионажа, являются и местопребыванием крупных агентов этого рода деятельности, было бы в высшей степени желательным, если бы вам удалось узнать адреса подходящих лиц, которым можно было бы поручить ведение разведки в широких размерах».

Последний абзац циркуляра показывает, что русский Ген. штаб считал самым выгодным пользоваться шпионами-профессионалами, превратившими разведку в своего рода коммерческое предприятие. Эти шпионы-профессионалы в лучшем случае продавали добытые ими тем или иным путем документы всем, кто только давал больше денег; в худшем же случае они сами фабриковали документы или входили в контакт с разными контрразведывательными органами, от которых получали за мизерную плату сфабрикованные документы для продажи их определенным странам. Хорошо поставленные разведки услугами этого рода спекулянтов пользовались, главным образом, лишь для того, чтобы ввести в заблуждение своих вероятных или воображаемых противников, но не в целях осведомления о вооруженных силах последних.

Так, например, в 1912 году стало известно, что германская контрразведка открыла в Цюрихе целую контору по продаже фальшивых документов. Фальшивки, по словам русского Ген. штаба, были до того искусно сфабрикованы, что французская разведка приобретала их в продолжении довольно долгого времени.

Из практики русского морского Генерального штаба известен случай, когда французы, желая проверить — ведут ли русские против них агентурную разведку, — подослали к русскому консулу в Генуе некоего Т. Ганри. Последний вручил консулу запечатанный пакет с просьбой переслать в морской Ген. штаб. В этом

письме Ганри предлагал продать секретные документы о французском флоте. Морской Ген. штаб догадался в чем дело и сообщил французскому морскому агенту, что «по агентурным сведениям, некий Ганри имеет французские документы и предлагает их купить».

Французы, конечно, знали, что это за документы, кто их продавец и для какой цели их предложили русскому морскому ведомству.

Как мы видели, с одной стороны русский Ген. штаб предпочитал иметь дело с крупными агентами-подрядчиками и шпионами-профессионалами; с другой же стороны он боялся стать жертвой мошенников.

Дабы избежать последней опасности, Ген. штаб придумал следующую комбинацию.

В 1911 году генерал-квартирмейстерская часть Ген. штаба разослала всем военным агентам и штабам военных округов Циркуляр с приложением 5 регистрационных карточек на «лиц, предлагавших свои услуги по разведке или контрразведке». Вот образец такой карточки:

«Мишо, проживает в г. Льеже. Состоял негласным сотрудником у нашего военного агента в Брюсселе и Гааге. Рассчитан последним, так как давал сведения или не представляющие интереса, или не вполне военные. В настоящее



▲ Артамонов В.А., военный агент, Греция, Сербия





▲ Корнилов Л.Г., военный агент, Иран, Китай

время требует еще денег, угрожая разоблачить свои сношения с нашим военным агентом».

Все остальные карточки составлены в таком же духе и по такой же форме. Цель рассылки карточек — «предоставить военным агентам возможности иметь в своих делах справки о лицах, уже предлагавших свои услуги представителям русского военного ведомства».

Нечего, конечно, доказывать, что такого рода «регистрационные кар-

точки» цели не достигали. Ведь агент мог явиться под другой фамилией, с другим паспортом и подданством, с другими сведениями и тем самым свести данные «регистрационной карточки» на нет. Русский Генштаб вскоре сам понял, что «карточкой» цели не достигнешь и уже в 1913 году прекратил их рассылку...

Наконец, в августе 1912 года была введена в действие секретная «инструкция военным агентам и лицам их заменяющим». В этой «ин-

струкции» были суммированы все те распоряжения и директивы, которые были даны военным агентам, начиная с 1905 года.

Как главная обязанность, на агентов «инструкцией» возлагалось:

а) Всестороннее изучение устройства и военного могущества тех государств, которые поручены их наблюдению;

б) Сбор и обработка возможно полных, точных и современных сведений о военных силах и средствах иностранных государств, согласно особо установленных программ;

в) Своевременное донесение поименованных сведений Главному управлению Генштаба.

Политических вопросов военные агенты в своих донесениях обязывались касаться лишь в пределах необходимости, поскольку эти вопросы влияли на ту или иную степень военной готовности или способствовали выяснению группировки государств в случае вооруженного столкновения их между собою или с Россией.

К 1-му июня каждого года военные агенты обязывались представлять обзоры главнейших явлений за истекший год в военной жизни государств, порученных их наблюдению. Военным агентам в Германии и Австро-Венгрии, кроме того, поручалось представлять немедленно по выходе один экземпляр всех официальных уставов или проектов их, инструкций, военных законоположений, военных и железнодорожных смет и т.д. Военные агенты в Швеции, Германии, Франции, Англии, Турции, Румынии, Болгарии, Китае и Японии обязывались высылать немедленно по выходе в свет лишь главнейшие уставы, инструкции, военные законы и сметы, причем определять, что являлось главнейшим, — предоставлялось на усмотрение самих военных агентов. В остальных же странах военные агенты обязывались лишь присылать сообщения и рецензии на вышедшие новые уставы, инструкции и т.д., а сами уставы и инструкции имели право высылать лишь по специальному в каждом отдельном случае



заказу Главного управления Ген. штаба.

На обязанности военных агентов также лежало быть всегда в курсе всех военно-технических изобретений и новейших усовершенствований в области военной техники. Однако, доносить о таких изобретениях и усовершенствованиях военные агенты обязывались «со строгою разборчивостью и по возможности с точным разъяснением всех, даже мелочных, подробностей, составляющих сущность дела». Образцы изобретений можно было высылать без предварительного запроса Ген. штаба лишь в том случае, если это не было сопряжено ни с какими расходами.

На военных агентов возлагалась также обязанность следить за прессой той страны, в которой они находились, и периодически представлять обзоры прессы, а военные агенты в Австро-Венгрии, Англии, Германии и Франции должны были также представлять и вырезки из газет и журналов.

Военные агенты обязывались сообщать особо важные из собранных ими сведений соседним военным агентам, непосредственно в них заинтересованным.

Военные агенты обязаны были руководить деятельностью тех офицеров, которые во времяграничной командировки состояли в их ведении и следить за исполнением возложенных на них поручений.

Взаимоотношения военных агентов с чиновниками министерства иностранных дел определялись следующей редакцией соответствующих параграфов инструкции:

«Военные агенты являются полноправными членами наших дипломатических представительств. В своих служебных действиях, а равно и в отношении придворного этикета и общественных обязанностей, они обязаны руководствоваться общими указаниями дипломатических представителей, если только они не идут в разрез с особенностями их военного звания и специальными инструкциями».

Военные агенты обязаны были предварительно докладывать дипломатическим представителям все полученные ими сведения политического характера, а также сообщать общие данные о военной мощи государства и сообщать все те сведения военного характера, которые могли понадобиться дипломатическому представителю.

В то же время военные агенты должны были просить у дипломатических представителей ознакомления их с общим направлением русской политики в данной стране.

Во всех официальных случаях военные агенты должны были занимать место за советниками в посольствах и за первыми секретарями — в миссиях.

Обращаться к иностранным военным властям за всякого рода справками военные агенты имели право лишь в том случае, если они были убеждены, что не получат отказа. Об отказах в исполнении их просьб военные агенты должны были немедленно доносить Главному управлению Ген. штаба.

«Инструкция» весьма подробно излагала также правила почтовой и телеграфной связи между военными агентами и Ген. штабом. Согласно этих правил, военные агенты в особо важных случаях должны были адресовать свои донесения непосредственно начальнику Ген. штаба, в менее важных — генерал-квартирмейстеру, менее важные, но секретные — в виде личных писем в собственные руки ген. — квартирмейстера. Все прочие донесения — в отдел ген. — квартирмейстера по соответствующему делопроизводству.

В виде исключения, военным агентам разрешалось сообщать особо важные и спешные сведения непосредственно начальникам штабов тех военных округов, к которым эти сведения относились.

Свои донесения военные агенты обязывались отправлять: спешные, но несекретные — через курьеров министерства иностранных дел (за исключением военного агента в Турции, который все свои донесе-

ния был обязан отправлять по русской почте с пароходами «РОПИТ'а»), спешные секретные — шифрованными телеграммами. В исключительных случаях разрешалось отправлять секретные спешные донесения также заказными письмами, но непременно в зашифрованном виде, или с особо доверенными и лично известными агентам лицам, случайно проезжавшим в Петербург, а также специальными курьерами, или иными способами по усмотрению военного агента. Всю свою корреспонденцию военные агенты должны были запечатывать своею гербовою сургучною печатью.

Адрес для телеграмм военным агентам был дан следующий: «Петербург, Огеньквар (отдел генерал-квартирмейстера)».

Эта «инструкция» отменила наконец, существовавший до того порядок предварительного запрашивания разрешения на покупку тех или иных секретных документов. Пункт этот в «инструкции» изложен в следующей редакции:

«В случаях необходимости произвести крупный расход, превышающий размер ассигнованных на секретные расходы сумм, военные агенты обязаны входить в Главное управление Ген. штаба с представлением об ассигновании необходимых для сего денежных средств».

В исключительно важных случаях военные агенты могут производить таковые расходы без предварительных сношений с Главным управлением Ген. штаба из своих личных средств, входя затем с представлением о возмещении им произведенных расходов».

На этом, можно сказать, и заканчиваются все те мероприятия по улучшению дела агентурной разведки в мирное время, которые предпринимались Главным управлением Ген. штаба. ■





Н.Г. КУЗНЕЦОВ, Адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза,
в Великую Отечественную войну нарком Военно-Морского флота

НЕПОКОРОЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ



Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало быстрее захватить Севастополь. Во-первых, город угрожал флангам южной группы немецких армий. Во-вторых, гитлеровцы всячески старались высвободить армию Манштейна, чтобы после отдыха использовать ее на другом направлении. Летом 1942 года они надеялись добиться перелома в ходе войны в свою пользу. А потому еще до завершения боев за Керчь начали стягивать к Севастополю крупные силы.

Бои за Севастополь в июне 1942 года поражают своим упорством и ожесточенностью. Огромному

преимуществу врага в силах и в технике, стремлению Манштейна любой ценой выполнить приказ фюрера, заранее подарившего ему бывший Воронцовский дворец в Алупке, был противопоставлен массовый героизм, беззаветная преданность Родине моряков Черноморского флота и воинов Приморской армии. Почти месяц шли непрерывные жестокие бои за город. Это оказало влияние на весь ход весенне-летнего наступления немецкой армии. Такого упорного сопротивления враг не ожидал.

Третий штурм Севастополя начался 7 июня 1942 года, хотя фактически борьба за город не прекращалась

с ноября 1941 года. Непрерывно шли бои на суше и в воздухе, совершенствовалась оборона, пополнялись, хотя и не в полной мере, запасы продовольствия и боеприпасов. После декабрьского штурма и особенно после того, как противник в январе вторично занял Феодосию, снабжать Севастополь с каждым днем становилось все труднее. Готовя большое наступление в Крыму, немецкое командование широко использовало авиацию и торпедные катера, чтобы прервать наши коммуникации, главным образом те, что шли к фронту. Командование Черноморского флота не имело возможности обеспечить





▲ Кузнецов Н.Г.



Береговые батареи подвергались непрерывным бомбардировкам с воздуха и обстрелам из тяжелых и сверхтяжелых орудий. Немцы стянули к Севастополю самые мощные на то время осадные 600 мм мортиры типа «Карл», «Тор», «Один» и знаменитую пушку «Дора» калибра 800 мм.

По воспоминаниям командующего немецкой армией в Крыму Манштейна, «в целом во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь».

прикрытие тихоходных транспортов с воздуха, а потому было вынуждено использовать для перевозки людей и грузов боевые корабли, подводные лодки и самолеты.

Вопросы снабжения Севастополя всем необходимым для отражения натиска противника постоянно находились в центре внимания Военсовета флота. Город не был в полном смысле слова блокирован с моря, но господство в воздухе немецкой авиации делало каждый рейс в осажденную крепость все более рискованным и опасным. От транспортов приходилось отказываться, поручив эту задачу боевым кораблям. Вся тяжесть перевозок легла на корабли эскадры. С февраля по июнь они сделали 92 рейса. Пришлось привлекать и подводные лодки. 27 из них совершили в мае — июне 1942 года 80 переходов с целью доставки грузов и вывоза раненых.

Ходом морских перевозок в Севастополь и Керчь было очень озабочено Верховное Главнокомандование. Потери кораблей или задержка в доставке грузов вызывали справедливые упреки со стороны Ставки и Генерального штаба. Б. М. Шапошников не раз приглашал меня к себе, чтобы я доложил об ор-

ганизации перевозок и обеспечении транспортов.

Разбираясь теперь в документах, я задал себе вопрос: с какого времени командование Черноморского флота и Приморской армии стало ждать очередного штурма Севастополя?

Выступая на конференции в 1961 году, Ф. С. Октябрьский говорил: «На основании неопровержимых и точных данных 19 апреля, т. е. почти за три недели до наступления армии Манштейна на Керченском полуострове, я лично доложил Военсовету Крымского фронта о готовящемся ударе».

К сожалению, я не смог найти в архивах официальных докладов Военного совета Черноморского флота Ставке или Наркомату ВМФ с подобным предупреждением. Насколько я помню, при обсуждении положения в Крыму у маршала Буденного в конце апреля командующий флотом тоже не говорил о возможности скорого наступления противника. Очевидно, данные разведки еще не были проверены настолько, чтобы докладывать их Москве и Главкому. Но это не меняет дела. Главное, в Севастополе считались с возможностью нового вражеского штурма и готови-

лись отразить его. Тревога за судьбу города усилилась, когда гитлеровцы начали наступление на Керчь.

Готовясь к штурму, противник сосредоточил вокруг Севастополя около 204 тысяч немецких и румынских солдат и офицеров, 670 артиллерийских орудий калибра от 75 до 420 миллиметров, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и 600 самолетов. Подвез он сюда и батарею сверхтяжелых 615-миллиметровых мортир, а также знаменитую 800-миллиметровую пушку «Дора» на железнодорожной установке. Эта исполинская пушка предназначалась для разрушения линии Мажино во Франции еще в первую мировую войну. Ствол «Доры» был длиной около 30 метров, а лафет достигал высоты трехэтажного дома.

Численность войск Севастопольского оборонительного района составляла около 106 тысяч человек, из них в боевых частях насчитывалось 82 тысячи. На вооружении этих сил имелось 600 орудий разных калибров, около 2 тысяч минометов, 38 танков, 53 исправных самолета.

Соотношение сил было явно в пользу противника. «Если бы немцы бросили против нас воздушный десант прямо в город, положение





было бы катастрофическим”, — говорил вице-адмирал Октябрьский на упомянутой выше конференции. Не следует забывать, что враг располагал большими возможностями для снабжения и пополнения своих войск. Он имел безопасные сухопутные коммуникации, а мы могли использовать для подвоза и эвакуации только морские пути, находившиеся под ударами немецкой авиации.

Для морской блокады Севастополя немецкое командование создало специальную группу из торпедных катеров и самолетов, с мая они начали минирование внутреннего Севастопольского рейда. Все аэродромы находились под постоянным огнем артиллерии, их бомбила авиация противника. Защитникам Севастополя не хватало оружия, боеприпасов. Будучи в апреле — мае 1942 года на юге, я послал телеграмму в Ставку: “В базах Черноморского флота имеется до 5000 прекрасных бойцов, могущих быть использованными для обороны Севастополя, но не имеющих оружия. Убедительно прошу в срочном порядке выделить 5000 винтовок”. Но с оружием было туго. В дни штурма не удавалось перекрывать суточного расхода снарядов, мин и патронов. Иначе говоря, запасы гарнизона города-крепости таяли.

Севастополь, вокруг которого все туже смыкалось кольцо осады, не мог больше рассчитывать на регулярную поддержку крупных кораблей. Военный совет флота настойчиво просил о помощи, но ни главнокомандование направления, ни Ставка не могли в той обстановке оказать ее в тех размерах, в каких это требовалось. Флот был готов даже на тех немногих аэродромах, которыми мы располагали в районе Севастополя, принять еще сотню истребителей, готов был перевезти танки даже на линкоре, если они будут поданы в Поти или Туапсе. Однако после потери Керчи все силы и средства крайне нужны были в другом месте: враг готовился наступать на Волгу и Кавказ.

Пробиваться в осажденный город морем или по воздуху с каждым днем становилось все труднее.



▲ Генерал Петров

За первую половину июня флот потерял транспорты “Грузия”, “Абхазия”, “Белосток”. Погиб танкер “Громов”. К концу месяца только подводные лодки могли снабжать Севастополь, но много ли груза способны были они доставить?

Противник своей авиацией блокировал подступы к городу даже с моря. В остальных районах Черного моря превосходство было на нашей стороне. Это позволяло нам не только предупредить возможную высадку десанта в тыл нашим войскам где-нибудь на Кавказском побережье, но и сорвать “молниеносное” наступление на Кавказ через Керченский пролив. В итоге немцы потеряли три месяца, но так и не “перешагнули”, как намеревались, через Кавказский хребет. И все это в условиях, когда наш флот мог пользоваться только неудобными базами Кавказского побережья: в Поти была очень мала гавань, а Батумский рейд не был защищен от волн.

Опасность, надвинувшаяся на флот с суши, определила характер его операций и на берегу, и в море, и в воздухе. Взаимодействие же с армией, ставшее неременным условием еще со времен обороны Одессы, превратилось в Севастополе в главное условие прочности обороны. Об этом следует знать и помнить.

Командующий Приморской армией генерал И. Е. Петров почти всю войну прошел вместе с флотом. К июню 1942 года Иван Ефимович Петров и его начальник штаба Николай Иванович Крылов уже имели за плечами богатый опыт борьбы с врагом: героическую оборону Одессы, критические дни Крыма и Севастополя в ноябре и декабре 1941 года. Моряки убедились, что без сухопутных сил невозможно оборонять базу с суши, а воины Приморской армии поняли, что при поддержке кораблей и береговых батарей они смогут еще долго защищать Севастополь.

За обороной Севастополя внимательно следили в Москве. После того как мы оставили Керченский полуостров, положение города-крепости чрезвычайно осложнилось. Я распорядился, чтобы о всех телеграммах из Севастополя мне докладывали немедленно. Многие из них были адресованы Ставке, но и те, что шли к нам — в Наркомат ВМФ, — немедленно направлялись в Генеральный штаб для доклада Верховному Главнокомандующему.

Начальник Главного политуправления ВМФ И. В. Рогов знакомил меня с политдонесениями из Севастополя. Политорганы и партийные организации флота и Приморской армии,



городской комитет партии вели огромную мобилизующую и воспитательную работу. Личный пример коммунистов, их умение вдохновлять и вести за собой людей — вот главная сила, обеспечивавшая стойкость и героизм защитников Севастополя.

Севастополь и все, что с ним связано, до сих пор живет во мне. Восемь лет проплавал я на Черном море.

И хотя город лучше всего зрительно запомнился мне таким, каким я видел его с мостика крейсера, возвращаясь из похода, тем не менее за восемь лет я изучил и запомнил каждый его уголок. И будоражащий душу каждого русского человека памятник затопленным кораблям при входе в Северную бухту, и старинные пушки на Историческом бульваре, сохранившиеся еще со времен Крымской войны, и развалины зна-

менитого Четвертого бастиона, куда я, тогда еще молодой офицер, приходил с особым чувством, потому что они воскрешали в памяти и образы реально существовавших героев, которые пролили здесь свою кровь за Отечество, и образы не менее дорогие и близкие — героев, описанных пером Толстого.

Читая оперативные сводки из Севастополя с названиями знакомых мне населенных пунктов или высот, я отчетливо представлял себе картину боев, залпы наших крупных береговых батарей. Сколько раз доводилось прежде буксировать большой корабельный щит, когда эти батареи, порознь или вместе с кораблями, проводили учебную стрельбу! Я мысленно видел и гибель хорошо знакомого мне крейсера "Червона Украина", затонувшего у бывшей пристани Морфлота, и ги-

бель транспорта "Абхазия" — у стенки Сухарной балки. Но, конечно, вдали от Севастополя я не мог нарисовать себе полной картины его героической эпопеи во всех ее деталях. И уж совершенно не мог представить себе, что от любимого города останутся только руины.

Теперь город стал еще красивее прежнего. Вечный огонь, зажженный на Малаховом кургане, памятники на местах боев всегда будут напоминать о славных героических днях.

Как гранитный утес стоял Севастополь на пути врага. Гитлеровские генералы сосредоточивали свои дивизии и армии для наступления на Кавказ, рассчитывая захватить с тыла Новороссийск и Туапсе. Но Севастополь по-прежнему привлекал к себе внимание немецкого верховного командования.



▲ Малахов курган





▲ И.В. Сталин

В июне 1942 года борьба за город-крепость с каждым днем становилась ожесточеннее. Я ежедневно ждал вопроса Верховного Главнокомандующего: "Как в Севастополе?" Желая получать информацию из первых рук, он нередко приказывал мне докладывать ему по телефону. В ту пору Б. М. Шапошников уже сильно болел, и обязанности начальника штаба переходили в руки А. М. Василевского.

После наших неудач у Керчи мои доклады о героической борьбе защитников Севастополя вызывали у И. В. Сталина, как я видел, явно теплое чувство. Кажется, Черчилль где-то сказал, что, находясь у власти, человек не имеет представления, "каким чертовски тяжелым может быть положение обыкновенных рядовых людей". Но тяжелое положение севастопольцев в июне 1942 года мы все хорошо представляли.

12 июня Верховный Главнокомандующий послал им телеграмму:

*.....
Вице-адмиралу Октябрьскому, генерал-майору Петрову.*

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужест-



▲ Октябрьский Ф.С. в центре

венно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполняют свой долг перед Родиной.

Сталин

К этому времени не только у нас в стране следили за ходом боев под Севастополем. Многие понимали, что каждый день его героического сопротивления вносит весомый вклад в общую борьбу с фашизмом. "Правда" 15 июня 1942 года писала: "Весь советский народ, народы свободолюбивых стран сегодня с затаенным дыханием следят за ожесточенным сражением, которое ведет севастопольский гарнизон, отражая бешеные атаки врага". В середине июня атаки немецких войск были действительно бешеными. На карте Севастополь выглядел точкой, но сколько было сосредоточено

в этой "точке" пламенной ненависти к врагу, какое упорство проявляли наши герои!

Не задаваясь целью подробно описать борьбу за Севастополь в июне 1942 года, я все же попытаюсь по впечатлениям, документам и воспоминаниям непосредственных участников проследить ход этой борьбы и дать представление о том поистине массовом героизме, который отличал оборону Севастополя особенно на последнем этапе.

Наступление на Севастополь началось мощной артиллерийской и авиационной подготовкой, длившейся пять дней. За эти дни вражеская артиллерия выпустила свыше 13 тысяч снарядов, а авиация сбросила около 48 тысяч бомб.

7 июня немецкая пехота под прикрытием артиллерийского огня и авиации и в сопровождении танков перешла в наступление. Но ни 7, ни 8 июня враг не добился существенных результатов. В немецком донесении сообщалось: "Наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упрямством защищаемую систему позиций. Непрерывный губительный огонь артиллерии противника ведется по всем



немецким позициям. Уже первые дни боев показывают, что под этим адским артиллерийским огнем наступление дальше вести невозможно”.

Да, “под адским артиллерийским огнем” наших батарей фашисты действительно не могли наступать так, как им хотелось.

Они рассчитывали продвинуться в первый же день штурма, но якобы подавленные ими огневые точки оживали будто по волшебству. Не помогли и психические атаки шедших во весь рост гитлеровцев. Их отбили по всему фронту. Более трех тысяч вражеских трупов, десятки танков остались на поле боя.

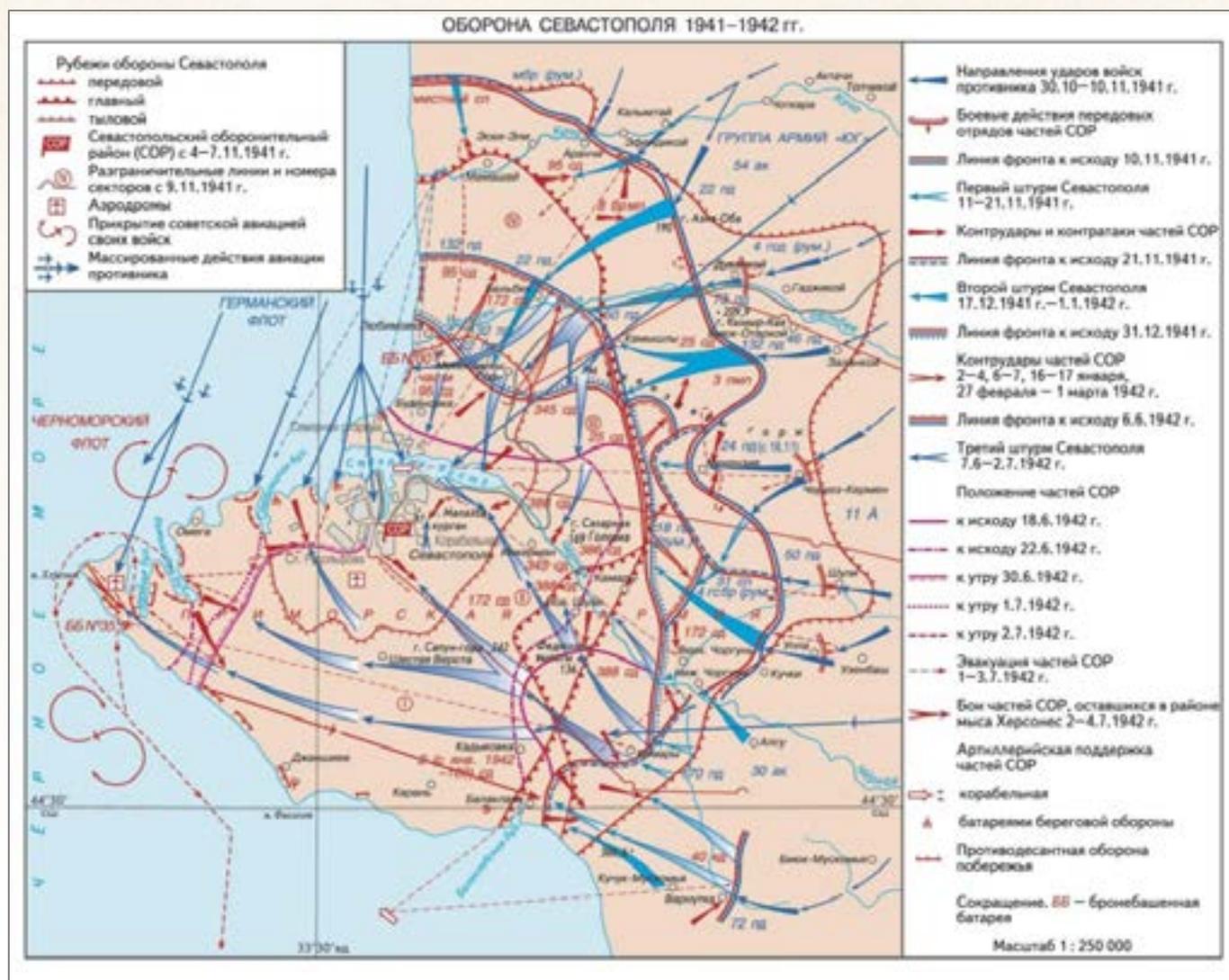
Необходимо подчеркнуть роль береговой обороны во главе с генералом П. А. Моргуновым. Он и его подчиненные еще до войны произ-

вели рекогносцировочные работы для строительства укреплений вокруг города. Правда, к осуществлению этих планов удалось приступить лишь тогда, когда враг уже приближался к городу. Личный состав береговой обороны и инженерного отдела флота в кратчайшие сроки построил доты и дзоты, которые встали на пути гитлеровцев. Спешно созданные оборонительные рубежи заняли моряки и воины Приморской армии, совершенствуя их уже в ходе напряженной борьбы за город.

Батареи береговой обороны стали опорными узлами, а нередко и командными пунктами сухопутных частей. Упорно удерживаемые, такие опорные узлы позволяли выигрывать время для передислокации частей во время яростных вражеских атак.

305-миллиметровая батарея на Херсонесском мысу сдерживала атаки неприятеля до самых последних минут организованного сопротивления в Севастополе.

Фашисты стремились взломать нашу оборону, но советские воины дрались героически. И если врагу где-нибудь удавалось захватить клочок земли, наши бойцы яростными контратаками отбивали его обратно. Полустанок Мекензиевы Горы несколько раз переходил из рук в руки. Под градом бомб и снарядов советские солдаты и матросы восстанавливали разрушенные укрепления, строили новые. Боеприпасы и оружие укрывали в скалах. Героически сражались 172, 25, 95 и 345-я стрелковые дивизии, 7-я и 79-я бригады морской пехоты.





Враг нес огромные потери. Немалыми были они и у защитников Севастополя. 9 июня получила серьезное повреждение береговая батарея № 30, известная меткостью своего огня. 10 июня были потоплены эсминцы "Свободный" и санитарный транспорт "Абхазия".

Потери флота росли, но, несмотря ни на что, корабли продолжали сражаться за Севастополь. Гремели залпы орудий крейсера "Молотов", эсминца "Бдительный".

Самые ожесточенные бои шли на Северной стороне, где враг наступал особенно яростно, чтобы через Северную бухту усилить огонь по городу. 17 июня мы потеряли в боях очень много людей и техники. На следующий день гитлеровцам удалось блокировать 30-ю батарею, которая затем вела бой в окружении. Личный состав батареи решил погибнуть, но не сдаваться.

Эту 12-дюймовую батарею хорошо знали все черноморцы. Помнил ее и я. В 1935 году мне довелось быть свидетелем ее отличной стрельбы. Командуя крейсером "Червона Украина", я получил приказ буксировать щит, когда на инспекторскую

стрельбу к нам прибыл тогдашний начальник Политического управления Красной Армии Я. Б. Гамарник. Все мы радовались точным попаданиям в щит с первых же залпов, и никто не думал, что эти могучие орудия в броневых башнях через несколько лет будут вынуждены отражать врага не с моря, а с суши. Но случилось именно так.

Бои становились все тяжелее.

"95-я стрелковая дивизия почти вся выбита, в полках осталось где сто человек, а где и меньше того. Северные укрепления защищает сводная рота саперного батальона береговой обороны главной базы... Оставшаяся у защитников Северной стороны подвижная артиллерия 95-й стрелковой дивизии и зенитные батареи ПВО подтянуты к Инженерной пристани и Михайловскому рavelину, но... нет ни одного снаряда и негде взять", — говорилось в оперативной сводке за 20 июня.

Когда бои за Северную сторону достигли наибольшего накала, туда для подкрепления были посланы моряки с кораблей охраны рейда — стало ясно, что, если противник захватит Северную сторону и выйдет

на берег бухты, охранять рейд уже не будет смысла и возможности.

Развернулись бои за знаменитый Константиновский рavelин. Корабли, входившие в порт и выходившие из него, всегда следовали мимо этого старого форта. С него в 1854 году город был оповещен о приближении неприятеля. Теперь под командованием капитана 3 ранга М. Е. Евсеева моряки вместе с пехотинцами майора И. П. Дацко отстаивали последний бастион на пути к Северной бухте.

Положение Севастополя становилось критическим.

Подобно тому, как в дни битвы под Москвой невольно вспоминались события Отечественной войны 1812 года, борьба за Севастополь воскрешала его эпопею в годы Крымской войны.

— Севастопольцы повторили былую героическую оборону, — сказал мне как-то нарком судостроительной промышленности Вячеслав Александрович Малышев, с которым мы были тесно связаны во время войны.

— И да, и нет, — ответил я. — Тогда война шла в одном измерении — на земле, теперь же враг наносит удары и с воздуха, и с моря.



Да, испытания, выпавшие на долю Севастополя в 1941—1942 годах, несравнимы с теми, что были в прошлом столетии. Шипящие, готовые вот-вот разорваться ядра, изображенные на старых картинах, не могут идти ни в какое сравнение с авиабомбами, снарядами, минами, которые сотнями тонн фашисты обрушивали на город изо дня в день. Никакие укрытия не спасали от мощных взрывов. Даже броня башенных орудий береговых батарей не всегда выдерживала попадания крупнокалиберных снарядов. Не было во время Крымской войны и полной круговой осады. Когда все возможности обороны были исчерпаны и было решено отступать, русские войска по наведенному через бухту мосту ушли на Северную сторону.

Сейчас здесь борьба шла не на жизнь, а на смерть. Немцы атаковали со всех сторон, за спиной наших бойцов было море да сотни миль расстояния до кавказских берегов.

Стремясь лишить Севастополь всякой поддержки извне, уничтожить все пути к нему по воде и по воздуху, немцы бросили в дело новые соединения авиации.

Когда положение стало совсем критическим, лидер «Ташкент» под командованием капитана 3 ранга

В.Н. Ерошенко и комиссара Г.А. Конавалова доставил пополнение: в Севастополь была переброшена 142-я стрелковая бригада (1264 человека) и немного боеприпасов. Это был последний рейс в Севастополь крупного надводного корабля. Лидер всего несколько часов находился в гавани, где обстреливался почти каждый метр водного пространства. За это время «Ташкент» успел разгрузиться и принять на борт 2300 женщин, детей и раненых.

Если бы на «Ташкент» было принято такое количество здоровых людей, то и тогда невозможно было бы не удивляться, как они там разместились. Но, кроме людей, лидер взял еще знаменитую панораму «Оборона Севастополя», спасенную матросами из огня.

На рассвете 27 июня Ерошенко повел корабль в Новороссийск. Враг послал вдогонку авиацию. «Юнкерсы» и «мессершмитты» сбросили на «Ташкент» не менее трехсот бомб. Несмотря на умелое маневрирование корабля, несмотря на его сильный и меткий зенитный огонь, гитлеровцам удалось положить рядом с ним много бомб. «Ташкент» получил повреждения, принял много воды и, по рассказам очевидцев, только чудом оставался на плаву. Экипаж

и пассажиры держались исключительно мужественно.

Командующий эскадрой Л.А. Владимирский на торпедном катере вышел в море, чтобы лично встретить лидер и, если потребуется, оказать ему помощь. Вечером 27 июня «Ташкент» благополучно прибыл в Новороссийск. Но это был последний рейс корабля. Вскоре он был потоплен немецкой авиацией в гавани Новороссийска. Последнее свое плавание совершил на нем и писатель Евгений Петров.

С Евгением Петровичем я познакомился в 1933 году во время заграничного плавания в Турцию, Грецию, Италию. Ближе я узнал его во Владивостоке в 1938 году — там мы вместе были на учениях в море. После этого изредка встречались в Москве или разговаривали по телефону. По словам людей, видевших Е.П. Петрова в последние недели его жизни, его мечтой было побывать в Севастополе. И он побывал там. Был очевидцем последних дней героической обороны и перед отъездом позвонил мне. Обещал рассказать, а главное — написать обо всем, что увидит. Нелепая смерть настигла его, когда он возвращался на самолете в Москву.

Вспоминаются слова Е.П. Петрова о поведении командира корабля Ва-



▲ Лидер «Ташкент»





силія Николаевича Ерошенко и всего экипажа:

“Не могу без волнения вспоминать об этом. Я почти все время находился на мостике и своими глазами видел, как действовали моряки во время налета вражеской авиации и атак торпедных катеров... Ерошенко, например, во время налета авиации переходил с правого крыла мостика на левый. Щурясь, смотрел на пикирующий самолет, определял расстояние до него и хриплым голосом командовал: “Лево руля”, “Право руля”. Иногда даже ободряюще подмигивал мне как пассажиру...”

Да, Василий Николаевич Ерошенко проявил себя настоящим героем. Под стать ему оказался и личный состав. Недаром С. М. Буденный, благодаря личный состав, сказал в Новороссийске: “Я знал в гражданскую войну немало героев и героических дел, и мне приятно было сегодня узнать, что вы — моряки-черноморцы, экипаж “Ташкента” — проявили массовый героизм”.

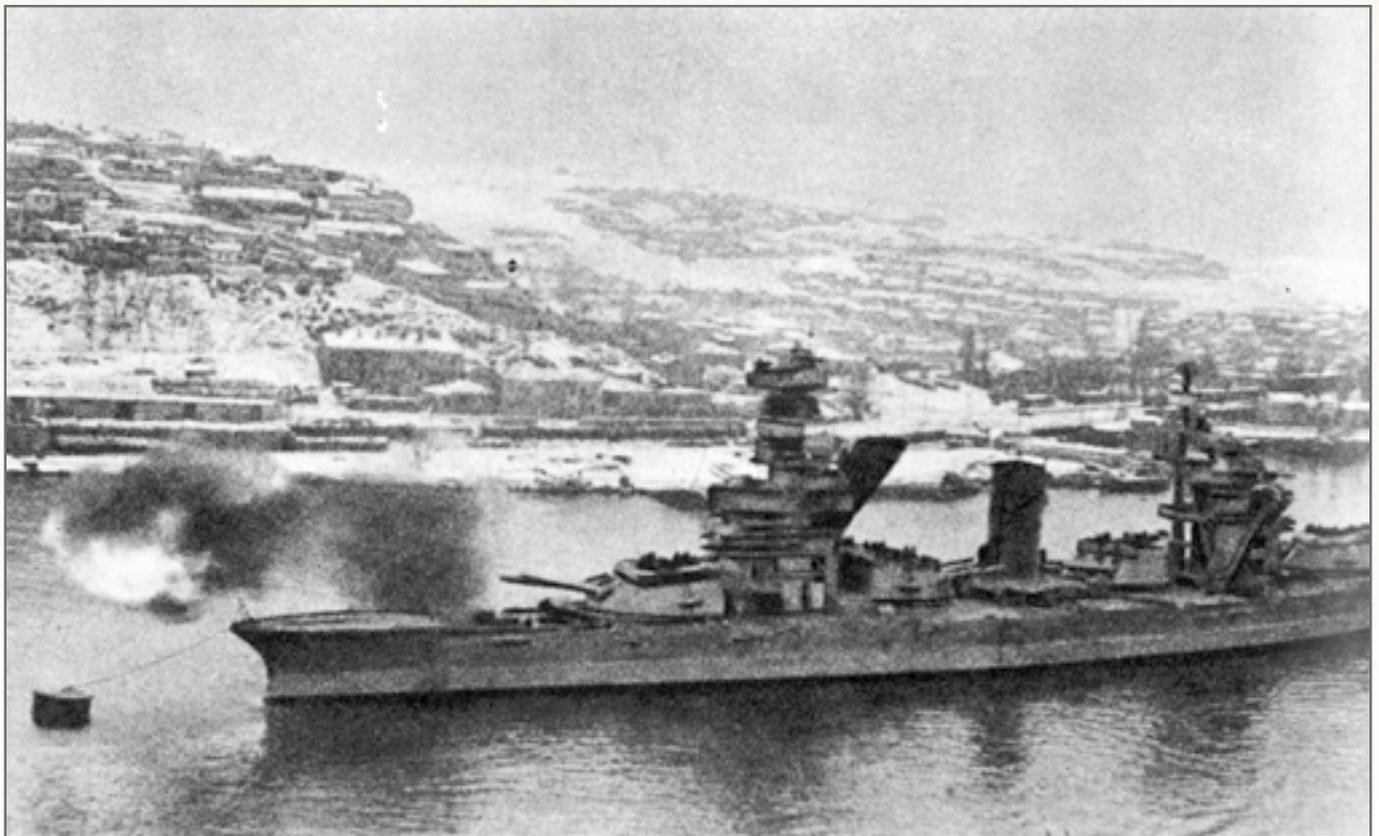
Говоря о подвиге “Ташкента”, не могу не вспомнить добрым словом эсминцы “Бдительный” и “Безупречный” под командой А. Н. Горшенина и П. М. Буряка. Экипажи обоих кораблей героически проявили себя еще в дни обороны Одессы. Самой высокой похвалы заслуживали прорывы эсминцев в осажденный Севастополь.

Особенно трудные задачи выпали на долю “Безупречного”. Петр Максимович Буряк был человеком редкой храбрости. Он верил в свое военное счастье, и ему действительно везло до поры до времени. Пять раз пробивался “Безупречный” сквозь огненную блокаду к защитникам Севастополя и оставался при этом невредимым. В конце июня 1942 года “Безупречный” снова ушел в Севастополь. Из этого похода он уже не вернулся. Эсминец погиб, когда до цели оставалось всего несколько десятков миль. Шедший рядом “Ташкент” пытался помочь людям, оказавшимся в воде, но потерпевшие

знали, что лидер везет пополнение городу-крепости, и наотрез отказались от помощи.

В тот день вместе с Петром Максимовичем Буряком погиб его шестнадцатилетний сын Володя, плававший юнгой на эсминце...

Неисповедимы бывают не только судьбы людей, но и судьбы кораблей. Подводная лодка “М-32” под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Колтыпина утром 23 июня, доставив в Севастополь мины для минометов, патроны и бензин, вынуждена была уйти под воду, чтоб не погибнуть под огнем врага. Командир решил не всплывать, пока бухта не скроет от глаз противника ночь. Но еще при переходе в Севастополь насыщенная парами бензина лодка стала огнеопасной, и днем в центральном посту произошел взрыв. Несколько подводников получили ожоги и ранения. Нечем стало дышать. Но всплыть до наступления темноты, повторяю, было невозможно. Постепенно люди стали терять



▲ Севастополь, бухта





▲ Небо Севастополя

сознание. Через несколько часов в сознании находились только капитан-лейтенант Колтыпин и старшина Пустовойтенко. Около 17 часов впал в полуобморочное состояние и капитан-лейтенант, правда, перед этим он успел приказать старшине, чтобы тот разбудил его в 21 час. С трудом продержавшись до этого срока, Пустовойтенко попробовал поднять командира, но тот оставался недвижим. И так, на всей лодке, кроме старшины, не было никого, кто мог бы что-то делать... Стоило Пустовойтенко на минуту ослабить волю, задремать, и никаких шансов на спасение всех, кто был в лодке, не осталось бы.

Понимая это, старшина стал продувать цистерны. Лодка всплыла. Первым делом он хотел вынести на воздух и привести в чувство командира. Но, едва открыв люк, Пустовойтенко сам потерял сознание. Никем не управляемую лодку понесло к каменистому берегу. Казалось, все кончено... Однако Пустовойтенко все же пришел в себя. Вынес наверх

командира. Сознание вернулось к капитан-лейтенанту. Свежий воздух вернул к жизни и других членов экипажа. И хотя лодка была уже на камнях, людям ценой невероятных усилий удалось снять ее. Подводная лодка "М-32" 25 июня пришла в Новороссийск.

В последние дни июня обстановка в Севастополе резко ухудшилась. В это время командующий оборонительным районом Ф. С. Октябрьский вместе с членом Военного совета Н. М. Кулаковым телеграфировал: "Москва — Кузнецову; Краснодар — Буденному, Исакову. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу разрешить мне в ночь на 1 июля вывезти самолетами 200-250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также и самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова И. Е. Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную. Боевые действия приняли характер уличных боев. Оставшиеся

войска сильно устали, хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками. Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, что в таком положении мы продержимся максимум 2—3 дня".

Об этой телеграмме мне доложили около 14 часов 30 июня. Хотя Севастопольский оборонительный район оперативно подчинялся маршалу Буденному, я понимал, что моя обязанность прежде всего — своевременно дать ответ. Армейское командование в Краснодаре еще болезненно переживало недавнюю неудачу на Керченском полуострове. По опыту эвакуации Таллинна я полагал, что главком едва ли примет решение сам, не запросив Ставку. Времени же для запросов и согласования уже не оставалось. По обстановке было ясно:

Севастополь придется оставить. Поэтому, еще не заручившись согласием Ставки, я приказал ответить вице-адмиралу Октябрьскому: "Нарком





ваше предложение целиком поддерживает". Переговорив со Сталиным, в 16 часов 40 минут я послал Военному совету Черноморского флота телеграмму о том, что эвакуация Военсовета разрешена.

В ночь на 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел с единственного оставшегося в наших руках аэродрома около Херсонесского маяка в Новороссийск.

Соглашаясь с эвакуацией Военного совета флота из Севастополя, я рассчитывал на то, что в городе останется генерал-майор И.Е. Петров, заместитель командующего флотом, который будет руководить обороной до последнего момента. Но 1 июля в телеграмме в адрес Сталина, мой и Буденного уже из Новороссийска Военный совет флота донес: "Старшим начальником в Севастополе оставлен комдив-109 ге-

нерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником по морской части — капитан 3 ранга А.Д. Ильичев". Это было для меня полной неожиданностью и поставило в трудное положение перед Ставкой.

— Вы говорили, что там останется генерал-майор Петров? — нахмурился Сталин.

Мне ничего не оставалось, как сослаться на первую телеграмму командующего Черноморским флотом.

В своей ответной телеграмме я давал разрешение на выезд только Военного совета и группы руководящего состава, если в Севастополе останется генерал Петров. В этом случае я рассчитывал, что борьба еще какое-то время будет продолжаться. Так обстановку, видимо, понимал и Верховный Главнокомандующий. Сейчас же все изменилось. Теперь нельзя было надеяться на органи-

зованное сопротивление в течение хотя бы недели и эвакуацию оставшихся войск. Этим и было вызвано недовольство Сталина.

Однако Севастополь продолжал сражаться. Прижатые к морю, его защитники держались еще более десяти дней, оказывая мужественное сопротивление врагу. Вот что рассказывал потом начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии полковник Д.И. Пискунов, который оставался в Севастополе до 12 июля:

— Четыре бойца и политрук были прижаты противником к морю на мысе Фиолент. Они приняли бой. Очевидно, противник стремился захватить их в плен живыми и атаковал целым взводом. Гитлеровцев подпустили на близкое расстояние и в мгновение ока срезали из автоматов. Тогда враг предпринял атаку тремя танками с двадцатью пятью автоматчиками. Два танка были подбиты, много немцев убито и ранено. Но патроны и гранаты кончились... И тогда со словами: "Да здравствует Родина!" — герои бросились с обрыва в море...

Подобных подвигов в те дни в Севастополе было немало.

В годы войны не всегда удавалось сразу установить полную картину борьбы за наши города. Борьба зачастую продолжалась еще несколько дней после официального сообщения о том, что город оставлен. Так было в Либаве, так было и в Севастополе. Лишь со временем стали известны героические дела отдельных подразделений и групп. В городе, и особенно на Херсонесском мысу, оставалось довольно много красноармейцев, краснофлотцев и командиров. Возглавил их командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Новиков.

Петр Георгиевич Новиков до конца выполнил свой долг солдата и патриота. В ночь на 2 июля он вышел в море на сторожевом катере, чтобы попытаться пробиться на Кавказ, но был тяжело ранен в неравной стычке с фашистами. Советский генерал не склонил головы перед врагом и был убит эсэсовцами в концлагере Флоссенбург.



▲ Новиков Г.П.





▲ Контратака моряков

Были ли приняты все меры для эвакуации? Этот вопрос мне приходилось слышать не раз. Вопрос о возможном оставлении Севастополя должен был стоять перед командованием флота, главнокомандованием Северо-Кавказского направления, которому Черноморский флот был оперативно подчинен, и Наркоматом ВМФ. Все эти инстанции обязаны были заботиться не только о борьбе до последней возможности, но и о вынужденном спешном отходе, если этого потребует обстановка. Эвакуация оставшихся войск после третьего штурма Севастополя еще ждет объективного, исторического анализа; сделать подробный анализ в рамках воспоминаний трудно.

Однако я должен ответить на некоторые вопросы, относящиеся ко мне лично. Да, об эвакуации войск, конечно, следовало подумать нам, в Наркомате ВМФ, подумать, не ожидая телеграммы из Севастополя. Никакая другая инстанция не должна была заботиться о защитниках Севастополя так, как Главный морской штаб под руководством наркома. Ни оперативное

подчинение флота Северо-Кавказскому направлению, ни руководство Севастопольским оборонительным районом (через главкома направления или непосредственно со стороны Ставки) — ничто не освобождало от ответственности нас, флотских руководителей в Москве. И меньше всего следует упрекать в непредусмотрительности местное командование, которому была дана директива драться до последней возможности. Военные советы Черноморского флота и Приморской армии со своими штабами в обстановке напряженных боев не могли заранее заниматься разработкой плана эвакуации. Все их внимание было сосредоточено на отражении атак врага.

Больше внимания назревавшей эвакуации из Севастополя должен был уделить штаб главнокомандования направления, находившийся в Краснодаре. Трудно судить, почему он этого не сделал. Но так или иначе этот вопрос ни в одной инстанции детально не обсуждался.

Когда 30 июня Ф. С. Октябрьский доложил о необходимости оставить Севастополь, нам в Москве пред-

ставлялось, что борьба может продолжиться еще неделю-две. Но этот расчет был неверен, мы переоценили силы и возможности обороняющихся. Прорыв противника с Северной стороны на Корабельную оказался для нас неожиданным. Как-то, уже позже, я разговаривал об этом с адмиралом И. С. Исаковым, который был в те дни заместителем главкома и членом Военного совета направления. Он откровенно сказал, что «если бы эвакуация была до деталей продумана и проведена раньше, возможно, удалось бы вывезти больше людей». Но это только предположение. Если бы мы, скажем, в середине июня 1942 года поставили перед Ставкой вопрос об эвакуации Севастополя и получили разрешение, что маловероятно, то в этом случае было бы вывезено больше людей и даже кое-какая техника.

Но в таком грандиозном сражении, какое происходило за Севастополь, никто не мог предусмотреть, когда возникнет критическое положение. Приказ Ставки, весь ход войны, обстановка тех дней на фронтах требовали драться в Севастополе





▲ Помощь морем

до последней возможности, а не думать об эвакуации. Иначе Севастополь не сыграл бы своей большой роли в борьбе за Кавказ и косвенно за Сталинград, армия Манштейна не понесла бы таких потерь и была бы переброшена раньше на новое важное направление. Как я уже говорил, всего за несколько дней до конца боев в Севастополь на лидере "Ташкент" прибыло пополнение. Признать это ошибочным никак нельзя.

Когда немцы продвинулись к последним рубежам севастопольцев на Херсонес и все водное пространство вокруг стало простреливаться, посылать туда транспорты или крупные боевые корабли стало невозможно. Малые же сделали все, что было в их силах, люди уже вплавь добирались до них под огнем пушек и автоматов. После 1 июля в район

смогли прорваться лишь две подводные лодки, два тральщика и несколько сторожевых катеров. Часть защитников Севастополя, эвакуировать которых не удалось, все же пробившись в горы и присоединились к партизанам. Некоторые из них позднее участвовали в освобождении Севастополя вместе с нашими наступающими частями.

Итак, Севастополь был оставлен. Однако значение его обороны трудно переоценить. Это была не просто упорная оборона одного города, а целая эпопея, оказавшая огромное влияние на весь ход войны и сыгравшая исключительную роль в отражении наступления южной группы немецких армий.

Борьба защитников Севастополя оказывала огромную помощь нашему фронту за сотни километров от этого города. Не случайно о нем

так много говорили и наши добровольцы, и наши враги. Севастополь был нужен фашистам еще в октябре — ноябре 1941 года, а они сумели захватить его ценою огромных потерь только в июле 1942 года.

История войн знает немало случаев упорной обороны приморских городов и военно-морских баз, но найти что-либо равное обороне Севастополя трудно. Где и когда так стойко, самоотверженно и в таком неразрывном единстве армия, флот и население столь долгое время защищали город, взятый врагом в кольцо? Где и когда осажденные были так непоколебимы в решимости держаться до последней возможности? Подвиг Севастополя можно, пожалуй, сравнить с подвигом Ленинграда. ■



ПОПЫТКА РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАГЕДИИ 22 июня 1941 года



▲ Полевые оборонительные сооружения

Причины трагедии 22 июня 1941 года вызывают интерес у мыслящих людей нашей страны и сегодня. Это связано с тем, что эти причины носят не только военный, но и политический характер. И если выявится, что всё было совсем не так, как нам много лет пытаются доказать, то проблем в стра-

не прибавится, и придётся многое пересмотреть не только в будущем, но и в прошлом, а что самое главное и самое страшное для некоторых — в настоящем.

Партократия после победоносного завершения войны поняла, что Сталин вновь решил оторвать её от власти в государстве, и, вспомнив

1937 год, перешла к ответным защитным действиям. После чего Сталину не так много осталось жить, поскольку партократия его фактически приговорила и сделала это вместе с военными.

После войны Сталин возобновил интенсивное расследование причин чудовищной трагедии 22 июня





1941 года в целях установления как сути трагедии, так и тем более конкретных виновников.

В 1946 году эта работа была поручена начальнику Военно-научного Управления Генерального штаба РККА генерал-полковнику А. П. Покровскому. Формально ВНУ ГШ занималось обобщением опыта сосредоточения и развёртывания войск западных приграничных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. Это обстоятельство и позволяло использовать его как отличное прикрытие для тщательного расследования причин невероятной трагедии 22 июня, которое в глубокой тайне было инициировано Сталиным ещё в самом начале войны. Сталин организовал тогда тщательный опрос всех оставшихся в живых генералов и офицеров, которые занимали различные командные посты в приграничных военных округах накануне войны.

Известны слова Сталина о том, что «победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать, и проверять... меньше будет зазнайства, больше будет скромности».

Нередко эти слова Сталина увязывают лишь с делом маршала Жукова в 1946 году, когда полководца примерно «развенчали» за отчаянную нескромность и приписывание себе чуть ли не всех боевых заслуг других генералов и маршалов Советского Союза. Это и в самом деле было именно так. Скромностью маршал Жуков не страдал и рассматривал себя (вместе с американцами, и это уже не секрет) как будущего главу СССР.

Сталиным подразумевалось тщательное расследование причин трагедии 22 июня 1941 года.

К концу 1952 года Сталин практически завершил это расследование — уже был завершён опрос оставшихся в живых генералов, командовавших частями в западных приграничных округах накануне войны. И это очень сильно встревожило высший генералитет. Особенно того же Жукова и Мерецкова, накануне войны руководивших Генеральным штабом РККА. А именно они на основе анализа всех имевшихся данных, должны были предупредить руководство страны о возможной агрессии, сроках и прочем.

Это были их прямые должностные обязанности. Но по своим деловым и профессиональным качествам оба они этого сделать не смогли. Не случайно они так резко переметнулись на сторону Хрущёва. Жуков помог Хрущёву осуществить государственный переворот 26 июня 1953 года. В 1957 году Хрущёв был снят на пленуме партии с поста первого секретаря ЦК КПСС. Против него выступило почти всё высшее руководство страны, но Жуков решительно выступил против сталинистов (группа Молотова — Маленкова — Кагановича — Булганина) и поддержал Хрущёва. В результате десятидневной борьбы (пленум, армия, спецслужбы), Хрущёв с большим трудом (благодаря помощи и поддержке Жукова — министра обороны) сохранил свой прежний пост. Нельзя не учитывать и то, что они склонялись и к троцкизму, пустившем глубокие корни в стране, в партии, и тем в более в армии.

Смертоносная убойность материалов этого расследования для генералитета была велика. В последние годы существования СССР «Военно-исторический журнал» начал печатать отдельные материалы



▲ Жуков Г.К.



▲ Мерецков К.А.



расследования, в частности, опроса генералов — когда они получили предупреждение о нападении Германии? Многие показали, что 18-19 июня и позднее никаких указаний на этот счет не получали, а некоторые и вовсе узнали о войне из речи Молотова. Тут же редакции журнала приказали печатание материалов немедленно прекратить.

Даже в те годы материалы расследования были опасны для высшего генералитета страны. Не публикуют их до сих пор, так как они по-прежнему представляют угрозу. Для теперешней российской власти эти материалы опасны тем, что вызовут неконтролируемые действия военных историков, «ревизию» во всей исторической науке, в сознании людей, это перевернет буквально всё и придется на коленях ползти к могиле Сталина и за всю клевету и грязь просить прощения за всё то, что на него обрушили после его убийства.

P.S.: Сталин планировал удар сразу по двум направлениям: по партократии, которую намеревался навсегда отсечь от управления государством, и по высшему генералитету — в назидание будущим полководцам.

Свою вину Сталин открыто признал, что хорошо известно. Более того, он хотел открыто покаяться перед народом за допущенные ошибки, особенно перед войной. Кстати, и это тоже сильно испугало партийную и военную власти, потому как знали они свою вину перед народом, как, впрочем, знали и то, что при Сталине им придётся ответить за все свои деяния.

В 1952 году в Военно-историческом управлении Генерального штаба Советской Армии была создана группа под руководством генерал-полковника А.П. Покровского, которая приступила к разработке описания Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Для более полного и объективного изложения событий начального периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов были сформулированы вопросы, относящиеся к периоду развертывания войск Прибалтийского, Киевского и Белорусского особых военных округов по «Плану обороны государственной границы 1941 года» накануне Великой Отечественной войны.

Было выделено пять основных вопросов:

1. Был ли доведен до войск в части их касающейся план обороны государственной границы. Если этот план был доведен до войск, то когда и что было сделано командованием и войсками по обеспечению выполнения этого плана.

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрывания начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий.

3. Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидающимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня. Какие и когда были отданы войскам указания во исполнение этого распоряжения и что было сделано.

4. Почему большая часть артиллерии корпусов и дивизий находилась в учебных лагерях.

5. Насколько штаб части был подготовлен к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны.

Задания были разосланы командующим округами, армиями, командирам корпусов, дивизий, осуществлявшим управление в первые дни войны.



ДЕРЕВЯНКО КУЗЬМА НИКОЛАЕВИЧ генерал-лейтенант

В 1941 г. — заместитель начальника разведывательного отдела штаба Прибалтийского особого военного округа (Северо-Западного фронта).

«Группировка немецко-фашистских войск накануне войны в Мемельской области, в Восточной Пруссии и в Сувалкской области в последние дни перед войной была известна штабу округа достаточно полно и в значительной ее части и подробно.»

«Вскрытая группировка немецко-фашистских войск накануне военных действий расценивалась разведотделом [штаба округа] как наступательная группировка с значительным насыщением танками и моторизованными частями.»





► *«Командование и штаб округа располагали достоверными данными об усиленной и непосредственной подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза за 2-3 месяца до начала военных действий.*

Начиная со второй недели войны большое внимание уделялось организации отрядов, направляемых в тыл противника с целью разведки и диверсий, а также организации разведывательных радиофицированных групп в тылу противника и радиофицированных точек на территории, занимаемой нашими войсками, на случай вынужденного их отхода.»

«В последующие месяцы информация, получаемая от наших групп и отрядов, работающих в тылу противника, все время улучшалась и представляла большую ценность.

Докладывалось о наблюдаемом лично сосредоточении немецко-фашистских войск в приграничных районах, начиная с конца февраля месяца, о проводимых немецкими офицерами рекогносцировках вдоль границы, подготовке немцами артиллерийских позиций, усилении строительства долговременных оборонительных сооружений в приграничной полосе, а также газо и бомбоубежищ в городах Восточной Пруссии.»



СОБЕННИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ **генерал-лейтенант**

В 1941 г. — командующий войсками 8-й армии Прибалтийского особого военного округа (Северо-Западного фронта).

«Насколько неожиданно для подходивших войск началась война можно судить, например по тому, что личный состав тяжелого артиллерийского полка, двигавшийся по железной дороге на рассвете 22 июня, прибыв на ст. Шауляй и увидев бомбежку наших аэродромов, считал, что «начались маневры».

А в это время уже почти вся авиация Прибалтийского военного округа была сожжена на аэродромах. Например, из смешанной авиадивизии, долженствовавшей поддерживать 8 Армию, к 15 часам 22 июня осталось 5 или 6 самолетов СБ.»

«...около 10-11 часов 18 июня я получил приказание вывести части дивизий на свои участки обороны к утру 19 июня, причем генерал-полковник Кузнецов [Командующий войсками ПриОВО приказал мне ехать на правый фланг, а сам лично выехал в Таураге, взяв

на себя обязанность привести в боевую готовность 10 стрелковый корпус генерал-майора Шумилова.

Начальника штаба армии я отправил в н.п. Келгава с приказанием выводить штаб Армии на командный пункт.

«В течение 19-го июня были развернуты 3 стрелковых дивизии (10-я, 90-я и 125-я). Части этих дивизий располагались в подготовленных траншеях и ДЗОТах. Долговременные сооружения готовы не были.

Даже в ночь на 22 июня я лично получил приказание от начальника штаба фронта КЛЕНОВА в весьма категорической форме — к рассвету 22 июня отвести войска от границы, вывести их из окопов, что я категорически отказался сделать и войска оставались на позициях.»





БАГРАМЯН ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ
Маршал Советского Союза

В 1941 г. — начальник оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта).

«Войска, непосредственно осуществлявшие прикрытие государственной границы, имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно. Вдоль всей границы для них были подготовлены полевые позиции. Эти войска представляли из себя первый оперативный эшелон.»

«Войска прикрытия первый оперативный эшелон, дислоцировались непосредственно у границ и начали развертывание под прикрытием укрепленных районов с началом военных действий.»

«Заблаговременный их выход на подготовленные позиции Генеральным Штабом был запрещен, чтобы не дать повода для провоцирования войны со стороны фашистской Германии.»



ИВАНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
генерал-майор

В 1941 г. — начальник штаба 6-й армии Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта).

«Будучи еще в Забайкалье и получая разведсводки, мы чувствовали нависающую угрозу, так как разведка довольно точно определила сосредоточение немецко-фашистских войск. Внезапное назначение Начальником штаба 6-й армии в г. Львов мной расценивалось как необходимость предвоенного периода.»

Несмотря на безусловные признаки крупного сосредоточения немецких войск, командующий войсками Киевского особого военного округа запретил выдвигать части прикрытия, приводить войска в боевую готовность, а тем более усиливать их даже после начала обстрела госграницы и налетов авиации ночью с 21 на 22 июня 1941 г. Только днем 22 июня это было разрешено, когда немцы уже перешли госграницу и действовали на нашей территории.»

«К рассвету 22 июня начали появляться бежавшие с госграницы семьи пограничников и некоторые жители. В городе началась стрельба из некоторых домов и с колоколен по улицам города. Пойманные с оружием оказывались украинскими националистами.»

С рассветом начали поступать сведения о высадке немецких десантов восточнее, юго-восточнее и южнее г. Львов. Высланные в эти районы разведгруппы ничего не находили в них. Сведения о десантах за все месяцы начального периода войны оказывались ложными, только нервировали войска и распыляли наши силы на ненужную разведку. Не исключено, что такие данные передавали немецкие агенты, засланные к нам заранее. Мною был поставлен вопрос о разрешении сделать еще одну попытку прорваться организованно в ранее предложенном направлении.»

«...было принято решение замазать знаки на танке грязью и двигаться по дороге на Смела днем с закрытыми люками вместе с немецкими машинами, которые изредка проходили по дороге.»





Эта маленькая хитрость удалась, и мы днем двигались от Звенигорода на Шпола, причем немецкие регулировщики давали нам дорогу. Надеясь и в дальнейшем безнаказанно двигаться с немцами, мы выехали на дорогу, идущую от м. Смела на Черкассы.

Танк дошел по дамбе до взорванного моста, но был обстрелян немецкой артиллерией зажигательными снарядами, при развороте сполз с дамбы и наполовину затонул.

Вместе с экипажем мы вышли из танка и через час, перейдя болото, соединились со своими частями на участке 38-й армии.»



АБРАМИДЗЕ ПАВЕЛ ИВЛИАНОВИЧ
генерал-майор

В 1941 г. — командир 72-й стрелковой дивизией 8-го стрелкового корпуса 26-й армии Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта).

« До вероломного нападения ... я и командиры частей моего соединения не знали содержание мобилизационного плана, так называемого — МП-41 года.

После его вскрытия, в первый час войны, все убедились, что оборонительная работа, командно-штабные учения с выходом в поле, исходили строго из мобилизационного плана 41 года, разработанного штабом Киевского особого военного округа и утвержденного Генеральным Штабом.»

«Войска, непосредственно осуществлявшие прикрытие государственной границы, имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно. Вдоль всей границы для них

были подготовлены полевые позиции. Эти войска представляли из себя первый оперативный эшелон.»

«Войска прикрытия — первый оперативный эшелон, дислоцировались непосредственно у границ и начали развертывание под прикрытием укрепленных районов с началом военных действий. Заблаговременный их выход на подготовленные позиции Генеральным Штабом был запрещен, чтобы не дать повода для спровоцирования войны со стороны фашистской Германии.»





ФОМИН БОРИС АНДРЕЕВИЧ
генерал-майор

В 1941 г. — начальник оперативного отдела штаба 12-й армии Белорусского особого военного округа (Западного фронта).

«Выписки из планов обороны государственной границы (...) хранились в штабах корпусов и дивизий в запечатанных "красных" пакетах.

Распоряжение о вскрытии красных пакетов из штаба округа последовало в исходе 21 июня. Удар авиации противника (3.50 22 июня) застал войска в момент выдвижения их для занятия обороны.

По утвержденному плану обороны госграницы 1941 года, в связи со сосредоточением крупных германских сил к госгранице, было предусмотрено увеличение количество войск, включаемых в план.»

«К 21 июня на 400-километровом фронте вдоль государственной границы (на расстоянии от 8 до 25-30 км от нее) было сосредоточено полностью 13 стрелковых дивизий, 14-я была на подходе в районе сев.-зап. опушки Беловежской пуцы.

На глубине 250-300 км находилось еще 6 стрелковых дивизий, из них 4 — в движении.»

«Оборона границы до начала боевых действий дивизиями не занималась. Радиостанции в управлениях армий бомбежкой были разбиты.

Управление приходилось осуществлять офицерами связи, связь поддерживалась самолетами У-2, СБ, бронемашинами и легковыми машинами.»

«Трудность поддержания связи при помощи только подвижных средств связи заключалась в том, что и эти средства были очень ограничены. Кроме того, авиация противника уничтожала эти средства как в воздухе, так и на земле.

Достаточно привести такой пример: 26 июня нужно было передать боевой приказ армиям об отходе их на рубеж р. Шара и далее через Налибокскую пуцу.

Для доставки шифрованного приказа мною в каждую армию было отправлено по одному самолету У-2 с приказанием сесть около КП и вручить приказ; по одному самолету СБ в каждую армию с приказанием сбросить около КП парашютиста с шифрованным приказом для вручения; и по одной бронемашине с офицером для вручения этого же шифрованного приказа.

Результаты: все У-2 сбиты, все бронемашины сожжены; и только на КП 10-й армии с СБ были сброшены 2 парашютиста с приказами. Для выяснения линии фронта приходилось пользоваться истребителями.»



**ЗАШИБАЛОВ МИХАИЛ АРСЕНТЬЕВИЧ**
генерал-майор

В 1941 г. — командир 86-й стрелковой дивизией 5-го стрелкового корпуса 10-й армии Белорусского особого военного округа (Западного фронта).

«В час ночи 22 июня 1941 года Командиром корпуса был вызван к телефону и получил нижеследующие указания — штаб дивизии, штабы полков поднять по тревоге и собрать их по месту расположения. Стрелковые полки по боевой тревоге не поднимать, для чего ждать его приказа.»

«Начальнику штаба дивизии приказал связаться с пограничными комендатурами и заставами и установить, что делают немецко-фашистские войска и что делают наши пограничные комендатуры и заставы на Государственной границе СССР.»

В 2.00 начальник штаба дивизии доложил сведения, полученные от Начальника Нурской пограничной заставы, что немецко-фашистские войска подходят к реке Западный Буг и подвозят переправочные средства.»

«После доклада начальника штаба дивизии в 2 часа 10 минут 22 июня 1941 года приказал подать сигнал "Буря" и поднять стрелковые полки по тревоге и выступить форсированным маршем для занятия участков и районов обороны.»

В 2.40 22 июня получил приказ вскрыть пакет Командира корпуса, хранящийся в моем сейфе, из которого мне стало известно — поднять дивизию по боевой тревоге и действовать согласно принятому мной решению и приказу по дивизии, что мною было сделано по своей инициативе на час раньше.»

Поступившие в адрес Военно-исторического управления материалы за авторством известных советских военачальников были тщательно изучены и проанализированы и легли в основу фундаментальных научных трудов, описывающих ход Великой Отечественной войны с точки зрения военных специалистов.

На первый вопрос ответы были неоднородными. Одни командиры сообщили, что план был доведен до них заблаговременно в части касающейся и, у них была возможность разработать свои планы с построением боевых порядков и определением боевых участков. Другие ответили, что с планом они ознакомлены не были, а получили его в запечатанных пакетах непосредственно в первые дни войны.

Так начальник штаба 28 стрелкового корпуса 4 армии Белорусского особого военного округа Лукин пояснил, что «... для проверки реальности ... плана и инструкции, до начала войны, примерно в период март-май месяцы 1941 года было проведено не менее двух поверочных боевых тревог в присутствии представителей командования Западного военного округа...»

Командир 45-й стрелковой дивизии 5-го стрелкового корпуса 5-й армии Киевского особого военного округа Шерстюк вспоминал слова командарма 5-й армии, переданные ему командиром 15-го стрелкового корпуса полковником И.И. Федюнинским: «... План обороны госграницы, места КП и НП в нужный момент получит в закрытом пакете; подготовку щелей отмотбизирования в гарнизонах дивизии

запрещаю, т.к. это даст повод к панике.»

Командир 10-й стрелковой дивизии Прибалтийского особого военного округа Фадеев сообщил: «План обороны государственной границы Литовской ССР я знал в части касающейся полосы обороны 10-й стрелковой дивизии и обороняющейся слева 125-й стрелковой дивизии за ее правый фланг.»

Командующий войсками 8-й армии Прибалтийского особого военного округа П.П. Собенников вспоминал: «... получив в марте 1941 года назначение на должность, я, к сожалению, в это время ни в Генеральном штабе, ни по прибытии в г. Ригу в Штаб Прибалтийского особого военного округа, не был информирован о «Плане обороны Государственной границы 1941 года.»



По прибытии в штаб 8-й Армии в г. Иелгава, я также не нашел никаких указаний по этому вопросу. У меня складывается впечатление, что вряд ли к этому времени (март 1941 г.) таковой план существовал. Штабом дивизии и штабами полков были отработаны боевые документы, приказы, боевые распоряжения, карты, схемы и т.д. Части дивизии были натренированы для занятия своих районов обороны и огневых сооружений с мест их дислокации... Огонь артиллерии был спланирован по направлениям... Были определены и оборудованы основные и запасные командные и наблюдательные пункты от штаба дивизии до командиров рот включительно.»

Лишь 28 мая 1941 года (эту дату я помню отлично) я, будучи вызван ... в штаб округа был, буквально наспех, ознакомлен с «Планом обороны». Все это происходило в большой спешке и несколько нервной обстановке. ... План представлял довольно объемистую, толстую тетрадь, напечатанную на машинке. ... Мои

записи, а также записи моего начальника штаба были отобраны. ...К сожалению, после этого никаких указаний не последовало и даже своих рабочих тетрадей мы не получили.

Однако, войска, стоявшие на границе ..., занимались подготовкой полевых укреплений..., были ориентированы практически о своих задачах и участках обороны. Возможные варианты действий проигрывались на полевых поездках (апрель-май)...»

Если первый вопрос был для всех одинаков, то второй вопрос значился в двух вариантах.

Почти все командиры отметили, что подготовкой оборонительных рубежей части занимались заранее вплоть до июня 1941 года. Степень готовности укрепрайонов была различна.

Так командир 45-й стрелковой дивизии 5-го стрелкового корпуса 5-й армии КОВО, отметил, что в мае-июне 1941 года частями дивизии, при условии большой маскировки,

у госграницы на удалении примерно 2-5 км строились отдельные пулеметные и артиллерийские ДЗОТы, а также противотанковые рвы... Построенные земляные сооружения частично обеспечивали развертывание и ведение боевых действий частями дивизии.

Командир 72-й горно-стрелковой дивизии Киевского особого военного округа Абрамидзе сообщил, что: «... проведенные мероприятия по укреплению государственной границы, полностью обеспечивали развертывание и ведение боевых действий частями вверенного мне соединения.

Все части удерживали государственную границу во взаимодействии с 92 и 93 погранрядами до 28 июня, т.е. пока не получили приказ об оставлении границы...»

В Прибалтийском особом военном округе оборонительный рубеж по линии госграницы на фронте Паланга, Кретинга, Клайпедское шоссе и южнее, в основном согласно плану, на глубину р. Миния был подготовлен.



▲ Федюнинский И.И



▲ Огневая точка





Оборона (предполье) строилась узлами сопротивления, опорными пунктам Были построены дерево-земляные, каменные ДЗОТы для всех станковых пулеметов, а также полковой и противотанковой артиллерии.

В Белорусском особом военном округе оборонительные рубеж по линии госграницы представлял систему окопов, ходов сообщений и дерево-земляных оборонительных сооружений, строительство которых еще не было закончено к началу войны.

Осенью 1940 года войска 28-й стрелкового корпуса по плану командующего 4-й армией работали по сооружению войскового заполнения Брестско-Литовского укрепленного района: ДЗОТов, траншей, полос заграждения.

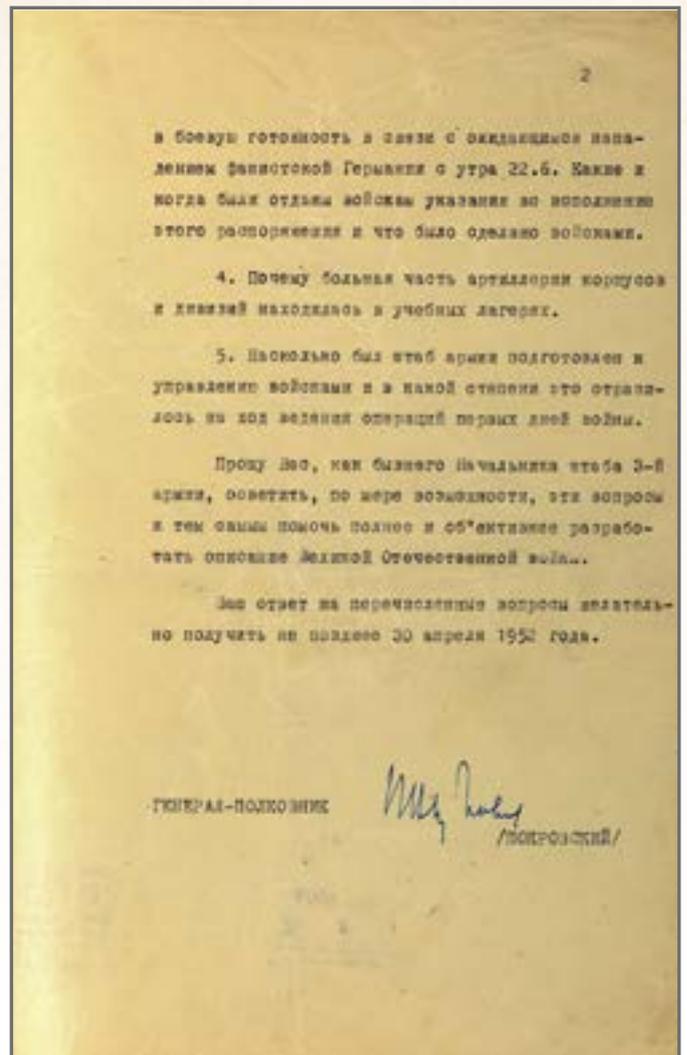
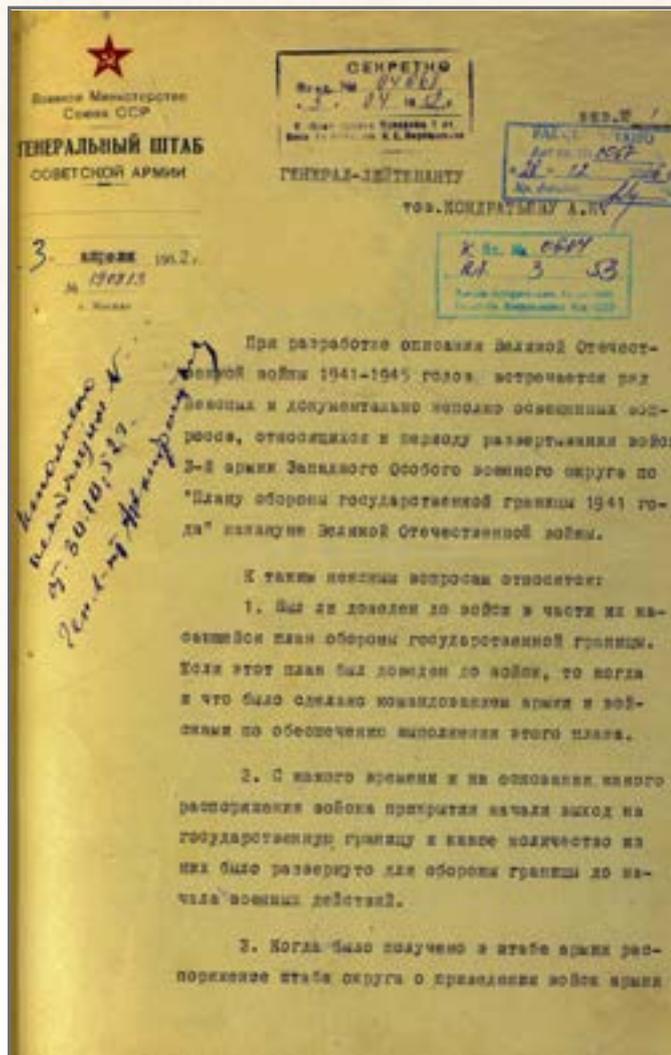
Укрепленный район по восточному берегу р. Буг был в процессе строительства. Отдельные сооружения и участки с выполненными сооружениями были без гарнизонов и вооружения, а Брестский укрепрайон, по словам очевидца, по своей малочисленности не мог даже охранять от проникновения посторонних лиц, как это надлежало быть.

В Белорусском особом военном округе до момента нападения врага никаких указаний или распоряжений о подъеме войск и выводе их для занятия оборонительных рубежей от вышестоящего командования, в том числе штаба округа, получено не было. До нападения все части находились в местах своей дислокации. Например, командир 86-й стрелковой дивизии получил личное

приказание командира 5-го стрелкового корпуса собрать штаб дивизии, штабы полков и батальонов в 1.00 ночи 22 июня. Этим же приказанием предписывалось части по боевой тревоге не поднимать и ждать особого приказа. Через час он получил приказ вскрыть пакет командира корпуса, хранящийся у него в сейфе, после чего поднял дивизию по боевой тревоге и действовал по принятому им решению и приказу по дивизии.

Аналогичная ситуация сложилась в Киевском особом военном округе, где распоряжение о приведении частей в боевую готовность и оставлении их в своих гарнизонах было получено от вышестоящего командования.

И даже, несмотря на случаи обстрела немецкими самолетами совет-



▲ Письмо генералу Кондратьеву





▲ Кондратьев А.К.



▲ Покровский А.П.

ских военнослужащих и боев с пограничниками, из штаба 5-й армии поступило указание: «На провокацию не поддаваться, по самолетам не стрелять ... немцы кое-где начали вести бой с нашими погранза-ставами.

Это очередная провокация. На провокацию не идти. Войска поднять по тревоге, но патронов на руки не давать.»

Насколько внезапно для войск началась война, можно судить, например, по тому, что личный состав тяжелого артиллерийского полка, двигавшийся по железной дороге на рассвете 22 июня, прибыв на ст. Шауляй и увидев бомбежку наших аэродромов, считал, что «начались маневры.»

48-я стрелковая дивизия Прибалтийского особого военного округа по приказу командующего войсками округа в ночь на 19 июня выступила из Риги и двигалась к границе с музыкой и, не будучи ориентированной о близкой угрозе войны, была внезапно подвергнута атаке с воздуха

и прорвавшихся наземных войск немцев, после чего понесла большие потери и, не дойдя до границы, была разгромлена.

На рассвете 22 июня уже почти вся авиация ПриОВО была сожжена на аэродромах. Из смешанной авиадивизии, приданной 8-й армии округа, к 15 часам 22 июня осталось 5 или 6 самолетов СБ.

Что касается участия артиллерии в первые дни войны, то в большинстве своем она находилась на окружных и армейских сборах согласно распоряжениям штабов округов. Как только начались активные столкновения с противником артиллерийские части своим ходом прибыли в районы боевых действий и заняли нужные позиции. Подразделения, которые оставались в местах дислокации своих частей приняли непосредственное участие в поддержке наших войск до тех пор, пока было горючее для тракторов. Когда топливо закончилось, артиллеристы были вынуждены взорвать орудия и технику.

Условия, в которых наши войска вступили в войну, все участники первых боев описывают одним словом «неожиданно». Ситуация была одинаковой во всех трех округах. В Белорусском особом военном округе командный состав 28-го стрелкового корпуса должен был прибыть на показное учение командарма 4-й армии на артполигон в Медынь (район Бреста) в 5.00 утра 22 июня.

В момент нападения в г. Брест-Литовск сразу же прекратили работу электрическая и телефонная связь, так как полевой связи штаб корпуса с дивизиями не имел, то и управление было нарушено. Связь поддерживалась путем посылок на автомашинах офицеров. В том же Белорусском особом военном округе командир 330-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии 5 стрелкового корпуса 10-й общевойсковой армии докладывал в 8.00 утра 22 июня, что с хода контратаковал противника силою больше двух батальонов и во взаимодействии с отдельным разведбатальоном дивизии,





пограничной комендатурой и заставами обратил противника в бегство и восстановил утраченное положение пограничными заставами переднего края на участке Смолехи, Зарембы по государственной границе СССР.

Части 99-й стрелковой дивизии 26-й армии Киевского особого военного округа располагались на государственной границе, находясь в постоянной боевой готовности и в очень короткие сроки могли занять свои участки обороны, но противоречивые распоряжения, поступавшие от высшего командования, не позволили нашим артиллеристам открыть огонь по противнику до 10.00 часов утра 22 июня. И только в 4.00 утра 23 июня, после 30-минутной артподготовки наши войска выбили противника из занятого им г. Перемышль и освободили город, где находилось много советских граждан, в том числе семьи офицерского состава.

Части дивизий 5-й армии Киевского особого военного округа вступили в бой с немцами в крайне тяжелых условиях, так как боевые действия начались внезапно и явились неожиданностью, при этом одна треть войск находилась на оборонительных работах, а корпусная артиллерия была на армейском лагерном сборе.

В Прибалтийском особом военном округе немцы начали войну в 4.00 часа утра 22 июня артиллерийской подготовкой и стрельбой прямой наводкой по ДЗОТам, погранзаствам, населенным пунктам, создав много очагов пожаров, после чего перешли в наступление.

Главные усилия противник сосредоточил в направлениях Паланга-Либава, по берегу Балтийского моря обходили г. Кретинга, вдоль Клайпедского шоссе.

Части 10-й стрелковой дивизии отражали огнем атаки немцев и неоднократно переходили в контратаки, вели упорные оборонительные бои на всю глубину предполья до р. Миния, Плунги, Ретовас.

Ввиду сложившейся обстановки, к исходу 22 июня командиром дивизии был получен приказ от командира 10-го стрелкового корпуса — отходить.

Эта дивизия с 22 июня по 30 сентября 1941 года отходила и вела бои в Прибалтике, после чего была погружена на транспорт в г. Таллине и выведена в г. Кронштадт, Стрельно.

В целом все участники первых дней войны отмечают готовность штабов к управлению войсками. Оправившись от внезапного удара,

штабы взяли на себя руководство боевыми действиями. Трудности управления войсками проявлялись практически во всем: неуккомплектованность некоторых штабов, отсутствие необходимого количества средств связи (радио и транспорта), охраны штаба, автотранспорта для перемещений, нарушенная проводочная связь. Управление тылом было затруднено из-за оставшейся с мирного времени системы снабжения — «округполк».

Воспоминания очевидцев и непосредственных участников первых дней войны, безусловно, не лишены субъективности, тем не менее их рассказы — это доказательство того, что советское правительство и высшее командование реально оценивая обстановку периода 1940-1941 годов, чувствовали неполную готовность страны и армии к отражению нападения со стороны фашистской Германии — противника сильного и хорошо вооруженного за счет ограбления стран Западной Европы, с двухлетним опытом ведения боевых действий. Исходя из объективной реальности того времени, приказом привести войска в полную боевую готовность руководство страны не хотело дать повод Гитлеру для развязывания войны в крайне невыгодных для нас условиях, надеясь оттянуть войну. ■



ПРИКАЗ НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР О ЗАДАЧАХ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ



▲ Партизанское формирование





СТРОГО СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 00189

5 сентября 1942 г. г. Москва

Содержание: О задачах партизанского движения.

Второй год народы Советского Союза ведут Великую Отечественную войну против германских фашистских полчищ, вероломно вторгшихся на территорию нашей страны.

Немецкие империалисты, захватив и ограбив всю Европу, поставили своей целью разорить и нашу страну, ввергнуть народы Советского Союза в немецкое рабство. Врагу удалось захватить Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию и часть Северного Кавказа, он продолжает блокировать Ленинград. Не считаясь со своими огромными потерями, враг бросает на фронт все свои силы и продолжает рваться в глубь нашей страны.

В этот момент величайшей опасности перед всеми народами Советского Союза, перед каждым гражданином и гражданкой на фронте и в тылу, на оккупированной территории и в партизанском отряде стоит одна единственная задача — отстоять свою Родину, защитить свободу, независимость, свою честь и разгромить ненавистных немецких захватчиков.

Красная Армия героически отражает натиск врага и сама наносит ему сокрушительные удары. Она истощает его силы, наносит ему огромный урон.

Трудящиеся Советского Союза на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах день и ночь упорно, самоотверженно работают на производстве вооружения, боеприпасов, снаряжения и продуктов питания для Красной Армии. Наша промышленность теперь обеспечивает нужды фронта. Армия получает все больше и больше танков, самолетов, артиллерии, минометов и боеприпасов. Боевая мощь Красной Армии значительно выросла и продолжает расти.

Однако разгром германских армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями Красной Армии на фронте и мощными, непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла.

История войн учит тому, что победа над захватчиками часто достигалась не только борьбой одной регулярной армии, но одновременно и народным партизанским движением, способствовавшим окончательному разгрому захватчиков.

Так было в Отечественную войну 1812 года. Наполеон, стремясь покорить нашу страну, под конец был разгромлен русской армией, поддержанной вооруженным народом, развернувшим беспощадную партизанскую борьбу в тылу врага. Наполеоновская армия, в то время самая сильная в мире, легла костью в России, потому что наряду с регулярной русской армией поднялось на защиту отечества могучее народное партизанское движение.

Так было и в годы гражданской войны. Красная Армия разбила армии интервентов на всех фронтах и отстояла молодую, находившуюся в смертельной опасности, Советскую республику, благодаря вооруженной борьбе всего народа, организовавшего партизанское движение в тылу вражеских армий.

Теперь, когда Красная Армия на фронтах, напрягая все свои силы, отстаивает свободу и независимость своего государства, народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом.

Захватив территорию, немцы не смогли покорить советский народ. Наш народ ненавидит оккупантов, он берется за оружие и организует партизанскую борьбу в тылу немецкой армии. Партизаны наносят серьезный урон живой силе, технике и дезорганизуют тыл противника. Однако партизанское движение еще не развернулось полностью, еще не стало делом всех и каждого, кто очутился в лапах немецких хищников, тогда как налицо все условия для повсеместного быстрого развития всенародной партизанской борьбы против немецких оккупантов.

Необходимо, прежде всего, добиться, чтобы партизанское движение развернулось еще шире и глубже, нужно, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы советского народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всенародным.



Это значит, что существующие сейчас партизанские отряды не должны замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно, наряду с организацией новых партизанских отрядов, создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно не ограничены и включать в себя всех честных граждан и гражданок, желающих освободиться от немецкого гнета.

Основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей.

В настоящий момент разрушение путей подвоза врага имеет важнейшее значение. Враг сейчас вынужден перебрасывать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт из далекого тыла, а также перебрасывать из нашей страны в Германию награбленный хлеб, мясо и всякое другое имущество. Железные, шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются лесами. Это создает благоприятные условия для действия партизанских отрядов по разрушению путей подвоза. Закрывать пути подвоза — значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, а также вывозить в Германию награбленное в нашей стране народное добро и тем самым облегчить Советскому Союзу разгром врага.

Решение этих основных задач требует от всех партизанских отрядов широкого развертывания боевых партизанских операций, а также диверсионной, террористической и разведывательной работы в тылу врага.



▲ Диверсия на ж/д станции





▲ Подрыв моста

▶ **Приказываю:**

1. В целях нарушения движения по железным дорогам и срыва регулярных перевозок в тылу врага устраивать всеми способами железнодорожные катастрофы, подрывать железнодорожные мосты, взрывать или сжигать станционные сооружения, взрывать, сжигать и расстреливать паровозы, вагоны, цистерны на станциях и разъездах. При железнодорожных крушениях уничтожать живую силу, технику, горючее, боеприпасы и прочие грузы, а также уцелевшие паровозы и вагоны. На шоссейных и грунтовых дорогах подрывать и сжигать мосты, виадуки, разрушать гати и другие искусственные сооружения. Уничтожать транспорты, подвозящие боеприпасы и горючее. Лошадей угонять. При невозможности использования вооружения, транспортов и грузов, приводить их в негодность всеми возможными способами.

2. При всякой возможности истреблять воинские гарнизоны, штабы и учреждения, отряды войск, отдельно следующих офицеров и солдат, охрану транспортов и складов.

3. Уничтожать склады и базы вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и другого имущества, гаражи и ремонтные мастерские.

4. Разрушать линии связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, уничтожать аппаратуру связи, вырезать и увозить провода, спиливать и сжигать телеграфные столбы, уничтожать радиостанции и обслуживающий их персонал.

5. Нападать на аэродромы противника и уничтожать самолеты, ангары, склады бомб и горючего, а также истреблять летно-технический состав и охрану аэродромов.

6. Уничтожать всякие хозяйственные команды, вражеских фуражиров, команды и агентов по изъятию хлеба, нападать на обозы с награбленным хлебом, на склады и элеваторы; по возможности хлеб раздавать населению, а если этого сделать нельзя, уничтожать полностью.

7. Действиями партизан еще не охвачены города. Партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города, большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу. Разрушать и сжигать узлы связи, электростанции, котловые установки, водоснабжение, склады, емкости с горючим и другие объекты, имеющие военно-экономическое значение.



8. Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснять, что они делают, где живут, где и в какие часы работают, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения; кто и как их охраняет.

9. Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии:

а) особо отбирать людей, способных вести скрытую разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, аэродромы, базы и склады, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей;

б) непрерывно следить за местом расположения и за передвижением войск и грузов по железным и грунтовым дорогам: выяснять численность, род войск и нумерацию частей, количество и характер боевой техники, направление движения и время следования; устанавливать порядок и силу охраны воинских эшелонов и транспортных;

в) устанавливать точное место расположения войск и штабов, их наименование и нумерацию, учреждений и органов оккупационных властей;

г) разведывать аэродромы противника, устанавливать место их расположения, количество и типы самолетов, постоянно или временно базирующихся на данный аэродром, аэродромное оборудование, вспомогательные и специальные автомашины, запасы горючего и масел, а также охрану аэродромов на земле и с воздуха;

д) организовать разведку городов и крупных населенных пунктов в целях установления количества войск в гарнизонах (численность по родам войск, наименование, нумерация, командование); противовоздушной обороны; воинских складов и мастерских; военной промышленности; высшей военной и гражданской администрации;



▲ Диверсия на ж/д станции





▲ Родина-мать



▲ Нарком Обороны СССР И.В. Сталин

- е) выяснять, где и какие оборонительные рубежи уже построены, их оборудование в инженерном отношении, вооружение, устройство связи, имеются ли там гарнизоны;
- ж) следить и точно фиксировать результаты бомбардировок нашей авиацией;
- з) при всех возможностях захватывать приказы, донесения, оперативные карты и прочие документы противника.

Данные агентурной и боевой партизанской разведки незамедлительно сообщать Центральному штабу партизанского движения.

10. Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов, наряду с боевой работой, развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровавых оккупантов. Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и других печатных материалов на оккупированной территории.

Верховное Главнокомандование Красной Армии требует от всех руководящих органов, командиров, политработников и бойцов партизанского движения развернуть борьбу против врага в его тылу еще шире и глубже, бить фашистских захватчиков непрерывно и беспощадно, не давая им передышки. Это лучшая и ценнейшая помощь Красной Армии.

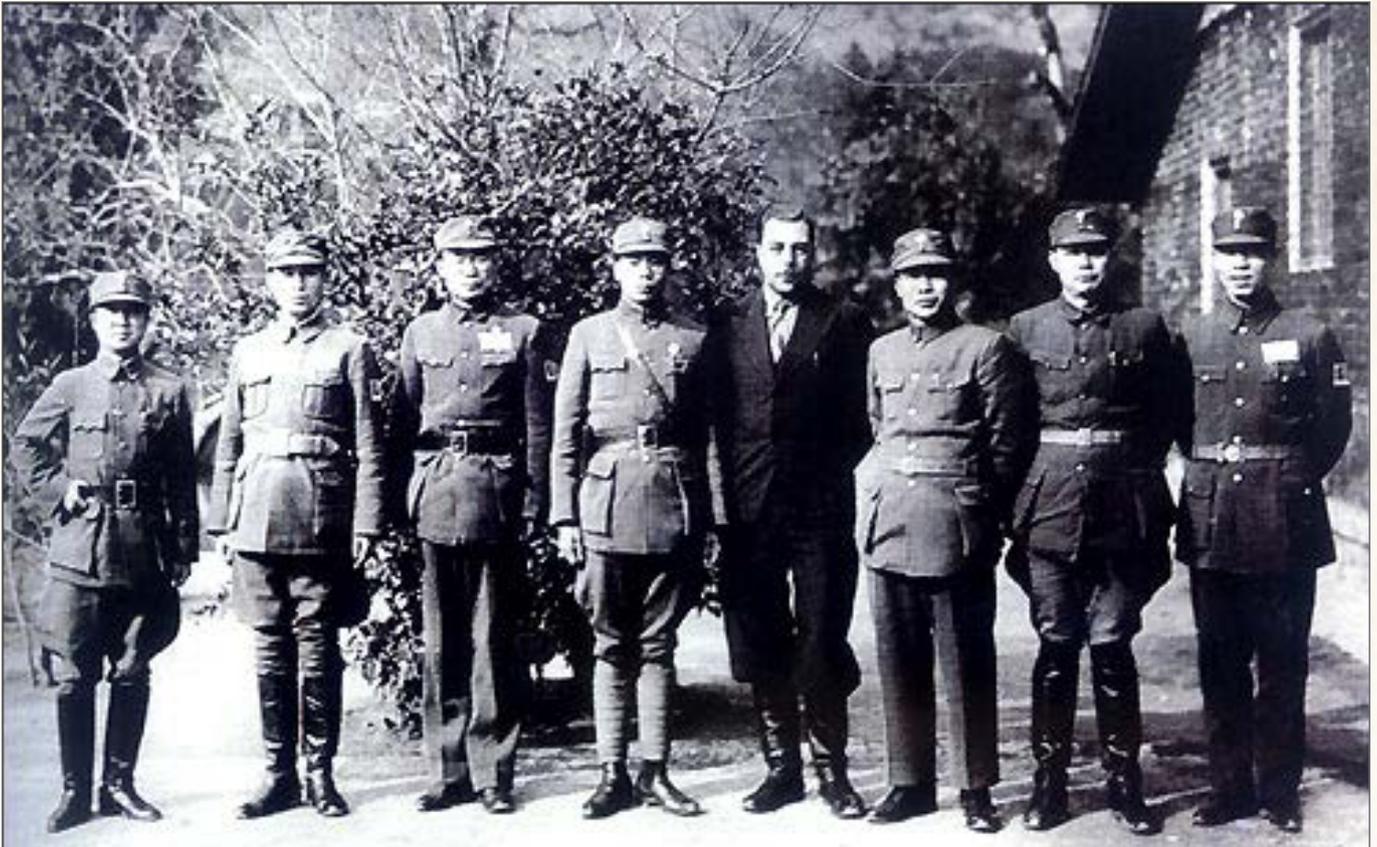
Совместными действиями Красной Армии и партизанского движения враг будет уничтожен.

Народный комиссар обороны
И. СТАЛИН



А.И. ЧЕРЕПАНОВ

ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК В КИТАЕ



▲ Военные советники

Идея нашей помощи великому китайскому революционеру Сунь Ятсену — это, бесспорно, ленинская идея. Еще задолго до Октябрьской революции Ленин наметил идею будущего союза русской социалистической революции с революционной демократией Китая. И когда в нашей стране установилась диктатура пролетариата, эта идея стала обретать плоть.

Советские товарищи, стоявшие у истоков организационного воплощения в жизнь этого союза, дейст-

вовали по указанию Ленина. Я имею в виду Г.В. Чичерина, Л.М. Карахана, А.А. Иоффе, М.М. Бородина и других. Поэтому и для нас, молодых командиров РККА, входящих в первую пятерку направленных в Китай советников, задание, порученное партией и правительством, казалось вполне естественным, несмотря на всю его необычайность. В самом деле, всего лишь за два года до этого завершились кровопролитные бои с интервентами и белыми. Страна далеко еще не оправилась от ран, голода и холода, а мы

должны были пробираться за многие тысячи километров, чтобы, не щадя жизни, служить революционным задачам Китая. Ленинские идеи, примеры содружества народов в борьбе за Советскую власть делали нас убежденными интернационалистами.

21 июня 1923 года мы приехали в Пекин. Начали усиленно заниматься китайским и английским языками, присматривались к жизни китайского народа и с помощью работников миссии изучали внутреннее и внешнее положение Китая.





Черепанов Александр Иванович — (1895-1984), советский военачальник, генерал-лейтенант (1943). Родился в селе Кислянское, ныне Юргамышского района Курганской области 21 ноября 1895 года. Участник I мировой войны. Окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. Командовал ротой, штабс-капитан. С декабря 1917 года в Красной Гвардии. В Гражданскую войну воевал на Северо-Западном и Западном фронтах — командир полка, затем начальник штаба и командир бригады. Окончил Военную академию РККА (основной командный и восточный разведывательный факультеты), владел китайским и английским языками. С 1923 по 1927 годы военный советник в Китае. Активно участвовал в борьбе с басмаческими бандами, действовавшими с территорий Афганистана, Китая, Ирана в 1927-1929 гг. (совершил два похода в Афганистан). Командир 1-й Тихоокеанской дивизии, участвовавшей в военном конфликте на КВЖД. С июля 1935 помощник начальника, затем начальник Группы контроля НКО. С августа 1938 по ноябрь 1939 главный военный советник в Китае. Старший преподаватель оперативного искусства Академии Генерального штаба до 1941 года. С июля 1941 главный инспектор при главнокомандующем Северо-Западного направления. С сентября 1941 по июль 1944 командующий 23-й армией, которая участвовала в обо-

ронительных сражениях под Ленинградом, во время прорыва блокады и при разгроме врага на Карельском перешейке. С ноября 1944 заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии, с мая 1947 председатель этой комиссии и главный советник Болгарской армии. С мая 1948 заместитель начальника Управления высших военно-учебных заведений. С ноября 1955 в запасе. Награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, боевыми медалями и иностранными орденами.

Вскоре мы были приняты чрезвычайным послом Советского Союза в Китае Л. М. Караханом. Он расспросил, как у нас идет учение, как мы устроились, и намекнул, что очень скоро, с приездом из Москвы одного товарища, положение с нашей будущей работой определится. Он не назвал фамилии; позднее мы поняли, что речь шла о Михаиле Марковиче Бородине.

— А пока, — сказал Карахан, — продолжайте учиться.

Наконец в Китай приехал М. М. Бородин.

С Бородиным никто из нас раньше не встречался, и только здесь, в Китае, нам стали известны некоторые факты его интересной биографии.

М. М. Бородин юношей примкнул к революционному движению. Член РСДРП с 1903 года, он принял активное участие в революционных событиях 1905 года в Риге, где с января под партийной кличкой Кирилл стал работать среди латышских социал-демократов. Бородин присутствовал на партийной конференции в Таммерфорсе, участвовал в стокгольм-

ском Объединенном съезде партии в 1906 году. Вскоре он был арестован, после освобождения эмигрировал в Англию, а затем в США, где был членом Социалистической партии Америки и исполнял обязанности казначея общества «Помощь русским политическим заключенным».

В июле 1918 года Бородин вернулся в Москву. На короткое время он ездил в Англию, в 1919 году был назначен первым генеральным консулом РСФСР в Мексике. И вот теперь по приглашению Сунь Ятсена М. М. Бородин приехал в Китай.

В конце года нам объявили, что Герман и Поляк немедленно выезжают с Бородиным в Гуанчжоу, а через месяц за ними последуем мы, Терешатов и я. Смоленцев остается в Пекине.

В начале января 1924 года Л. М. Карахан сообщил нам с Терешатовым, что мы должны выехать через Шанхай в Гуанчжоу в распоряжение Бородина...

Уже в пути при подходе к Гуанчжоу капитан судна сообщил нам полученную по радио тяжелую весть:

скончался Владимир Ильич Ленин. Известие потрясло нас. Невероятная скорбь сдавливала грудь. Не стало Ленина.

Гуанчжоу в то время был революционным центром Китая. Здесь шла напряженная политическая жизнь. Революционные силы страны сгруппировались вокруг Сунь Ятсена, который, несмотря на тяжелые поражения, мучительно искал новые пути освобождения народа.

Мне посчастливилось встречаться с великим китайским революционером-демократом, и впечатления о нем на всю жизнь остались незабываемыми.

На опыте всей своей революционной деятельности, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, которую он охарактеризовал как «великую надежду человечества», Сунь Ятсен выработал три политические установки: союз с Советской Россией, союз с Коммунистической партией Китая, поддержка крестьян и рабочих.

Мы с Терешатовым приехали в Гуанчжоу 25 января 1924 года. Как



раз в эти дни здесь проходил I конгресс гоминдана, на котором было официально оформлено сотрудничество с Коммунистической партией Китая. Это решение активизировало борьбу Сунь Ятсена, левого крыла гоминдана и всего народа против империализма и феодализма. Конгресс принял Манифест гоминдана, вливающий новое содержание в его программу и давший ему в руки революционное знамя. Такой радикальный поворот во многом стал возможен благодаря неутомимой деятельности китайских коммунистов, которые в ходе подготовки и проведения конгресса руководствовались ленинским учением о едином фронте борьбы с империализмом и феодализмом. Их возглавлял Ли Дачжао — один из организаторов компартии Китая.

В день нашего приезда на конгрессе была объявлена скорбная весть о кончине В.И. Ленина. Город был в трауре. Сунь Ятсен произнес речь, посвященную памяти вождя мировой революции.

— За многие века мировой истории, — говорил Сунь Ятсен, — появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, — исключение. Ты не только говорил и учил, но претворял свои слова в действительность. Ты создал новую страну, ты указал нам путь для совместной борьбы, ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти по указанной тобой дороге... Ты умер... но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек.

По предложению Сунь Ятсена конгресс принял текст письма ЦК РКП(б) и Советскому правительству с выражением соболезнования по поводу смерти В.И. Ленина. Конгресс принял решение объявить трехдневный траур и перенести следующее заседание на 28 января. В дни траура состоялись митинги трудящихся, проводились беседы о В.И. Ленине.

В Гуанчжоу мы сразу же были захвачены водоворотом событий

и включились в общее дело. Передо мной, как на экране в минутном эпизоде, промелькнул озабоченный Цюй Цюбо, с которым я познакомился еще в Москве, где он пребывал в качестве корреспондента пекинской газеты «Чэнь-бао» («Утро») и преподавал нам китайский язык. Двадцатилетний Цюй Цюбо смог понять самое главное, чем должен руководствоваться всякий искренний революционер-китаец, — ключ к настоящей борьбе за счастье родного Китая лежит в тщательнейшем и всестороннем изучении русского опыта, советского опыта. Он первым едет в Советскую Россию, проводит в Москве два богатейших по историческому содержанию года — 1921-й и 1922-й и всю

дальнейшую жизнь посвящает пропаганде зорко увиденного и правильно понятого. Цюй Цюбо в кремлевском коридоре беседует с В.И. Лениным; подробно рассказывает Маяковскому о новой китайской литературе; отправляется с поклоном в Ясную Поляну; переводит, переводит и переводит. Среди его переводов — шедевры русской классики от Пушкина до Горького, произведения молодой советской литературы, политические документы и книги.

Ему принадлежит первый перевод на китайский язык текста «Интернационала». Эти вдохновенные слова он пел в тот час, когда гоминьдановские палачи летним днем 1935 года его расстреляли.



▲ Гуанчжоу





▲ Сунь Ятсен

Вскоре после конгресса гоминьдана М. М. Бородин пригласил нас к себе, чтобы вместе поехать к Сунь Ятсену.

В назначенное время М. М. Бородин, Цюй Цюбо, Николай Терешатов, Яков Герман, Владимир Поляк и я подъехали к дому Сунь Ятсена.

В том, как он, прервав беседу с военным министром, вышел нам навстречу, как без традиционных церемоний пожал нам руки, чувствовалась не формальная официальная расположенность, а искренняя, теплая дружба. Хорошо известный портрет Сунь Ятсена во френче верно передает его облик. В беседе с нами Сунь Ятсен усиленно подчеркивал, что главный враг независимости Китая — империализм. Внутренние враги — милитаристы

и прочие — держатся лишь благодаря поддержке империалистов.

Сунь Ятсен принимал нас перед началом нашей работы по перестройке южнокитайской армии.

- Первая наша задача, — говорил Сунь Ятсен, — сформировать армию по советскому образцу, подготовить плацдарм для похода на север... Мы надеемся, что вы, накопившие богатый опыт в борьбе против интервенции иностранных империалистов, изгнавшие их из своей страны, передадите этот опыт нашим курсантам — будущим офицерам революционной армии.

Мы были назначены военными советниками в школу Вампу. Терешатов, Поляк и я в связи с началом работы были приглашены на квартиру к Бородину, где нам предстояло

познакомиться с начальником школы Вампу — Чан Кайши и его заместителями. Чан Кайши тогда было около сорока лет. Коротко остриженные поредевшие волосы торчали на маленькой голове. Беспечно бегали злые глаза. Держался он подчеркнуто по-военному, явно рисуясь. Слушая Бородина, время от времени в знак согласия издавал какие-то бессвязные звуки, напоминающие карканье вороны. Смех его звучал искусственно, глаза оставались злыми.

Тогда мы, разумеется, не знали истинного политического лица Чан Кайши. Мы наивно думали, что политическим наставником Чан Кайши был Сунь Ятсен. На деле же Чан «учился» у главы гангстеров Шанхая Чэнь Цимэя — дядюшки выдвинувшихся позже заправил реакционной гоминьдановской группировки братьев Чэнь Лифу и Чэнь Гофу. Потерпев финансовый крах на шанхайской бирже, где подвизался некоторое время в качестве маклера, Чан Кайши решил обогащаться с помощью политических спекуляций. Будучи беспринципным карьеристом, он всячески демонстрировал свою показную революционность, охотно распространялся о своей верности идеям Сунь Ятсена и путем беззастенчивой демагогии сумел втереться к нему в доверие.

После того как Сунь Ятсен установил дружеские отношения с Советским Союзом, Чан Кайши умело использовал представившийся случай, чтобы нажить себе политический капитал. Он согласился поехать в Советский Союз для изучения постановки военного дела. Именно в результате этой поездки, а также благодаря связям в гоминьдане Чан Кайши получил суливший ему столько выгод пост начальника военной школы Вампу.

Вскоре после встречи с начальством мы приехали к месту своей работы на остров Вампу (Хуанцу). Осмотрев здание школы, жилой домик, отведенный советникам, мы сразу оправились на поиски будущего учебного поля.

Остров Вампу расположен на реке Чжуцзян в 25 км от Гуанчжоу.



Островное расположение школы в значительной степени избавляло ее от неприятных неожиданностей. Имелась возможность хотя бы на первых порах скрыть школу от глаз ненужных наблюдателей.

Занятия в школе начались 1 мая 1924 года. На официальном открытии школы 15 июня перед курсантами выступил Сунь Ятсен. Он разъяснил необходимость вооруженной борьбы с империализмом и его китайскими слугами — феодалами-милитаристами. Говорил четко, просто, без нарочитых жестов, без малейшей рисовки, не имея при этом в руках никаких записок. Я наблюдал, как застывшая в молчании аудитория с жадностью ловила и впитывала каждое его слово: «Иностранцы объединили для интервенции в России силы всего мира... Почему же Россия, столкнувшись со столь большими трудностями, встретив так много врагов, смогла все-таки за шесть лет полностью преодолеть все преграды и русская революция завершилась окончательной победой?.. Сопоставление итогов китайской и русской революций, выявление причин, в силу кото-

рых они принесли столь различные результаты, явилось для нас хорошим уроком. А усвоив этот урок, мы и открываем сегодня эту школу».

Это обращение Сунь Ятсена к многочисленной военной аудитории имеет глубокий исторический смысл.

В первые месяцы существования школы Вампу в ней была создана та революционная атмосфера, которая позволила позже превратить её в значительной степени в кузницу революционных офицерских кадров.

Конечно же в нашей повседневной преподавательской работе в Вампу мы сталкивались с постоянным противодействием офицеров из милитаристских армий и тех гоминьдановцев, которые, на словах вторя идеям Сунь Ятсена, в глубине души их не разделяли. Но при жизни Сунь Ятсена никто из них не решался открыто нам препятствовать, зная, что Сунь Ятсен этого не допустит. А после смерти Сунь Ятсена Вампу достаточно окрепла как революционный очаг. В целом же школа Вампу при Сунь Ятсене стала его вооруженной опорой.

Находившийся в 1924-1925 годах в Гуанчжоу товарищ Хо Ши Мин поддерживал связь с вьетнамскими курсантами школы Вампу и руководил их воспитанием. Мне случалось несколько раз встречать Хо Ши Мина у М. М. Бородина, но в то время я конечно, не мог представить, что вижу будущего вождя вьетнамских трудящихся.

Подготовка кадров проходила в те годы не только на южнокитайской земле. Очень многие выдающиеся в будущем лидеры китайских коммунистов 20-х годов обучались в учебных заведениях нашей страны.

Группа советников состояла из командиров, сочетавших практический опыт с солидной теоретической подготовкой. Мы многое сделали для того, чтобы на первом же этапе обучения курсанты усвоили максимальное количество практических навыков. Мы хотели, чтобы будущие командиры поняли значение строевой выучки, постоянной собранности, подтянутости, исполнительности и, главное, готовности к преодолению всех лишений, связанных с военной службой.



▲ Вампу





▲ Чжоу Эньлай

У командиров взводов и рот было стремление практический показ заменить обычным рассказом. Борясь с этой говорильней, мы так строили методическую подготовку с унтер-офицерами и командирами взводов, а потом и командирами рот, чтобы они применяли метод показа и сами при этом не допускали ошибок.

На тактических занятиях мы обучали курсантов быстрому наступлению в сочетании с огнем и, как бы ни было мало подразделение, обязательно с охватом противника. В обороне также добивались максимальной активности, умения предупредить наступление врага контратакой. Труды наши не пропали даром. В начавшихся вскоре походах результаты их сразу оказались весьма ощутимыми.

Очень осложняли работу опасения преподавателей, как бы офицеры и рядовые курсанты не узнали, что всем учебным процессом руководят советники. Не желая обострять отношения, мы всю основную работу вели по своим планам, но держались в тени. Лишь постепенно, день за днем, приучали преподавателей к мысли, что полностью нашу достаточно многообразную работу от подчиненных не скроешь, но отвоевывали себе право на непосредственный показ офицерам или курсантам, как



▲ Хо Ши Мин

нужно выполнять то или иное упражнение или организовать то или иное учение.

Личный показ, меткость нашей стрельбы производили должное впечатление и быстро сближали нас с курсантами. Офицеры также перенимали практические навыки и приучались к черновой работе. По-прежнему поодаль от нас держались преподаватели, но мы не торопились — ждали тактических занятий, где и те и другие должны были проявить себя на деле, показать свою грамотность. И такой подходящий случай вскоре представился.

Чан Кайши попросил нас выстроить и оборудовать на восточном берегу реки Чжуцзян тет-де-пон (предмостовая позиция — предмостовое укрепление) для прикрытия на случай вынужденной переправы школы с острова Вампу на материк. На рекогносцировку мы пригласили вместе с командирами рот и преподавателей. При выборе позиции между строевиками и теоретиками разгорелся спор. Командиры, прошедшие у нас практическое обучение, оказались правы.

Военная подготовка курсантов сочеталась с их политическим воспитанием. В обязательный курс для слушателей были включены политэкономия, теория империализма,

«три принципа» и три политические установки Сунь Ятсена, история Китая и история революционного движения на Западе.

По решению Центрального Комитета КПК на работу в Национально-революционную армию были направлены коммунисты Линь Цзухань, Юнь Дайин, Чжоу Эньлай и другие. Начальником политотдела школы Вампу по совместительству стал секретарь гуандун-гуансийского комитета КПК Чжоу Эньлай.

Коммунисты работали в Вампу энергично и вместе с тем осторожно, с учетом политических настроений основной массы.

Работа политотдела, в которой активную роль играла группа коммунистов, подняла уровень подготовки курсантов и значительно укрепила дисциплину в школе Вампу.

Прибывший из Москвы на должность главного советника Сунь Ятсена П. А. Павлов после детального ознакомления с состоянием школы, в общем, оказался доволен. С приездом Павлова Николай Терешатов и Владимир Поляк ушли работать в его аппарат. Вскоре, после внезапной смерти жены, оставившей маленького сына, Поляк вернулся в Советский Союз. Я остался старшим советником в школе. В помощь мне были назначены вновь прибывшие товарищи.



* * *

Высокий, подтянутый, бывший гвардейский офицер старой армии, коммунист, с юношеских лет революционер, Павел Андреевич Павлов был одним из видных боевых командиров Красной Армии. Он сражался на фронтах Гражданской войны, командовал разными войсковыми соединениями. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного Знамени. В посвященной ему небольшой книге его бывшего адъютанта Д. В. Быкова хорошо изложены основные факты биографии этого замечательного человека.

С первых шагов своей деятельности в Китае П. А. Павлов показал, что выбор его на пост главного военного советника был удачен. Павлов быстро разобрался в обстановке.

В провинции Гуандун, включая и ее столицу — Гуанчжоу, враждовали между собой более десятка разных по силе милитаристов, которые временами объединялись для борьбы с северными милитаристами. В 1922 г. не желавший подчиняться северным милитаристам генерал Чэнь Цзюньмин, используя в своих целях лозунг «защиты республики» и имя Сунь Ятсена, перешел с юга провинции Фуцзянь в наступление на провинцию Гуандун, овладел Гуанчжоу и пригласил Сунь Ятсена для организации правительства Южного Китая. В то время Сунь Ятсен еще ошибочно полагал, что он сможет использовать в интересах революции войска отдельных милитаристов, не вовлекая в активную борьбу народные массы. В апреле 1922 г. в Гуанчжоу Сунь Ятсен был избран президентом республики. Но фактически всю власть сосредоточил в своих руках Чэнь Цзюньмин, заняв посты министра внутренних дел, военного губернатора провинции и главнокомандующего.

После того как к власти в стране пришла чилийская клика милитаристов, англичане и американцы — хозяева У Пэйфу и Чэнь Цзюньмина — приказали своим лакеям договориться. Тогда Чэнь Цзюньмин решил, что он более не нуждается в Сунь Ятсене. Да Сунь Ятсен

и не устраивал его хозяев-империалистов. В июне 1922 г. Чэнь Цзюньмин совершил вооруженный переворот. Сунь Ятсен со своими сторонниками был вынужден бежать в Шанхай. Но в феврале 1923 г., после того как одна из групп южных милитаристов изгнала Чэнь Цзюньмина из Гуанчжоу, Сунь Ятсен снова прибыл туда и создал революционное правительство.

Однако и в группировке южных милитаристов, захвативших Гуанчжоу, не было единства. Между ее руководителями все время происходили трения и чувствовалось взаимное недоверие. Популярное имя Сунь Ятсена милитаристам было необходимо, чтобы обмануть народ и удержаться в Гуандуне.

Не имея реальной власти, Сунь Ятсен искусно пользовался противоречиями между местными милитаристами и постепенно спланировал вокруг себя революционные массы, прогрессивные круги интеллигенции и национальной буржуазии.

Под контролем правительства Сунь Ятсена находилась только центральная часть провинции Гуандун — коридор, протянувшийся с севера на юг.

Восточную часть Гуандуна занимали войска Чэнь Цзюньмина.

В полосе, контролировавшейся правительством Сунь Ятсена, и в Гуанчжоу располагались различные милитаристские группировки, называвшие себя союзной армией и выполнявшие распоряжения правительства. Из них наиболее сильной, боеспособной, лучше всех вооруженной была юньнаньская армия под командованием генерала Ян Симиня, в которой насчитывалось всего 23 тыс. солдат.

«Союзники», как называли себя местные милитаристы, в какой-то степени действительно объединялись для защиты своей кормушки от посягательств северных милитаристов и генерала Чэнь Цзюньмина. Поэтому они на словах признавали генерала Ян Симиня своим главнокомандующим. По существу, они были разъединены, и каждый из них заботился только о личной выгоде. Они, как и все феодалы-милитаристы

после революции 1911 г., дорожили прежде всего своей армией. Закон их существования был прост: «Есть армия — есть власть».

В соответствии с этим законом милитаристы чувствовали себя в Гуанчжоу как пассажиры на вокзале в ожидании попутного поезда. Каждый из них стремился поднакопить достаточно сил, чтобы раздавить конкурентов в Гуанчжоу или отвоевать «свою» провинцию. Как правило, они совершенно не заботились ни об экономическом развитии занятой ими территории, ни об улучшении жизни населения. Милитаристы были прежде всего заинтересованы в сохранении доходов, то есть налоговых поступлений, которые ежемесячно распределялись между ними.

П. А. Павлову пришлось решать задачу со многими неизвестными — искать выход из сложнейшей ситуации, так как армия гуанчжоуского правительства была зажата в узком коридоре вдоль железных дорог, отходящих на восток и на север от Гуанчжоу.

К тому времени в Гуанчжоу приехали новые военные советники: Угер (Реми), Сахновский, Чубарева (Сахновская), Шалфеев, Айтыкин (Браиловский), Шевалдин и другие.



▲ Павлов П. А.





▲ Сунь Ятсен, позади Чан Кайши

Посоветовавшись с нами, Павлов решил при помощи Сунь Ятсена, «левых» гоминьдановцев и коммунистов предпринять попытку объединить формально «союзные», а на деле совершенно разобщенные войска местных милитаристов в единую армию.

По его предложению был создан Совет обороны во главе с Сунь Ятсеном. П.А. Павлов получил официальное звание — военный советник Совета обороны. М.М. Бородин приложил все усилия, чтобы помочь П.А. Павлову создать Совет обороны.

Сунь Ятсен считал, что создалась обстановка, благоприятная для организации Северной экспедиции. Почему Сунь Ятсен всячески стремился ускорить проведение военной экспедиции на север? Это была последняя попытка добиться существенного успеха путем использования милитаристских армий, противоречий между отдельными генералами. Но она была оторвана от намеченной Сунь Ятсеном основной линии — на подготовку принципиально новых вооруженных сил, воспитанных на революционных

идеях, и была заранее обречена на неудачу.

Вместе с тем Сунь Ятсен правильно считал, что при пассивном сопротивлении не удастся разбить генерала Чэнь Цзюньмина. «Союзные» армии — юньнаньская и связанная с ней гуансийская — были совершенно не заинтересованы в его разгроме.

Армия генерала Чэнь Цзюньмина, хотя и уступала в численности гуанчжоуским войскам, была все же достаточно боеспособной. Борьба с ней требовала полного напряжения сил, а такая перспектива мало привлекала «союзных» генералов. Ведь успех кампании не сулил им никаких выгод, напротив, они могли лишиться тех преимуществ, которыми, пока что пользовались на правах «защитников Гуанчжоу». Они понимали, что отрыв от Гуанчжоу будет губителен для них, что, в сущности, их только терпят и если они в данный момент нужны Сунь Ятсену, то определенно не нужны ни гуанчжоуской армии, ни гуанчжоуским купцам. У первой они отнимали доходы, со вторых собирали огромные налоги. Отношения «союзных» армий с купечеством, особенно с компрадорами, тесно связанными с иностранным капиталом, изо дня в день ухудшались. Истинные намерения юньнаньцев и гуансийцев были совсем иными. Располагая в Гуанчжоу большими доходами, они рассчитывали накопить силы и перейти в наступление не на восток, а на запад и северо-запад, для того чтобы отвоевать свои провинции.

Планируя Северную экспедицию, Сунь Ятсен намеренно располагал юньнаньцев и гуансийцев к востоку от Гуанчжоу: тем самым он в какой-то степени получал гарантию, что они не сговорятся с милитаристами своих провинций против правительства и в случае перехода в наступление Чэнь Цзюньмина будут защищать Гуанчжоу.

П.А. Павлов считал, что для Северной экспедиции, конечной целью которой, по мысли Сунь Ятсена, должен был стать полный разгром У Пэйфу, сил пока недостаточно.



Павлов, правда, не спешил с окончательным выводом, так как ждал сообщений от Терешатова, который был послан в Ханькоу, чтобы через местные гоминьдановские организации выяснить намерения четырех бригад, расположенных на границе Хуанани и Хубэя, — действительно ли они выступят на стороне Сунь Ятсена? — и определить, насколько они сильны.

Послав Терешатова на север, сам П. А. Павлов поехал на юго-восток изучать положение на фронте. И тут в Шилуне произошел нелепый трагический случай — Павел Андреевич Павлов утонул в реке Дунцзян.

По поводу трагической гибели Павлова Сунь Ятсен отправил своего рода пророческую телеграмму Советскому правительству:

«Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу. Этот храбрый, благородный сын нашей соседки-республики недаром отдал свою жизнь. Он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем, усиливая еще больше решение гоминьдана достичь победоносного конца в борьбе за национальное самоопределение».

После гибели П. А. Павлова Сунь Ятсен самостоятельно принял решение начать Северную экспедицию.

В течение всего этого времени шла усиленная подготовка комсостава в Вампу, продолжалась поставка оружия из СССР. Из далекого Владивостока, проделывая путь в несколько тысяч миль, советские пароходы везли в Гуанчжоу пушки, пулеметы, винтовки и другое оружие и боеприпасы. Рейсы были рискованными, можно было опасаться любых, империалистических провокаций, однако это было необходимо для успеха китайской революции, и команды судов были проникнуты сознанием исторической важности совершаемого дела.

В первых числах октября мы с Сахновским и генералом Хэ Инцинем выехали в дельту реки Чжуцзян, чтобы встретить первый советский пароход. Прибывшие Т. А. Бесчастнов, Г. И. Гилев, М. Я. Гмира, П. Зенек, Палло, Зильберт, Ф. Г. Мацейлик, В. П. Рогачев, В. А. Степанов были направлены в школу Вампу. Здесь они прошли короткую, двухнедельную, стажировку, чтобы оглядеться, позаимствовать накопленный нами опыт. Вскоре им пришлось почувствовать всю сложность гуанчжоуской обстановки. В городе произошел мятеж

«бумажных тигров».

К началу мятежа в городе было более 12 тыс. «бумажных тигров», а по всей провинции — до 50 тысяч. Их идейным вдохновителем и главой был Чэнь Ляньбо — главный компрадор Гонконг-Шанхайского банка и председатель торговой палаты Гуанчжоу.

Купеческие войска вмешивались в конфликты между рабочими и предпринимателями, подавляли забастовочное движение. Короче говоря, они были наемной армией предательской компрадорской буржуазии.

Мятеж «тигров» вспыхнул 10 октября 1924 г., в день годовщины китайской революции 1911 г. Поводом послужило распоряжение Сунь Ятсена от 10 августа о конфискации оружия, прибывшего в Гуанчжоу в адрес купеческих войск. «Бумажные тигры» в упор расстреляли появившихся на улицах мирных рабочих-демонстрантов. Безоружные курсанты школы Вампу, находившиеся в рядах демонстрантов, и полиция попытались контратаковать мятежников, но, потеряв четырех человек убитыми и несколько — ранеными, вынуждены были отступить и рассеяться по городу. Всего было убито 20 человек, столько же было ранено.



▲ Бородин М.М.



▲ Обучение





Революционное правительство Сунь Ятсена проявило решительность и энергию. Оно показало обнаглевшим купцам-компрадорам и их хозяевам-империалистам в Гонконге, что располагает реальной силой и не допустит вмешательства в свои внутренние дела. 14 октября войска, непосредственно руководимые Сунь Ятсеном, энергично атаковали «бумажных тигров» и через два-три часа принудили их отступить в западную часть города. Открытый на следующий день артиллерийский огонь парализовал наемников. Разбитые и разоруженные отряды мятежников отступили из города. Они тщетно предпринимали новые попытки организовать наступление на правительственные войска. Одержанная над «бумажными тиграми» победа, бегство их главаря Чэнь Ляньбо упрочили положение гуанчжоуского правительства и деморализовали контрреволюционное купечество. В эти дни между Сунь Ятсеном и его вечно колеблющимися «союзниками» внешне установилось единство.

Во время мятежа мы помогли сделать все, что было возможно, чтобы превратить островок Вампу в надежное убежище для Сунь Ятсена и его окружения, которым они могли бы воспользоваться в случае поражения.



▲ Юмашев И.С.



▲ «Воровский»

В Вампу в это время находилось советское военное судно «Воровский». Не могу не отметить, что в составе команды учебного судна «Воровский» было несколько будущих советских флотоводцев, и среди них Ю. А. Пантелеев и И. С. Юмашев. Кто мог знать тогда, что через 20 лет адмирал И. С. Юмашев станет командующим Тихоокеанским флотом, который совместно с сухопутными и воздушными силами Красной Армии будет участвовать в освобождении Китая и Кореи от империалистических захватчиков?

На «Воровском» производилось укорачивание гильз полевых пушек для горных орудий, так как у нас не было снарядов нужных калибров. Катер с «Воровского» стоял у пристани, и на нем находилась казна правительства Сунь Ятсена, так как мятежники, несмотря на их ироническое прозвище «бумажные тигры», были все-таки довольно серьезной силой. С разгромом мятежа был сделан важный шаг к созданию в Гуандуне прочной базы революции.

Пребывание «Воровского» в Гуанчжоу — это интересный эпизод. Приказ «Воровскому» зайти сюда был довольно смелой политической демонстрацией нашей решительной поддержки правительства Сунь Ятсена. Канонерка, переделанная из невоенного судна, дерзко прошла мимо громадной английской военной базы в Гонконге и встала на якорь у острова Вампу. Сунь Ятсен по достоинству оценил смысл этого акта

дружбы. Он лично побывал на «Воровском», где ему была устроена торжественная встреча, сфотографировался с советскими моряками.

После подавления мятежа с удвоенной энергией была продолжена учебная работа в школе Вампу.

Готовя революционные армейские кадры, мы по возможности контактировали с немногочисленными тогда в армии китайскими коммунистами. Будущее показало, что именно коммунисты стали боевым авангардом НРА, ее лучшими, храбрейшими бойцами. В Вампу получили первые представления о современном военном искусстве многие будущие выдающиеся военачальники Национально-освободительной армии. Вместе с товарищами, учившимися в военных академиях и училищах СССР, они впоследствии составила основное звено военных руководителей партизанских районов после поражения революции.

Среди китайских коммунистов, связанных по работе с Вампу, одним из наиболее выдающихся был Юнь Дайин, занимавший в 1926 г. пост главного политического инспектора этой школы. Товарищи своевременно сумели по заслугам оценить недюжинное дарование Юнь Дайина — он был выдвинут на пост главы военно-политической школы в Учане, которая должна была стать преемницей Вампу в Центральном Китае. К сожалению, поражение революции сорвало замысел, однако курсанты сыграли выдающуюся роль





▲ Смотр

в подавлении одного из контрреволюционных мятежей.

Зерно, заложенное в школе Вампу и взлелеянное Коммунистической партией Китая, начинало давать всходы.

* * *

В октябре 1924 г. в Гуанчжоу на должность главного военного советника прибыл Василий Константинович Блюхер — Галин цзянцзюнь (генерал Галин), как его стали называть китайцы. Его приезд совпал с завершением первого периода китайской революции — периода собирания и расстановки революционных сил.

До приезда в Китай никто из нас, советников, работающих в школе Вампу, с ним не встречался. Приехав в Гуанчжоу, Василий Константинович сразу же вызвал нас всех к себе. После того как мы представились, В.К. Блюхер поделился с нами наблюдениями, сделанными им за эти дни. Время от времени он задавал нам самые разнообразные вопросы, как бы желая проверить правильность своих выводов.

К этому времени, как мы уже знаем, правительство Сунь Ятсена контролировало только одну треть провинции Гуандун. Остальная территория провинции была занята

войсками генерала Чэнь Цзюньмина и его союзников. После переворота в Пекине и окончательного поражения чжильской группировки милитариста У Пэйфу, связанной с английским империализмом, Сунь Ятсен надеялся помешать образованию в Пекине нового правительства в форме коалиции северных милитаристов. Их глава, Дуань Цижуй, пригласил Сунь Ятсена в Пекин для консультации о создании центрального правительства Китая. Перед отъездом Сунь Ятсен выступил с декларацией, в которой сформулировал свои требования о созыве общенациональной конференции. Проводы Сунь Ятсена 13 ноября превратились в грандиозную демонстрацию.

Политическую миссию Сунь Ятсена необходимо было подкрепить военными успехами в Гуандуне. Уже давно можно было нанести решительный удар по Чэнь Цзюньмину на Восточном фронте. Неопределенность обстановки в Пекине и растерянность генералов, контролировавших соседние с Гуандуном провинции, благоприятствовали проведению Восточного похода, но мер к практическому осуществлению этой операции не принималось.

Вместе с тем все чаще стали поступать сведения о том, что Чэнь

Цзюньмин готовит наступление на Гуанчжоу. Значительную денежную помощь оказывал ему бежавший в Шанью лидер «бумажных тигров» Чэнь Ляньбо. Генерал Чэнь Цзюньмин для финансирования наступления разместил среди шаньюского купечества заем в 400 тыс. юаней. В Гуанчжоу не придавали значения этим, вообще говоря, достаточно правдоподобным слухам. Трения внутри группировки Чэнь Цзюньмина тем не менее продолжались.

Наряду с этим углубились внутренние противоречия в гуанчжоуском правительстве. Недовольство правого крыла гоминьдана политикой правительства в крестьянском вопросе приняло открытые формы. «Союзные» армии отдельных генералов не брезговали никакими средствами, выколачивая доходы из занятых ими районов, и оставляли гуанчжоускому правительству лишь жалкую часть. Генералы-пришельцы понимали, что правительство гоминьдана терпит их присутствие в Гуандуне лишь из-за своей военной слабости. Они с опасением относились к реорганизации правительственной армии и формированию новой дивизии в школе Вампу. Между тем потерпела поражение Северная экспедиция, подготовленная по распоряжению Сунь Ятсена. Войска отступали в крайне потрепанном состоянии.

В течение всего декабря мы вели тщательное наблюдение за деятельностью Чэнь Цзюньмина, готовившего поход на Гуанчжоу. Чэнь объезжал свои дивизии и уговаривал генералов хотя бы на некоторое время не ссориться. 25 декабря Чэнь Цзюньмин в специальной телеграмме известил торговую палату Гуанчжоу о своем вступлении на пост главнокомандующего войсками. Уступая неоднократным просьбам гуанчжоуского купечества, говорилось в этой телеграмме, Чэнь решил начать наступление и освободить Гуанчжоу, при этом он рассчитывает на содействие торговой палаты.

За неделю до этого, 18 декабря, В.К. Блюхер просил срочно принять меры к объединению командования в руках Военного совета при ЦИК





гоминьдана, а до этого провести расширенную военную конференцию генералов и командиров дивизий. Такая конференция состоялась 22 декабря. Главкомандующим Восточным фронтом был избран командующий юньнаньской армией генерал Ян Симинь.

Генерал Сюй Чунчжи, ведавший строительством оборонительных укреплений, потребовал скорейшего окончания работ и полностью согласился с предложением В. К. Блюхера создать линию обороны, непосредственно опоясывающую Гуанчжоу. С утра до позднего вечера производилась рекогносцировка местности. Три дня В. К. Блюхер и генерал Сюй Чунчжи лазали по сопкам, расположенным вокруг Гуанчжоу, окончательно намечая линию, по которой должны были проходить окопы.

24 декабря был сформирован Военный совет в составе верного последователя Сунь Ятсена Ляо Чжункая, губернатора провинции Гуандун Ху Ханьмина, командующего гуанчжоуской армией Сюй Чунчжи, Чан Кайши, Ян Симиня и, в качестве советника, В. К. Блюхера.

Будет ли осуществлен поход генерала Чэнь Цзюньмина на Гуанчжоу? Существует ли угроза Сунь Ятсену с севера? В тот момент возросла военная активность северных милитаристов, которые старались лишить Сунь Ятсена влияния на ход событий в стране, а для этого стремились ликвидировать его опору в Гуанчжоу. Вся китайская реакция объединялась для борьбы против правительства Сунь Ятсена.

Сможет ли при таком положении правительство удержать в своих руках Гуанчжоу? В. К. Блюхер отвечал на этот вопрос утвердительно. И хотя Сунь Ятсен был в отъезде, главный военный советник уверил правительство, что Гуанчжоу удастся сохранить. Под натиском трезвого расчета В. К. Блюхера колеблющимся приходилось отступать и соглашаться с его доводами.

Была ли опасность выступления со стороны внутренних противников Сунь Ятсена в самом гоминьдане? Попытки организовать свои силы



▲ Блюхер В.К.

реакционерами предпринимались, по они все еще не представляли серьезной угрозы. У всех была твердая уверенность, что открытого выступления в ближайшее время не произойдет. Вместе с тем Блюхер призывал нас не упускать из виду возможности использования военных затруднений правым крылом гоминьдана для давления на правительство в целях общего политического поворота вправо, особенно в крестьянском вопросе.

Военные советники, приехавшие из СССР, были заняты тщательным изучением сложившейся обстановки. Много было еще не ясно. К тому же возникло одно обстоятельство, создавшее большие трудности в работе главного военного советника. Сунь Ятсен и его ближайшие сподвижники придавали важное значение идее экспедиции против северных милитаристов. В. К. Блюхер опасался, что Сунь Ятсен снова потребует осуществления похода на Север.

Мы понимали, что Северный поход начать невозможно, пока не будет достигнуто необходимое единство в рядах Национально-революционной армии. Нельзя было рассчитывать на успех при нависшей

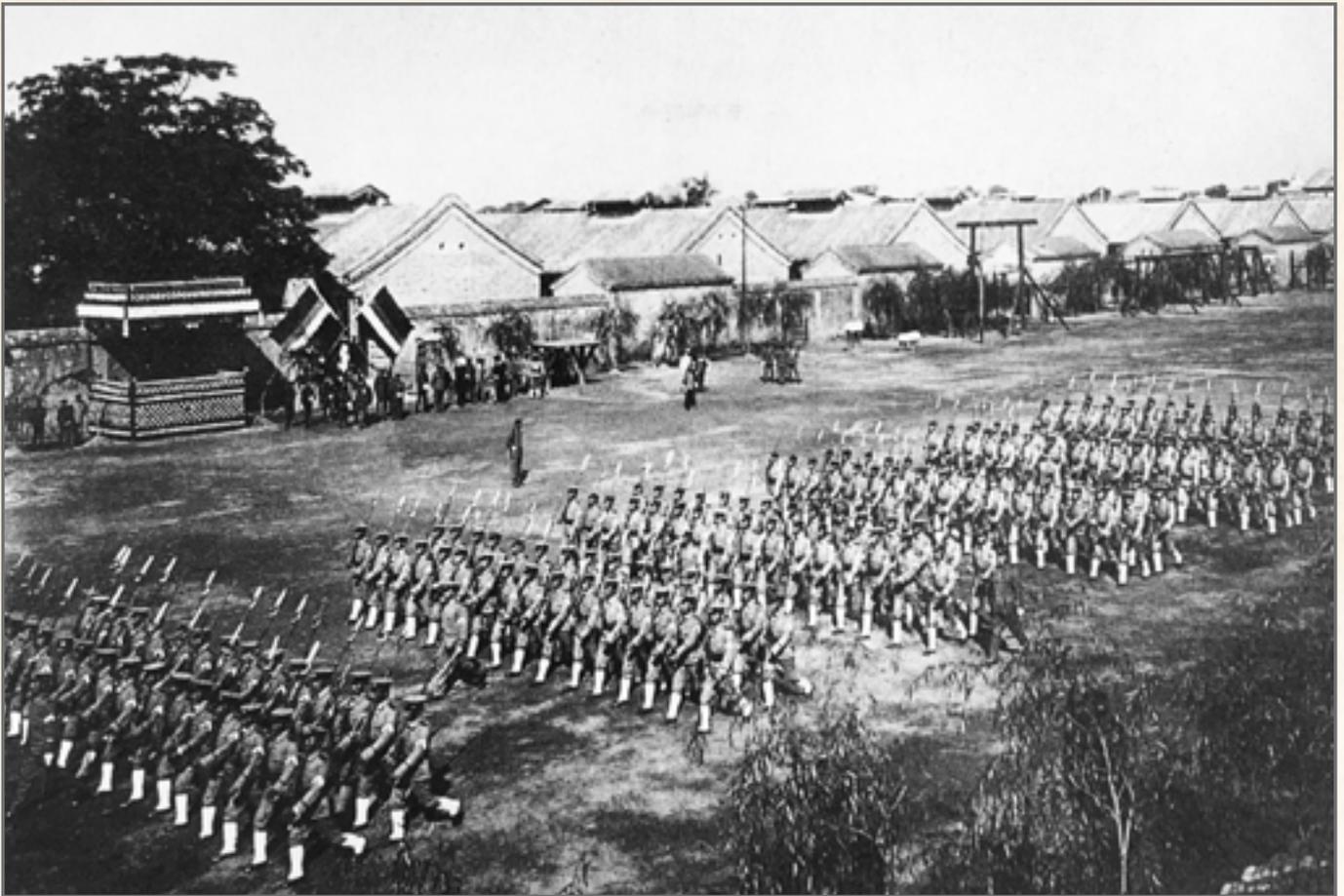
угрозе наступления генерала Чэнь Цзюньмина, неустойчивой общей обстановке в Гуандуне и тяжелых финансовых обстоятельствах правительства. Попытка начать Северную экспедицию, как мы видели, только что окончилась поражением. Было ясно, что Северная экспедиция была разгромлена не в ходе военных действий, а в результате ударов в тыл, столкновений отдельных генералов собственной армии. В. К. Блюхер и все мы были уверены, что юньнаньские милитаристы в Северный поход не пойдут: их вполне устраивает возможность извлекать выгоды из пребывания в Гуанчжоу. Вот почему необходимо было уговорить Сунь Ятсена временно отказаться от проведения Северного похода, а вместо этого готовиться к наступлению против Чэнь Цзюньмина.

Эту задачу В. К. Блюхер считал теперь основной.

Вопрос о Восточном фронте Блюхер неизменно включал в повестку дня заседаний Военного совета. Както в беседе с нами Василий Константинович сказал:

— Я докладывал доктору Сунь Ятсену предварительные соображения по плану похода, и они были





▲ Китайская армия

одобрены. Только после успеха Восточного похода возможен Северный поход.

В январе 1925 г. Блюхер собрал нас и сообщил:

— Наконец-то, дорогие товарищи, телеграмма Чэнь Цзюньмина от 25 декабря торговой палате, в которой он обещает «освободить» Гуанчжоу, встревожила правительство. Передо мной был поставлен вопрос: как отвести угрозу, нависшую над Гуанчжоу? Я ответил: предупредить наступление войск генерала Чэнь Цзюньмина своим наступлением, включив в операцию все лучшие войска... На одном из штабных совещаний против моего плана выступило несколько китайских генералов.

После долгих споров наши рекомендации были приняты. В конце концов под давлением гуанчжоуского правительства председатель Военного совета Ян Симинь подписал приказ о наступлении.

При содействии наших военных советников был составлен план обороны Гуанчжоу, при участии инженеров Е. А. Яковлева и М. Я. Гмиры срочно возводились оборонительные сооружения на подступах к городу.

— Наша сила — бурный революционный подъем в стране, рост национального самосознания трудящихся, — заявил В. К. Блюхер на одном из митингов в Гуанчжоу в годовщину смерти В. И. Ленина.

Митинги памяти Ленина были ярким выражением этого революционного подъема. Я присутствовал на нескольких таких манифестациях, и они остались в моей памяти на всю жизнь.

День смерти Ленина был рабочим днем в Гуанчжоу. Митинги на предприятиях проводились в обеденный перерыв, а вечером в некоторых пунктах города состоялись большие массовые демонстрации.

Приведу записанный мною отрывок одного выступления: «Ленин открыл глаза человечеству. Он первый повел народ на борьбу за счастье, и благодаря этому в России победил народ. Мы, китайцы, томимся под гнетом империализма и сможем освободиться только тогда, когда претворим в жизнь заветы Ленина».

В день памяти Ленина, 21 января 1925 г., состоялся многолюдный митинг в Гуанчжоуском университете. Вместе с группой курсантов я был на этом траурном собрании. В президиуме вместе с гуанчжоускими руководителями был В. К. Блюхер.

После вступительного слова участники митинга спели китайскую революционную песню. Потом Ляо Чжункай предоставил слово В. К. Блюхеру. Советский военачальник говорил о Ленине как о величайшем стратеге революционной классовой борьбы, о том, что с его смертью не только советский народ,





▲ На полевых занятиях

но и народы всех других стран потеряли великого вождя. Закончил Блюхер свое выступление призывом успешно завершить национально-освободительную революцию в Китае. Его речь была выслушана с большим вниманием и часто прерывалась бурными аплодисментами.

В условиях революционного подъема одной из важнейших задач Коммунистической партии Китая была организация массового рабочего и крестьянского движения в провинциях Гуандун и Хунань.

Перед началом Восточного похода в школе Вампу был создан пропагандистский отдел под руководством коммунистов. Работниками отдела было заготовлено 500 тыс. прокламаций к солдатам, 100 тыс. листовок для крестьян, 50 тыс. экземпляров текстов революционных песен. Все эти материалы распространялись во время Восточного похода. В крупных населенных пунктах организовывались митинги под такими, например, лозунгами: «Организация крестьянских союзов», «Снижение арендной платы». Крестьяне, особенно в уездах Хайфын и Луфын, радостно встречали части Национально-революционной армии, внимательно выслушивали пропагандистов, добровольно вызывались переносить имущество войск и во многих деревнях организовывали комитеты для встречи ре-

волюционных солдат. Единодушной поддержкой народа — первая важнейшая причина успешного начала похода НРА. Вторая причина — создание крепкого костяка новой Национально-революционной армии в виде 1-го и 2-го полков школы Вампу, состоявших не из профессионалов — наемных вояк, а из солдат-добровольцев. Эти солдаты, попав под благотворное влияние политработников-коммунистов и нового революционного офицерства, только что выпущенного из школы Вампу, прониклись революционным духом, поняли, за что они идут воевать.

2 февраля 1925 г. два полка школы Вампу и 16-й отдельный пехотный полк под общим командованием Чан Кайши (советник В. А. Степанов, политсоветник С. Шнейдер) были сосредоточены на островах Хумынь и Тайпин; 16-я пехотная бригада генерала Ли Фуиня — в дельте реки Дунцзян, на одном из островов против Дунгуаня; 2-я пехотная дивизия (советник Сахновский) и 7-я пехотная бригада под командованием генерала Чжан Миндэ (советник Зильберт) — в районе оставленного противником города Шилун.

Военно-морские и военно-речные силы должны были нести охрану островов Хумынь, Тайпин и дельты реки Дунцзян; часть речных канонеров выделялась для содействия пе-

хоте в овладении городами Дунгуань и Шилун (советник по военно-морским делам Смирнов-Светловский).

В голове колонны шел 1-й пехотный полк под командованием генерала Хэ Инциня. В помощь мне, советнику этого полка, В. К. Блюхер назначил артиллериста Бесчастнова и кавалериста Никулина. Полку была придана одна из двух имевшихся горных пушек системы «Арисака», которую на специально приспособленных носилках несли в разобранном виде солдаты батареи школы Вампу. Во 2-м пехотном полку советником был Палло, помощником его — военный инженер Васильев.

8 февраля в поезде на станции Шантан генерал Сюй Чунчжи и главный советник В. К. Блюхер созвали совещание с участием почти всего состава правительства и М. М. Бородин. Был принят уточненный план операции.

После совещания В. К. Блюхер пригласил военных советников к себе. Прохаживаясь по салон-вагону, он пояснял нам план операции и поставил перед каждым конкретную задачу.

— Особенно надеюсь я на части, сформированные на базе школы Вампу, — говорил Блюхер. — Они должны стать ведущими, и роль наших советников при этих частях особенно важна. Вы должны показать



свое военное искусство и революционный пафос. Ваши советы не должны оставаться только советами, их нужно умело претворять в жизнь.

12 февраля войска правительства Сунь Ятсена перешли в наступление. Военные советники были охвачены смешанным чувством радости и тревоги. Мы отчетливо представляли себе, что только активными действиями, предупредив наступление противника, можно укрепить революционную базу в Гуандуне.

21 февраля мы заняли Байманхуа и Пиньшаньшюй. Так победоносно начался Первый восточный поход.

* * *

12 марта 1925 г. в Пекине умер великий китайский революционер доктор Сунь Ятсен. На другой день созданная им Национально-революционная армия одержала решающую победу над противником под Мянху.

На высотах западнее этого города в тот день разыгрался упорный встреч-

ный бой, в ходе которого в несколько раз превосходящие силы противника пытались обойти и разгромить авангардный 1-й полк школы Вампу. Мне с командиром полка генералом Хэ Инцинем пришлось решать головоломные задачи. Противник то и дело пытался обойти наш левый фланг. И чтобы не допустить этого и продержаться до подхода 7-й бригады и 2-го полка школы Вампу, которые почему-то запаздывали, мы выдвигали навстречу обходящим частям противника то учебную команду полка, то резервный 2-й батальон, то, наконец, последнее оставшееся у нас в запасе отделение. Противник так и не смог обойти нас, он лишь растянул свой правый фланг. Потом враг навалился на высоту, где располагался штаб полка, и всем нам, собиравшимся утолить наконец свой голод, пришлось отложить приготовленный рис и залечь за винтовки и пулеметы.

Но вот подошли наконец 7-я бригада и 2-й полк. Основательно измо-

танный враг был разбит и обращен в бегство.

Победа под Мянху была лучшей данью памяти Сунь Ятсена, кульминационным моментом всего Первого восточного похода. Новая Национально-революционная армия заявила, что она существует как реальная и весьма внушительная сила, и день 13 марта стал днем ее рождения.

После разгрома врага под Мянху войска гуанчжоуского правительства неудержимо двинулись вперед.

13 марта в 18 часов на совещании с участием командиров частей и советника Зильберта было принято решение с утра 14-го атаковать Хэбо. Однако ночью противник без боя оставил город.

Вечером в Хэбо было принято решение продолжать 16 марта преследовать противника в направлении Синнина. Для решения главной задачи — уничтожения отступающих войск — по предложению В.К. Блю-



▲ Смерть Сунь Ятсена





▲ Школа Вампу

хера была создана ударная группа из полков школы Вампу и двух бригад под общим командованием Чан Кайши. Этой группе поручалось 19 марта занять Синнин и Ухуа. Всего, по подсчетам штаба Чан Кайши, против нас сосредоточилось 10 тыс. штыков, а в нашем распоряжении было только 5 тыс. солдат. Генералы не знали, что предпринять. Без возражений они приняли предложение В. А. Степанова атаковать главные силы противника полками школы Вампу и 1-й бригадой (до 3,5 тыс. бойцов).

Утром 17 марта противник неожиданно отошел. Было решено, проделав 50-километровый форсированный марш, 18 марта вечером занять Ухуа. К 22 часам 18 марта части группы, преодолев чрезвычайно трудную горную дорогу, неожиданно для противника подошли к Ухуа и окружили город. Позднее выяснилось, что Чан Кайши, как обычно, не забыл оставить неприятелю лазейку: дорога, ведущая к Синнину, была свободной. По «золотому мосту» Чан Кайши 500 солдат противника ночью беспрепятственно отошли по дороге на Синнин, оставив два пулемета и телефонные аппараты. В плен попали начальник штаба 4-й дивизии и другие офицеры. Боясь обвинений

в том, что он «выпустил» противника, Хэ Инцинь потихоньку от советников донес командованию, что вражеских войск в Ухуа не было.

Около 11 часов 19 марта 2-й полк школы Вампу и 1-я бригада выступили на Синнин. Из-за успокоительного донесения Хэ Инциня наши войска шли без всяких предосторожностей и неожиданно подверглись обстрелу с окрестных высот. У городских стен наши части встретили организованную оборону. К тому же поступили сведения, что на нас движется около 2 тыс. солдат противника, каким-то образом оказавшиеся в нашем тылу, и передовые части этой колонны уже на подходе к городу. Чан Кайши собирался было отменить наступление на Синнин и бросить все силы на встречу приближающемуся противнику, но энергичное вмешательство В. А. Степанова предотвратило это решение.

Головной батальон 2-го полка, встретив у городских стен отпор, остановился и ограничился наблюдением за городскими воротами. И другие части стояли на месте, ничего не предпринимая. Казалось, что силы противника были ничтожны по сравнению с нашими, но стены и ров, наполненный водой, сдерживали наступление. Было принято



▲ Чэнь Цзюньмин

предложение В. А. Степанова: пользуясь вечерней темнотой, с помощью лестниц взять город приступом. В. А. Степанов, опасаясь подхода к противнику подкреплений, торопил с атакой. И все же в назначенное время она не состоялась. С 6 до 9 часов утра 20 марта на высотах южнее Синнина происходила перестрелка. Защитники города безуспешно пытались сделать вылазку. В 10 часов было получено донесение о том, что противник, появившийся в нашем тылу, на юго-востоке, разбит, захвачено около сотни пленных и столько же винтовок.

В тот же день к 23 часам лучшая дивизия противника в составе 5-й и 6-й бригад общей численностью до 2,5 тыс. бойцов, проделав 50-километровый марш, подошла к Синнину. В 4 часа утра командир дивизии приказал 5-й бригаде атаковать высоты южнее Синнина. Встречной атакой противник был окружен и пленен. К 8 часам с этой бригадой покончено. Почти весь командный состав бригады попал в плен или был уничтожен. Около 22 часов в результате нашего наступления сбита с позиций и отступила на северо-восток 6-я бригада противника; захвачено много винтовок и пленных. Около 24 часов одна из рот школы Вампу



ворвалась в южные ворота города, за ней последовал весь 2-й полк.

Наш 1-й пехотный полк находился значительно южнее.

В ночь на 21 марта Зильберт получил от меня письмо с просьбой перейти с бригадой в Хэкоусюй для совместных действий.

Со второй половины марта на юге Китая начались тропические ливни, которые тянулись целый месяц, а то и более. Мы условились с Зильбертом идти параллельно по берегам реки, чтобы не растягиваться по одной дороге. Ливни сорвали наши планы. Мелководная река вдруг на наших глазах стала многоводной, свирепой и начала так подниматься, что мы практически могли оказаться отрезанными друг от друга. Поэтому я попросил Зильберта быстрее переправиться на левый берег. Это оказалось весьма кстати: мы вскоре получили приказ идти на Синнин и 22 марта прибыли туда.

...21 марта утром на внутренний рейд Шаньтоу пришли 3 крейсера и 6 мелких судов неприятельского шанхайского флота. Находившийся в этот момент в Шаньтоу Сюй Чунчжи имел в своем распоряжении только роту охраны. Он пришел в необычайное волнение, когда разведка донесла, что на борту одного из крейсеров сам генерал Чэнь Цзюньмин.

Полагая, что Шаньтоу занят своими войсками, он прибыл туда с отрядом в 600 человек. По счастью, Чэнь, увидев гоминьдановские флаги, не решился высадиться. Откуда ему было знать, что «гарнизон» города состоит из одной роты!

В это время из Гуанчжоу в Шаньтоу пришел транспорт «Юн-Фун» с гуанчжоуской школой курсантов и личной охраной генерала Сюй Чунчжи — всего около 400 солдат, среди которых был наш советник сапер Гмира. Транспорт, разминувшись с судном, посланным ему навстречу для предупреждения об опасности, совершенно спокойно вошел в порт. Флот Чэнь Цзюньмина открыл по транспорту артиллерийский и ружейный огонь, захватил его и отвел в Амой. Но, поскольку руководство военного флота провинции Фуцзянь как раз в это время подумывало о переходе на сторону гуанчжоусцев, через 10–12 дней захваченные солдаты и офицеры, в том числе и Гмира, были отпущены.

На этом Первый восточный поход, по существу, закончился.

В донесениях об итогах Первого восточного похода командиры соединений сознательно преуменьшали количество взятых ими трофеев: боялись, как бы не пришлось с кем-то делиться.



▲ Советские летчики

Удалось при весьма ограниченных силах разбить численно превосходящего противника. В первую очередь это стало возможным благодаря храбрости, выдержке и стойкости солдат, командиров и политработников Национально-революционной армии, внявших призывам Сунь Ятсена «малым числом» побеждать «многочисленного противника», «одному» бороться «против ста». Здесь немалая заслуга и советских военных и политических советников, принимавших самое активное участие в создании новых вооруженных сил, в разработке и осуществлении их оперативных и стратегических планов.

Решающим для этой победы было: во-первых, тесное сотрудничество гоминьдана и Коммунистической партии Китая, благодаря которому заметно укрепилось положение революционного правительства; во-вторых, зарождение новой, Национально-революционной армии, основу которой составили 1-й и 2-й полки школы Вампу. Именно эти части сыграли главную роль в победном завершении Первого восточного похода. Армия демократизировалась, в ней появился институт политических работников. Между армией и народом возникли отношения дружбы и взаимной помощи...

По окончании похода мы на лодке спустились из Синнина до Шаньтоу и оттуда на пароходе отбыли в Гуанчжоу.

После Первого восточного похода положение в Гуанчжоу было вполне устойчиво. Коммунистическая партия Китая и гоминьдан готовились к проведению Второго всекитайского съезда профсоюзов и Первого съезда крестьянских союзов провинции Гуандун. Но после смерти Сунь Ятсена правые элементы гоминьдана сразу подняли голову. Уход на восток надежных правительственных войск фактически привел к тому, что правительство очутилось в окружении «союзных» войск юньнаньских и гуансийских милитаристов. Правые гоминьдановцы искали в них опору





▲ Политическая подготовка

в борьбе с верными соратниками Сунь Ятсена. «Союзные» армии юньнаньских и гуансийских милитаристов почти открыто готовили в Гуанчжоу мятеж.

На специальном заседании правительства 24 апреля было решено послать в Шаньтоу Ляо Чжункая, Чан Кайши и В. К. Блюхера, чтобы договориться с командующим гуанчжоуской армией генералом Сюй Чунчжи о действиях против заговорщиков.

27 апреля по пути в Шаньтоу на пароходе эта делегация решила, что единственный способ подавления мятежа — вооруженная борьба. Это решение было результатом усилий В. К. Блюхера. Чан Кайши расценивал положение как безнадежное. Он предлагал без боя отдать Гуанчжоу.

В. К. Блюхер доказывал, что потере Гуанчжоу нанесет тяжкий, трудно поправимый ущерб революционному движению не только в Гуандуне, но и во всем Китае, что за Гуанчжоу необходимо драться и сил для этого достаточно. В. К. Блюхера поддержал Ляо Чжункай, и Чан Кайши вынужден был согласиться.

В конце концов левое крыло победило: было решено военным путем разрубить юньнаньско-гуансийский узел и выдвинуть лозунг полного очищения провинции Гуандун от реакционных милитаристов.

10 мая В. К. Блюхер предложил правительству план борьбы с мятежниками. План получил полное одобрение и 13 мая был подробно рассмотрен в Шаньтоу на совещании в штабе.

Исходное положение для наступления на Гуанчжоу, где мятежники к концу мая стали хозяевами положения, войска должны были занять 6–7 июня. Правительственная армия имела немало слабостей: большая разбросанность после только что закончившегося Первого восточного похода, неоднородность состава и политико-морального состояния войск.

План В. К. Блюхера учитывал несколько вариантов действий противника, который мог обрушить главный удар на ту или иную группу правительственных войск. Планом предусматривалась и такая временная мера, как вывод правительственных войск из Гуанчжоу и в случае необходимости эвакуация государственных ценностей на остров Вампу. Жизнь показала дальновидность и проницательность советского военачальника.

Ввиду ненадежности связи группам правительственных войск было приказано точно придерживаться последовательности действий, установленной планом В. К. Блюхера. Все оперативные вопросы были возло-

жены на Блюхера. Остальные советники находились в войсках.

Во время подготовки к разгрому мятежа юньнаньских и гуансийских милитаристов политработники Коммунистической партии Китая, гоминьдана и Национально-революционной армии провели большую политическую кампанию. Они разъясняли народу, кто его друзья, а кто враги, и обеспечивали массовую поддержку революционных сил.

Вести политическую работу среди крестьян было особенно трудно. Главную роль в этой важной работе играли коммунисты. И они сумели добиться поддержки масс.

Для организации крестьянского движения в Гуандуне решающее значение имело постоянное пребывание коммунистов-пропагандистов в деревнях.

На востоке провинции Гуандун работа среди крестьянства велась одновременно с политическим укреплением районов, освобожденных от войск милитариста Чэнь Цзюньмина. Положение было нелегким. Крестьянские союзы были плохо организованы. Дело особенно осложнилось, когда правительственные войска ушли в Гуанчжоу на борьбу с мятежниками.

Среди населения, которое еще недавно с радостью встречало войска гуанчжоуского правительства, те-



перь росло недовольство. Из письма В. К. Блюхера от 26 марта 1925 г., адресованного В. А. Степанову, мы узнали, что еще во время Первого восточного похода Блюхер рекомендовал Сюй Чунчжи приступить к политическому закреплению районов. Для этого он советовал передать функции начальников уездов вновь созданным революционным комитетам. Сюй Чунчжи под разными предложениями уклонялся от проведения выборов в уездные и городские органы управления. Он также отклонил предложение создать политотделы и ввести институт военных комиссаров во всех соединениях гуанчжоуской армии.

Захватив территорию, генералы гуанчжоуской армии при молчаливом согласии Сюй Чунчжи назначили начальников уездов из своих и сразу приступили к выжиманию налогов. Они проявляли особую поспешность, так как опасались, что занятые ими районы могут отойти к другим, в частности к генералу Чан Кайши. В штаб все время поступали от крестьян жалобы на вымогательства, а в отдельных случаях — и на грабежи. Недовольство населения росло. Масла в огонь добавляли сторонники Чэнь Цзюньмина, говорившие населению, что прежде оно привыкло к определенному, «законному», порядку, а теперь очутилось во власти анархии.

И все-таки крестьяне тянулись к новой, революционной власти. Особенно хорошо крестьянские союзы действовали в уезде Хайфын, на полпути между Гуанчжоу и Шаньтоу. Ведущую роль здесь играли коммунисты, возглавляемые Пэн Баем.

В Хайфыне был создан и вооружен крестьянский отряд, который имел 150 винтовок и 20 револьверов. Вооруженным крестьянским отрядам было предложено в случае возвращения войск Чэнь Цзюньмина уйти в горы и начать партизанскую войну. Коммунисты организовали военную школу для подготовки командного состава этих отрядов. Инструкторами школы были 13 курсантов школы Вампу, в том числе коммунисты. Была создана также вторая школа для под-

готовки крестьянских агитаторов.

Сложнее в то время обстояло дело в уезде Луфын — будущем втором, после Хайфына, форпосте партизанской борьбы на юге Китая. Здесь в гоминьдановскую организацию входило 150 человек, из них только трое были коммунистами.

Между тем гроза надвигалась, 17 мая гуанчжоуское правительство переехало частью на остров Хэнам, к западу от города, и частью на остров Вампу. Мятежников оставляли от выступления лишь внутренние распри, доходившие до вооруженных столкновений.

Коммунистическая партия и Союз социалистической молодежи Китая в этих условиях не теряли времени. Они организовали широкие массы рабочих и крестьян на поддержку революционного правительства. Под руководством коммунистов была обеспечена благоприятная для войск Восточной группы политическая обстановка. Ляо Чжункай — наиболее стойкий последователь Сунь Ятсена развил энергичную деятельность по политической подготовке войск Западной группы, а также населения Гуанчжоу.

Большую работу вели и наши люди. Конечно, не всем советникам и не всегда было легко провести в жизнь указания В. К. Блюхера и добиться принятия нужного решения. По-прежнему особенно трудно приходилось В. А. Степанову — советнику при Чан Кайши.

Сложная задача выпала на долю советника по связи М. И. Дратвина. В зависимости от характера документов и обстановки он отправлял донесения и приказы на канонерках, самолетах, по радио, телеграфу, телефону. В этом помогали работники крестьянских союзов. Из одной деревни в другую они переносили наши документы, передавая их, как своего рода эстафету, другим членам крестьянских союзов.

Несмотря на эти трудности, вся информация, как правило, поступала вовремя.

Большую помощь связи и разведке оказывали наши летчики: Василий Сергеев, Александр Кравцов, Христо-

Паков, штурманы Оскар Базенау, Джон Тальберг, которые без хороших карт, при одном аэродроме, с невероятной смелостью выполняли многочисленные задания.

В первых числах июня В. К. Блюхер вызвал меня к себе, ознакомил с обстановкой и сказал:

— Гуанчжоу — это стул, на котором сидит противник. Ваша задача — с помощью курсантов школы Вампу выдернуть из-под него стул. Для этого выделяется десантная, вернее, ударная группа, в состав которой войдет школа Вампу.

Эта ударная группа сосредоточится десятого июня на острове Хэнам, утром одиннадцатого июня форсирует реку Чжуцзян и овладеет городом.

С артиллерийским советником Гилевым, инженером Васильевым и советником по военно-морским делам Смирновым-Светловским мы выбрали место для форсирования реки южнее городского предместья Дуншань. Это облегчало развитие боя после переправы.

Войска гуанчжоуского правительства, подобно водопаду, устремились к городу. Противник был окружен и разбит.

Заняв город, курсанты школы Вампу и хунаньской школы организовали охранение. Отряд, в котором советником был Шалфеев, севернее города атаковал отступающего противника и занял возвышенность у старых крепостных стен.

Стремительные действия правительственных войск и особенно десантно-ударной группы раздробили оборону противника. Генералы и офицеры штабов бежали частью на территорию иностранной концессии Шамянь, частью на иностранные пароходы. Оставленные без управления войска сдавались без боя. В плен было взято 17 тыс. человек, из них 500 офицеров.

Население Гуанчжоу было уверено в силах правительства и его армии. Сразу же при появлении курсантов школы Вампу горожане выходили из домов, приветствуя их, а купцы открывали магазины.

В 15 часов 12 июня правительство известило население о своем воз-





▲ Строевая подготовка

вращения с острова Хэнам в город. Решающую роль в победе вновь сыграли полки и курсанты школы Вампу.

Большое значение имело то обстоятельство, что разгром мятежа фактически организовал и возглавил один из талантливейших военачальников Красной Армии — Василий Константинович Блюхер, а в войсках находились наши советники, направившие все силы, проявлявшие большое умение, чтобы до конца выполнить свой долг, быть на высоте идей пролетарского интернационализма.

В конце мая 1925 г. в Шанхае полицией иностранного селтльмента была расстреляна демонстрация протеста против убийства на японской фабрике рабочего-коммуниста. В Шанхае и по всей стране развернулось антиимпериалистическое «движение 30 мая». Повсеместно происходили забастовки, организовывались демонстрации под лозунгами: «Долой империализм!», «Аннулировать неравноправные договоры!».

На призыв Компартии поддерживать шанхайских забастовщиков и выступить на борьбу против империалистов, за отмену неравноправных договоров, за национальное

освобождение откликнулись и трудящиеся Гуандуна. 21 июня началась стачка рабочих в Гонконге. 23 июня 70-тысячная демонстрация состоялась в Гуанчжоу. По демонстрантам со стороны англо-французской концессии в Шамяне был открыт пулеметно-ружейный, а с крейсеров — и артиллерийский огонь. Зверская расправа только усилила размах революционного движения: забастовка рабочих Гуанчжоу и Гонконга (Сянган) к 1 июля превратилась во всеобщую политическую стачку. Начался массовый антианглийский бойкот. В рядах гоминьдана происходила консолидация «левых».

«Левые» в гуанчжоуском правительстве стремились реорганизовать армию на началах централизованного управления, взять под контроль финансы, упорядочить налоговую систему и освободить Гуандун от милитаристов.

На юге страны с «левыми» силами гоминьдана тесно сотрудничали коммунисты. Их преданность делу революции, авторитет, которым они пользовались в народе, во многом обусловили революционные победы гуанчжоуского правительства.

Разгром мятежников помог создать революционную базу на юге

страны. Но по-прежнему перед силами революции стоял вопрос о подготовке в провинции Гуандун плацдарма для завершения формирования Национально-революционной армии, опирающейся на массовое народное движение, и проведении Северного похода.

Новая армия создавалась в сложных условиях. Попытки объединить армию и полностью подчинить ее правительству прежде всего натолкнулись на сопротивление феодально-милитаристских элементов внутри самой зарождающейся Национально-революционной армии.

Да и в гуанчжоуском правительстве и среди верхушки гоминьдана к этому времени сформировалась правая оппозиция из буржуазных политиков и милитаристов, напуганных подъемом революционной волны. Ее возглавил Ху Ханьминь, а позднее к ней примкнули назначенный военным министром Сюй Чунчжи и начальник полиции У Те-чэн.

Правые гоминьдановцы при поддержке английских империалистов готовили еще один контрреволюционный переворот.

20 августа 1925 г. правые перешли к активным действиям. В 10 часов утра у здания ЦИК гоминьдана жертвой наемного убийцы пал Ляо Чжункай — подлинный вождь «левых» сил гоминьдана, верный последователь Сунь Ятсена.

Арестованный Линь Чжимянь, один из главных участников убийства Ляо Чжункай, рассказал, что в Гонконге был создан специальный фонд в размере 2 млн. юаней для убийства революционеров.

После убийства Ляо Чжункай в правительстве заметно проявилась растерянность. На экстренном заседании Военного совета, состоявшемся сразу же после покушения, была избрана руководящая тройка в составе Ван Цзинвэя, Сюй Чунчжи и Чан Кайши. В заседаниях тройки приняли участие М. М. Бородин и вместо уехавшего в Советский Союз В. К. Блюхера один из старших советников (замещавший главного) — В. П. Рогачев.



Обстановка стала опять накаляться. С мятежниками в Гуанчжоу хотя и было покончено, но, как только Восточная группа правительственных войск была брошена для борьбы с ними, генерал Чэнь Цзюньмин опять всплыл на поверхность. Разорвав договорные обязательства, он двинул свои войска из провинции Фуцзянь и к концу сентября снова занял почти весь восток Гуандуна. Чэнь Цзюньмин не скрывал, что его цель — завладеть Гуанчжоу.

Правительство правильно определило, что в такой обстановке главный враг, с которым нужно в первую очередь покончить, — войска Чэнь Цзюньмина. Началась подготовка ко Второму восточному походу.

* * *

Командование НРА разработало подробный план Второго восточного похода, для проведения которого были выделены следующие силы: 1-й корпус, 4-й корпус (советник Ф. Сахновский); Саньшуйская группа (советник С. Шнейдер); 1-я отдельная

дивизия (советник Е. Тесленко); 6-й корпус (советник Н. Кончиц).

Советниками были назначены: при 1-й пехотной дивизии — А. Черепанов, при 3-й — Панюков, при 4-м полку — Шевалдин.

Главным командующим Вторым восточным походом правительство назначило Чан Кайши, советником при нем был В. П. Рогачев.

С отъездом В. К. Блюхера влияние советников на стратегическую и оперативную подготовку Второго восточного похода заметно ослабло. Это отрицательно сказалось в дальнейшем.

Еще во время Первого восточного похода крепость Вэйчжоу, как омут, все время притягивала Чая Кайши. Тогда этому воспрепятствовал В. К. Блюхер, и, как потом подтвердилось, он был прав. На этот раз Чан Кайши решил ознаменовать начало похода штурмом Вэйчжоу, в чем опять-таки не было особой нужды.

Вэйчжоу, как и подобает всякой средневековой твердыне, была овеяна легендарной славой: молва ут-

верждала, что за две тысячи лет своего существования крепость ни разу не была взята штурмом, несмотря на многочисленные попытки.

До сосредоточения войск небольшая группа китайских офицеров во главе с Хэ Инцинем совместно с советниками-артиллеристами Бесчастновым, Гилевым, советником по пулеметному делу Палло, военным инженером Яковлевым под моим началом выехала на катере для рекогносцировки; не доезжая до крепости Вэйчжоу 1–1,5 км, мы высадились, поднялись на высоту и подошли еще ближе.

При первоначальной рекогносцировке мы наметили плацдарм для главного штурма, условившись окончательное решение вынести после детальной разведки, когда войска окружат крепость.

Мысль о неприступности крепости определенно продолжала довлеть не только над офицерами, но и над командованием. Внешне это выражалось в рассуждениях о том, что не лучше ли разбить противника



▲ Советские танки





в поле, в жалобах на холодное время года, отсутствие одеял и т.д.

Для штурма выделялись 4-й полк 2-й дивизии и 3-я дивизия 1-го корпуса. 4-й полк 10 октября к 12 часам расположился против северо-западной части крепости, чтобы начать штурм в районе северных ворот. Справа от него, на запад, юг и юго-восток от крепости, к 18 часам должна была занять позицию 3-я дивизия, которой поручалось штурмовать наиболее уязвимый участок стены.

10 октября командный состав 4-го полка во главе с опытным и отважным командиром полковником Лю, его советником Шевалдиным, старшим советником-артиллеристом Бесчастновым, инженером Яковлевым, артиллеристом Гилевым и китайским офицером, командиром двухорудий-

ной горной батареи, произвел рекогносцировку.

Выяснилось, что стены крепости на главном участке штурма почти повсюду имеют высоту 12–14 м с парапетом в рост человека и толщиной около 1 м. Основание стены, как мы убедились после взятия крепости, имело толщину от 8 до 10 м.

Это была самая неприступная часть крепости, но зато к ней имелись сухие подступы; развалины ближайшей деревни давали возможность скрытно подвести войска, протока — укрыть их от огня перед последним броском.

Всю ночь на 12 октября происходила не особенно интенсивная перестрелка. 12 октября в 11 часов командир полка получил боевой приказ о штурме.



▲ Чан Кайши в Вампу

В полдень в полк прибыли Чан Кайши и советник В.П. Рогачев. Осмотрев с наблюдательного пункта участок, выбранный для штурма, они подтвердили приказ.

В полку был проведен митинг, на котором командование призвало солдат добровольно вступить в ударный отряд, который спешно создавался по последнему указанию Чан Кайши. После взятия Вэйчжоу каждому добровольцу было обещано 30 юаней. Этот приказ был данью традициям милитаристской армии, где все сводилось к оплате каждой операции. Вряд ли нужно было прибегать к этой мере теперь.

В 18 часов отряд был собран, разделен на шестерки, группам были выданы лестницы, и под руководством Шевалдина и Яковлева началась тренировка на стене разбитого дома высотой 10–20 м. Яковлев показал, как нужно нести, подтаскивать, прислонять к стене лестницу, поддерживать ее, влезать, бросать на стену гранаты. Группа в пять-шесть человек подносила лестницу бегом с расстояния 20 м, и двое-трое влезали вверх. Все это занимало менее полминуты. Настроение у всех было боевое.

К 24 часам пехотные подразделения и батареи заняли исходные позиции.

Батарея «Арисак» гвоздила крепость вплоть до момента, назначенного для атаки, прервав артподготовку лишь на полчаса, ибо раскалились стволы. В этот день было выпущено до 500 снарядов.

В 13 часов мы с генералом Хэ Инцинем, переправившись через реку Дунцзян, побывали на позиции нашей батареи. Артиллерийский расчет, состоявший из курсантов школы Вампу, работал слаженно. Гилев почему-то был не в военной форме, а в белом полотняном костюме, пиджак лежал тут же, на ящике из-под снарядов. В одной рубашке, обтирая время от времени пот, он сам наводил на цель оба орудия, командовал: «Огонь!» — и в такт команде энергично взмахивал своей круглой соломенной шляпой.

По-видимому, нам удалось согнать защитников крепости со сте-



ны. Приближалось время штурма. Над нашими позициями и над Вэйчжоу пролетел самолет. В 13 часов 45 минут точно по графику орудия перенесли огонь в глубину, чтобы не поразить штурмующих. Теперь по промежуткам между зубцами парашюта открыли огонь пулеметы.

Но что случилось? Почему в назначенное время ударный отряд не бросился на стену? К нашему ужасу, оказалось, что он не успел сосредоточиться у протоки во время артиллерийской подготовки.

Возникла 15-минутная пауза. Противник оправился, вновь занял оборону за сохранившимися зубцами парашюта и мешками с землей и, прикрытый таким образом от пулеметного огня, начал почти безнаказанно расстреливать наших храбрецов. К несчастью, перед походом офицерам и политработникам были выданы кителя цвета хаки, а все солдаты были одеты в темно-синее. Поэтому стрелки имели возможность прежде всего выводить из строя командный состав.

Наша дивизия находилась в резерве, а мы с генералом Хэ Инцинем выдвинулись вперед и наблюдали безрадостную пока что картину штурма.

Командир добровольцев совершил, конечно, крупную ошибку, промедлив с выдвижением своего отряда к стене, но в бою вел себя героически: находясь под яростным обстрелом, в 70–80 м от врага, он все еще пытался возобновить штурм. Вскоре пуля сразила его. Принявший командование ударным отрядом командир 2-го батальона тоже погиб. Перешедший в атаку 1-й батальон лишился комбата и всех ротных командиров.

И тут, взяв с собой комендантскую команду, бросился вперед полковник Лю, решивший лично повести на штурм уцелевших солдат. Но это был шаг отчаяния: у самой стены командир полка упал, получив смертельную рану.

Неудача угнетающе подействовала на всех, в том числе и на Чан Кайши, который хотел уже отказаться от штурма.

В. П. Рогачев, будучи советником при Чан Кайши, попросил его задержать отдачу приказа о прекращении атак до тех пор, пока он не побывает на месте и не ознакомится с создавшейся обстановкой.

Вскоре Рогачев прибыл, собрал нас и сообщил, что Чан Кайши в отчаянии и просят еще раз взвесить, не лучше ли отложить штурм.

Мы решительно запротестовали. Яковлев сказал:

— Нет сомнения, что будет взят этот китайский Измаил, здесь нет Суворова, но есть коммунисты.

Не один Яковлев, все мы, и русские, и китайцы, твердо верили в революционное сознание людей. По нашей просьбе для участия в штурме перебросили два батальона 8-го полка 3-й дивизии, которая в сегодняшнем бою еще не участвовала.

Руководить штурмом было приказано генералу Хэ Инциню. Теперь уже и я, его советник, перестал быть сторонним наблюдателем.

Не без труда мне удалось уговорить Гилева поддерживать штурмующих артиллерийским огнем до самой стены и даже при начале ее штурма.

Вспомнив, как перед рождеством 1916 года латышские и сибирские стрелки штурмовали германские позиции на рижском плацдарме, двигаясь растянутыми в глубину цепочками, я предложил и здесь использовать подобный метод: на некотором удалении от передовых штурмовых групп, бегущих с лестницами, в затылок им направить для страховки одну, а вслед за ней и вторую тройки, которые должны быть готовыми заменить выбывших из строя товарищей, продолжить и завершить начатое ими дело.

Наконец все было готово. В 12 часов раздался первый орудийный выстрел. Огонь со стены сразу замолк. Офицер, исполнявший обязанности командира 4-го полка, и советник Шевалдин находились в протоке, куда огонь противника не доставал. Ровно за пять минут до начала штурма, подхватив левой рукой маузер, элегантный командир полка из свежей 3-й дивизии вышел из укрытия и молодецкой походкой тоже направился к протоке.

Ровно в 14 часов из протоки вышли ведущие. За ними понесли лестницы, потом тронулись страхующие тройки. Гуськом вытянулись передовые отделения. Огонь противника выводил из строя многих бойцов. Они падали, но лестницы тут же подхватывали и несли дальше их товарищи, шедшие сзади.

И вот первые восемь — десять бойцов подбегают к стене, но не успевают приставить лестницы: их сражает огонь врага. Невредим лишь политрук роты, в руках у него под самой стеной развеивается знамя. Солдаты цепочками совершают короткие перебежки. У стены уже человек пятнадцать.

К этому времени артиллерия подавляет огневые точки на башнях, и перекрестный огонь врага прекращается, стреляют теперь лишь со стены, но перед нею образуется «мертвое пространство», где укрываются штурмующие. Вдруг замолкает артиллерия.

— В чем дело, Геннадий? — кричу в телефон.

— Боюсь ударить по своим, и снаряды кончаются.

— Тем более надо помочь солдатам забраться на стену.

Раздаются новые выстрелы.

При поддержке яростного пулеметного огня солдаты установили первую бамбуковую лестницу, по ней цепко лез стрелок в широкополой соломенной шляпе. А вот левее — вторая лестница. Боец-коммунист поднимается по ней. Напряжение достигает предела. Боец достигает основания парашюта и швыряет на стену гранату. На какой-то момент все застывает... Слышится оглушительный взрыв. Еще секунда! «Ура!» Боец — на стене.

Рядом другие лестницы, по ним с фантастической ловкостью карабкаются солдаты и офицеры. В 16 часов 10 минут на стене — знамя!

Во время боя я как-то не заметил, что Евгения Андреевича Яковлева нет рядом. И тут я его увидел. Он бежал с первыми волнами атакующих. Через минуту он уже на стене, скрывается за парашютом.





На стенах рвутся гранаты, слышится ружейный, пулеметный огонь. Солдаты кричат, охваченные восторгом победы.

Бежавший вдоль стены далеко впереди других Яковлев наскочил на бойцов 3-й дивизии. Не зная языка, он оказался в трудном положении. Его схватили. «Ну, — подумал он, — конец!» И вдруг наш герой полетел вверх. Бойцы на радостях в знак уважения к советнику приняли его качать.

Чан Кайши фактически не руководил штурмом Вэйчжоу. При первой же неудаче он совсем потерял веру в успех. Даже место для своего командного пункта он выбрал на второстепенном направлении.

В этом бою мы вновь почувствовали единство Национально-революционной армии и народа. Интересно, что на бумажных флагах, с которыми население встретило победителей, имелись и приветственные надписи в честь русских товарищей.

Радость победы была омрачена похоронами павших в бою. На траурном митинге слово было предоставлено и мне. В рукописном журнале «Кантон» за 1926 год сохранилась запись моего выступления.

Я говорил тогда о том, что на поле боя забываешь обо всем и ничего не жалеешь для победы, но, когда бой утихает, тебя охватывает бесконечная скорбь по павшим товарищам.

«Особенно острую боль, — говорил я, — чувствуешь, когда в памяти вырисовывается образ погибшего друга, которого ты знал, с которым ты работал, о котором жизнь оставила в твоей памяти не одну страницу воспоминаний.

Такого друга, командира полка Лю, я потерял в бою под Вэйчжоу 13 октября 1925 года.

Я познакомился с ним год назад, возвращаясь на пароходе с острова Вампу в Гуанчжоу. Китайцы обычно при первом знакомстве сдержанны. Он же просто, без церемоний, подошел ко мне, заговорил. Наша беседа не отличалась изысканностью. Он знал несколько слов по-английски и «хорошо» и «нехорошо» — по-русски, я говорил немного по-китайски, но людям, связанным общностью дела, не требуется много слов. Они понимают друг друга и молча.

Позднее нам приходилось совместно обучать курсантов школы Вампу и солдат новой армии, встре-

чаться и на банкетах, и в боях.

Полковник Лю был хорош на учении, приятен в беседе, крепок в дружбе и красив в бою.

Он был кавалерист со всеми присущими представителям этого рода войск положительными качествами: подвижен, жизнерадостен, принимал молниеносные решения в бою и вел в атаку свою часть, как ураган.

Часто я любовался им и прочил ему славу великих полководцев. Я мечтал, что, когда национальная армия выйдет за пределы Гуандуна, он сменит непривычную для него пехоту на легкую конницу. Однако трудно предугадать судьбу человека.

Когда атака его полка под стенами крепости Вэйчжоу захлебнулась, он во главе взвода бросился вперед, чтобы вновь зажечь остывающий порыв пехоты. Из 40 бойцов, которых он вел в атаку, в живых осталось 18 человек. Среди них не было полковника Лю. Смертельно раненный, он был вынесен плачущими от горя солдатами с поля боя и, не приходя в себя, умер.

На другой день его полк, оставшийся почти без офицеров, впервые в истории Вэйчжоу берет штурмом стены крепости и празднует победу. С грустью мы смотрим на гроб павшего смертью храбрых друга и командира.

В лице товарища Лю партия потеряла боевого участника революции — бойца, а солдаты — командира, которому сопутствовала победа.

Мир праху твоему, храбрый!

Память о тебе надолго останется в наших сердцах, а боевые подвиги твои будут записаны на страницах революционной истории Китая. Они будут служить примером китайским юношам».

Так закончил я свое выступление на траурном митинге, посвященном памяти бойцов, павших во время штурма крепости Вэйчжоу.

Крепость Вэйчжоу была, по существу, взята коммунистами, чья воля оказалась тверже неприступных стен, И, одним из храбрейших в рядах атакующих был наш боевой друг и товарищ Лю.



▲ Авиаторы



* * *

В дни ожесточенных боев за крепость Вэйчжоу снова создалось напряженное положение.

Агенты Чэнь Цзюньмина распустили в Гуанчжоу панические слухи и организовывали поджоги. Диверсанты сожгли казармы дивизии школы Вампу и квартал вокруг центральной электростанции, которую едва удалось отстоять от огня.

Осложнилась обстановка и на Восточном фронте. Чэнь Цзюньмин двинул войска на Гуанчжоу, пытаясь при поддержке флота северных милитаристов и империалистов Гонконга завладеть им.

Поэтому первоначальный план наступления Национально-революционной армии был изменен и мы, по существу, вернулись к плану Блюхера в Первом восточном походе.

Теперь Южная группа под командованием Хэ Инциня (советник А. Черепанов) в составе 1-й дивизии школы Вампу и 1-й дивизии У Течэна (советник Е. Тесленко) должна была наступать вдоль побережья на Хайфын и далее на Хэбо, Фунин, Шаньютоу.

Центральная группа под командованием генерала Ли Цзяшэня (советник Ф. Сахновский) в составе 4-го корпуса, усиленного 3-й дивизией 1-го корпуса (советник В. Панюков), — на Цзяньцзинь, Чаочжоу.

Северная группа Чэн Цяня (советник Н. Кончиц) — на Хэюань, Ухуа, Синнин, Мэйсянь с задачей не допустить отхода противника в провинции Цзянси и Фуцзянь.

Между Центральной и Северными группами наступала Самшуйская группа под командованием генерала Фань Тепэя (советник С. Шнейдер). Она считалась ненадежной, и часть ее предполагали разоружить.

Наиболее сильная 1-я дивизия, которую у нас называли «тяжелая гвардия», во встречном бою без особого труда разбила противника и, преследуя его, овладела Хайфыном, Хэоу и Хэбо. Население всюду о энтузиазмом встречало победителей.

После взятия Хэбо, казалось, нужно было продолжать преследование и спешить на Шаньютоу. Но ин-

туиция мне подсказывала, что слишком торопиться не следует.

Советник при 1-й дивизии 4-го корпуса С. Шалфеев информировал нас о поражениях Центральной группы. Осложнение обстановки на юго-западе Гуандуна заставило командующего Центральной группой командира 4-го корпуса Ли Цзишэня накануне решительного сражения просить у Чан Кайши разрешения оставить фронт. Думая только о том, как бы вернуться в свою «вотчину», Ли Цзишань недостаточно эффективно руководил войсками. В результате противник крепко потрепал его отдельную бригаду и безнаказанно отступил.

В связи с этим, своевременно не предупредив нас, Чан Кайши приказал 1-й дивизии У Течэна идти на усиление Центральной группы. Противник, считая, что он полностью разгромил Центральную группу, прекратил ее преследование и всеми своими силами обрушился на 1-ю дивизию. В тыл противника на помощь ей была направлена 11-я дивизия, но она запоздала. Противник получил сильный ответный удар от 1-й дивизии, а затем, зажатый в горной котловане, без сопротивления сдался самой слабой части наших войск — Самшуйской группе.

Разобравшись в обстановке, мы вернулись с дивизией в Хэбо, прогнали топтавшиеся перед оставленным нами батальоном войска противника и без боя заняли Шаньютоу.

Население с энтузиазмом приветствовало возвращение НРА на восток Гуандуна. Повсюду проходили митинги. Мне пришлось наблюдать демонстрации населения совместно с войсками в таких ключевых пунктах, как Шаньютоу и Чаочжоу.

На этом закончился Второй восточный поход.

К концу 1925 г. юго-восточная часть Гуандуна была очищена от противника. В январе 1926 г. правительственные войска заняли остров Хайнань.

* * *

Во Втором восточном походе поддержка Национально-революционной армии народными массами

была полной и безоговорочной.

Решающую роль вновь сыграли войска, сформированные на базе школы Вампу.

Политическую работу вели коммунисты. Участвуя в работе гоминьдановских партийных организаций, коммунисты предохраняли ряды НРА от пагубного влияния правых.

В середине 1926 г. в Национально-революционной армии было около 1 тыс. коммунистов, из них 60–70 процентов — в школе Вампу и 1-м корпусе. Это была сила, которая организовывала и вела солдатские массы к победе.

В результате Второго восточного похода были созданы условия для осуществления поставленной Сунь Ятсеном перед военными советниками задачи — помочь в создании Национально-революционной армии, основанной на единых принципах управления, снабжения, боевой подготовки и политического воспитания.

По мере развития революции и ее базы на юге Китая требовалось все большее число советников. Приехали герой гражданской войны, а позднее и Великой Отечественной, М. Г. Ефремов (Абнольд), Иван Василевич (Яновский), Н. Корнеев, М. Нефедов, Ф. Котов (Катюшин), П. Лунев, В. Акимов, по линии главного политического советника — Е. Иолк, переводчики М. М. Абрамсон (Мазурин), Вера Вишнякова, Галина Кольчугина, на север были направлены мои однокашники по восточному факультету академии И. М. Ошанин, А. Я. Климов и другие.

Спустя два месяца после окончания Второго восточного похода я уезжал на Родину. Советские и китайские товарищи тепло проводили меня в Гуанчжоу, затем в Шаньютоу, куда я заехал, чтобы сдать дела советника 1-го корпуса назначенному вместо меня товарищу Зильберту. В конце января я выехал в Пекин.

Уезжая, я уносил в своем сердце любовь к китайскому народу, к солдатам революционной армии, к курсантам школы Вампу, к тем, кто сохранял верность идеям Сунь Ятсена и Коммунистической партии Китая. ■





А.Б. ШИРОКОРАД

ПРЕДПОСЫЛКИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ РККА С РЕЙХСВЕРОМ



▲ Творцы версальского мира

Военное сотрудничество России с Пруссией, а затем с Германской империей в XIX и начале XX века велось в целом открыто. Отдельные аспекты его широко обсуждались в прессе обеих стран, в рейхстаге и Государственной Думе. Исключение представляли лишь военные контракты, заключенные в период войн, которые вела Россия, или

обострения военно-политической ситуации в Европе. Так было в годы Крымской войны, польского мятежа, русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско—японской войны.

Военное же сотрудничество СССР с Германией в 1922-1941 гг. и использование германского военного потенциала в 1945-1950 гг. у нас целиком находилось под грифом «се-

кретно» или «совершенно секретно». Лишь с начала 70-х годов в открытой печати эпизодически стали всплывать фрагменты «германского следа», как, например, сведения о покупке тяжелого крейсера «Лютцов» перед войной, об использовании С. П. Королевым ракет ФАУ-2 и т. д.

В 1990-1992 гг. часть архивных материалов, связанных с использо-





Широкопад Александр Борисович

Российский писатель, публицист, доктор исторических наук. Родился в Москве в 1947 году. Автор нескольких десятков научно-популярных книг по военной истории, военной технике, военно-техническим вопросам.

ванием германского оружия, была у нас открыта. Это привело к появлению отдельных публикаций, посвященных использованию германской военной техники и специалистов в СССР. Лучшими из них, по-видимому, можно считать работы Д. А. Соболева. Однако эти работы буквально утонули в «девятом вале» скандальных публикаций типа «Фашистский меч ковался в СССР» (авторы Дья-

ков, Бушуева), написанных дилетантами, ставившими своей целью не анализ сотрудничества двух ведущих военных держав, а охаивание истории нашей страны. Суть подобных пасквилей заключается в примитивном тезисе: вот какой плохой Сталин, да и все русские вообще, которые пошли на контакт с врагом рода человеческого — немецкими фашистами. Вот, к примеру, пассаж

из книги «Фашистский меч ковался в СССР» (с.23): «Вполне резонно может возникнуть возражение, что-де шел двусторонний процесс, что Красная Армия училась у более подготовленного учителя. Но ведь, с одной стороны, закулисные сделки за спиной мировой общественности носят печать безнравственности. А с другой — судьбы советских командиров высшего и среднего звена, стажировавшихся в Германии, окажутся трагическими. Почти все они будут уничтожены, а полученные ими в Германии военные знания и опыт навсегда канул в Лету. (Здесь лежит ключ к разгадке репрессий в отношении многих деятелей РККА.) В то же время знания и опыт, приобретенные германскими специалистами, не пропали и в полной мере нашли применение в противоборстве с Красной Армией».

Красивая же фраза о «закулисных сделках за спиной мировой общественности» — типичный шулерский прием. Почему с 1853 по 1914 г. русским царям было позволено совершать «закулисные сделки» с Германией за чьей-то спиной, а вот с 1922 г. Сталину уже нельзя? Ситуация изменилась? Так почему с 1922 по 1941 г. «закулисные сделки» с Германией в виде покупки и продажи оружия и военных технологий совершали в широких масштабах США, Швеция, Голландия, Испания (до Франко и после), Швейцария, Италия, Турция, Китай, Япония, страны Южной Америки, Прибалтийские государства и др.? Почему им можно, а нам нет?

Да просто там нет дьяковых и бушуевых. Некому в США стенать и каяться по поводу совместных с Германией работ в области химического оружия в 20-30-х гг. Некому в Швеции ругать своих премьеров 20-40-х гг., которые позволили германским фирмам проектировать и изготавливать в Швеции запрещенные Версальским договором артиллерийские системы, подводные лодки и другое вооружение. Почему там массовая печать не пестрит статьями о том, что де в 1939-1945 гг. не менее трети германской военной техники было сделано из шведского железа?



▲ Французская революция





Следует ли из сказанного, что в западных странах факты сотрудничества с Германией в предвоенный период держался в секрете? Да нет, конечно! Подробные сведения об этом периодически печатаются в специальных военно-исторических открытых изданиях, но, за редким исключением, не выплескиваются в виде сенсации в массовую печать и телевидение.

Само по себе название «Фашистский меч ковался в СССР» является наглой провокацией. Из этой фразы логически следует, что Германия свое оружие создавала в СССР, и если Сталин не разрешил это сделать, то не было бы Второй мировой войны. Таким образом, получается, что в гибели более чем 50 миллионов человек виноват СССР.

Не меньшей ложью оказывается и фраза: «...судьбы советских командиров высшего и среднего звена, стажировавшихся в Германии, окажутся трагическими. Почти все они будут уничтожены, а полученные ими в Германии военные знания и опыт навсегда канут в Лету». Начнем с того, что о сталинских репрессиях у нас в течение 40 лет не писал только ленивый. Зато до сих пор все дела всех репрессированных остаются секретными. Почему? Якобы, чтобы не расстраивать их родственников и родственников тех, кто писал доносы на репрессированных. Но ведь давно умерли и те, кого сажали, и те, кто арестовывал и допрашивал в 30-х годах. Умерло и большинство их детей, а немногие оставшиеся уже глубокие старики. Да и мировая практика показывает, что наследники обычно не только не стесняются негативных деяний предков, а наоборот, зарабатывают на этом капитал. Разве чувствуют свою вину потомки Дантеса? Разве не зарабатывали себе на жизнь рассказами о беспутстве папочки Матрена Распутина и «убивец» Феликс Юсупов?

Нет, тут дело в другом. Раскрытие секретных архивов неизбежно приведет к развенчанию многих репрессированных военачальников — героев Гражданской войны.



▲ Французская революция. Бонапарт

Смута и гражданская война — это бедствие для армии в любом государстве. И в том числе потому, что в генералы и маршалы попадают проходимцы и авантюристы, делающие карьеру в политической борьбе. Почему все плакальщики по репрессированным военачальникам не вспоминают Францию 1789-1815 гг.? Куда в конце XVIII в. делись французские генералы — герои взятия Бастилии, подавления мятежей в Вандеи и Бретани, расправ над населением Лиона и Марселя? Хорошо брать незащищенные города, оборонявшиеся плохо вооруженными роялистами, а вот с Тулоном вышла заминка. Город был прекрасно укреплен еще при Людовике XV, а его форты защищали наряду с роялистами и английские войска. О стены Тулона в течение трех недель обломали зубы три республиканских генерала — бывший врач, бывший жандарм и бывший художник. Но тут случайно комиссар конвента Саличетти предложил своему коллеге комиссару Огюстену Робеспьеру 24-летнего капитана Буона-Парте. Огюстен оценил идеи юного корсиканца, и Тулон был взят за сутки, а точнее, сам пал в руки республиканцев, как спелое яблоко.

Постепенно как-то само собой вокруг Буона-Парте собрались моло-

дые лейтенанты и капитаны. Именно они вместе с «маленьким капралом» пройдут по Европе, сметая все на своем пути. Позже они станут маршалами и принцами. Кстати, и сейчас многие аристократические фамилии Европы ведут свое начало от маршалов Франции.

А куда делись революционные герои образца 1789-1793 гг.? Ведь во Франции при Наполеоне практически не было политических репрессий. Кто-то из них будет служить в наполеоновской армии на второстепенных постах, кто-то от обиды, что его не поняли и не оценили, эмигрирует за рубеж или в свое поместье. Так или иначе для истории революционные генералы уйдут в небытие.

Тоже случилось и в 1941-1945 гг. в Красной Армии с уцелевшими от репрессий военачальниками. Все они отошли на задний план, дав дорогу новым стратегам, которые в Гражданскую войну командовали в лучшем случае эскадронами или батальонами. Репрессированные же маршалы и командармы в среднем были не лучше, а хуже уцелевших.

В советское время вместо титулованного плейбоя Сергея Михайловича (великого князя) артиллерией стали заправлять энергичные дилетанты типа Тухачевского, Орджоникидзе, Павлуновского и Ко.



Назовем поименно. Тухачевский Михаил Николаевич, с 1931 г. заместитель председателя Реввоенсовета и начальник вооружений РККА, с 1934 г. заместитель наркома обороны по вооружению. Образование: окончил в 1914 г. Александровское военное училище, больше он нигде не учился, а только учил других.

Вот передо мной книжка С. Будаевского «Курс артиллерии — руководство для военных училищ», Санкт-Петербург, 1912 г. Обратим внимание — это 8-е издание, то есть переиздавалась книга ежегодно. Написан сей курс на уровне советских учебников для допризывников. Вот по Будаевскому Тухачевский и прошел ликбез по артиллерийскому делу. Увы, подпоручик Тухачевский в отличие от младшего лейтенанта Буона-Парте трактатов по баллистике не писал. Боевой опыт мировой войны у подпоручика был близок

к нулю. На фронт он попал в конце сентября 1914 г., а уже 21 февраля 1915 г. оказался в плену. В октябре 1917 г. ему каким-то странным образом удалось бежать из лагеря военнопленных в крепости Ингольштадт и добраться до Парижа. В конце 1917 г. Тухачевский появляется в Петрограде, а в феврале 1918 г. едет в Москву. Древняя столица становится Тулоном для нашего великого маршала. В Москве Тухачевский останавливается у своего давнего приятеля Н.Н. Кулябко. До революции Кулябко был посредственным музыкантом, а в начале марта 1918 г. становится членом ВЦИК. В это время Ленин и Троцкий решили создать институт военных комиссаров. И вот Кулябко назначается заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. Естественно, что Кулябко решил порадовать приятелю, а заодно избавиться от безра-

ботного нахлебника. 5 апреля 1918 г. по рекомендации Кулябко и секретаря ВЦИК А.С. Енукидзе Тухачевского принимают в РКП(б). А уже 27 мая бывший подпоручик вместе с левым эсером бывшим прапорщиком Ю.В. Саблиным в качестве военных комиссаров поставлены присматривать за начальником Московского района обороны Западной завесы бывшим генералом К.К. Бановым.

28 июня 1918 г. бывший подпоручик вступает в командование 1-й армией Восточного фронта. Так началась карьера «великого полководца».

Что же касается наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе и его заместителя Ивана Петровича Павлуновского, то они и военных училищ не оканчивали. Орджоникидзе в 1901-1905 гг. учился в фельдшерской школе и, видимо, ее так и не окончил. А Павлуновский вообще нигде, кроме как в церковно-



▲ Пилсудский





приходской школе, не учился. Зато Павлуновский еще ведал и мобилизационным управлением РККА.

Вот эта славная тройца дилетантов и вершила судьбами нашей артиллерии.

Надо ли говорить, что полученные «в Германии военные знания» мало что давали дилетантам типа Тухачевского и Павлуновского. Зато эти знания пригодились командирам среднего звена и гражданским специалистам, командированным в Германию или работавшим с немцами в СССР.

Среди таких командированных был мой дед Василий Дмитриевич Широкоград, в 30-х годах работавший «приемщиком» на германских заводах, в том числе и у Круппа. До 14 лет я жил вместе с дедом и бабушкой, они мне много рассказывали о Германии (дед был там вместе с семьей), но о том, что там принималось, дед никогда не говорил. Отец рассказывал, что ему пришлось за неимением советской учиться в германской школе и вместе с другими школьниками заниматься военной подготовкой. Когда я подрос, отец под большим секретом рассказал, что местный гауляйтер обратил внимание на его выправку и сказал, что этот парень будет хорошим солдатом фюрера. Командир отряда тактично промолчал. В июле 1941 г. отец, учась на мехмате МГУ, имел бронь, но ушел добровольцем в армию.

Мой дед происходил из казаков, как-то получивших дворянство, зато бабушка имела лучшую родословную. Ее отец был потомственный польский дворянин — Сильверст Антонович Домброва, а мать Генриетта фон Бастиан. Я упоминаю об этом отнюдь не из тщеславия, а чтобы объяснить, что специалист, проживший несколько лет в Германии, да еще с таким происхождением, не участвовавшем в Гражданской войне, не коммунист (в партию дед вступил уже в Москве в октябре 1941 г.) не был репрессирован, и я не слышал ни о каких неприятностях, постигших его коллег по советской торговой миссии. Мало того, и дед, и отец всю последующую



▲ Юзеф Бек

жизнь проработали в самых секретных «почтовых ящиках».

Вернемся к германо-советскому сотрудничеству. Оценивая его моральный аспект, не следует забывать и о политической ситуации, сложившейся после Первой мировой войны.

В июне 1919 г. державы-победительницы навязали Германии Версальский мирный договор. Согласно его статье 160, численный состав германской армии «не должен превышать ста тысяч человек, включая офицеров и нестроевых, и будет исключительно предназначен для поддержания на территории порядка и для пограничной полиции... Гер-

манский Большой Генеральный Штаб и всякие иные подобные формирования будут распущены и не могут быть восстановлены ни в какой форме»

Статья 170 гласила: «Ввоз в Германию оружия, снаряжения и военного материала, какого бы то ни было рода, будет строго воспрещен. То же самое будет относиться к изготовлению и вывозу в чужие страны оружия, снаряжения и военного материала какого бы то ни было рода».

Статья 171: «Ввиду воспрещения пользования удушливыми, ядовитыми или тому подобными газами, а также всякими аналогичными жид-



костями, веществами или способами, производство и ввоз их в Германию строго воспрещается. То же самое будет относиться к материалу, специально предназначенному для изготовления, сохранения или применения названных продуктов или способов. Равным образом воспрещается производство и ввоз в Германию броневиков, танков или всякого рода других подобных машин, могущих служить для военных целей».

Статья 179 запрещала военное сотрудничество Германии с другими странами: «Германия обязуется со вступлением в силу настоящего Договора не аккредитовать ни в какой чужой стране никаких военных, морских или воздухоплавательных миссий, не посылать их и не позволять им выезжать; она обязуется, кроме того, принимать подобающие меры к тому, чтобы не допускать германских граждан покидать свою территорию для поступления в армию, флот или воздухоплавательную службу какой-либо иностранной державы или для прикомандирования к ней в целях оказания ей помощи в военном деле или вообще для содействия в обучении военному, морскому и воздухоплавательному делу в чужой стране».

В. И. Ленин в 1920 г., выступая на совещании председателей уезд-

ных исполкомов, сказал: «Что такое Версальский договор? Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках, беззащитной жертве».

Тут Ленин имел в виду не только Германию, но и Турцию, Китай и другие страны.

Версальским договором было закреплено отделение от России и Германии огромных территорий и передача их другим государствам. Причем, зачастую это делалось вопреки воле населения. Так, в новообразованном Польском государстве имелось много районов, где этнические поляки составляли меньшинство, а большинство было из немцев, русских, украинцев и т. д. И при всем при этом правящие круги Польши не только не стремились уважать права национальных меньшинств в своей стране, а фактически приступили к насильственной полонизации миллионов неполяков, оказавшихся в пределах искусственно созданных границ Польши.

Заполучив подданными миллионов людей, ненавидящих Польшу,

польские правящие круги не только не унялись, а выразили стремление расширить свою территорию «от можа до можа», то есть добиться границ Речи Посполитой XVII века от Черного до Балтийского морей и двинуться еще далее.

Польские министры и сам диктатор Пилсудский неоднократно публично называли Балтийское море Польским морем.

Разведчик и историк Оскар Райле писал о польском министре иностранных дел Юзефе Беке: «Все больше и больше Бек склоняется к тезисам историка Адольфа Боженского, который провозглашал политику кровопролития как единственно верную для Польши. Он задумал с помощью держав Запада снова свергнуть Европу в большую войну. Поскольку Первая мировая война дала Польше самостоятельность и вернула часть исконных польских земель, следовало надеяться, что другая большая война подарит Польше остальные территории, на которые она могла притязать».

Понятно, что ни Германию, ни СССР не приводили в восторг претензии Польши на огромные части их территорий.

В отличие от Германии, к 1922 г. на территории Советской России претендовала не только Польша. Большие претензии имела Финляндия. Как, воскликнут многие демократы либералы, наоборот, это Сталин выдвигал претензии к маленькой беззащитной стране.

Знаменательно, что наши СМИ напрочь забыли о первой (1918-1922) и третьей (1941-1944) финских войнах. «Либеральные» журналисты с ловкостью профессиональных шулеров передергивают карты и вместо фашистской Финляндии образца 1939 г. подсовывают нам миролюбивую Финляндию 60-90-х годов. Это все равно, что путать Третий рейх с ФРГ 60-80-х годов.

Либералы возмутятся: да как же Финляндию называть фашистской! Но если у нас официально фашистами считаются подростки, неразумные нацепившие на рукав свастику, то как именовать государство, сделавшее



▲ ФАУ-2





▲ Гитлер и Маннергейм

свастику своим символом и имевшее ее на фюзеляжах своих самолетов и броне своих танков? Соответственно, Финляндия обладала и другими атрибутами фашистского государства. Были, к примеру, свои эсэсовцы, их называли шюцкоровцами. Это название пошло от шведского слова Skyddskar — охранной корпус. А СС (SS) у немцев — это сокращение от слова Schutzstaffeln — охранной отряд. Как видим, названия звучат по-немецки и по-шведски по-разному, а переводятся одинаково. Главное же то, что функции шюцкора и СС были тождественны: внутри страны — расправы с инакомыслящими, а в военное время — ведение боевых действий самостоятельно или совместно с армией. Кстати, СС и шюцкор активно сотрудничали. Так, только в октябре 1940 г. шюцкор направил в войска СС свыше 2 тысяч молодых финнов (большинство из них сложили головы под Сталинградом). В самой же Финляндии отряды шюцкора еще в мирное время имели артиллерию, бронетехнику, легкие самолеты, боевые катера и корабли. Кроме шюцкора в Финляндии были другие военные организации, включая женские. В целом в Финляндии в военные организации был вовлечен больший процент граждан, чем в Германии или СССР.

Надо ли говорить, что коммунистическая и другие левые партии к 1939 г. в Финляндии были запрещены, а их функционеры сидели в концлагерях? Кстати, первые концлагеря финны открыли в 1918 г., а в Германии — в 1933 г.

Был в Финляндии и свой фюрер — маршал Маннергейм. Любопытно, что если в Германии фюрером стал австрийский художник, то финский фюрер был шведским бароном, который к 1918 г. даже не знал финского языка.

Нам могут возразить, что свастика, шюцкор, туземный фюрер и концлагеря — это все внутреннее дело Финляндии, а не повод к войне. Ну, а как быть с территориальными претензиями Великой Финляндии? К примеру, в уставе молодежной организации «Синемуста» было записано, что финская граница должна проходить по Енисею. Нам возразят, мол, в «Синемуста» заправляли правые экстремисты. Действительно, территориальные претензии центристских партий были куда скромнее — вся Карелия, весь Кольский полуостров, часть Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей.

Сейчас финские историки утверждают, что де Финляндия в 1941-1944 гг. вела отдельную от Германии войну, что де Маннергейм даже ссорился с Гитлером. Святая правда, между Финляндией и Германией были серьезные противоречия. В 1941 г. финское правительство, а именно Маннергейм, было крайне возмущено решением фюрера присоединить к Третьему рейху Кольский полуостров. А ведь еще в 1919 г. Маннергейм договорился с генералом Юденичем о передаче полуострова Финляндии. Что же получается? Генерал от инфантерии, «борец за единую и неделимую», согласился, а какой-то



▲ Японские варвары



там ефрейтор... Когда же Маннергейм услышал речи о германских лесных концессиях на «исконно финских землях» в Архангельской губернии, ярости барона не было предела.

К 1922 г. на территории России по-прежнему находились японские войска. А японские генералы и ряд партий требовали аннексии Приморья, Камчатки и других территорий. Лишь в 1925 г. был заключен договор с Японией, по которому японские войска окончательно ушли с советской территории. За это СССР пришлось принять ряд унижительных японских условий: район Владивостока был фактически демилитаризован, на Северном Сахалине и камчатке японские компании получили высокие концессии.

Но и после заключения договора японские рыболовные суда до 1941 г. нагло вторгались в территориальные воды СССР и даже высаживали на берег своих людей. Действия японских рыбаков постоянно прикрывали японские эсминцы и легкие крейсера.

Да что Япония. Даже маленькая нейтральная Норвегия с 1921 по 1932 гг. регулярно посылала сотни своих рыболовецких судов в Баренцево и Белое моря, в территориальные воды СССР. Только в 1922 г. норвежцы в Белом море. То есть почти за две тысячи миль от своих портов



▲ Норвежский броненосец в наших водах для охраны норвежских браконьеров хищников

забили свыше девяносто тысяч голов тюленей. Пользуясь безнаказанностью, несколько сотен норвежских судов вели хищнический бой тюленей, уничтожая, вопреки международным законам, самок и бельков (детенышей), а также оставляя на льду много подранков, будучи иногда не в силах погрузить всю добычу на суда. В составленном по следам этой норвежской варварской акции докладе Зоокомиссии Академии наук СССР говорилось, что промысел тюленей будет практически сведен в течение следующих пяти-семи лет на нет, так

как норвежцами было подорвано естественное воспроизводство тюленей. В действительности промысел уже и спустя десять лет не был восстановлен в прежнем объеме, и беломорский тюлень стал исчезать.

Робкие попытки советских пограничников пресекались артиллерийским огнем норвежского ВМФ. Дело дошло до посылки в Белое море норвежского броненосца береговой обороны с 210-мм артиллерией.

Бесчинства норвежцев длились до 1933 г., то есть до перехода нескольких советских эсминцев и подводных лодок с Балтийского флота на Северный, после чего норвежцев как ветром сдуло из Белого моря и из советских территориальных вод в Баренцевом море.

К 1922 г. русская военная промышленность «дышала на ладан», а страны Антанты фактически ввели блокаду на поставки не только военной техники, но и станков, измерительных приборов, средств связи и т. д.

После 1991 г. стало модным сетовать: «Ах! Какую Россию мы потеряли! Россия к 1917 г. была на грани победы над Германией, а злодеи-большевики украли победу у нашего гениального главнокомандующего Николая II...».

На самом деле к 1917 г. русская армия еще могла наступать на Закавказье.



▲ Хищничество норвежцев





▲ Крейсер Лютцов

казском фронте или против чешских частей австро-венгерской армии, а с немцами она могла только обороняться. И дело тут совсем не в революции и не в разложении войск левыми партиями, кстати, кадеты преуспели в этом куда больше, чем большевики.

На Западном фронте в 1917 г. на 10 километров фронта при наступлении имелось больше тяжелых орудий, чем в русской армии на всем Восточном фронте от Трапезунда до Риги. В прорывах же на те же 10 километров фронта союзники использовали сотни танков, а в России тогда вообще не было ни одного танка. И, наконец, все наступления союзников с привлечением огромных сил и с огромными потерями приводили в лучшем случае к небольшим тактическим успехам и продвижению в глубь немецкой обороны на несколько километров. Можно ли было в таких условиях, даже без Февраль-

ской революции, разгромить германские войска в 1917 г. на Восточном фронте?

У Николая II и его окружения не было никаких идей ни в области экономических или политических реформ в стране, ни в отношении послевоенного переустройства мира, ни даже в военной технике. В 1918 и 1945 гг. в Германии и в 1941 и 1991 гг. в СССР военно-промышленный комплекс имел сотни новых образцов оружия и перспективных проектов, которых, как показывает практика, хватало на 10-15 лет последующей доработки.

Царская Россия в этом отношении практически ничего не оставила новой власти. Ни один новый тип оружия не проходил испытания. В России не было ни танков, ни торпедных катеров, ни тяжелых орудий. Причем, их не было не только в войсках, но и на полигонах в виде опытных образцов.

Винить русских ученых и инженеров нельзя. Виноваты не они, а царская бюрократия. Русские же ученые и инженеры были, без преувеличения, одними из лучших в мире. Многие из них погибли в ходе Гражданской войны, многие эмигрировали, но оставшиеся старые и получившие образование уже в советское время молодые кадры сумели в кратчайшие сроки возродить военный потенциал страны. Но все новые образцы оружия, созданные с 1927 по 1941 г., были спроектированы заново или представляли собой переработанные образцы иностранной техники. Ни один новый образец не имел русских дореволюционных корней.

То немногое, что осталось недоделанным на русских заводах, к 1922 г. уже серьезно устарело. Это касается и гордости царского флота — линейных крейсеров типа «Измаил», легких крейсеров типа «Светлана», подводных лодок типа



«Барс» и др. За неимением лучшего советским инженерам пришлось кардинально модернизировать те же крейсера типа «Светлана» и несколько старых артсистем калибра 76-152 мм. Следует подчеркнуть, новые советские образцы не имели ничего общего с дореволюционными, как, например, 76-мм дивизионная пушка Ф-22 с аналогом — 76-мм пушкой обр. 1902 г., или легкий крейсер «Киров» с легким крейсером «Светлана».

Наряду с объективными факторами сближения Германии и СССР был и субъективный психологический фактор. И в РККА, и в Рейхсвере было много старых военспецов, хорошо помнивших довоенное сотрудничество между странами, что они, естественно, и довели до сведения своих правительств.

Надо ли говорить, что для советского правительства не было дилеммой, сотрудничать ли с Германией в военной области или нет. Такой вопрос мог стоять в благополучных богатых странах, которым никто не угрожал и не предъявлял территориальных претензий. США, Испания, Швеция, Швейцария, Гол-

ландия и другие страны могли себе позволить без особого ущерба для собственной безопасности отказаться от военного сотрудничества с Германией и строго соблюдать условия Версальского договора. Тем не менее, они позитивно решали этот вопрос. Следует отметить, что с 1922 по 1939 г. объем военного сотрудничества Советской России и Германии не составлял и десятой части всего объема военного сотрудничества Германии с иностранными государствами.

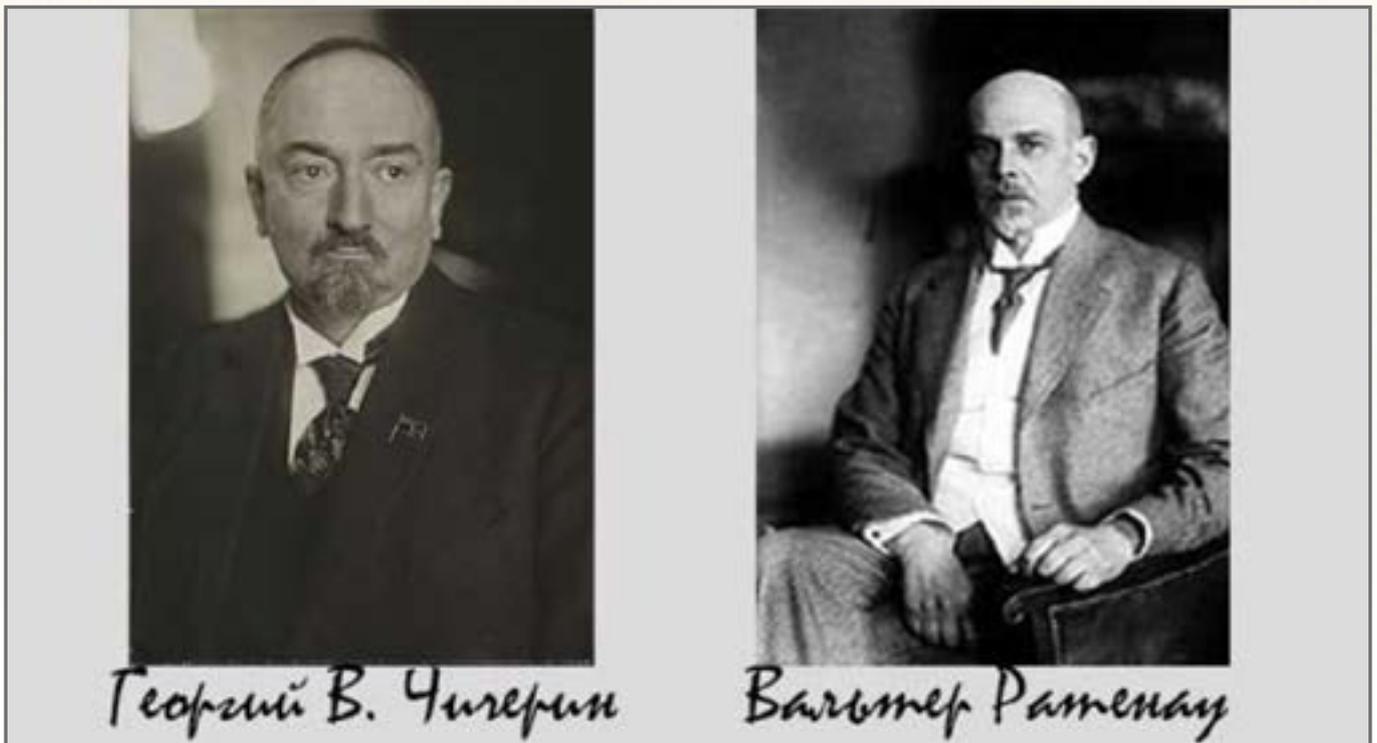
16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло, недалеко от Генуи, рейхсминистр Вальтер Ратенау и народный комиссар иностранных дел России Георгий Чичерин подписали советско-германский договор. Суть договора состояла во взаимном отказе от всех претензий, связанных с Первой мировой войной. Согласно 3-й статье: «Дипломатические и консульские отношения между Германией и РСФСР немедленно возобновляются». В хозяйственном и торговом отношениях между двумя государствами должен был действовать принцип

наибольшего благоприятствования.

В 5-й статье говорилось, что «оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран. В случае принципиального урегулирования этого вопроса на международном базисе они вступят между собою в предварительный обмен мнениями. Германское правительство объявляет о своей готовности оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемыми частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь».

Именно 5-я статья и послужила правовой основой военно-технического сотрудничества обеих стран. Рапалловский договор оказался достаточно долговечным. Формально он оставался в силе до 22 июня 1941 г.

Следует заметить, что общих соглашений, касавшихся военного сотрудничества, СССР и Германия не подписывали, ограничиваясь частными соглашениями, договорами и контрактами по отдельным видам и даже типам вооружений. ■



▲ Подписанты договора в Рапалло





ИЗ ЕДИНОВОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ПОВСТАНЧЕСКОГО ШТАБА ОУН



▲ Нацистские прихвостни

*ПЛАН, РАЗРАБОТАННЫЙ ПО ЗАДАНИЮ ГЕРМАНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ, ПРЕДУСМАТРИВАЛ
ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОУН С ЦЕЛЬЮ ПОДРЫВА ТЫЛА КРАСНОЙ АРМИИ СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ
НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СССР.*

(Не ранее 22 декабря 1940 года)

*...Украина накануне вооруженного восстания. Еще миг — миллионы людей Украины возьмут оружие,
чтобы уничтожить врага и создать свое украинское государство.*



В такой момент необходимо, чтобы на Украине действовала украинская организованная политическая националистическая сила, которая возглавила бы назревающее вооруженное восстание и повела бы народ к победе. Эта сила у нас есть — это ОУН.

Она действует, организует украинские массы, выводит их на борьбу. Она подготавливает военные и государственные украинские кадры, она является центром и рулем всего украинского движения.

Еще миг — и выйдет она (ОУН) из подполья, чтобы наявно+ возглавить народ в его уже вооруженной борьбе. (+ так в тексте перевода документа. Ред.)

(***)

Сегодня Украина снова накануне восстания, снова идет подготовка, чтобы сплоченно и умело ударить на врага.

Наше основное задание теперь:

а) укрепить и расширить нашу организованную политическую националистическую силу. Чтобы везде были мы, чтобы везде была крепкая организация нашего движения, которая организовала бы и готовила широкие массы к восстанию;

б) подготовить кадры старшин и подстаршин украинской революционной армии, которые возглавили бы военное восстание;

в) изучить территорию и врага, чтобы знать, где, как и когда ударить;

г) выработать план действий. Такой (план, способ), которого еще не было и который дал бы нам победу;

д) разложить врага, чтобы он был слаб и не организован для борьбы, даже для обороны;

е) добыть необходимые способы борьбы (оружие), создать мощную базу нашего отпора и движения вперед;

ж) стянуть на врага все силы света, поставить под ружье против него все внутренние враждебные ему силы.

Это тяжелое задание, но мы его выполним. За нами уже долгий путь революции, ряд акций. Теперь вновь готовим великое восстание.

Украинское военное восстание — на всех украинских землях, на всех подсоветских территориях, чтобы довести до полного развала Московскую советскую тюрьму народов.

(***)

В борьбе мы должны в первую очередь захватить в свои руки военные пункты и силы (Донбасс, море... молодежь, рабочих, крестьян, армию), должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить врага и рассеять его силы.

Должны стать течением, всё опрокидывающей силой, какой было когда-то крестьянство, идея французской революции, а теперь идея и сила национализма, какой у нас была революция Хмельницкого (здесь речь идет о Юрии Богдановиче Хмельницком (1641-1685), гетмане Украины в 1659-1663 годах, который разорвал союз с Россией, подписав с Польшей в 1660 году Слободищенский трактат. Ред.). Чтобы мы всех объединили вокруг себя и всех повели в бой. Чтобы повести народ на борьбу, необходимо, прежде всего,





▲ Ю. Хмельницкий



▲ Петлюра

в огне борьбы переродить его духовно. Первое перерождение нашей подготовки — это борьба за душу народа (идейно-политическая, организационная, техническая и военная подготовка). Эту борьбу мы выиграем, широкие массы Украины за нами, за ОУН.

Теперь подготавливаем военное восстание (второе перерождение). В этой работе необходимо обратить внимание на:

1. Создание одного революционного центра политического и военного руководства сверху до низовых ячеек, что утверждало бы единство революционных действий;
2. Организацию кадров и их политическое и военное обучение (подчинение всех социально-политических сил и жизненных участков, которые решают в революции, как армия, город, рабочий класс, интеллигенция и крестьянство);
3. Овладение территориями специально главных вражеских пунктов и участков, которое решает победу революции;
4. Разработку планов действия и организацию главных участков государственно-политического, хозяйственного и технического аппарата;
5. Организацию соответствующего организационно-технического аппарата и соответствующих способов революционной борьбы.

Должны знать, чтобы восстание не закончилось лишь реакцией, напор врага. Только не стихийными хаотическими взрывами народного гнева и мести, но чтобы было начало нового украинского света.



Необходимо добиться того, чтобы ОУН (идеи и люди) стала руководящим ядром подготовки и организации идейных социально-политических и военных сил революции, а также кристаллизующим центром организации и овладением важных участков государственной, профессиональной, политической, хозяйственной жизни, воспитания и пропаганды.

*(***)*

Военно-боевая подготовка

*(***)*

Далее в разделе «Военно-боевая подготовка» изложены вопросы создания вооруженных формирований ОУН, структура их руководства.

Технические замечания:

11. О времени военного выступления узнают групповые (руководители населенных пунктов) непосредственно перед началом восстания (в последнем приказе необходимо указать час).

Они в назначенное время собирают людей с оружием и выходят на сборные пункты.

12. Люди должны быть все готовы.



▲ Тютюнник Ю., генерал УНР



▲ Зверства бандеровцев





(***)

15 После ликвидации врага на участке остается лишь отдел безопасности, остальные идут на фронт. Отдел безопасности имеет такое задание: 1/3 часть держит охрану около военных объектов (склады, ж. д. станции, военные станции, мосты), 1/3 находится в боевой готовности и 1/3 очищает территорию от остатков врага, а также ведет борьбу с диверсиями, в помощь себе имеет украинскую государственную службу безопасности и формации — Сичь.

(***)

20. Организация, паника, разложение в среде врага (поголовные расстрелы врагов). Это одно из условий нашей выигранной победы. (В соответствии с планом в каждом уезде предусматривалось образование карательно-административного отдела, который проводил бы репрессии, конфискации, административные аресты. Ред.).

21. Партизанское движение в тылу врага (бактериологическая война, минирование и боевой огонь) ликвидирует врага.

(***)

Подготовка партизанского движения

Вступительное замечание

(***)

Самые большие партизанские бои происходили на Украине в 1919 и в 1924 годах. Самым мощным партизанским центром был Холодный Яр. Наилучшие акты — «зимние походы». Великим партизаном был генерал Юрко Тютюнник. (Тютюнник Юрий Иосифович (1891-1930) — бывший генерал-хорунжий при правительстве С. Петлюры на Украине. В 1919-1920 годах командовал дивизией войск УНР, после разгрома петлюровцев бежал в Польшу, откуда в 1921 году при поддержке немецкого генерального штаба организовал бандитский рейд семитысячной вооруженной банды на территорию Украины. В июне 1923 года при нелегальном переходе Государственной границы СССР был арестован ГПУ Украины. На суде раскаялся в своей преступной деятельности и был амнистирован. 12 февраля 1929 года вновь был арестован ГПУ УССР по ст. 58-4 УК РСФСР. Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 декабря 1929 года приговорен к высшей мере наказания. Ред.).

(***)

Партизанское движение должно быть кратковременным, срочным и сильным ударом. Должно как можно скорее превратиться в вооруженное всенародное восстание.

На территории врага

Партизанское движение на территории врага должно иметь опору в родной армии на другой стороне фронта.

Мы будем вести одну и другую формы партизанской борьбы. Первой, однако, будет борьба не на родной земле. Её мы начнем в определенный момент...

Другую форму борьбы начнут украинцы, которых Москва расселила по всей территории (украинцы-ссылынные, украинцы-военные и т. д.). Московскую тюрьму народов будем сжигать со всех сторон.

(***)

Обратить внимание на ликвидацию ячеек оружия врага (войско, полиция).





▲ С хлебом и солью

Очередная работа:

1. Когда всё это (вышеуказанное) будет сделано, тогда приступаем к испытанию исправности нашего аппарата, к проверке обучения, снаряжения.
2. Если есть время, то необходимо провести краткое идейно-политическое обучение.
3. Составляем черные списки, план выступления в первую ночь.
4. Таким образом подготавливаем первую стадию взрыва, так называемую подготовку восстания...
5. Вторая часть — это уже само выступление. Оно включает следующие акты: а) первая ночь выступления; б) очистка территории от врага; в) вооруженное восстание.

Выступление

*(***)*

1. Надо в ту же ночь ликвидировать всех занесенных в черные списки, чтобы лишить врага людских резервов, организаторов вражеской диверсии и т. д.
1. Выступление в первую ночь должно быть организованным, решительным и сильным, таким, чтобы пошатнуло основы СССР и вызвало революционную ситуацию в Москве.

*(***)*

Перевод с украинского





СПЕЦДОНЕСЕНИЕ НАРКОМА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УССР САВЧЕНКО О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОУН НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ



▲ Первый день оккупации фашистами Харькова

24 мая 1943 года.

Ряд источников и захваченных нами документов свидетельствуют о том, что, несмотря на массовые репрессии, проведенные немцами среди оуновцев и, в частности, среди сторонников БАНДЕРЫ, последние не только не свернули своей работы, а наоборот, уйдя в подполье, значительно усилили ее.

Установлено, что ОУН распространила свою деятельность по всей оккупированной территории Украины. Во все области УССР ОУН направляет своих эмиссаров, создает подпольные организации, центры и легионы, закладывает склады оружия, боеприпасов и типографии; готовит необходимые кадры для вооруженной борьбы.



Новым характерным в тактике ОУН в настоящее время является отказ от активных выступлений против немцев с целью сохранения кадров и собирания сил, способных в удобный момент с оружием в руках выступить и против немцев, и против большевиков за создание «Самостоятельной Украины».

Заслуживает особого внимания также то обстоятельство, что в деле создания «Самостоятельной Украины» оуновцы возлагают большие надежды на активную помощь Англии, не заинтересованной в существовании Советской власти на Украине.

О деятельности ОУН в восточных областях Украины известно, что в ряде пунктов Киевской, Житомирской, Полтавской, Запорожской, Кировоградской, Днепропетровской, Сумской, Харьковской, Одесской и др. областей оуновцы заложили свои подпольные организации, руководимые националистами — нелегалами, прибывшими из западных областей Украины.

В отчетном докладе гестапо г. Харькова за декабрь 1942 года, захваченном нами, сообщалось: «Деятельность украинских националистов усилились, об этом сообщают со всех сторон. Их лозунг «Свобода без Советов и без немцев» сейчас у многих на языке».

Еще до этого в докладе того же гестапо г. Харькова за сентябрь 1942 года указывалось:

«В начале сентября 1942 года в Харькове были обнаружены манифесты объединения ОУН — БАНДЕРА. Они были изданы областным отделом ОУН восточных украинских областей. Речь идет о 4-х манифестах...» Об усилении деятельности ОУН в восточных областях Украины заслуживает внимания доклад прибывшего из Кировоградской области в феврале 1943 года и задержанного нами оуновца КРЕЙТЕРА, который сообщил:

«Со слов КУБЛЕНКО, прибывшего из западных областей УССР для закладывания нелегальных оуновских организаций линии БАНДЕРЫ, известно, что центр ОУН находится в Кракове. По структуре ОУН существуют так называемые подцентры, которые непосредственно подчиняются центру. Такие подцентры находятся в г.г. Киеве, Днепропетровске, Одессе. В Кировограде оуновскую организацию возглавлял редактор местной газеты МОЗГОВОЙ. В Кировоградской области существуют так называемые периферийные оуновские организации. Организация имеется в м. Бобринец Кировоградской области, которую возглавлял ТКАЧЕНКО Артем.

Аналогичная организация существует в с. Аджамка того же района Кировоградской области, у руководства которой находился РАКИТСКИЙ. Такие же организации ОУН заложены в м. Новоукраинка и М. Виска Кировоградской области, Умань Киевской области, Первомайск и Голованевск Одесской области.

В октябре 1942 года я лично в с. Песчаный Брод видел номер нелегальной газеты под названием «За соборну Україну». Нелегальная типография, печатающая эту газету, находилась в м. Новоукраинка, но затем, по каким-то соображениям, была перенесена в Кировоград, а впоследствии в Бобринец. Я видел большое количество нелегальной литературы, доставлявшейся в с. Песчаный Брод, среди которой были брошюры: «Холодный Яр», автором которой являлся Юрий ГОРЛИС-ГОРСКИЙ, и «Аве-констриктор» — яркая антисоветская брошюра, направленная на дискредитацию вождя партии. Обе они изданы в 1941 году во Львове».

В этом отношении интересны и показания арестованного нами в г. Харькове украинского националиста БАЙДЫ, а именно:

«Организации украинских националистов, в особенности бандеровцы, для организации националистической работы и подготовки населения к созданию «Самостоятельной Украины» разослали массу своих представителей не только в города Украины, но даже в села и хутора. Эти представители имели непосредственную связь с местными руководителями, вместе с ними организовывали националистическую работу и, безусловно, непосредственно поддерживали связь с руководящим центром.

Бандеровский центр ранее находился во Львове, затем переехал в Киев, а сейчас в связи с массовыми репрессиями украинских националистов со стороны немцев переехал якобы в Польшу.





▲ Савченко С.Р.



▲ Западная Украина

В июле 1942 года в Харьков приезжал видный член бандеровского руководящего центра по имени Степан. Осенью того же года в Харьков приезжали эмиссары бандеровского центра Зина, Оксана и Степан. Мне известно также, что в 1942 году в Харьков приехали 4 бандеровских эмиссара, арестованные в августе 1942 г. немцами. Один из них, по фамилии КНЫШ, служил в одном из районных бургомистратов, другой, по имени Михаиле, инженер, прежде был начальником личной охраны БАНДЕРЫ.

Когда немцы искали бежавшего ПОРЦИНСКОГО, на его квартире был арестован еще один бандеровец из Львова. Имени и фамилии его я не знаю. Ходил он в немецкой форме и работал в гестапо».

Показания БАЙДЫ перекрываются материалами агента гестапо СОЛОГУБА, разрабатывавшего харьковскую группу бандеровцев и, в частности, упоминаемых выше Михаила и ПОРЦИНСКОГО Романа. Украинские националисты, особенно бандеровцы, обманутые немцами, при помощи которых они мечтали создать «Самостоятельную Украину», предвидя неизбежное поражение Германии в войне, питают надежду осуществить идею «Самостоятельной Украины» путем вооруженного восстания при активном содействии Англии.

По всей оккупированной территории Украины оуновцы нелегально ведут усиленную подготовку по организации так называемой украинской армии, создают украинские легионы, запасы оружия, добывая последнее через лиц, внедренных ими в ряды украинской полиции.

Начальник гестапо г. Харькова в своем докладе за декабрь 1942 года, отмечая наличие среди украинских националистов проанглийских настроений, указывал:

«...Высказывания националистов об исходе войны, вызванные в результате антигерманской агитации, преследуют мысль о том, что Англия и Америка будут одинаково довольны как поражением большевизма, так и поражением национал-социализма и после победы над тем и другим даруют Украине свободу».

Интересные данные по этому вопросу приводит в своем докладе и вышеуказанный КРЕЙТЕР:



«...В отношении подготовки кадров КУБЛЕНКО говорил, что основные резервы у них находятся в Западной Украине, которые полностью обучены военному делу. Структура их армии будет построена по типу петлюровской — сотни, курени, атаманы и т. д. Как считает КУБЛЕНКО, имеющиеся в Западной Украине резервы недостаточны, в связи с чем они занимаются подготовкой кадров в восточных областях Украины. В рассказах КУБЛЕНКО проскальзывало, что некоторыми запасами оружия они уже располагают, черпая их через своих людей, внедренных в украинскую полицию».

«...В последующих встречах и беседах, касаясь вооружения будущей украинской армии для борьбы за создание «Самостоятельной Украины», КУБЛЕНКО говорил, что основной базой для получения вооружения и боеприпасов явится Англия, которая доставит все это на Украину через Турцию и Румынию. Причем КУБЛЕНКО заявил, что в Лондоне находится украинское правительство, которое ведет переговоры с англичанами по вопросу существования ОУН и оказания ей надлежащей помощи. На вопрос, как же будет, если победителем в этой войне окажется Советский Союз, который находится в союзе с Англией, КУБЛЕНКО ответил, что несмотря на дружеские отношения Советского Союза с Англией, последняя обеспечит выполнение своих обязательств перед украинским правительством. Тем более, как подчеркивал КУБЛЕНКО, само английское правительство не заинтересовано в существовании Советской власти на Украине».

Об ориентации украинских националистов на Англию заслуживают также внимания показания арестованного нами в г. Харькове украинского националиста БАЙДЫ, который показал:

«Что касается международнополитической ориентации фракций ОУН, то мельниковцы целиком связали себя с германским фашизмом, однако в целях «перестраховки» пытались завязать отношения с Англией, Италией, посылая туда своих представителей. Эмиссары мельниковцев посылались также во все балканские страны (Болгарию, Румынию, Венгрию и даже в Грецию и Югославию). Бандеровцы также рассылают своих представителей за границу, причем с Англией заигрывают более интенсивно, чем мельниковцы.

Бандеровцы стремятся завязать хорошие отношения с Англией и другими европейскими странами с тем, чтобы уже сейчас подготовить общественное мнение к будущей мирной конференции».

Материалы КРЕЙТЕРА и БАЙДЫ находят свое подтверждение в донесениях агента гестапо СОЛОГУБА, разработывавшего харьковскую группу бандеровцев. СОЛОГУБ сообщал в гестапо:

«...Степан» (бандеровец-галичанин) говорил мне, что когда немцы разобьют большевиков и сами ослабнут, тогда англичане, которые сберегли свою силу, начнут бить немцев и к этому времени мы должны быть готовы, чтобы взять власть в свои руки. С Англией имеется про это договоренность. Турция тогда тоже выступит на стороне Англии, чтобы уничтожить «вызволителей» — немцев».



▲ Газета ОУН





▲ С. Бандера



▲ Скоропадский, слева

Поворот политики оуновцев в сторону Англии пользуется популярностью в тех кругах украинской националистической общественности и кулачества, которые разочаровались в немцах — «вызволителях», настроены против них, но и Советской власти на Украине тоже не желают.

Прибывший к нам из тыла противника ТКАЧЕНКО показал, что в Сталинской области УССР среди крестьян и, главным образом, кулачества распространены проанглийские настроения.

Выше мы указывали, что основная тактическая линия бандеровцев в настоящее время состоит в том, чтобы вести выжидательную политику, не выступать активно против немцев, с целью сбережения кадров, копить силы для предстоящей вооруженной борьбы за «Самостоятельную Украину», при помощи Англии, с обесилевшими в войне армиями СССР или Германии, в зависимости от того, кто победит.

Бандеровец КУБЛЕНКО в беседах с КРЕЙТЕРОМ неоднократно подчеркивал, что:

«...Активные действия против немцев на данном этапе немислимы, ибо связаны с большими потерями руководящих кадров ОУН. Лучшее всего в настоящее время свою работу перенести исключительно в подполье и тем самым сохранить свои кадры для предстоящей вооруженной борьбы. Основная задача ОУН сейчас заключается в том, чтобы вести выжидательную политику до окончания войны между Советским Союзом и Германией и активно выступить только тогда, когда армии СССР и Германии будут обескровлены».

Арестованный украинский националист БАЙДА по этому поводу показал, что, по мнению бандеровцев:

«Самостоятельная Украинская Республика» должна быть создана только тактическими действиями украинского народа, использовав в этом немцев, как освободителей Украины от большевиков. Необходима немедленная организация украинской армии, способной вести войну с Советским Союзом, а после полного истощения Германии стать на защиту своих границ. Украинский народ надо поднять на активную борьбу как с Советской властью, так и с немцами».



Придерживаясь этой тактики, бандеровцы, в целях завоевания доверия у немцев, принимают активное участие в борьбе с партизанами, в охране тыла германской армии, стремясь проникнуть во все общественные и административные органы, созданные немцами на оккупированной территории УССР.

Следует также указать, что из материалов, которыми мы располагаем, видно, что оуновцы ведут свою работу среди украинцев, вывезенных на работу в Германию.

КРЕЙТЕР по этому вопросу сообщил следующее:

«...В беседе с КУБЛЕНКО я несколько раз затрагивал вопрос о том, как реагирует центр ОУН в отношении вывоза украинского населения в Германию и, в частности, молодежи. КУБЛЕНКО мне отвечал, что этот вопрос ими учтен и молодежь, вывозимая на работу в Германию, будет и там продолжать проводить работу в интересах украинских националистов».

У нас имеются показания бежавшего из Германии военнопленного красноармейца МАЛОВИК, работавшего в Лейпциге на заводе «Адлер Верке», свидетельствующие о проводимой украинскими националистами активной работе среди военнопленных украинцев, вывезенных в Германию.

МАЛОВИК показал, что украинские националисты создают в лагерях военнопленных подпольные повстанческие группы. Эти группы имеются во многих украинских лагерях в Лейпциге, связаны между собой и возглавляются националистами, именующими себя представителями «украинского правительства». Кроме того, повстанческие группы поддерживают связь с подпольными организациями французских лагерей.

Основная задача подпольных групп, заложенных украинскими националистами в лагерях военнопленных, будет заключаться в том, чтобы в нужный момент поднять вооруженное восстание против немцев.

МАЛОВИК не знает, к какому политическому течению принадлежат украинские националисты, ведущие подпольную работу среди военнопленных в Германии, но из установок, даваемых представителями вышеуказанного «украинского правительства» (против немцев не выступать, организовываться, накапливать силы), можно заключить, что эта работа проводится бандеровцами.

Независимо от оуновцев, в Германии, как известно, ведет националистическую работу группа бывш. гетмана СКОРОПАДСКОГО.

СКОРОПАДСКИЙ, которого немцы держат в «запасе», при их помощи активизирует свою деятельность.

Упомянутый выше арестованный украинский националист БАЙДА показал, что летом 1942 года СКОРОПАДСКИЙ обратился с демагогическим воззванием к украинскому народу, предлагая полностью поддержать немцев и «не повторять ошибок 1917 года, когда провозглашение независимости Украины было проведено несвоевременно».

Оуновцы обеих фракций чрезвычайно озабочены возобновлением активности СКОРОПАДСКОГО и особенно тем, что немцы напечатали его воззвание в Берлине и сами распространили на Украине.

По мнению оуновцев, СКОРОПАДСКИЙ окончательно скомпрометированная политическая фигура, и если он снова окажется гетманом, то приведет Украину к полной катастрофе.

Бандеровцы считают появление СКОРОПАДСКОГО на Украине совершенно недопустимым и готовы физически его уничтожить.

Небезынтересно отметить, что арестованный БАЙДА в своих показаниях сообщает о связях СКОРОПАДСКОГО с англичанами. Из разговоров с оуновцами из состава харьковской группы БАЙДЕ стало известно, что «агенты СКОРОПАДСКОГО, по-видимому, по поручению немцев вели переговоры с английскими политическими деятелями в Лондоне о будущей Украине». Чем эти переговоры закончились, БАЙДА не знает.

Народный комиссар государственной безопасности УССР комиссар государственной безопасности

(САВЧЕНКО)





ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ОНИ СТОЯЛИ У ИСТОКОВ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

27 января 1812 года император Александр I подписал указ об «Учреждении военного министерства». В составе нового министерства была образована Особенная канцелярия.

Особенная канцелярия стала первым центральным органом Военного министерства Российской империи, который занимался организацией разведки вооруженных сил иностранных государств. Среди руководителей и сотрудников Особенной канцелярии, стоявших у истоков военной разведки, было много талантливых, способных, знающих свое дело боевых офицеров русской армии. Одним из них был Петр Андреевич Чуйкевич.

ЧУЙКЕВИЧИ — древний дворянский род казацкого происхождения, ведущий начало от Никифора Чуйкевича (XVII в.) и его сыновей Василия Никифоровича (1642 — после 1710) — генерального судьи при гетмане Мазепе, и Александра Никифоровича — полтавского городского писаря. Сын последнего, бунчуковый товарищ, а потом генеральный писарь (с 1707 года) Федор Александрович Чуйкевич (ум. ок. 1764) — автор кодекса «Суд и расправа в правах малороссийских» — был записан с потомством в 1-й части родословной книги Черниговской губернии.

Его прямым потомком является Петр Андреевич Чуйкевич (1783-1831) — генерал-майор, один из основателей русской военной разведки, переводчик, военный писатель, участник Бородинского сражения. П. А. Чуйкевич окончил в 1797 году Сухопутный шляхетский кадетский корпус, был выпущен прапорщиком в Кронштадтский гарнизонный полк. Как офицер,



▲ Чуйкевич Петр Андреевич

обладавший хорошими математическими знаниями, в 1804 году был зачислен в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части. Участвовал в боевых действиях против французов в ходе Русско-прусско-французской войны 1806-1807 годов. Отличился в ходе кампании 1808-1809 годов во вре-

мя Русско-турецкой войны 1806-1812 годов. Был награжден орденами Св. Анны 4-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й степени с бантом и прусским орденом «За достоинство». 21 марта 1809 года вышел в отставку.

Книги П. А. Чуйкевича «Подвиги казаков в Пруссии» СПб. 1807,



и «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем», СПб. 1810 привлекли внимание военного министра М. Б. Барклая де Толли, который предложил отставному капитану должность в порученном ему ведомстве. В 1810 году Чуйкевич поступил в «Экспедицию секретных дел (с 1812 года — Особенная канцелярия военного министра) при военном министерстве», созданную для общего руководства разведывательной деятельностью против Франции и её союзников.

Чуйкевич занимался составлением списков лиц, подозревавшихся в шпионаже, направлял агентуру за границу, получал и обрабатывал разведывательные данные, писал аналитические записки, делал предложения об «учреждении шпионств» в различных местах, рассылал маршруты для передвижения воинскими частям на западной границе.

15 сентября 1811 года П. А. Чуйкевичу был присвоен чин подполковника. В начале января 1812 года, в связи с неизбежностью надвигающейся большой войны, ему поручено составить «дислокационную карту» (прообраз разведывательной карты) наполеоновских сил в Германии, которая давала военному министру и императору Александру I сведения о развертывании французских войск.

Весной 1812 года Чуйкевич сопровождал Барклая де Толли в Вильно. После чего был направлен в Пруссию с военно-дипломатической миссией, прежде всего, для сбора разведанных. Назначенный в середине марта 1812 года на должность директора Особенной канцелярии полковник Арсений Андреевич Закревский поручил подполковнику Чуйкевичу написать аналитическую записку о предстоящей войне с Наполеоном с подробными и частыми советами командованию.

Чуйкевич составил аналитическую записку о предстоящей войне, озаглавив «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией». В документе подводился итог анализа разведывательных сведений,

поступивших от русских военных агентов, и давались рекомендации русскому командованию.

Чуйкевич тщательно оценил стратегию Наполеона и обосновал правило, в соответствии с которым необходимо «предпринимать и делать совершенно противное тому, что неприятель желает».

Главный вывод Чуйкевича заключался в том, что Наполеон, навязывая противнику генеральное сражение, пользуется мощью своей армии, наносит ему поражение и добивается победы. Поэтому необходимо не идти на генеральное сражение с армией Наполеона, а сохранив русскую армию, навязать Наполеону, сражение тог-



▲ Барклай де Толли Михаил Богданович





▲ Закревский Арсений Андреевич



▲ Платов Матвей Иванович

да, когда ему это будет невыгодно. «Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопущение до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзниками их нетерпимые».

Ценность постулатов Чуйкевича была в убедительном обосновании необходимости отступления русской армии до момента достижения равенства сил. Военному министру Барклаю де Толли Чуйкевич рекомендовал: «Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык», заманить противника в глубь страны и дать сражение «со свежими и превосходящими силами», и «тогда можно будет вознаграждать с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое».

Военный министр внимательно изучил аналитическую записку Чуйкевича. И если мысли, высказанные П. А. Чуйкевичем в первой части за-

писки, подтвердились в ходе войны, то мысли изложенные во второй части необходимо отнести к неосуществленным проектам и рассматривать как смелые предложения, на которые так и не решилось русское командование в сложнейшем положении начала войны. Вся военно-теоретическая часть была разработана автором в оригинальной манере и заслуживает внимания как памятник русской военной мысли.

В войне против наполеоновской армии принимали участие регулярные части русской армии, разведывательно-диверсионные (армейские) партизанские отряды и партизанские (крестьянские) отряды.

С началом военных действий П. А. Чуйкевич принял участие в рейде первого партизанского отряда под командованием генерала Ф. Ф. Винцингероде. 6 июля 1812 года он был назначен оберквартирмейстером в корпус М. И. Платова. Командуя казачьими частями, Чуйкевич участвовал в арьергардных делах и за отличие 15 ав-

густа 1812 года по представлениям атамана М. И. Платова и Барклая де Толли получил чин полковника.

Исключительную находчивость и храбрость проявлял в борьбе против французов «летучий отряд», которым командовал офицер русской армии Иван Семенович Дорохов. Он первым известил М. И. Кутузова о движении армии французов на Калугу. Главной удачей Дорохова и его отряда стал захват населенного пункта Верея, который был исключительно важен для французских войск.

Русские разведывательно-диверсионные отряды охотились и за французскими штабами, и за курьерами, которые осуществляли связь между воинскими частями наполеоновской армии. Захваченные в таких операциях документы позволяли получать ключи от зашифрованной переписки французских генералов и вскрывать их важные планы.

13 октября 1812 года, рано утром, Наполеон отправился верхом с конвоем и с генералами Раппом и Коленкурот осмотреть место



бывшего 12 октября под Малоярославцем сражения. Они не отъехали и версты от бивака своей гвардии, как увидели у деревни Городня выходящую из леса стройную колонну. Всадники ехали, равняясь в отделениях, начальники были впереди частей. Наполеон ехал спокойно. Он думал, что это идет французская конница. Но вдруг его спутники заметили, что колонны выстраивают фронт, разворачиваются по полю. Показались зловещие пики.

- «Государь! Это казаки!» В испуге воскликнул Коленкур.

- «Не может быть» — ответил Наполеон.

Казаки, между тем, уже неслись к дороге. Рапп схватил под уздцы лошадь Наполеона и насильно повернул ее назад.

- «Да это наши, — уверяю вас» — снова сказал Наполеон. Ему не верилось, что казаки могли быть в середине его войска, подле самого его императорского лагеря.

- «Это казаки! Медлить нельзя, государь!» — прокричал Рапп.

- «Точно, это они!»

Наполеон выхватил шпагу и помчался к лагерю, приказав своему конвою остановить казаков. Казаки разметали конвой, схватили бы и самого Наполеона, если бы атаман Платов не увидел стоящий в стороне артиллерийский парк и не направил свои полки на него. Казаки взяли 40 орудий гвардейской артиллерии.

Были еще два случая, когда император Франции лишь чудом спасся от плена.

За Бородинское сражение П. А. Чуйкевич был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Серьезно заболев, он был вынужден покинуть действующую армию.

Поправив здоровье, Чуйкевич сопровождал Барклая де Толли в Петербург и был назначен 10 января 1813 года управляющим «Особенной канцелярией при военном министре» и находился в этой должности до конца 1815 года. В 1813 году он был командирован на усмирении крестьянских бунтов под Новгородом, Арзамасом и Аст-

раханью, где получил ранение дробью в ногу.

29 ноября 1816 года полковник Чуйкевич вышел в отставку с мундиром. Спустя четыре года, 21 октября 1820, он вновь поступил на службу и был причислен к канцелярии Главного штаба. В 1821 году командирован «по особенному поручению» на международный конгресс в Лайбах (ныне Любляна). 12 декабря 1823 года Чуйкевич получил чин генерал-майора. Последняя должность, которую он занимал с 25 октября 1829 по 17 августа 1831 года, — начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Им были написаны «Рассуждения о войне 1812 г.» СПб., 1813; «Покушение Наполеона на Индию 1812 года» СПб., 1813; издание 2-е, под заглавием: «Затеи Наполеона в продолжение похода 1812 г. и проч.», СПб., 1814. ■



▲ Дорохов Иван Семенович



▲ Винцингероде Фердинанд Федорович





КОНЧИНА Н.Т. АНТОШКИНА

17 января после тяжелой болезни ушел из жизни советский и российский военный и государственный деятель, генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза Николай Тимофеевич Антошкин.





Антошкин Николай Тимофеевич родился 19 декабря 1942 года в мордовской деревне Кузьминовке Федоровского района Башкирской АССР в крестьянской семье. В 1960 году окончил среднюю школу, работал на ТЭЦ в городе Кумертау. В 1961 году призван в армию. В 1965 году окончил Оренбургское высшее военное Краснознаменное училище летчиков им. дважды Героя Советского Союза И.С. Полбина, в 1973 году — Военно-воздушную академию им. Ю.А. Гагарина, в 1983 — Военную академию Генерального штаба.

Проходил службу в авиационных частях Белорусского военного округа летчиком, старшим летчиком, командиром звена. Принимал участие в авиационном обеспечении войск в Чехословацких событиях в 1968 году. Был участником советско-китайского разлада на острове Даманский. В 1973 году — командир эскадрильи (Одесский военный округ). С 1975 года командир 87-го отдельного разведывательного авиационного полка ВВС Туркестанского военного округа. В 1976 году в районе космодрома Байконур он впервые в мире провел синхронную съемку Земли с космическим кораблем

«Союз-21». В 1979 году выполнял дальние разведывательные полеты над территорией Афганистана, полк не потерял ни одного человека, выполнив все задачи. В июле 1979 года он командир авиационного полка в Группе советских войск в Германии. В 1980-1981 годы заместитель командующего 20-й гвардейской армии. В 1983 году командующий авиацией Центральной группы советских войск в Чехословакии.

В 1985-1988 годах начальник штаба ВВС Киевского военного округа. В апреле 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. Авиация под командованием генерал-майора Антошкина с воздуха затушила пожар и закрыла его. Ежедневно от 2 до 5 раз, он лично вылетал в район аварии. За 10 суток получил дозу облучения более 600 рентген, потеряв 11 кг веса, продолжал руководить действиями сводной авиагруппы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года «За личный вклад в успешное проведение работ по ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции, устранение ее последствий и проявленные при этом мужество и героизм» Н.Т. Антошкину присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1988-1989 годы командующий ВВС Среднеазиатского военного округа. Авиация округа — летчики первыми приходили на помощь Спитаку, Леникану во время землетрясений. Н.Т. Антошкин участвовал в обеспечении запусков и приземлений космических кораблей и корабля многоцелевого применения Буран. С ноября 1989 по ноябрь 1993 года генерал-лейтенант Антошкин командующий ВВС Московского военного округа. Совместно со своими помощниками Н.Т. Антошкин создал пилотажную группу «Русские витязи», «Стрижи», «Небесные гусары». С декабря 1993 по март 1997 года командующий фронтовой авиацией ВВС. Участвовал в контртеррористических операциях на Северном Кавказе и Таджикистане. В ноябре 1997 года генерал-полковник авиации (с 1994 года) Антошкин назначен на должность заместителя главнокомандующего ВВС России по боевой подготовке.

За время службы в авиации летчик 1-го класса, «Заслуженный летчик России» Н.Т. Антошкин освоил 42 модификации самолетов и вертолетов СССР и других стран мира, в том числе МиГ-25, МиГ-29, Су-27, Мираж, Мустанг, F-18, F-16, «Торнадо». В ноябре 1998 года Н.Т. Антошкин уволился в запас.

Н.Т. Антошкин был доктором военных наук, профессором Международной академии наук, лауреатом премии Правительства РФ за значительный вклад в развитие ВВС России, он депутат Государственной Думы VI и VII созывов. Н.Т. Антошкин возглавлял правление Международной общественной организации «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы и Московской области».

Николай Тимофеевич Антошкин был летчиком, преданным небу всю жизнь, отзывчивый и настойчивый он всегда помогал тем, кому была необходима помощь и поддержка. Похоронен Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации Н.Т. Антошкин на Мемориальном кладбище Министерства обороны.





С.Г. ЧУЕВ

ПРЕДПРИЯТИЕ «ЦЕППЕЛИН»



В марте 1942 г. в РСХА был создан разведывательно-диверсионный орган «Предприятие «Цеппелин»». Основной задачей нового органа стала работа по дестабилизации советского тыла. Эту задачу пытались решить заброской подготовленной агентуры в тыловые районы СССР, имеющие важное оборонное и экономическое значение, а также в национальные республики, края и области для сбора информации политическом положении в стране, проведения анти-советской и националистической пропаганды, организации повстанческого движения, осуществления терактов над высшим партийным, советским и военным составом.

Немецкие разведорганы и их руководство, рассчитывали на активные мероприятия «Цеппелина», способные, по их мнению, дестабилизировать положение в тыловых районах воюющей страны. В своей деятельности «Цеппелин» руководствовался *«Планом действия по политическому разложению Советского Союза»*. Основные задачи были поставлены этим планом: «... Необходимо стремиться к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть созданы специальные отряды для действия, а именно:

- разведывательные группы — для сбора и передачи сведений из СССР;

- пропагандистские группы — для распространения социальной, национальной и религиозной пропаганды;
- повстанческие группы — для организации и проведения восстаний;
- диверсионные группы — для проведения политических диверсий и террора...»

В данном документе говорилось, что «Цеппелин» является органом ведения политической разведки и диверсионной работы в тылу у Советов.

Во время наступления немецких войск летом 1942 г. на Северном



Чув Сергей Геннадьевич, историк, специализирующийся в области II мировой войны. Родился в Москве в 1971 году. Окончил Московский государственный институт культуры по специальности «Библиография и библиотековедение» (1996), Университет Российской Академии Образования по специальности «Гражданское право. Юриспруденция» (2001). С 1993 по 2003 год служил в таможенных органах РФ, майор таможенной службы. Автор шести монографий (две в соавторстве), посвященных деятельности абвера, Главного управления имперской безопасности (РСХА) против СССР, коллаборационистских «Русской освободительной армии» (РОА), 29-й гренадерской дивизии СС «РОНА», «Украинскому легиону», «Туркестанскому легиону», «Белорусской краевой обороне», пронацистским диверсионным подразделениям и полиции. В монографии «Украинский легион» освещается деятельность украинских националистов против Российской империи, содержит свидетельства геноцида русского народа в Галиции и планомерного уничтожения всего русского на Западной Украине в первые десятилетия XX века. Особое место занимает сотрудничество украинских националистов с нацистской Германией. Подробно освещена деятельность «Украинской повстанческой армии» (УПА), 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина» и «Украинской национальной армии». Монография опирается на документы, хранящиеся в архивах ФСБ, в том числе на переписку немецкой администрации, свидетельства участников.

Кавказе «Цеппелином» были десантированы на территориях Армении, Грузии, Азербайджана и республик Северного Кавказа агенты, подготовленные Евпаторийской разведывательно-диверсионной школой. Им вменялось создание повстанческих отрядов, распространение паники в тыловых районах и ведение разведки и диверсий.

После начала советского наступления на Восточном фронте «Цепелин» активизировал мероприятия по организации сбора разведывательной информации и подготовке диверсионных актов.

Осенью 1944 г. органами СМЕРШ были ликвидированы диверсанты «Цепелина» Политов (Таврин) и Шилова. Диверсантам было поручено проведение диверсионно-террористического акта в отношении Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Для выполнения этого задания Политов (Таврин) был снабжен реактивным гранатометом скрытого ношения «Панцеркнакке» с комплектом броневой снарядов, а также различными образцами стрелкового оружия и специальными (в том числе отравленными) боеприпасами. Агенты были залегендированы под супругов. Таврин выдавал себя за орденосца Героя Советского Союза, майора Красной Армии, Шилова — младшего лейтенанта медицинской службы.

От редакции. Фашисты использовали настоящие боевые награды, принадлежавшие советскому генералу И. М. Шепетову: Звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, Красного Знамени. Шепетов Иван Михайлович командир 96-й Винницкой горнострелковой дивизии им. Я. Фабрициуса. В августе 1941 года после боев на территории Молдавии в районе станции Грейгово Николаевской области, дивизия попала в окружение, прорвала вражеское кольцо и вместе с другими частями 18-й армии вышла из окружения. Шепетову И. М. было присвоено звание Героя Советского Союза, а в октябре 1941 года он стал генерал-майором. В мае 1942 года генерал-майор Шепетов попал в окружение под Харьковом. Пленен раненым, помещен в концлагерь СС Флоссенбург. Отказался сотрудничать с фашистами. В мае 1943 года убит при попытке побега.

Немецкое руководство, делало свою ставку на разжигание сепаратистских настроений внутри многонационального СССР. При этом особое внимание уделялось созданию и поддержке уже существовавших национальных движений. Все их совместные усилия были направлены на раскол Советского Союза на национальные образования и организацию марионеточных государств под протекторатом «Ты-

сячетлетнего Рейха». Преследуя эти цели, РСХА и Восточным министерством в 1941–1942 годы был создан ряд национальных комитетов, представляющих собой национальные правительства в изгнании. Так, были созданы грузинский, армянский, азербайджанский, туркестанский, северо-кавказский, волжско-татарский и калмыцкий национальные комитеты. Перед ними была поставлена задача по привлечению и организации работы среди национальных кадров из числа эмигрантов, перебежчиков и военнопленных. «Внутренности» этих национальных комитетов были пронизаны агентурой различных немецких спецслужб. Члены этих комитетов использовались для ведения национальной пропаганды среди военнопленных подбора из их среды потенциальных разведчиков и диверсантов для последующей заброски в советский тыл. Национальные комитеты также играли важную роль в создании разнообразных «туземных» формирований немецких вооруженных сил, подготовке кадров для работы в будущих государствах после немецкой победы. Так, «Цепелином» был создан «Туркестанский Национальный Комитет» (ТНК), члены которого принимали участие в подборе кадров и создании специального органа «Арбайтсгемайншафт «Туркестан»» (АТ), представлявшего собой «теплицу» для выращивания





▲ Калмыцкий легион

национальных кадров для будущего «Великого Туркестана». АТ возглавлял кадровый сотрудник немецкой разведки, специалист по восточной проблематике, штурмбанфюрер СС доктор Ольцша Райнер.

Во время краткого периода немецкой оккупации части территории Северного Кавказа немцами при активном содействии членов «Северо-Кавказского национального комитета» в некоторых районах Кабарды и Карачая были созданы органы местного самоуправления из числа антисоветски настроенных жителей.

Национальные комитеты возглавляли:

Грузинский — Кедия Михаил Микиевич и Габлиани Гиви Игнатьевич;

Армянский — Абемян Арташес, он же Багдасарян, он же Симонян, он же Саркисян Тигран и Саркисян Вардан Михайлович;

Азербайджанский — Фаталибеков, он же Фатали-бейли, он же Дудангинский Або Алиевич и Исрафил-Бей, он же Исрафилов Магомед Наби-Оглы;

Туркестанский — Вали Каюмхан, он же Каюмов Вали, Хаитов Бай-

мирза, он же Гаити-Оглы Баймирза и Канатбаев Карис Кусаевич;

Северо-Кавказский — Магомаев Ахмед-Наби Идрисович и Кентемиров Алихан Гадоевич;

Волжско-татарский — Шафеев Абдурахман Габидуллоевич, он же Шафи Алмас и Алкаев Шакир Ибрагимович;

Калмыцкий — Балинов Шамба Хачинович.

В конце 1942 г. в Берлине под опекой отдела пропаганды ОКБ, Абвера и РСХА был создан «Русский Комитет» во главе с бывшим советским генерал-лейтенантом А. А. Власовым. В ноябре 1944 г. по инициативе рейхсфюрера СС Гимmlера был создан «**Комитет по Освобождению Народов России**» (КОНР). Им была провозглашена цель антисоветской борьбы — создание в будущей России нового национального государства. Комитету было разрешено создать собственные вооруженные силы, основой которых должны были стать подразделения и части «Русской Освободительной Армии» и иных русских добровольческих формирований.

«Предприятие «Цепелин»» с момента его создания и до окончания

войны вело свою работу в тесном контакте с органами Абвера, ОКБ и Восточным министерством. «Цепелин» был подчинен VI управлению РСХА и в качестве реферата бЦ входил в отдел бЦ, отвечавший за проведение разведывательных мероприятий в СССР и странах Ближнего Востока.

Главным руководящим звеном «Цепелина» являлся «Руководящий штаб», который до весны 1943 г. находился в Берлине в здании 6-го управления Имперской безопасности в районе Грюневальд, по адресу Беркаерштрассе, д. 32/35, затем в районе Ваннзее, Потсдамерштрассе, д. 29.

Первоначальным руководителем органа был штандартенфюрер СС Курек, после него штандартенфюрер СС Редер. В конце 1942 г. «Цепелин» объединился с рефератом бЦ, и его возглавил оберштурмбанфюрер СС доктор Хайнц Грейфе. В январе 1943 г., после гибели Грейфе в авткатастрофе, «Цепелин» возглавил штандартенфюрер СС доктор Хенгельгаупт в начале 1945 г. — оберштурмбанфюрер Рапп.

Руководящий штаб состоял из аппарата начальника органа и трех отделов, разделенных на подотделы:



- отдел III — отвечал за комплектование и оперативное руководство низовыми органами и снабжением агентуры техническими средствами и снаряжением, имел 5 подотделов;
- отдел Ц2 — отвечал за обучение агентуры, имел в своем составе 4 подотдела: подотдел Ц2А — подбор и обучение русской агентуры, Ц2Б — то же, из казаков, Ц2Ц — то же из уроженцев Кавказа и Закавказья, Ц2Д — то же из уроженцев Средней Азии;
- отдел Ц3 — обрабатывал материалы о деятельности особых лагерей «Цеппелина», фронтовых команд и агентуры, переброшенной в советский тыл.

В начале 1945 г. штаб вместе с VI управлением РСХА был эвакуирован в южные районы Германии. Большинство руководителей органа после окончания военных действий оказалось в западной оккупационной зоне.

ФРОНТОВЫЕ КОМАНДЫ «ЦЕППЕЛИНА»

ОСОБАЯ КОМАНДА ПРИ АЙНЗАТЦГРУППЕ А

Сформирована в апреле 1942 г. и придана айнзатцгруппе А полиции безопасности и СД на северном участке Восточного фронта.

Начальниками органа последовательно были гауптштурмфюреры СС Фендлер, Курмис Мартин, Кочубей Аркадий Петрович.

Штаб команды дислоцировался в Гатчине (Ленинградская область). В зону ответственности команды входили северные районы БССР, Калининской области РСФСР и другие районы Северной России вплоть до Финляндии. Главное внимание в работе особой командой уделялось основной цели германских войск на данном участке фронта — Ленинграду.

Группа вела в небольших масштабах подготовку агентуры. В апреле 1943 г. вся подготовленная командой

агентура была направлена в особый приемно-распределительный лагерь в м. Замберг (Нижняя Силезия). В июне 1943 г. команда была расформирована, на ее базе создана «Ауссенкоманда-1» с прежними функциями.

ОСОБАЯ КОМАНДА ПРИ АЙНЗАТЦГРУППЕ Б

Сформирована в марте 1942 г. в Смоленске. Начальниками команды последовательно были: гауптштурмфюрер СС Битц, оберштурмфюрер СС Мендвик, затем гауптштурмфюрер СС Закут.

В обязанности подразделения входило:

- установление связи со всеми военными институтами центрального участка Восточного фронта;
- привлечение всех подразделений айнзатцгрупп к сотрудничеству с «Цеппелином», в свете поставленных командованием задач;
- добывание различных разведсведений, документов, одежды и обмундирования.

Команда готовила и перебрасывала агентуру в ближние тылы советских войск, вела опрос военнопленных и отбор из их числа лиц,

полезных для «Цеппелина», создавала приемные лагеря для первичного содержания, отбора и проверки военнопленных, организовывала переправочные пункты для агентуры, подготовленной командой к заброске в тыл советских войск, и для агентуры, прибывавшей из разведшкол «Цеппелина». Для подготовки агентуры использовались лица, окончившие школы в местечке Яблонь близ Люблина.

Центральный переправочный пункт команды и приемный лагерь находились в совхозе Высокое в 12 км от Смоленска. К апрелю 1942 г. в лагере находились 25 человек, большая часть агентуры выбыла для специального обучения в особые лагеря, оставшиеся проходили подготовку на месте. Из лагеря подготовленная агентура вывозилась на Смоленский аэродром и самолетами забрасывалась под Москву и другие районы РСФСР.

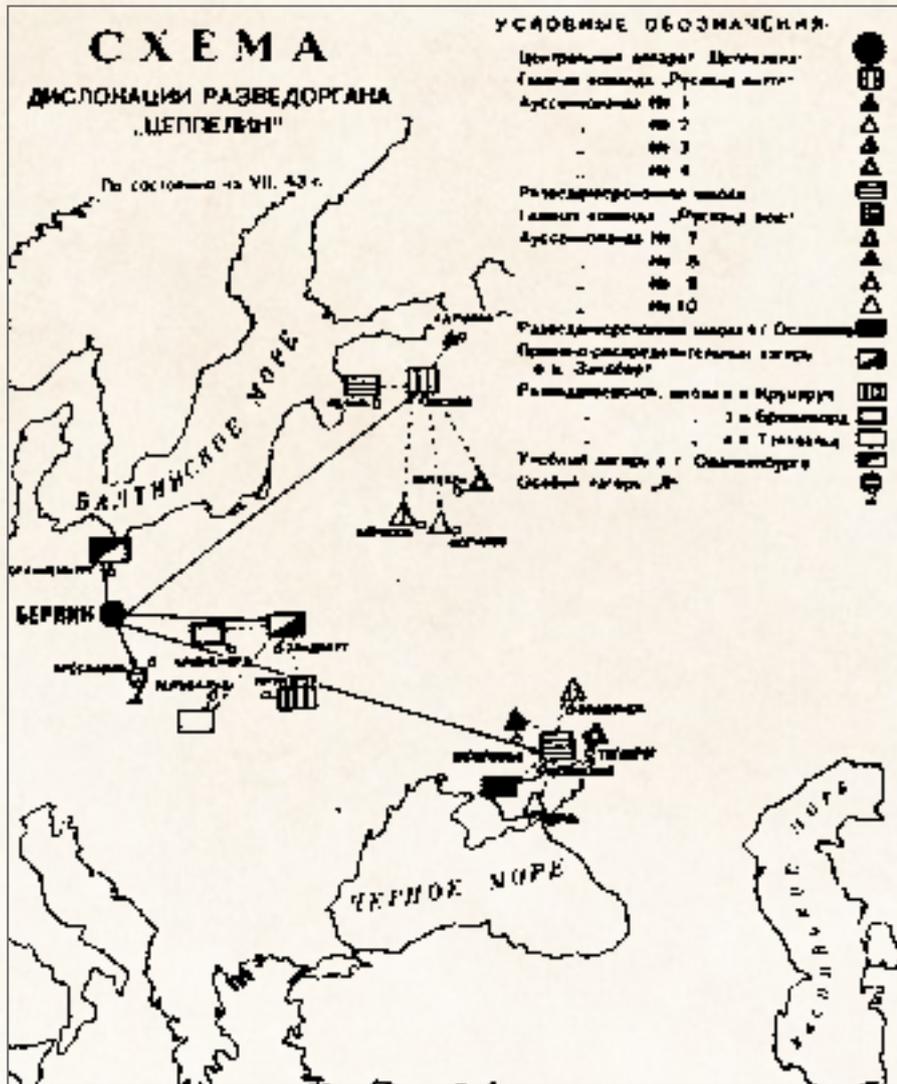
Примерно с апреля по август 1942 г. в г. Сычевке (Смоленская обл.) действовал второй приемный лагерь команды совместно с особой командой 7А оперативной группы «Д».

Весной 1943 г. особая команда расформирована, часть личного состава передана главной команде «Россия-Север».



▲ Отто Клаус и агент Таврин





▲ Схема дислокации разведоргана Цеппелин

ОСОБАЯ КОМАНДА ПРИ АЙНЗАТЦГРУППЕ Ц

С мая 1942 г. размещалась в Киеве, в декабре 1942 г. — в Харькове. Начальник — штандартенфюрер СС Герхард Глонц.

ОСОБАЯ КОМАНДА ПРИ АЙНЗАТЦГРУППЕ Д

Сформирована и направлена на Восточный фронт весной 1942 г. С апреля 1942 г. размещалась в Симферополе, придана айнзатцгруппе Д полиции безопасности и СД.

Начальниками органа последовательно были штурмбанфюрер СС Курек Вальтер, оберштурмфюрер СС Рейсе Гельмут, штурмбанфюрер СС Редер Рольф, гауптштурмфюрер СС

Феннер Хайнц, оберштурмфюрер СС Дресслер.

Характер деятельности аналогичен упоминавшимся выше органам «Цеппелина», но, в отличие от них, в больших масштабах готовила агентуру в разведывательно-диверсионной школе «Главный лагерь «Крым»». Основным источником для вербовки агентуры служили лагеря для военнопленных в Симферополе и всего Крыма в целом. Отобранная агентура переводилась из лагеря в команду и короткое время содержалась в ней, затем направлялась в сборный лагерь в м. Бухенвальд, иногда в г. Аушвиц, где располагался предварительный лагерь «Цеппелина». Некоторых завербованных из лагеря для военнопленных направляли сра-

зу в Евпаторию для обучения в спецшколе. В городах Георгиевске, Пятигорске и других, команда направляла небольшие группы из 1–3 эсэсовцев и агентов для отбора потенциальной агентуры.

Переброска агентуры в советский тыл производилась самолетами «Авиаэскадрильи-200» капитана Гартенфельда с аэродрома близ м. Саки.

В период немецкого летнего наступления 1942 г. командой была произведена массовая заброска агентуры на территорию Северного Кавказа и Закавказья. Заброска производилась под личным патронажем начальника «Цеппелина» штурмбанфюрера СС Курека. Из Ставрополя заброска агентов производилась силами самой команды пешим порядком, а также через переправочные пункты АК-101. В январе 1943 г. личный состав команды и вся агентура (150 агентов, прибывших из особого лагеря Аушвиц) пешим порядком двинулась из Ставрополя по маршруту Армавир-Краснодар. Часть агентов по пути разбежалась.

По маршруту следования команды на Запад, команда останавливалась в Таганроге и близ Мелитополя.

В мае 1943 г. особая команда была расформирована, 50 человек влились в главную команду «Россия-Юг».

ГЛАВНАЯ КОМАНДА «ЦЕППЕЛИНА» «РОССИЯ-ЦЕНТР»

Главная команда «Русланд-Мите» (Россия-Центр) была создана в начале 1943 г. в г. Волау (Верхняя Силезия). Официальное наименование «СС гаупткомандо Русланд-Митте Унтернемен «Цеппелин»». С августа 1943 г. именовалась «Русланд-Норд» (Россия-Север). Начальником до августа 1943 г. был штурмбанфюрер СС Шиндовский, затем штандартенфюрер СС Краус.

Зона действия гаупткоманды — от северной Украины до побережья Белого моря, включая территории Белоруссии и Прибалтики.

Штаб главной команды осуществлял общее руководство и координацию деятельности, состоял из следующих отделов:



Отдел А занимался подготовкой, комплектованием и переброской разведывательно-диверсионных групп. В подчинении отдела находились предварительный лагерь, истребительная команда, разведывательно-диверсионная школа (ваффеншулле) в м. Печки, радиостанция (организована в мае 1944 г.) и пропагандистская группа.

Отдел Б ведал хозяйственным обеспечением команды.

Отдел Ц осуществлял сбор информации о военно-политическом и экономическом состоянии СССР, подбором агентов для команды.

Отдел БФ изготовлял фиктивные документы для забрасываемой агентуры. Включал в себя также фотолaborаторию и небольшую типографию.

Специальная воинская часть «1-я ударная бригада» (известна так же как «1-я Гвардейская бригада (батальон) РОА»), затем была переименована в ядкоманду-113. Использовалась как место предварительной проверки отобранной агентуры в боях против партизан.

Ауссенкоманды вели сбор военно-политической информации, документов и полезного имущества. Штаб такой команды состоял из 1 офицера СС, 1–2 унтер-офицеров, переводчика и 4–6 агентов главной команды. Для каждой ауссенкоманды была отведена своя зона ответственности.

Ауссенкоманда-1. Начальник — унтерштурмфюрер СС Грефе. С июля до конца 1943 г. дислоцировалась в Гатчине, затем в Прибалтике (города Ваге и Раквере).

Ауссенкоманда-2. Начальник — штурмфюрер СС Лист. Дислоцировалась в Могилеве, с декабря 1943 г. — в Даугавпилсе, с августа 1944 г. — в Риге, в сентябре того же года — в Лиепае.

Ауссенкоманда-3. Начальник — штурмфюрер СС Битц. В начале 1943 г. размещалась в Брянске, затем в Борисове, в 1944 г. объединилась с ауссенкомандой-2.

Ауссенкоманда-4. Начальник — унтерштурмфюрер СС Раш. В середине 1944 г. дислоцировалась в Витебске, затем в районах Невеля и Великих Лук.

После формирования главная команда прибыла на территорию Белоруссии, где до апреля 1943 г. располагалась в м. Лужки Плисского района Полоцкой области, затем переехала в г. Глубокое той же области вместе с ваффеншулле, перебравшейся из м. Яблонь.

В мае 1943 г. главная команда переехала под Псков, штаб и службы располагались в дер. Стремутки и Крышево, затем, по мере постройки бараков на берегу р. Великой, переехали в город. В Стремутках осталась «Ударная бригада». В м. Пронежицке был создан предварительный лагерь, в м. Печки разместилась ваффеншулле, в д. Холахальня — лагерь для подготовленной и ожидавшей переброски агентуры. Переброска агентуры в советский тыл производилась самолетами с Псковского аэродрома.

Руководством главной команды был разработан план по заброске воздушным путем на территорию Вологодской области типографии для печатания подпольной антисоветской газеты. Ее редактором и издателем стал бы некто Филистинский —



▲ Белорусские эсэсовцы





редактор рижской русской газеты «Новое Слово», выходявшей во время оккупации. Типографию предполагалось разместить в одной из глухих деревень Вологодчины, в районе действия ранее выброшенной радиодиверсионной разведгруппы под руководством Семенова Гордея.

Проект не был осуществлен в связи с нехваткой самолетов.

В рамках операции «Волжский Вал» командой были подготовлены к заброске в глубокий советский тыл для ведения диверсионной деятельности 4 специальные группы, численностью свыше 100 человек каждая. Их выброску планировалось провести в районах рек Волги и Камы для одновременного подрыва мостов железнодорожного сообщения между европейской частью СССР и Уралом.

1-ю группу возглавлял бывший летчик Гражданского Воздушного флота СССР Кравец Георгий. В 1933 г. он перелетел на самолете в Латвию и с начала войны использовался немецкой разведкой. Его группа готовилась к заброске с задачей совершения крупных диверсионных актов

на промышленных объектах г. Молотова.

2-ю группу (свыше 100 человек) возглавлял некто Кин, из казаков. Он добровольно перешел на сторону немцев и зарекомендовал себя в карательных акциях против партизан и подполья. Группа предназначалась для заброски в районы Волги и Камы.

3-ю группу (свыше 100 человек) возглавлял Рутченко (Рутыч) Н.Н. До войны он преподавал историю в одном из ленинградских вузов, во время войны, под Ленинградом добровольно перешел на сторону немцев и возглавил антипартизанский отряд.

4-ю группу (более 200 человек) возглавлял бывший капитан РККА Мартыновский. После пленения Мартыновский активно сотрудничал с немецкими разведорганами и участвовал в антипартизанских операциях. Был награжден тремя Железными крестами. Его группа готовилась к высадке в районе Астрахани. Впоследствии часть личного состава группы вошла в структуру Истребительного соединения войск СС.

Руководство всеми перечисленными группами после их приземления должен был осуществлять бывший полковник РККА Леман.

В марте 1944 г. главная команда передислоцировалась из Пскова в м. Ассари, в 30 км от Риги. В мае 1944 г. команда прибыла в Латвию, в конце 1944 г. начата эвакуацию в Германию и в Клайпеде попала под налет советской авиации, при котором погибли радиостанция, имущество и часть личного состава. Остатки команды прибыли в курортное местечко Кальбинг на косе Фришенерунг (Восточная Пруссия) и заняли помещение отеля «Кайзер Хофф». В ноябре 1944 г. команда прибыла в г. Попель (Чехословакия). От команды отделился отдел бФ и прибыл в м. Освитц близ Бреславы (Восточная Пруссия).

Весной 1945 г. в г. Штольпе из личного состава команды и других органов «Цеппелина» была сформирована главная команда «Вайксель» (Висла). Команда действовала до окончания войны, засылая агентов-диверсантов и оставляя на оседание террористические группы в Северной Германии.





▲ Азербайджанский легион СС

ГЛАВНАЯ КОМАНДА «ЦЕППЕЛИНА» «РОССИЯ- ЮГ»

Формировалась в Восточной Пруссии (г. Бреславль) и в Крыму (Симферополь и Симеиз) в марте-апреле 1943 г. Официальное наименование «СС гаупткомандо «Русланд-Зюд»». Зона ответственности — от Северной Украины до побережья Черного моря.

Начальник — оберштурмфюрер СС Гунн.

Команда занималась вербовкой, подготовкой и переброской разведывательно-диверсионной агентуры, организацией повстанческого движения на Северном Кавказе, Закавказье и Средней Азии, проводила сбор информации о военно-политическом и экономическом положении в СССР.

Структура органа была аналогична «Русланд-Митте». Отличие состояло в методике отбора агентуры — особое внимание уделялось вербовке уроженцев Средней Азии, Кавказа и Закавказья.

Команда также располагала своей школой, состоящей из двух отделений: *кавказское* и *туркестанское*. Ваффеншулле была организована на базе разведывательно-диверсионных школ в Евпатории и в м. Освитц (Верхняя Силезия). Команда имела в своем распоряжении две «туземные» роты СС — кавказскую и туркестанскую, созданных на базе личного состава ликвидированных предварительных лагерей в Аушвице и Воломине (Польша). В апреле 1943 г. роты находились в г. Осипенко. Впоследствии кавказская рота размещалась в д. Новоспасовке, туркестанская — в г. Ногайске, затем в с. Новониколаевка Таганрогского района. Оба подразделения вели борьбу с партизанами и советскими разведчиками на побережье Азовского моря и находились в подчинении командования 111-й пехотной дивизии. Наиболее отличившиеся военнослужащие рот, проявившие себя перед немцами, переводились в ваффеншулле и после подготовки перебрасывались в советский тыл.

Заброска агентуры производилась самолетами с аэродромов г. Осипенко и Мариуполя. Десантники забрасывались в районы Кавказа, Закавказья, Средней Азии и низовья Волги.

В состав команды входили несколько ауссенкоманд (7-10) со своими районами действия.

Осенью 1943 г. команда и ее службы были выведены из Осипенко в Германию.

В сентябре 1944 г. ваффеншулле вышла из подчинения главной команды, ее личный состав прибыл в приемно-распределительный лагерь в Замберге, где был распределен между имевшимися там кавказскими и туркестанскими отрядами.

Роты СС отступали вместе с немецкими частями по маршруту Херсон-Николаев-Первомайск, участвуя в арьергардных боях с передовыми частями Красной Армии. В конце 1943 г. остатки рот прибыли в м. Замберг и были распределены по соответствующим отделениям.

Летом 1944 г. главная команда «Русланд-Зюд» разделилась на две самостоятельные группы:





Главная ауссенкоманда «Россия-Север» — начальник оберштурмфюрер СС Дрекслер. До весны 1945 г. пребывала во Львове, затем в Кракове.

Главная ауссенкоманда «Украина-Юг» — начальник оберштурмфюрер СС Брумерло. Дислоцировалась в Граце (Австрия), затем выбыла в Чехословакию.

Обе ауссенкоманды не имели возможностей по подготовке агентуры и получали ее из Зандберского и других особых лагерей «Цеппелина». Агентура вербовалась в тот период главным образом из местного населения — поляков, украинцев, югославов и из белоэмигрантской среды. Обе команды поддерживали связь с формированиями ОУН.

В апреле 1945 г. на территории Югославии обе ауссенкоманды вновь объединились.

ПОДГОТОВКА АГЕНТУРЫ «ЦЕППЕЛИНА»

Агентура «Цеппелина» предназначалась в основном для ведения провокационно-разложеческой

деятельности среди населения неоккупированных районов СССР. На стадии подготовки агенты подвергались усиленной обработке немецких пропагандистов.

Вербовка агентуры производилась из числа специально отобранных в лагерях для советских военнопленных лиц, попавших под репрессивную машину советского режима, а также среди уголовного элемента.

Отобранные из лагерей лица переводились в специально созданные «Цеппелином» лагеря для последующей углубленной проверки и обучения. После прибытия в лагерь каждый завербованный именовался «активистом». До мая 1943 г. в особых лагерях проводилась тройная фильтрация каждого такого активиста. После их прибытия в специальные сборные пункты лагеря активисты, непригодные для разведывательно-диверсионной деятельности и не внушавшие доверия, после проверки возвращались в лагерь для военнопленных либо выбывали на работу в Германию. Оставшиеся переводились в особые предварительные лагеря

(форлагеря), где их регистрировали, выдавали обмундирование (чаще всего униформу солдат чехословацкой армии) и документы. Последние представляли собой «Удостоверения личности активиста». После этих процедур активисты принимали присягу на верность Германии.

В форлагерях активисты были разбиты на группы по национальному признаку: русские, кавказцы и уроженцы Средней Азии. Группы размещались в отдельных бараках.

В форлагерях велась усиленная обработка неопитов в антисоветском духе. Активистам устраивались экскурсии в города Германии и на образцовые сельские хозяйства. Все время продолжалась проверка агентов на преданность. Специальные дисциплины в лагере не преподавались, только радисты начинали обучаться радиоделу.

В форлагерях активно действовали представители антисоветских организаций.

Непригодные для дальнейшего использования на фронтах тайной войны отсеивались, и их переводили



▲ Туркменский легион





в воинские формирования «Цеппелина», поручали вести агитацию среди «остарбайтеров» и на оккупированной советской территории.

После тщательной фильтрации наиболее проявившие себя агенты направлялись в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина» — гауптлагеря. В них агенты получали квалификацию разведчиков, радистов, диверсантов, пропагандистов либо овладевали сразу двумя такими специальностями. В гауптлагерях на первом месте стояла специальная подготовка, пропагандистское воздействие при этом отступало на второй план.

В целях конспирации агенты жили и обучались отдельно. После окончания курса подготовки формировались агентурные группы, их участники легендировались и направлялись на переправочные пункты, где уточнялись детали предстоящей переброски и заданий.

С 1943 г. порядок тройной фильтрации был отменен, а процесс обучения претерпел изменения. Главные команды сами занимались подготовкой агентуры из числа военнопленных, отобранных ауссен-командами. Последние сразу на-

правлялись в форлагеря главных команд на 2-3-недельный карантин, где подвергались промыванию мозгов, проверке и проходили военную подготовку. Из форлагеря рекруты направлялись в подразделения СС при главных командах, где в течение месяца принимали активное участие в карательных акциях. Проверка кандидатов также не прерывалась ни на минуту. После карательных подразделений агенты направлялись в ваффеншулле, подчиненные главным командам и организованные на базе гауптлагерей. Кадры диверсантов и боевиков-террористов комплектовались отчаянными и проверенными на деле (т. е. повязанными с немцами кровью) головорезами. При комплектовании группы напарников для последующей заброски в тыл в нее включался старший — радист, который постоянно вел наблюдение за остальными членами своей группы. Наиболее перспективные агенты с высшим и средним образованием направлялись в Германию, где еще раз проверялись и фильтровались в специально созданных для этого проверочно-фильтрационных лагерях, созданных в начале 1943 г. К 1944 г. эта система

также видоизменилась и «Цеппелин» совместно с другими подразделениями РСХА стал готовить агентуру не только на конкретный отрезок времени, но и на будущее.

В Дрездене была создана высшая разведшкола под наименованием «Арбайтсгемайншафт «Туркестан»», в котором готовили кадры из числа уроженцев советских республик Средней Азии. При этом немцы полагали, что при благоприятном для них исходе военной кампании на Востоке питомцы «АТ «Туркестан»» займут руководящие посты в марионетных государствах под протекторатом Рейха.

Осенью 1943 г. особые лагеря при главной команде «Цеппелина» на южном направлении были передислоцированы в район г. Бреславля и уже оттуда направили подготовленную агентуру главному штабу.

Осенью 1944 г. главная команда «Цеппелина» на северном участке Восточного фронта также передислоцировалась в Германию. Подготовка агентов была перенесена в г. Егер (Богемия), а также в города Мариенбад, Попель и др. Здесь были сосредоточены все особые лагеря, залегендированные в качестве «Лагерей





подготовки военных кадров РОА». На новом месте в ускоренном темпе готовились небольшие диверсионно-террористические группы. Аналогичные группы из уроженцев Прибалтики были подготовлены на северном участке фронта и переброшены в советский тыл.

Помимо массовой подготовки агентуры «Цеппелин» готовил агентов-одиночек для выполнения особых заданий.

На курсах обучения агентам преподавались подрывное дело, методы агентурной и разведывательной работы, формы связи, методика вербовки и использования профашистской агитации, создания диверси-

онных групп, практическая стрельба из личного оружия и метание гранат. Слушателей знакомили с топографией и учили пользоваться компасом и картой. При обучении подрывному делу агентов учили предотвращению уничтожения заминированного объекта, знакомили с действием мины, закамуфлированной под противогаз. Коробка такого противогаза содержала взрывчатку и автоматический взрыватель. Такую мину преподаватели рекомендовали оставлять в помещении, где проходят собрания и митинги.

За две недели до окончания обучения агентов разбивали на группы, члены которых хорошо знали

друг друга. В составе группы обычно насчитывалось 2–3 или 4–6 агентов. Готовая к действиям группа именовалась «активной». Каждой такой ячейке придавался радист с приемопередающей станцией. Перед самой заброской агенты получали советскую военную униформу, документы, деньги, взрывчатку, оружие и гранаты. Фиктивные документы изготавливались по желанию самого агента на его настоящие или вымышленные имя и фамилию. Обычно агенты получали солдатские книжки или офицерские удостоверения, свидетельство о болезни, проездные документы, а также чистые бланки с проставленными на них оттисками печатей.

Активные группы, заброшенные в советский тыл, получали задание поддерживать связь между собой посредством специально выделенных связных. Связные также были обязаны поддерживать связь между группой и отдельно заброшенным от нее радистом. При заброске от некоторых агентов немцы отбирали списки родных и родственников, проживающих на не оккупированной территории. Агентам поручалось агитировать и вербовать своих родственников. Особое внимание уделялось конспирации агентуры. Руководящие работники гауптлагерей беседовали с каждым агентом отдельно, после чего их инструктировали по сути предстоящего задания. Для возвращения через линию фронта агентам давали пароль «1Ц СД». Всем немецким подразделениям было дано указание немедленно доставлять лиц с таким или аналогичным паролями в СД, откуда немедленно они доставлялись в ближайшую команду «Цеппелина». Агенты из Евпаторийского лагеря (кавказцы) при выходе из советской зоны называли присвоенный им номер и букву «К» (Кавказ), например: «К-67». Руководящий состав лагерей состоял исключительно из немцев — кадровых сотрудников СД, белоэмигрантов и перебежчиков.

Весной 1945 г. в целях сохранения своей агентуры «Цеппелин» направил их в формирующиеся части РОА и другие части Вермахта.



▲ Тренировка





▲ Диверсанты

ОСОБЫЕ ЛАГЕРЯ «ЦЕППЕЛИНА»

ОСОБЫЙ СБОРНЫЙ ЛАГЕРЬ В М. БУХЕНВАЛЬД

Был создан в марте 1942 г. на территории одноименного концентрационного лагеря близ г. Веймар (Тюрингия). Известен также как «Приемный лагерь» (Ауффанглагерь «Б») или «Лагерь военнопленных в г. Веймар».

Начальниками органа были: гауптштурмфюрер Грюнвальд Якоб, штурмбанфюрер СС Шенеман.

Начальный этап подготовки агентуры в лагере включал в себя двухмесячный медицинский и политический карантин, сортировку и агентурную проверку всего личного состава. В данном лагере агентура освобождалась от тяжелых физических работ и посвящала свое время изучению военного дела и занятиям спортом. Для обучавшихся проводились доклады на различные темы и сообщения о международном положении.

Лагерь представлял собой несколько барачков, обнесенных колючей проволокой и отделенных от остальной территории концентрационного лагеря. Все курсанты лагеря были сведены в 5 рот, командиры назначались из числа обучавшихся. Вся агентура была разделена по национальному признаку, и группы различались по цифрам и буквам:

1А и 1Б — *радивисты, русские*; 4А и 4Б — *уроженцы Кавказа*; 5А и 5Б — *уроженцы Средней Азии*; 7А — *русские агенты*; 7Б — *смешанная*.

В группы с литерой «А» зачислялись агенты, намеченные к работе в контрразведке или диверсионной деятельности. В группы «Б» входили лица, предназначавшиеся для службы в национальных формированиях и карательных отрядах. Еще одно значение литер означало: «А» — активисты, «Б» — боевики. Зачисление агентов в группы происходило вне зависимости от того, в каком взводе был агент. В 7-ю группу зачислялись агенты, не внушавшие доверия и, как следствие, не нужные «Цеппелину».

Впоследствии эти лица возвращались в лагерь для военнопленных или шли работать в промышленность Германии. Оставшиеся активисты из групп А раздельно переводились с учетом национальности в фильтрационные лагеря. Агенты из группы Б направлялись в особые лагеря на формирование туземных воинских подразделений и частей.

В руководстве лагеря находились сотрудники «Цеппелина» и офицеры СС, всю практическую работу вел штаб лагеря, состоявший из бывших советских офицеров.

В декабре 1942 г., после реорганизации «Цеппелина» лагерь был объединен с приемно-распределительным лагерем в м. Замберг.

ОСОБЫЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ В М. ЗАКСЕНХАУЗЕН

Был создан для русских активистов на территории одноименного концентрационного лагеря. Основная задача лагеря — фильтрация





▲ Работа на ключе

русской агентуры, предназначавшейся в дальнейшем для работы в советском тылу.

Начальниками органа были оберштурмфюрер СС Шнейдер, затем Кочубей А. П.

В этот форлагерь попадали советские военнопленные из Бухенвальдского сборного лагеря и напрямую из общих лагерей военнопленных. Режим в форлагере был аналогичен режиму сборных лагерей. Все обучавшиеся были разделены на взводы и роты, отдельно обучались радисты и политические агитаторы. В 1-й роте проходили обучение и фильтрацию будущие разведчики и диверсанты, во 2-й — агенты-радисты. В связи с недостатком радиооборудования радисты проходили обучение в Заксенхаузене, куда направлялись из предварительного лагеря. Они занимались ежедневно по 4 часа, изучая международный радиокод, тренировались передавать на ключе буквенный и цифровой тексты.

В политической группе агентам преподавались политическая и строевая подготовка по 4 часа

в день, остальное время в обеих группах было отведено на экскурсии и политическую подготовку. После окончания фильтрации всех русских переводили в зондерлагерь в м. Яблонь (Польша). Непригодные для дальнейшего использования агенты направлялись в воинские формирования — «Дружины», которые формировались в зондерлагерях в Парчеве и Гайдове (Польша).

С марта по август 1942 г. в зондерлагере Освитц существовал филиал предварительного лагеря в Заксенхаузене для подготовки официальных работников «Цеппелина» из числа коллаборационистов. В августе 1942 г. территория лагеря была освобождена для размещения в нем гауптлагеря для подготовки агентов, уроженцев Средней Азии. Филиал передислоцировался в г. Волау, где разместился в казармах бывшей школы унтер-офицерского состава. В октябре того же года в казармы прибыл весь личный состав зондерлагеря из Заксенхаузена. В конце 1942 г. весь орган перебрался в Бреславль, где расположился в помещении бывшего ресторана.

В марте 1943 г. предварительный лагерь в Бреслау был закрыт, а его личный состав переведен в м. Замберг для пополнения создаваемого там приемно-распределительного лагеря. Часть личного состава выбыла в распоряжение главной команды «Руссланд-Митте» для создания при ней предварительного лагеря.

ОСОБЫЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ В Г. АУШВИТЦ

Был организован в марте 1942 г. для агентов, уроженцев Кавказа на территории концлагеря в Биркенау. Известен как «СС зондерлагерь Аушвиц, зондеркоманды Z» или «Лагерь кавказских активистов». Основное назначение — дальнейшая фильтрация и обучение агентов-кавказцев.

Начальниками органа были гауптштурмфюрер Курмис и Гунн.

В данный лагерь помещались все уроженцы Кавказа, прошедшие фильтрацию в Бухенвальде, иногда поступали напрямую из лагерей военнопленных. Так, группа активистов



из Симферопольского лагеря военнопленных поступила сюда летом 1942 г. Всего в лагере находилось до 200 активистов, разделенных на 5 взводов. Каждый взвод был укомплектован лицами, одной национальности:

1-й — *грузины*, 2-й — *армяне*, 3-й — *азербайджанцы*, 4-й — *агенты иных национальностей Кавказа и Закавказья*. 5-й — *радисты*. Они, в отличие от остальных, здесь начинали обучение радиоделу. Радиовзвод был создан в сентябре 1942 г., но из-за отсутствия радиоаппаратуры направлялся в предварительный лагерь Заксенхаузен для обучения.

Распорядок дня в Аушвице соответствовал вышеупомянутому русскому лагерю. Отличие состояло в постоянной и усиленной антирусской пропаганде, которую вели преподаватели — участники различных националистических организаций и сотрудники «Цеппелина».

После 2-3-месячной подготовки все активисты, пригодные для дальнейшего использования, переводились в Евпаторию в кавказский

гауптлагерь для основного обучения. Агенты, не внушавшие доверия, направлялись в Варшаву, где зачислялись на службу в национальные легионы.

В апреле 1942 г. форлагерь был переведен в г. Аушвиц, в конце апреля 1943 г. был расформирован. При этом все непригодные агенты были отправлены в национальные легионы, формировавшиеся в м. Весола и Пулава (Польша). Наиболее пригодные для службы были направлены в м. Симеиз (Крым) на формирование главной команды «Русланд-Зюд». По прибытию в Крым часть агентов пошла на укомплектование ваффеншулле, другая часть — в кавказскую роту СС.

ОСОБЫЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ В М. ЛЕГИОНОВО

Был организован весной 1942 г. в м. Легионово близ Варшавы для фильтрации и обучения агентов — уроженцев Средней Азии. Здесь же формировался «Туркестанский легион». Официально лагерь именовался «СС зондерлагерь «Легионово»».

Начальник органа гауптштурмфюрер СС Картенс, затем штурмбанфюрер СС Цинке.

Основной состав курсантов поступал из Бухенвальдского сборного лагеря. Одновременно в лагере находилось не более 200 активистов, разделенных на 3 взвода. Первые два взвода составляли будущие кадры полицейских формирований, третий взвод — радисты. До сентября 1942 г. радиовзвод проходил обучение в зондерлагере в Заксенхаузене из-за недостатка радиоаппаратуры.

На всем протяжении обучения активисты подвергались усиленной антирусской обработке и им внушалось, что в случае победы Германии будет создано государство «*Большой Туркестан*», в котором они займут важные посты. Такую обработку вели представители «Туркестанского Национального комитета» во главе с Вали Каюм-ханом.

В сентябре 1942 г. лагерь выбыл из Легионова в м. Валуппен (Польша), где разместился в здании школы. В апреле 1943 г. лагерь был переведен в Бреславль, где из активистов



▲ Туркестанская команда Цеппелина



**▲ Крымские татары**

была сформирована туркестанская рота СС, которая затем в составе главной команды «Русланд-3юд» выбыла в город Осипенко.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ШКОЛА В М. ЯБЛОНЬ

Была создана на территории Польши близ Люблина для обучения русской агентуры в марте 1942 г. и разместилась в бывшем замке графа Замойского. Официально орган именовался «Гауптлагерь Яблонь» или «Особая часть СС». В школе велась подготовка агентов-диверсантов, радистов и разведчиков.

Начальниками органа были: гауптштурмфюреры СС Калсен, Краусс и Лютер.

Кадры поступали из особых предварительных лагерей для русских и зондеркоманд «Цепелина». Одновременно в школе находилось до 200 активистов. Слушатели изучали ведение разведки в советском тылу, подрывное дело, радиодело, диверсанты изучали специальное оружие. Срок обучения в школе составлял от 3 до 6 месяцев. После окончания курса формировались группы по 3–5 человек и радиста

с аппаратурой. Агентура забрасывалась главным образом в районы Москвы, Ленинграда, Северного Урала с заданиями по совершению диверсионных актов на железных дорогах и оборонных предприятиях, совершении терактов над пред-

ставителями советского высшего командования. Диверсантам также рекомендовали осуществлять массовое отравление населения, используя это в качестве способа возбуждения недовольства к Советской власти. Для этого диверсанты снабжались сильнодействующими ядами и взрывчатыми веществами. Разведчикам поручалось собирать сведения о формирующихся воинских частях, железнодорожных перевозках и распространять антисоветские листовки, для чего некоторые группы снабжались портативными шапирографами и бумагой. Агентуре, забрасываемой в северные районы СССР, рекомендовали устанавливать связь с местными репрессированными, переселенцами и создавать из них повстанческие отряды.

Перед заброской агентура снабжалась различными документами, комплектами чистых бланков и крупными денежными суммами. Экипировка обычно производилась в форму советских военнослужащих, с соответствующим вооружением и комплектами запасной гражданской одежды.

До 1943 г. переброска осуществлялась самолетами с Псковского и Смоленского аэродромов.

**▲ Парашютная подготовка**

В августе 1942 г. школа передислоцировалась в м. Парчев (Польша). В связи с планами «Цеппелина» по сосредоточению всех русских лагерей близ Бреслава, школа переехала в г. Волау (Восточная Пруссия). В декабре 1942 г. переехала на городскую окраину, где содержались вывезенные немцами с оккупированной территории советские дети, потерявшие родителей. Этот детский лагерь именовался «Лагерь беспризорных». В марте 1943 г. школа перешла в подчинение главной команде «Руссланд-Митте», переехала в м. Глубокое и получила официальное название «Ваффеншулле». В мае 1943 г. вместе с главной командой школа приехала в Псков, до января-февраля 1944 г. дислоцировалась в м. Печки в 4 км от Изборска. Подготовка агентуры проходила в деревне Холохальня близ м. Печки. Школа пополнялась активистами, отфильтрованными в лагере в Промежице и участвовавшими в карательных операциях.

После начавшегося наступления советских войск школа переехала в г. Ассари (Латвия), где развернула подготовку диверсантов и террористов из числа местных жителей. Эти агенты забрасывались в советский тыл или их оставляли на оседание. В августе 1944 г. школа находилась на ст. Мена в 4 км от Риги, в сентябре того же года переместилась в Германию, где вместе с главной командой «Цеппелина» разместилась в курортном местечке Кальберг.

В ноябре 1944 г. личный состав школы переехал в г. Попель (Чехословакия), где собрались все диверсионные школы и курсы «Цеппелина». После этого часть личного состава была направлена в части РОА или фронтовые органы «Цеппелина».

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ШКОЛА В Г. ЕВПАТОРИЯ И ОСИПЕНКО

Была создана весной 1942 г. для обучения агентов — выходцев с Кавказа и Закавказья. Именовалась «Гауптлагерь «Крым»» и размещалась



▲ Чеченцы на службе у Гитлера

на территории бывшего детского санатория НКВД.

Начальником школы был уроженец Республики немцев Поволжья гауптштурмфюрер СС Гиргензон Т.

Школа готовила разведчиков-диверсантов и организаторов повстанческого движения для последующей заброски на территорию Северного Кавказа и Закавказья. Слушателями школы были агенты — грузины, армяне, азербайджанцы, лезгины, чеченцы, представители других народностей Северного Кавказа и незначительное число русских уроженцев тех мест.

Агенты поступали в школу из особого предварительного лагеря в Аушвице, некоторые прибывали из крымских лагерей для военнопленных. Все отобранные из лагерей некоторое время перед поступлением в школу проживали в Симферополе.

Одновременно обучалось до 200 человек. Срок — обучения 2–4 месяца. Первая подготовленная группа агентов из 5 человек была заброшена на территорию Северной Осетии в августе 1942 г.

В школе агенты числились под своими собственными именами

и фамилиями, общались друг с другом.

Подписку о сотрудничестве с немецкими спецслужбами у слушателей не отбирали, режим в школе был мягче, нежели в иных аналогичных органах «Цеппелина». В свободное от обучения время слушатели могли с разрешения начальника покидать школу, уходить в город и ночевать там. В целях конспирации агентам запрещали рассказывать о том, где и чему они учатся.

Им рекомендовали выдавать себя за чехов или словаков, чему способствовала униформа чешской армии.

Осенью 1942 г. всех слушателей переодели в советскую форму без знаков различия. Весь состав слушателей был разбит на пять учебных групп, занятия в которых велись раздельно

До октября 1943 г. все агенты, окончившие школу, перебрасывались в районы Кавказа только самолетами, т. к. своего переправочного пункта орган, не имел. Переброска осуществлялась с аэродрома в м. Саки близ Евпатории. С этого же аэродрома шла заброска агентов других немецких разведорганов. Всего из м. Саки было заброшено более





100 агентов, закончивших Евпаторийскую школу. Почти все они были нейтрализованы советскими органами безопасности.

В конце сентября 1942 г. школа была временно расформирована, личный состав выехал в Аушвиц. Подготовленная агентура была направлена в Таганрог, затем в Ставрополь в распоряжение особой команды «Цепелина» при айнзатцгруппе Д полиции безопасности и СД.

В марте 1943 г. в г. Осипенко (Крым) на базе преподавательского состава и агентов Евпаторийской школы была развернута кавказская «Ваффеншулле» при главной команде «Руселанд-Зюд». Осенью 1943 г. кавказское и туркестанское отделения школы были переброшены в Замбергский лагерь. Агентов готовили в филиале этого лагеря в м. Крунзрух. В сентябре 1944 г. весь личный состав был перемещен в г. Попель (Чехословакия).

ПРИЕМНО-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ В М. ЗАМБЕРГ

Весной 1943 г. на базе личного состава Бухенвальдского и еще не-

скольких предварительных особых лагерей «Цепелина» был создан приемно-распределительный лагерь в м. Замберг, в 1,5 км от станции Брайтенмаркт (Верхняя Силезия). Официальное наименование органа «СС зондерлагерь «Замберг»» или «Военный лагерь РОА».

Начальник лагеря — штурмбанфюрер СС Курек.

Основная задача органа — проверка и фильтрация всех активистов, завербованных во фронтовых лагерях военнопленных, но по разным причинам не используемых на местах. С 1944 г. лагерь начал готовить квалифицированную агентуру и, по мере нужды в ней, направлять ее в главные команды.

В конспиративных целях обучение агентов происходило в близлежащих населенных пунктах и филиалах лагеря в м. Крунзрух, Брюккенорд и Тейхвальд.

Постоянно в лагере пребывало до тысячи активистов, сведенных в подразделения по национальному и территориальному признакам. Первую роту составляли *русские*, вторую — *украинцы*, третью — *донские казаки*, затем шли

уроженцы Кавказа и Средней Азии. Рота радистов была смешанного состава. В хозяйственной роте служили в основном русские и украинцы.

С осени 1943 г. из лагеря в главные команды было направлено незначительное число агентов. В июне 1944 г. было сформировано и направлено во Францию, Италию и Югославию несколько групп для ведения антипартизанских операций. В Замбергском лагере был создан русский полк СС «Варяг» под командованием полковника фон Семенова, также принимавший участие в боевых действиях против балканских партизан.

В конце 1944 г. часть лагеря была в г. Попель (Чехословакия), где весной 1945 г. была расформирована, а ее личный состав направлен в РОА и национальные формирования.

Филиал лагеря в м. Крунзрух занимался подготовкой агентов, уроженцев Кавказа и Закавказья. В конце 1944 г. филиал выбыл в Попель, а оттуда в м. Подхорна близ Мариенбада. Начальником филиала был оберштурмфюрер СС Киттинг.

В м. Брюккенорд, в монастыре



▲ Приемно-передающий центр





в 6 км от г. Замберг, располагался казачий филиал лагеря. В сентябре 1944 г. переехал в г. Фронтенрид (Южная Бавария), затем в замок Гладцен близ Мариенбада. Часть подготовленной филиалом агентуры была влита в казачьи формирования. Начальник филиала — оберштурмфюрер СС Шрадер

Русский и украинский филиалы дислоцировались в м. Тейхвальд в 10 км от г. Люблин (Люблинец). Здесь проходили обучение агенты, направляемые затем в Краков в распоряжение главной ауссенкоманды «Северная Украина» под руководством оберштурмфюрера СС Дрекслера. В конце января 1945 г. филиал переехал в г. Герлиц, где расположился в замке Гросс-Бельзен. Впоследствии филиал перебрался в Попель, Мариенбад и Карлсбад. Начальник филиала — оберштурмфюрер СС Каушен (Кавушин).

Специальный женский филиал лагеря находился осенью 1944 г. в с. Гересфельд близ Замберга, затем переехал в с. Сент-Иоганн (Австрия), весной 1945 г. в замок Меттерних близ г. Эгер. Филиал действовал под «крышей» школы медсестер.

Каждый из филиалов одновременно готовил от 40 до 100 человек.

Система курса была аналогична подготовке агентуры в других разведывательно-диверсионных школах.

ШТРАФНОЙ ЛАГЕРЬ В Г. КРЕЙЦБУРГ

Был создан в 1942 г. в Верхней Силезии и зашифрован как филиал общего лагеря для военнопленных Шталаг-318 в м Ламсдорф.

В лагере содержались агенты и официальные сотрудники «Цепелина», допустившие непозволительные проступки или не пользующиеся доверием после возвращения из советского тыла.

Начальник органа — штурмбанфюрер СС Курек В.

Штрафники также составляли отделения лагеря (по 100 человек), на заводах боеприпасов в городах Крейцбурге и Квенцгуте. Всего в лагере одновременно находилось до 400 человек. Все они были разделены на следующие категории, *штрафники; особые штрафники; реабилитированные, штатные работники; особый взвод.*

Все они различались по одежде. Так, первая категория носила на одежде нашивку желтого цвета с литерами «SU». Вторая категория носила аналогичную нашивку с бук-

вами «SUS» Реабилитированные носили синие френчи с литерами «SU». Штатные сотрудники и особый взвод носили одежду без букв.

В категорию штрафников зачислялись все поступающие в лагерь. Особый взвод состоял из реабилитированных агентов, из них же готовились контрразведывательная агентура, надсмотрщики и полицейские. Эту категорию агентов переодевали в гражданскую одежду и направляли на предприятия, где трудились рабочие-остовцы.

В январе 1944 г. особый взвод был реорганизован и стал именоваться «Зондеркоманда-108» или «108-й рабочий батальон». Всего в нем состояло 150 человек, разделенных на 4 отделения: 1-2-е — готовили полицейских и надсмотрщиков, 4-е — контрразведывательную агентуру, 3-е — готовил агентов для возвращения в органы «Цепелина». В конце 1944 г. зондеркоманду реформировали в учебное подразделение — «Шулюнскоманду». В ее структуре было создано 5-е отделение радистов, а весь личный состав пополнен до 250 человек. С ними стали проводить занятия по топографии, разведке, диверсии, подрывному делу. Всем членам команды объ-





▲ Прием передчи

явили, что после подготовительного курса они будут направлены в тыл Красной Армии с разведывательно-диверсионными заданиями.

Штрафной лагерь и особая команда находились в Крейцбурге до января 1945 г., затем передислоцировались в окрестности г. Лигнице. Вскоре лагерь выбыл в Дрезден, и его дальнейшая судьба не установлена.

Учебная команда в начале 1945 г. несколько дней находилась в бараче военнопленных в лагере м. Лансгут, после чего переехала в замок принца Генриха Бауде, в 17 км от г. Хиршберг. С марта 1945 г. команда выбыла в гостиницу «Лесной Замок», где ее настигли передовые советские части. Часть личного состава команды попала в плен, другая разбежалась.

ОСОБЫЙ ЛАГЕРЬ «Л»

В мае 1943 г. «Цеппелином» была создана из советских военнопленных особая команда по сбору и обработке разведанных о народном хозяйстве СССР. Первоначально ее руководителем стал сотрудник «Цеппелина» доктор технических наук Гимпель, затем Аугсбург и Ключнегефель (он же Клинегер).

Сначала группа Гимпеля располагалась на территории Замберг-

ского лагеря, затем в начале августа 1943 г. переехала в Бреславль и разместилась на территории постоянного лагеря СС «Вальдлагерь-20». С сентября 1944 до апреля 1945 г. группа находилась на ст. Блямау, в бывшем лагере РАД. Официально команда Гимпеля именовалась «Особый лагерь L» и была замаскирована под «Институт русских инженеров». Фактически это был центр сбора и обработки информации об экономике СССР. Сбор сведений производился разными методами — допросами военнопленных, их привлечением к составлению карточного каталога по отдельным отраслям экономики СССР, использованием технической литературы из захваченных советских библиотек.

В составе лагеря находилось несколько немецких руководителей, остальные 200 человек — бывшие военнопленные. Лагерь был разделен на группы по основным направлениям деятельности.

Группа «Т» (*Техника*) — состояла из ряда секторов, охватывающих важнейшие отрасли советской экономики. Каждый сектор вел картотеку промышленных объектов. Группа обрабатывала все экономические данные. В состав ее входили свыше

20 сотрудников, преимущественно инженеры. Чертежное бюро группы готовило карты и схемы советских промышленных районов и отдельных объектов.

Группа «П» (*Пресса*) — вела сбор опубликованных технических сведений из прессы, имела радиостанцию для прослушивания советских передач. Группа состояла из 6 официальных сотрудников и научно-технической библиотеки, фонд которой исчислялся десятками тысяч единиц хранения. Библиотека хранилась отдельно от лагеря в м. Освитц и конспиративно именовалась «Институт «Швеллерштранс»». В конце 1944 г. библиотека была переведена в г. Цвиккау, где впоследствии была захвачена американскими войсками.

Группа опроса состояла из нескольких бригад по 3–4 человека в каждой. Имела всего 16 официальных сотрудников. При необходимости к опросам привлекались сотрудники других групп. Задачи группы — опрос советских военнопленных в общих лагерях по общим вопросам об экономике СССР, подбор квалифицированных специалистов для собственных нужд лагеря, отбор кадров для разведыватель-



ной и диверсионной деятельности против СССР, подготовка квалифицированной агентуры по опросу военнопленных в других органах «Цеппелина». Для последней категории агентов летом 1944 г. были созданы отдельные курсы в монастыре Брюккенорд (Верхняя Силезия), в 10 км от г. Розенберг. В январе 1945 г. курсы переехали на ст. Блямау (Австрия), где вновь присоединились к Л-лагерю. На курсах одновременно обучалось до 40 человек, было произведено 3 выпуска агентуры. Помимо курсов лагерь имел хозяйственную, рабочую и охранную команды (40 военнопленных).

Для работы в органе отбирали пленных с техническим образованием. После проверки квалификации их направляли в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина», оставляли в лагере или отправляли на работу в немецкую промышленность. Не внушавшие доверия лица с низкой квалификацией направлялись обратно в концлагеря.

ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ЦЕППЕЛИНА»

БОЕВОЙ СОЮЗ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ. БРИГАДА «ДРУЖИНА»

В марте 1942 г. в лагере для военнопленных в Сувалках (Сулеювек) возникла антибольшевистская организация военнопленных «Национальная Партия Русского народа». Во главе этих 25 человек встал бывший подполковник Красной Армии Владимир Владимирович Гиль — бывший начальник штаба 229-й стрелковой дивизии, попавший в плен при обороне Минска в бессознательном состоянии. Впоследствии название партии поменялось на «Боевой Союз Русских Националистов» (БСРН).

Члены БСРН при вступлении в союз заполняли специальную анкету, получали членский билет и давали присягу на верность Союзу.

Первичные отделения Союза именовались «боевыми дружинами». Программа Союза включала в себя следующие положения о строительстве «грядущей России»:

«Будущая Россия должна быть националистической народом, населяющим Украину, Белоруссию, Прибалтику и Закавказье предоставляется право на самоопределение и выделение в самостоятельные государства под протекторатом «Великой Германии». У будущей России должен быть новый порядок, основанный по принципу нового порядка в Европе. Власть в России должна принадлежать правителю, назначенному Гитлером. Для законодательной власти выбирается государственный совет, который утверждается правителем. Им же назначаются министры, осуществляющие исполнительную власть на местах. Колхозы упраздняются, а вся земля, им принадлежащая, передается в частное пользование. В области торговли поощря-



▲ Напутствие Геббельса





▲ Геббельс награждает изменников казаков

ется частная инициатива. Мелкая промышленность передается частному капиталу, средняя будет находиться в руках акционеров, а крупная ликвидируется вовсе. Россия должна быть аграрной страной. Религия отделяется от государства и от школы, но поддерживается государством. Образование в России будет только начальное и сельское — высшее...»

В апреле 1942 г. организация попала в поле зрения разведывательно-диверсионного органа VI управления РСХА. После установления «опеки» все члены БСРН были переведены в предварительный лагерь «Цепелина», размещавшийся на территории концлагеря «Заксенхаузен». В то же время был создан Центр БСРН. Он разделялся на четыре отдела: разведки и контрразведки, по военным делам, по партийным делам и работе с молодежью, агитации и пропаганды. Центру БСРН были подчинены территориальные центры, располагавшиеся во всех ок-

купированных областях СССР и в лагерях военнопленных. Постепенно эти подразделения (за исключением одного) покинули лагерь, второй отдел кадровой подготовки был размещен в «20-м вальдлагере СС» в районе г. Бреслау, где шла подготовка руководителей особых лагерей.

К июню 1942 г. в Берлине было сформировано боевое подразделение «1-й Русский национальный отряд СС», или «Дружина № 1», численностью около 500 человек под командованием Гиля, взявшего псевдоним Родионов. Отряд состоял из трех рот (по сотне человек в каждой) и подразделений обслуживания. Первая рота была укомплектована бывшими офицерами РККА и использовалась как резерв для развертывания других подразделений. Личный состав был одет в чешскую униформу, знаки различия были аналогичны войскам СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась черная лента с надписью: «*За Русь!*». На во-

оружии насчитывалось 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов, 20 минометов.

Местом дислокации был избран г. Парчев, затем специальная база в лесу между вышеупомянутым городом и г. Яблонь. Здесь «Дружина» провела антипартизанские операции в Парчевских лесах, в том числе против скрывавшегося еврейского населения, в ходе этой операции было уничтожено до полутора тысяч человек. «Дружина № 1» находилась в оперативном подчинении айнзатцгруппы Б полиции безопасности и СД, по заданию которой несла охрану коммуникаций, а уже в середине августа была переброшена под Смоленск, разместившись близ Старого Быхова, в марте 1943 г. прибыла в белорусское местечко Лужки.

К тому времени особый отдел БСРН влился в разведшколу «Цепелина», располагавшуюся также в г. Яблонь.

В январе 1943 г. в Бреславле была проведена конференция организа-



ций БСРН. В ней участвовало 35 делегатов.

Примерно в это же время в особом лагере СС «Гайдов» (по другим данным в «Сталаге-319») около г. Люблина была сформирована «Дружина № 2» («2-й Русский национальный отряд СС») численностью в 300 человек во главе с бывшим капитаном РККА А. Блажевичем (Блажевичем). Примкнул к формированию и «Особый отряд СС» из г. Бреславля.

В марте 1943 г. обе «Дружины» были объединены в «1-й Русский национальный полк СС» в Лужках, командиром которого стал Гиль-Родионов, а начальником штаба — Блажевич. После получения пополнения «Дружина» насчитывала в своих рядах 1200 человек (150 из них — офицеры). Полк имел на вооружении 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов и свыше 200 автоматов. Начальником контрразведки полка стал бывший генерал РККА П. В. Богданов.

В мае под свое управление полк получил особую зону в Белоруссии

в Полоцкой области, штаб располагался в дер. Лужки. Местная молодежь, дезертиры из партизанских отрядов и пленные, влившиеся в строй, позволили развернуть «Дружину» в «1-ю Русскую национальную бригаду СС».

Бригада состояла из трех строевых и одного учебного батальонов, автороты, батареи минометов и орудий, пулеметной и учебной рот, роты боепитания, 2-х кавалерийских взводов, комендантского взвода, санчасти, хозяйственной роты, саперного взвода, роты связи и взвода полевой жандармерии, организованного по инициативе Блажевича.

Помимо бывших советских офицеров на некоторых должностях осели белоэмигранты.

Взаимодействием с немецкими частями занимался немецкий штаб в количестве 10–12 офицеров СС. Со стороны СД опекал «Дружину» оберштурмбанфюрер СС Аппель.

В марте 1943 г. в бригаде была создана собственная контрразведка, именуемая «Служба предупреждения».

Хорошо вооруженная и на первых порах дисциплинированная бригада вела с переменным успехом бои против партизанских отрядов. Общая обстановка на Восточном фронте постепенно оказывала дурное влияние на личный состав.

В августе 1943 г. партизанская бригада им. Железняк, действовавшая в Полоцко-Лепельском регионе, установила с ним связь. Партизанские чекисты пообещали ему полную амнистию за разоружение бригады, сдачу ее антибольшевистских кадров и уничтожение всех немецких военнослужащих. В числе требований также выдвигалось условие выдачи бывшего генерал-майора Красной Армии П. В. Богданова — начальника контрразведки бригады и гауптштурмфюрера СС князя Л. С. Святополк-Мирского.

16 августа части бригады уничтожили немецкий штаб связи, атаковали немецкие части в Докшицах и узловую железнодорожную станцию Крулевщина. После этого 2200 «дружинников» присоединились



▲ Диверсанты





▲ Генерал Штудент инспектирует спецотряд

к партизанам, образовав «1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду», с собой увели 10 орудий, 23 миномета, 77 пулеметов.

«1-я Антифашистская бригада» действовала в Полоцко-Лепельской зоне, где вела ожесточенные бои в течение 11 месяцев.

Еще до этих событий, весной 1943 г. часть бригады Гиля-Родионова (учебная, пропагандистская команды и «Особый русский батальон СС», сформированный в 1943 г. в Бреслау) были переформированы по инициативе отдела безопасности СД и поступили в подчинение генерала Г. Жиленкова и с номинальным подчинением «Русскому Комитету» А. А. Власова. Это подразделение — «1-й Гвардейский батальон РОА» — разместилось в местечке Стремутки, в 15 км от Пскова. Руководящий состав был укомплектован офицерами-белоэмигрантами, ранее участвовавшими в формировании Русской Национальной Народной Армии. Патронаж подразделения со сторо-

ны немцев осуществлял начальник VI управления РСХА доктор Грейфе. Его прежде всего интересовала возможность использования русских добровольцев в качестве разведчиков и диверсантов в советском тылу. Так, в составе подразделения намечалось выделить две специальных группы для заброски в Москву. Первая группа должна была выкрасть Рокоссовского и склонить его хотя бы к формальному руководству РОА. Командиром этой группы был бывший подполковник Красной Армии Алексей Бочаров. Руководителем второй спецгруппы был бывший майор РККА Иван Грачев. Группе предполагалось поручить ведение разведки.

20 марта 1943 г. русский СС батальон (120 человек) был переброшен из Бреслау в Глубокое. В конце апреля часть батальона принимала участие в боевых действиях против партизан в Докшицах, во время которых 30 человек ушли в лес. Оставшиеся были разоружены, 7 человек

возвращены в Глубокое. В это время туда прибыла группа бывших «дружинников» и добровольцев из разведшколы в м. Волау. В мае 1943 г. в Глубокое прибыли белоэмигранты Сахаров, Кромиади и Ламсдорф, сразу же приступившие к формированию «1-й Ударной бригады РОА». В мае батальон (200–250 чел.) был передислоцирован из Глубокое в местечко Крыжево, в 15 км от Пскова, затем в деревню Стремутки.

Начальником штаба батальона был С. Н. Иванов, заместитель — И. К. Сахаров, начальник штаба — К. Г. Кромиади, представитель генерала Власова — генерал Г. Жиленков.

Этому подразделению не суждено было развернуться в часть более батальона, а после перехода Гиля СД вообще отказалось от нее.

Бывшая «Дружина» находилась в авангарде партизанского удара и понесла большие потери в боях за город Зембин. Часть личного состава впоследствии опять переметнулась к немцам. Гиль-Родионов по-



лучил тяжелое ранение при прорыве немецкой блокады в районе Ушачи и скончался от ран 14 мая 1944 г.

«Боевой Союз Русских Националистов» продолжал существовать, однако это предприятие уже исчерпало себя и скомпрометировало в глазах немецкой разведки.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПО БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИЗМОМ. ПРОЕКТ КОМБРИГА БЕССОНОВА

Еще одна страница сотрудничества русских коллаборационистов с «Цеппелином» связана с именем Ивана Георгиевича Бессонова.

И. Г. Бессонов родился 24 августа 1904 г. в Перми в семье рабочего. В 1916 г., окончив начальное училище, работал на лесопилке. В 1920 г. Иван Бессонов добровольно вступил в Красную Армию и проходил службу на канцелярской должности в 133-м отдельном батальоне связи, с 1922 г. был делопроизводителем артдивизиона 57-й стрелковой дивизии.

Старательный и грамотный красноармеец был замечен начальством и в 1926 г. поступил в Тверскую кавалерийскую школу имени Коммунистического Интернационала. Вступил в комсомол, учился хорошо. После окончания школы Бессонов служил в кавалерии, в 1930 г. был переведен в войска ОГПУ в Казахстан на должность командира взвода. Уже в начале 1931 г. он был назначен помощником начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ. В ходе боев за г. Кульджу против войск мятежного генерала Ма-Чжуина, выступившего против правительства китайской провинции Синцзян, «вражеская вылазка» была ликвидирована советскими войсками, а Бессонова как участника операции наградили именным оружием.

В марте 1936 г. Бессонов был откомандирован в распоряжение начальника управления пограничной и внутренней охраны Ленинградского военного округа. В 1938 г. он закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, после чего был назначен на должность командира 3-го Ленинградского полка и принят в ряды партии большевиков. Пре-

красный молодой командир числился на хорошем счету у командования и политорганов войск НКВД, был награжден орденом Красного Знамени.

В 1938 г. Бессонов получил должность начальника 3-го отдела Управления погранвойск НКВД Ленинградского военного округа. Бессонов пользовался полной поддержкой замнаркома НКВД Фриновского, который впоследствии способствовал назначению Бессонова на должность помощника начштаба Балтийского флота. На этом его стремительная карьера не закончилась — в 1939 г. он получил пост начальника отдела боевой подготовки Главного управления погранвойск НКВД СССР, что стало зенитом его карьеры.

В первые дни войны Бессонов был откомандирован на должность начальника штаба 102-й дивизии 21-й армии, сформированной в июне 1941 г. в Прибалтике. Дивизия в течение месяца обороняла сорокакилометровый участок по Днепру от Рогачева до Быхова. В середине июня 21-я армия получила задачу по овладению Бобруйском и одновременному нанесению удара по немецкой группировке под Быховым.





21-я пошла вперед и с малым количеством танков и самолетов выбила немцев из г. Жлобина и Рогачева, продолжая наступление на Бобруйск. При приближении к городу начались кровопролитные бои. В этот момент на комдива-102 полковника Гудзя поступил донос, и он был арестован. 13 августа 1941 г. в командование дивизией вступил Бессонов.

Удача отвернулась от него, когда немцы прорвались в районе Могилев-Рогачев, и 102-я дивизия оказалась в окружении. Из окружения вышли лишь единицы. Командира среди них не было, и в его личном деле появилась запись: **«В начале августа 1941 г. пропал без вести»**.

Потом следствие установило, что полковник П. М. Гудзь был арестован по ложным основаниям, был освобожден и провоевал до последнего дня Великой Отечественной. Автор анонимки не был установлен. По одной из версий, арест Гудзя инициировал сам Бессонов, желая занять его пост.

Бессонов же сдался в плен охране немецкого медсанбата в селе Раги Старосельского района Гомельской области.

На первом же допросе Бессонов предложил свои услуги по борьбе с советским режимом. Он последовательно сменил гомельский, бобруйский, минский и белостокский лагеря и под псевдонимом Каткульский в середине ноября 1941 г. был переведен в Хаммельбургский лагерь для офицеров (Офлаг-13Д).

Здесь Бессонов решил создать собственную организацию, которая могла бы объединить все антисоветские формирования и организации и дистанцироваться от немцев.

Предполагалось заключить с немцами договор, по которому Германия признала бы Россию в рамках границ на 1 сентября 1939 г.

Предложениями Бессонова активно стало интересоваться РСХА. Под его опекой, Бессоновым было объявлено о создании «Политического Центра борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Центр начал свою работу с июля 1942 г. в зондерлагере Бухенвальд на территории одноименного концлагеря в специальном блоке.

Политические изыски группы военнопленных мало интересовали немецкое командование и от них

требовали конкретного дела. Предложения Бессонова о создании антипартизанских формирований из военнопленных были отвергнуты.

Генеральным руководителем ПЦБ был сам Бессонов, начальником штаба — полковник Бродников, замполитом — полковник Любимов, контрразведкой руководил Будыхо. Штаб Центра состоял из отделов: связи, занимавшимся подготовкой радистов и разработкой кодов, тыла, занимавшимся подготовкой снабжения и снаряжения групп. Кадровую работу ПЦБ курировал Бессонов.

Знавший места расположения лагерей ГУЛАГа и систему их охраны Бессонов разработал план высадки воздушного десанта численностью до 6 тыс. человек из числа бывших военнопленных. Предполагалось произвести высадку в районах рек Северная Двина — Обь и от Крайнего Севера до Сибирской железной дороги, захватить лагеря и, вооружив заключенных, развить повстанческую деятельность на южном направлении. Главная задача — овладение промышленными центрами Урала и разрыв сообщения европейской части СССР с Сибирью и Дальним Востоком. Места высадки штурмовых батальонов разделялись на две зоны — северную и восточную. Северная зона располагалась бы в районе Сыктывкар — Сольвычегодск — Юго-Восток от Архангельска. Штаб ПЦБ предполагалось разместить в Петрозаводске. Осуществить эту операцию предполагалось при поддержке финнов.

В октябре 1942 г. ПЦБ начал формироваться. Боевая организация центра включала в себя 200 человек, сто из них были из числа высшего начсостава Красной Армии. На этой базе предполагалось развернуть полк. Готовились 60 радистов для штурмовых отрядов. Военный блок ПЦБ размещался в зондерлагере в бывшем монастыре Лейбус около Бреславля, в начале 1943 г. формирование было переведено в местечко Линсдорф.

Экономическую часть программы ПЦБ разрабатывал кандидат экономических наук Массалов. После



▲ Подготовка диверсантов



свержения Советской власти планировалось введение военной диктатуры, затем — проведение всеобщих выборов. ПЦБ выпускал в свет более 10 наименований периодических изданий и программную брошюру Бессонова «Что делать?», а также «Устав военно-политической борьбы» Меандрова.

Сам Бессонов выполнял ряд ответственных заданий РСХА. В конце 1942 г. он написал письмо маршалу Василевскому, однако попытка скомпрометировать маршала не удалась. Бессонова подсаживали и к заключенному № 1 лагеря Заксенхаузен старшему лейтенанту Якову Джугашвили.

К маю 1943 г. завершилось развертывание ПЦБ, и Бессонов предполагал начать развертывание парашютно-десантного полка и осуществлять заброску отрядов в ГУЛАГ. От немцев он хотел бы получить гарантии отсутствия у них захватнических целей в отношении России, но представителя «Цеппелина» гауптштурмфюрера СС Шмундта интересовали только военные подразделения в тылу у Советов. Бессонов же замахивался на всероссийский масштаб руководителя повстанческой деятельности в советском тылу.

Немцы не ответили на политические требования Бессонова, предложив ему посетить Берлин для переговоров с Власовым, по дороге арестовали его и нескольких офицеров за «антинемецкую деятельность». Определенную роль в этом сыграл и донос, написанный в Гестапо ближайшим сподвижником Власова генерал-майором Благовещенским. В доносе Гестапо извещалось о том, что Бессонов ранее принадлежал к оперативному составу НКВД.

ПЦБ был распущен, а Бессонова сотоварищи поместили в зондерлагерь Заксенхаузен, других членов Центра отправили в Летценский лагерь. Из остатков военной организации ПЦБ были сформированы две группы. Первую — под командованием обер-лейтенанта Фюрста и вторую — «Зондергруппу» под руководством полковника Соколова предполагалось использовать в ка-



▲ Здание РСХА

честве диверсантов в советском тылу.

В июле 1943 г. оба подразделения были переброшены в Калининскую область (г. Себеж) для выполнения заданий немецкого командования. Прибыв на место, ушла к партизанам группа офицеров во главе с бывшим батальонным комиссаром Чугуновым и подполковником А. А. Пастушенко. Ушел в лес и сотрудник отдела контрразведки ПЦБ лейтенант Бончковский. После дезертирства «Зондергруппа» была эвакуирована в г. Радом, а группа Фюрста — в г. Кельцы. После этого обе группы были расформированы, часть личного состава арестована и распределена по лагерям, другая — по полицейским и охранным ротам СС.

Несмотря на неудачу всего начинания с десантами в ГУЛАГ, немецкой разведкой была предпринята проба сил, и 2 июня 1943 г. в районе совхоза «Кедровый Шор» Кожвинского района Коми АССР был выброшен десант из 12 человек, одетых в форму НКВД. 9 июня десантники в ходе боя потеряли убитыми двух человек, десять парашютистов были взяты в плен. На допросе руководитель группы Годов указал, что это была проба сил для осуществления плана Бессонова.

Второй десант из 40 человек был выброшен под Сыктывкар в конце 1943 г., но на связь с командованием не вышел.

Находясь на особом положении в зондерлагере, Бессонов периодически направлял германскому правительству заявления, меморандумы и планы, в которых настаивал на использовании его в борьбе против СССР, и вел с немцами переговоры по этому вопросу. В Заксенхаузене Бессонов находился вплоть до середины апреля 1945 г., затем после эвакуации кочевал по концлагерям Дахау, Флоссенбург и Инсбрук.

В конце апреля 1945 г. немцы вывезли Бессонова и группу военнопленных в Южный Тироль. К этой же группе присоединили и группу заключенных — бывших заговорщиков против Гитлера. После прибытия на место конвой СС был разоружен подразделением Вермахта, а арестованные освобождены и через несколько дней перешли к американцам. 15 мая 1945 г. Бессонов, находившийся к тому времени уже в лагере для перемещенных лиц в американской зоне оккупации, обратился к американцам с просьбой о возвращении в СССР.

Четыре года шло следствие по его делу, и 18 апреля 1950 г. Во-





▲ Любимец Гитлера О. Скорцени

енная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ВОЙСК СС

Летом 1944 г. по указанию рейхсфюрера СС в РСХА был создан специальный орган для проведения диверсионно-террористических и разведывательных мероприятий в тылах армий стран антигитлеровской коалиции. Орган, получивший название Истребительное соединение войск СС («Ваффен СС Ягдвербанд»), находился под непосредственным контролем рейхсфюрера. Комплектованием и руководством практической деятельностью ведал оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени, одновременно возглавлявший реферат VIЦ IV управления РСХА, а также группу Д военного управления РСХА. Таким образом, *в руках одного человека были сосредоточены все части специального назначения немецкой армии, СС и Люфтваффе.*

Личный состав нового органа состоял из опытных кадров гитлеровского спецназа. Официальные сотрудники и агентура Абвера и «Цеппелина», военнослужащие соединения «Бранденбург-800»

и войска СС передали «Ягдвербанду» свои надежные и хорошо обученные кадры. По мере расширения формирования в него вливались бывшие кадры полицейских, охранных, точных батальонов и рот и прочих коллаборационистских формирований.

Деятельностью Истребительного соединения руководил штаб формирования, размещавшийся в м. Фриденвальд в нескольких километрах от Ораниенбурга. Начальником штаба был назначен гауптштурмфюрер СС барон Адриан фон Фелькерзам.

Главный штаб формирования, именовавшийся также «Спецподразделение СС ЦБФ «Фриденвальд»», созданный 5 августа 1943 г., состоял из следующих отделов:

1А — ведал разработкой планов диверсионных операций, производил заброску агентуры и боевых групп, руководил их действиями. Начальник отдела — гауптштурмфюрер СС Гунке, затем штурмбанфюрер Айк.

1Б — отвечал за обеспечение и снабжение агентуры и боевиков. Начальник — гауптштурмфюрер СС Гергардт.

1Ц — разведка. Осуществлял сбор и обработку разведывательных данных, вел контрразведывательную работу среди личного состава орга-

на. Начальник — оберштурмфюрер СС Ридль.

Оперативный отдел — занимался вопросами подбора и подготовки кадров. Начальник — гауптштурмфюрер СС Вайс.

В непосредственном подчинении штаба находились 600-й воздушно-десантный и 502-й егерский батальоны.

502-й батальон егерей под командованием обер-цпурмбанфюрера СС Фукса дислоцировался в м. Фриденвальд. Батальон имел в своем составе 4 роты солдат спецподразделений СС. 1-ю роту батальона составляли немцы, обучавшиеся диверсионному делу «настоящим образом». 2-я рота состояла так же из немцев и использовалась в качестве пехотного подразделения для проведения больших диверсионных операций. 3-я рота батальона несла охрану территории штаба и расположения батальона. 4-я рота состояла из бывших советских граждан, французов, чехов, словаков и поляков — агентов Абвера и «Цеппелина».

К концу 1944 г. 502-й батальон был реорганизован. В его составе остались 3 немецкие роты. 1-я рота по-прежнему готовила диверсантов, другие роты были перевооружены и моторизованы. 4-я рота стала



самостоятельным подразделением и находилась в непосредственном подчинении штаба соединения. Русские военнослужащие выбыли из нее в город Хохензальц (Иновроцлав) на комплектование филиала «СС Ягдвербанд-Ост» (Истребительное подразделение СС «Восток»). Реорганизованный 502-й батальон получил новое наименование и стал называться «СС Ягдвербанд Митте» (Истребительное подразделение СС «Центр») и под этим названием принимал участие в ряде боевых операций. В начале 1945 г. батальон использовался при захвате плацдарма на восточном берегу Одера, против г. Шведт и в иных, не менее Рискованных операциях. Во время наступления союзников личный состав батальона принимал участие в диверсионной работе в тылу наступающих американских войск под видом отступившего с передовой подразделения. В апреле 1945 г. батальон был передислоцирован в Австрию для участия в обороне так называемой «Альпийской крепости».

600-й батальон парашютистов под командованием штурмбанфю-

рера СС Милиуса дислоцировался в г. Нойштрелице, в 100 км от Берлина и использовался лишь в операциях особой важности.

В начале марта 1945 г. штаб соединения выбыл из Фриденшталя в баварский город Хоф, затем переместился в Зальцбург (Западная Австрия). После капитуляции Германии Скорцени и большинство его коллег оказались в американской оккупационной зоне.

Основную оперативную работу против советского тыла проводили филиалы соединения и особая роль в подрывной работе отводилась его главному филиалу — Истребительному подразделению «Восток».

ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «ВОСТОК»

Или «СС Ягдвербанд Ост» было создано в октябре 1944 г. для ведения подрывной работы на территориях советских республик Прибалтики и северной части Польши.

Этот филиал состоял из штаба и 3 рот специального назначения, нескольких диверсионных групп, ди-

слоцировавшихся отдельно от штаба. Внутренняя структура штаба строилась аналогично главному штабу «Ваффен СС Ягдвербанд». Отделом 1А руководил унтерштурмфюрер СС фон Бремен, затем унтерштурмфюрер СС Остафель, отдел Щ возглавлял унтерштурмфюрер СС Гине Эрих. Всем филиалом руководил барон фон Фелькерзам. В январе 1945 г. барон погиб, и его сменил оберштурмфюрер СС Александр Аук. Штаб филиала и приданные ему боевые единицы дислоцировались до января 1945 г. в г. Хо-хензальце в казармах на Вокзальной улице.

Каждая из рот специального назначения имела особое назначение и использовалась штабом филиала как отдельная боевая единица. 1-я рота — предназначалась для проведения диверсионно-террористических операций в тылах советских воинских частей. 2-я рота — несла охрану территории штаба и состояла из фольксдойчей. 3-я рота, под командованием Решетникова, состояла из бывших советских военнопленных и применялась в антипартизанских акциях.



▲ Амин аль Хусейни с фашистами





При формировании вышеназванных рот их личный состав состоял в основном из немцев и русских, служивших в 502-м егерском батальоне. Впоследствии роты пополнялись коллаборационистами. Так, рота Решетникова была создана на базе остатков антипартизанского отряда Мартыновского, созданного немцами в 1942 г. на территории Ленинградской области. В 1944 г. этот отряд действовал в Италии. В роте также служили люди, завербованные Решетниковым в лагере № 8 в г. Цешине (Чехословакия).

При штабе находились самостоятельные диверсионные группы по 15–18 человек в каждой. Группы постоянно находились в ожидании заброски в советский тыл партиями по 3–4 человека. 1-ю группу обучал унтершарфюрер Башко, 2-ю — обершарфюрер Тони. Большинство членов этих групп ранее служили в полиции городов Порхова и Дриссы (Ленинградская обл.) Я были завербованы Башко и Тони осенью 1944 г.

в Данциге, где пребывали в сборном лагере Для эвакуированных пособников (гражданский лагерь «Хог»).

Все подразделения «СС Ягдвербанд Ост» делились на группы:

А) *Балтийская группа или «Ягдзайнтц Балтикум»* под руководством штурмбанфюрера СС Пехау готовила повстанческие группы для действий в Прибалтике и готовила сеть своей разведгруппы на осаждение. Кадры для них вербовались из числа членов антисоветских прибалтийских организаций. В августе 1944 г. в Латвии «Ягдзайнтц Балтикум» была создана повстанческая организация «Межа Кати» или «Дикая Кошка» («Wilde Katze»). Организация состояла из ряда диверсионных групп, сформированных по принципу землячества и соответственно этому названных: латгальская, видземская, курземская и др. Штаб «Дикой Кошки» под руководством Янкауса располагался на хуторе Дравас Кубилюсской волости Кулдигского уезда.

В «Межа Кати» вербовались военнослужащие латышских дивизий СС, полицейских формирований, айзсарги. В организации они получали документы, свидетельствующие об их принадлежности к «Ваффен СС Ягдвербанд». Всего организация насчитывала в своих рядах более 1000 человек, многие из которых проходили спецподготовку при фронтовой разведывательной группе 212 (бывшая Абвергруппа-212). В начале 1945 г. «кошачьи» диверсанты усилили свою деятельность в тыловых районах Красной Армии. На усиление были дополнительно переброшены 3 группы под общим наименованием «Линда». Помимо диверсионно-террористической деятельности «Межа Кати» вела антисоветскую пропаганду, издавала газету «18 ноября», занималась созданием тайных лесных баз. После капитуляции Германии «Дикая Кошка» перешла на нелегальное положение.

В распоряжении «Межа Кати» в качестве резерва находились груп-



▲ Освобождение Муссолини 1943 г.





▲ Скорцени в Будапеште 1944 г.

па диверсантов-латышей под командованием ротенфюрера СС Ионеса Рудынскиса и эстонская рота унтершарфюрера СС Алулпре (он же Алуперс) Густава. Обе группы были подготовлены к заброске на территорию Прибалтики.

Б) *Общерусская группа («Russland im gesand»)*, под командованием штурмбанфюрера Хайнце Эберхарда, имела в своем составе южнорусскую подгруппу гауптштурмфюрера Кирша в с. Санта-Глаус в Чехословакии. Подгруппа Сухачева была подготовлена в чешском городе Трутнов (Траутенау). Украинская подгруппа во главе с Т. Бульбой (полковником Боровцом) размещалась в г. Альбургунде.

В январе 1945 г. при занятии Хонензальца передовыми советскими частями «СС Ягдвербанд Ост» был уничтожен, значительная часть руководящего и рядового состава была убита или пленена. Из остатков фор-

мирования весной 1945 г. на территории Чехословакии были созданы 2 группы, которые вели работу по переходу организации на нелегальное положение.

ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «ЗАПАД»

Или «СС Ягдвербанд Вест» дислоцировалось в Висбадене и вело разведывательно-диверсионную работу на Западном фронте против армий союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Филиал состоял из 2 оперативных групп: «СС Ягдайнтатц Норд Вест» (г. Фленсбург) и «СС Ягдайнтатц «Зюд Вест»».

ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «ЮГ»

«СС Ягдвербанд Зюд» вел работу на территориях Югославии, Албании и Испании в г. Тремсе. Филиал состоял из нескольких подразделений.

«СС Ягдвербанд Зюд Ост» дислоцировался в Вене и имел в подчинении оперативные группы «СС Ягдайнтатц Словакия», «Болгария» и «Хорватия», опираясь в своей диверсионно-террористической деятельности на националистические группировки этих стран.

ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «СЕВЕР»

«СС Ягдвербанд-Норд» дислоцировался в г. Нойштрелиц близ Берлина.

Вся агентура Истребительного соединения войск СС подбиралась с учетом знания языка страны, где ей предполагалось действовать. Агенты изучали следующие специальные дисциплины: практику и теорию диверсионного дела, способы вывода из строя промышленных предприятий, знакомились с оружием советского, американского и английского производства. Обучение личного





▲ Шепетов И.М.

состава проводилось непосредственно в подразделениях. При необходимости мог быть осуществлен выезд для дополнительной подготовки в войсковые школы СС (ваффеншулле). Так, для углубленного изучения парашютного дела курсанты выезжали в школу парашютистов в м. Ойенхаузен близ Ганновера. Когда подготовленная часть диверсантов отбывала на выполнение задания, занятия в подразделениях не прекращались, а после возвращения с задания курсанты возвращались в свое подразделение и продолжали обучение. Немецкий состав обучался отдельно от немцев и более конспиративно.

В конце 1944 г. по приказу Скорцени была создана спецшкола по подготовке диверсантов. До мая 1945 г. она находилась на горе Шварценберг близ г. Трутнова в м. Санкт-Иохан-ам-Вальде. Под учебные и жилые помещения были заняты строения бывшего дома отдыха

офицеров ВВС. Руководил школой немец гауптман Гилль. Школа вела подготовку диверсантов для совершения акций на железнодорожных магистралях в районах Витебска, Смоленска, Бобруйска, Минска.

В марте 1945 г. в учебную программу были внесены дополнения, и курсанты стали также изучать методику ликвидации высшего состава Красной Армии и партийных органов.

Преподавательский состав школы был причислен к военнослужащим РОА. Преподавателями в основном являлись члены НТС. Начальником школы был сотрудник «Цепелина» майор Игорь Юнг.

Курсантами школы были бывшие военнопленные, зарекомендовавшие себя на службе у оккупантов и из числа рабочих-остовцев. Общее количество слушателей достигало 100 человек, в том числе несколько женщин. Все учащиеся были разделены на 4 взвода. **Обучение велось**

по уставам Российской императорской армии. Основное место уделялось политико-идеологическим вопросам с ориентацией на идеологическую платформу НТС. Среди специальных предметов проводились занятия по радиосвязи, маневры в лесистой местности.

Кроме того, школой было подготовлено подразделение истребителей танков, насчитывавшее 100 украинцев. Из состава курсантов была сформирована лишь одна группа под руководством братьев Соловьевых и переброшена в Галицию.

Накануне капитуляции Германии школа получила приказ о переподчинении начальнику войсковой группы генералу Штрахвицу для действий в районах, Уже занятых советскими частями, но большая часть школы попала в плен к передовым частям американской армии. ■



АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

ЧТО ЕСТЬ СЕЧЬ ЗАПОРОЖСКАЯ



Издревле исконными жителями Западнорусских земель, именуемыми сейчас украинскими, являлись славянские племена. «Повесть временных лет» — летописный свод, составленный во втором десятилетии XII века в Киеве Нестором и отредактированный Сильвестром, говорит о таком расселении племен славян — по Днепру жили поляне, по Бугу — дулебы, бужане и волыняне, по Днестру — тиверцы и уличи, на юг от Припяти — поляне, на Левобережье Днепра — северяне, в Прикарпатье — белые хорваты. Территории этих племен вошли в состав «знаменитого во всех зем-

лях» Киевского государства со столицей в городе Киеве, известном еще с V века. Киевское государство было прославлено многими князьями — Олегом, Ольгой, принявшей православие, Святославом, Владимиром, крестившим страну в православную веру, Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом. Были установлены прочные связи с Западной Европой, Византией, Средней Азией, народами Кавказа, были разбиты и ушли с исторической арены постоянно совершавшие набеги на славянские земли степняки: хазары, печенег, половцы. В состав Киевского государства вошли и земли ильменских славян.

В середине XIX века московский историк писал в тогдашних газетах Российской империи:

«Значение Киевской Руси доселе никем еще не было понято. Это древняя, светлая Русь озарена каким-то весельем, праздничным сиянием. Разноименное население окрестностей Киева, греческий торговый путь и другие, проходившие мимо Киева или примыкавшие к нему, непрерывные сношения с Византией и Западной Европой, церковные торжества, соборы, княжеские съезды, соединенные ополчения, привлечшие в Киев множество народа из всех концов России, довольство,





роскошь; множество церквей, засвидетельствованное иностранцами; рано пробудившаяся потребность книжного учения, при этом какая-то непринужденность и свобода в отношениях людей различных званий и сословий, наконец, внутреннее единство жизни, всеобщее стремление освятить все отношения религиозным началом, так ярко отразившееся в воззрении нашего древнейшего летописца. Все это вместе указывает на такие условия и зародыши просвещения, которые не все перешли в наследство к Руси Владимирской».

Наиболее значительным после Киевского государства на славянских землях было Галицкое княжество, находившееся между Южной Русью и Польшей. Через него проходили торговые пути из России в Венгрию, Польшу и Центральную Европу. Большую роль в Княжестве, в его политической жизни сыграли князь Владимир (1144–1152 годы) и его сын Ярослав Осмомысл (1152–1187). В 1199 году Роман Волынский объединил два княжества — Галицкое

и Волынское. В 1205 году во время похода на Польшу Роман неожиданно умер. Венгры во главе с королем Андреем II заняли Волынь и Галич и поделили его с Польшей. Однако ненадолго. Жители княжества изгнали захватчиков и во главе державы стал знаменитый Даниил Романович Галицкий. В 1240 году власть Галицко-Волынского князя распространилась и на Киев.

В 1238 году земли славян подверглись нашествию монголо-татар во главе с внуком Чингисхана Батыем и были совершенно разорены.

«Из Азии пришли татары. Люди запирались в городах, которые один за другим брались татарами, пока очередь не дошла до Киева. Не устоял и Киев. И как было устоять. Как ни храбро бились в отчаянии горожане, но против несметной силы устоять не могли. Страна полян и северян опустела до того, что когда итальянский путешественник, монах Плано Карпини, проезжал вскоре после погрома этими местами, то он видел одни пустыри, усеянные белеющими костями, черным углем пожарищ, за-

росшие уже степным бурьяном. Людей почти не было видно. Где жили тысячи и десятки тысяч, там робко копошились отдельные семьи запуганных, обездоленных людей. Татары остались кочевать в степи неподалеку, и ни у кого не хватало смелости и охоты вернуться на места, где, как встарь при половцах, ежечасно можно было ждать набега, не имея надежды найти защиту в городе или у князя.

До татарского погрома главным центром Русской земли оставался Киев. Все главные события древнерусской истории разворачивались вокруг него. Неизвестно, что случилось бы, если бы Киев остался прежним людным городом. Может быть, кроме Польши, Литвы и Москвы, еще одним могучим государством было бы больше на земле, и Русь, в конце концов, собралась бы вокруг Киева, а не вокруг Москвы?

Татарское нашествие разорило всю Киевскую Русь, после него она не оправилась, пока не вошла в состав Литовского княжества, между тем, как московским князьям татары оказали существенную помощь для



▲ Владимир Мономах



▲ Ярослав Мудрый



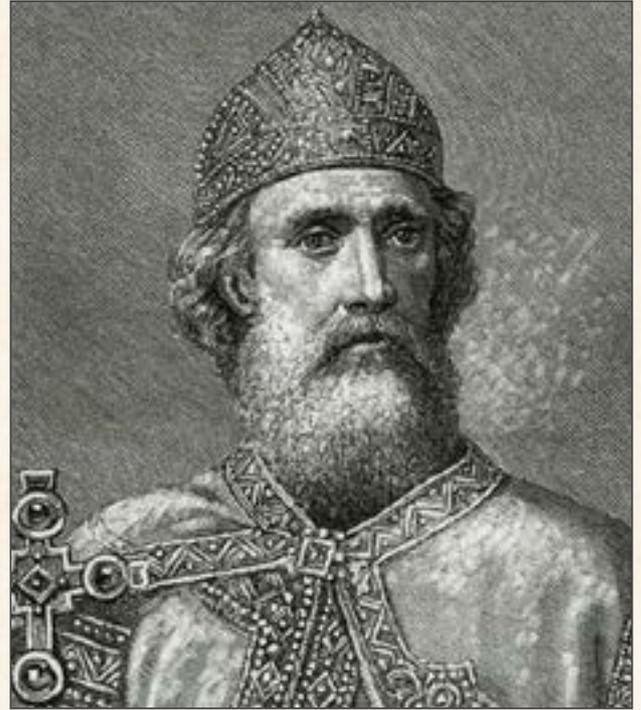


▲ Роман Мстиславич Волынский

основания большого деспотического государства».

В 1246 году власть монгольского хана признал и Даниил Галицкий. Галицкое и Волынское княжества постоянно подвергались нападениям поляков, венгров, татаро-монголов. Венгрия еще в XI веке захватила Закарпатскую Украину, где издавна кроме болгар, венгров, жили и люди из Галицкой земли. Само историческое самоназвание «Украина» впервые упоминается в исторических источниках с XII века по отношению к Переяславскому и Галицкому княжествам, а в XIII веке распространилось на большую часть территории страны. Венгрия попыталась продолжить захваты новых славянских земель, но на ее пути встало новое государство — Великое княжество Литовское.

Литовское княжество образовалось в бассейне среднего Немана в XIII веке и при великом литовском князе Гедимине (1316–1341 годы) подчинило себе земли у Западной Двины, верхнего Днепра, верхней Припяти и Западного Буга. При его сыне Ольгерде (1345–1377) Литва покорила Киевщину, Черниговщину, Подолию и Переяславщи-



▲ Владимир Святославович

ну. В 1349 году в сражениях за нее с Венгрией Польша захватила Галичину, за девять лет до этого Литва покорила Волынь.

Украинные земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, почти сохранили свою автономию, язык, религию. Литовские князья начали принимать православие. Иное дело было в Галичине, попавшей под власть Польской Короны; польская элита часто злоупотребляла политикой уничтожения культуры народов, находящихся от нее в зависимости.

В 1385 году первая попытка полного объединения Польши и Великого княжества Литовского в единое государство в результате подписания Кревской унии не была доведена до конца. С этого времени за крайние земли боролись Польша, Литва и Московия — до определенного времени с переменным успехом.

Различные районы Малороссии были обособлены и разобщены. С развитием торговли между ними установились экономические связи. Киев, Волынь, Чернигов, Галич, Подолия постепенно сливались в единое экономическое пространство, единое целое, дополняя друг друга.

Создавалось и их территориальное единство. Украинные города с XV века управлялись по Магдебургскому праву местного самоуправления, закреплявшему права и свободы горожан. Развитие шло благодаря торговым путям, идущим по Украине.

В 1453 году войска Турецкой империи взяли Константинополь, затем захватили Черноморское побережье Кавказа, Молдавию, Буковину, подчинили Крым. С 1498 года начались постоянные походы турок на украинные земли, грабежи и захваты территорий. Турки и крымские татары разорили даже Киев. Население южной Малороссии, уводимое в рабство, поредело, плохо защищаемое властями.

В 1492–1493 годах в результате русско-польской войны часть украинных земель перешла к Московскому государству, в 1503 году в состав Московского великого княжества вошла Черниговщина.

Южно-русские земли загоразживали Польскую Корону и Литву от набегов с юга, принимая на себя главные удары. Положение украинского крестьянства, давимого налогами, барщиной, религиозными притеснениями, постоянно ухудшалось.





Король польский не имел реальной силы, фактическая власть была у магнатов — землевладельцев, манипулировавших сеймом. Люди стали уходить в степные районы, в низовья Днепра. Свободный человек брал столько земли, сколько мог обработать, хотя и выходил пахать с оружием, опасаясь, и не зря, татарских набегов, — зато в степи не было панов.

Уходили и от власти родительской, от неволи, кар, долгов, проблем, просто искали лучшей доли. Уходили в «низовые места» и уже не возвращались назад. Благодаря условиям опасной жизни эти поселенцы становились хорошими воинами, а поселения их выдвигались в степь дальше и дальше.

«Расположившись на житье в опасной от татар стране, южнорусский народ сам должен был защищать себя. Государство Польское не давало ему защиты. Обороняясь от хищников, люди привыкали к оружию, привыкали соединяться для защиты и нападения в военные союзы или братства,

в разные «купы», «роты», «бурсы», с выборным атаманом, с общей казной, со складом оружия и сборными местами, куда надо было являться при наступлении опасности. Члены таких братств назывались разными именами, пока для всех их, в конце концов, не установилось одно общее название — казаки».

Историей украинского казачества занимались многие исследователи и блестящие историки, более трехсот лет выдвигая свои версии возникновения этого блистательного явления.

В 1736–1740 годах в Запорожской Сечи для производства там крепостных работ находился инженер-поручик князь С. И. Мышецкий, написавший одну из первых «Историй о казаках запорожских»:

«Вышел в 948 году из киевских и полтавских земель один человек, именем Семен, на устье Буг-реки, в лиман, на одну косу, которая коса и доньне зовется Семенов рог, для своих промыслов, а именно, для битья диких коз, кабанов и прочей

дичины, и будучи на одной косе одно лето, пришел домой, и как проведали тамошнее довольствие ближние его соседи, то продались к нему человек более ста, для оных промыслов, а оного Семена стали у себя иметь атаманом. И жили многое время на одной Буг-реке, и сшили себе кафтаны и штаны из кожи диких коз, и тако произошли в великую славу, что славные стали быть стрельцы и прозвали их козарами.

Как греческий Император, живучи в царе-граде с Турком имел войну и нанимал себе охотного воинского люду, то Его Величеству внушили, что есть-де такие люди, что никакого зверя не пропустили, и где будут, то тут и попадут, а прозываются они козары; жилище свое имеют по Буг-реке. Его Величеству весьма оное понравилось, и послал к ним одного комиссара с денежною казною, и как оный комиссар приехал на Буг-реку и нашел в камышу оных козар и атамана Семена, то оному атаману объявил, что Его Величество соизво-



▲ Ольгерд — князь литовский



▲ Даниил Романович Галицкий



лил прислать к ним денежную казну, и приказал объявить: чтобы они со своими людьми поимку чинили над оным неприятелем, около Дуная и прочих тут мест. И оный атаман Семен, взяв деньги, со всеми козарами пошел охотно, и приехав к Украине, к местечкам Лысенке и Медведовке и прочим тут имеющимся городкам, присовокупил еще себе войска, более двух тысяч человек, и пошел к Дунаю и прочим тут имеющимся местам. И под Турком, через помощь Божию, в разных местах поиск учинили. А особенно оны козары действительно в оном случае себя оказали, как-то: отогнанием у Турков табунов лошадей и прочей скотины, также и коммуникацию у Турков весьма отняли, и неукрепленные городки, яко то редуты, разоряли, и людей всех в плен брали, а прочих рубили. И по окончании оной баталии Его Величество своею милостью их жаловал, и назвал их казаками».

Один из историков XIX века, Г. Ф. Миллер, писал в 1847 году в «Рассуждении о запорожцах»:

«По известном Батыевом разорении завладели Киевским Княжеством Литовские князья, а в 1340 году Польский король Казимир I оное в воеводство превратил и всю Малороссию на полки разделил».

Первый гетман войск запорожских Пржецлав Лянцкоронский конца XV — I-й четверти XVI века, считается первым основателем Запорожья. Зять князя Константина Ивановича Острожского и свойственник короля Александра, происходил из старинного дворянского рода, западнорусских шляхтичей герба Задора. Известен как один из лучших полководцев своего времени. Совершил много путешествий по разным странам Европы и Азии, во время которых изучил многие боевые приемы известных европейских и азиатских полководцев. Упреждая турецкие и татарские набеги, Лянцкоронский с казаками напал на Анатолийское побережье Турции. Совершал хорошо спланированные и эффективные походы на Крым — это змеиное гнездо крымских ханов, откуда на Русь



▲ Пржецлав Лянцкоронский

ежегодно обрушивались кровавые грабительские набеги конных орд. Смелые, до безумства дерзкие походы казаков, приводили в ужас турок и татар. «В 1506 первый гетман войск запорожских с казаками землю турецкую счастливо воевал».

Султан Мурад II, перед могуществом и силой которого в страхе склонялись многие европейские государи и владетели азиатских стран, говорил: «Ненависть всех христианских народов не мешает мне спать, но казаки причиняют мне бессонные ночи».

В 1512 Лянцкоронский командовал вместе с тестем польским отрядом, запорожцами и украинскими поселянами во время погони за татарами, грабившими южные районы Великого княжества Литовского. В 1516 запорожские казаки во главе с Лянцкоронским ходили

под турецкий город Ак-Керман (современный Белгород-Днестровский), захватили там множество лошадей, овец и другого добра, но на обратном пути были настигнуты татарами и турками у озера Овидово под Очаковым. В жестокой сече казаки разбили преследователей и вернулись домой с большой добычей. В 1526 и 1528 гетман совершил два больших и успешных похода против татар и турок. В последнем походе казаки трижды разбили татар и взяли добычу в 500 коней и 30 тысяч голов скота.

«При гетмане Лянцкоронском королем Сигизмундом даны были казакам вольности и пожалована им земля выше и ниже порогов по обеим сторонам Днепра, завладенная еще польским королем Казимиром I в 1340 году. Но потом, как поляки ста-





ли утеснять малороссиян, некоторые из них выбрали себе пустое место ниже порогов, и там, «упражняясь в звериной и рыбной ловле, назвали себя либо от козаров, либо от ловли диких коз казаками, которое название потом приложено не только малороссиянам, но и охотникам полякам, поразившим татарского хана Менгли Гирея в 1516 году».

Тесть первого гетмана войск запорожских Пржецлава Лянцкоронского, князь Константин Иванович Острожский происходил из знаменитого западнорусского княжеского рода, потомок одного из тех норманнских военных вождей — конунгов, которые пришли с Рюриком. Родился около 1460—1463, умер в 1530 году, староста брацлавский и винницкий, гетман наивысший литовский, воевода трокский. Князь Константин Острожский проявил незаурядный талант полководца; летописцы упоминают о шестидесяти сражениях, в которых он остался победителем.

Князь выработал особую систему войны с татарами, нападая на них в то время, когда они, обремененные добычей, возвращались домой — и всегда выигрывал битву. Немало также воевал Острожский против Москвы. В битве при реке Ведроше (1500 год) Острожский был ранен и взят в плен; его увезли в Вологду и стали принуждать к вступлению на московскую службу. В 1506 году он выразил согласие принять московское подданство, за что получил сан боярина и дал обычную заручную запись на верность Москве; но, освободившись этим от надзора, Острожский в 1507 году бежал на родину и вновь принял деятельное участие в войне Литвы с Москвой. Русские летописцы никак не могли простить Острожскому этого поступка — предательства, и постоянно называют его «врагом Божиим» и другими нелестными эпитетами. Крупные военные заслуги, особенно оршанская победа (1513 год), расположили в его

пользу короля. Два раза Острожский был почтен триумфом; ему было пожаловано много земель.

Своим влиянием Острожский пользовался в интересах русского населения и православной церкви; он устроил много новых церквей (две в самой Вильне) и обителей, способствовал созыву собора 1509—1510 годов. Благодаря заступничеству Острожского, православная иерархия и паства находилась в спокойном мирном бытии, так что его эпоху можно назвать золотым веком западнорусского православия. Король поручал ему разбор споров между русскими владельцами, и беспристрастие Острожского навсегда закрепило за ним симпатии единоплеменной массы. Литовские и польские летописцы единогласно дают о нем самый восторженный отзыв; легат Пизон признавал в нем единственный недостаток — что он «схизматик». В частной жизни князь Острожский оставался скромным шляхтичем.



▲ Оборона Сечи





▲ В засаде

Российский историк А. Апостолов в своей работе «Запорожье. Страна и народ» писал:

«Ученые долго спорили о том, что значит слово «казак». Иные производили его от слова «коза», потому, мол, что казаки соперничали с дикими козами ловкостью своих движений; другие — от слова «коса», оттого, что любимым занятием этих людей была рыбная ловля на песчаных отмелях, косах. Теперь все согласны в том, что слово «казак», или «козак» вовсе не русское, а татарское. Киргизы и теперь называют себя казаками, а у татар все их военное сословие состояло из улан (ханских потомков), мурз (князей, дворян) и простых казаков, не владевших землей. Эти татарские казаки постоянно шлялись по степям, содержали полевую стражу и жили военной добычей! Само слово «казак» или иначе «кайсак» обозначало на их языке «легковьючного наездника», человека вольного, бродягу. Украинцы из Киевщины и Полтавщины тоже выходили в степи, которые доставляли им мед, рыбу, звериные шкуры, меха и богатые пастбища,

и всего этого было вволю. Поэтому земледельческий тяжелый труд был тогда многим не по душе, да и трудно было им заниматься правильно, когда никто не был уверен в завтрашнем дне: налетят татары и все разграбят; и степь манила отважных людей прелестью вольной жизни.

Многие малороссы жили тогда полукочевой жизнью: где-нибудь в селе или городе у них были усадьбы, обыкновенно защищенные, так как правильного хозяйства не велось, а сами они зимой работали или на смолокурне, или на винокурне, весной же целыми артелями, под предводительством выборных ватажков, шли в степь поохотиться, порыбачить; выпasti коней на роскошных травах, но тут постоянно сталкивались с татарскими бродягами, и их сильно подмывало навредить как можно больше ненавистному врагу, да, кстати, и поживиться на его счет. То поймут арканом одинокого татарина, то спалят какой-нибудь улус (становище татарское), то, как змеи, подкрадутся в высокой траве к татарскому чамбулу на ночлеге, — часть погонит в поле пасущихся татарских

коней, где их переловят, а другая бросится на растерянных татар, непривычных к пешему бою, и беспощадно изрубят их саблями. Изучив до точности все татарские повадки, все их обычные дороги и переправы, которыми они пользовались для своих опустошительных набегов, украинские выходцы вскоре очень пригодились своим землякам: они извещали их о движении татар, о готовившихся больших набегам, ставили сторожу (варту) на высоких курганах и залегали в густых камышах возле разных речных бродов и днепровских переправ.

Эта жизнь, полная опасных приключений, среди бесплодной степи, в непрерывной мелкой войне, наложила на них особый отпечаток. Они стали такими выносливыми, что при случае могли питаться одними кореньями, желудями, рогами и копытами животных, по целым дням не слезать с коня, переплывать широкие реки и даже страшные Днепровские пороги. Смерть, постоянно грозившая им во всех видах, сделала их отважными и беззаботными, а отсутствие всякого стеснения, привычка во всем пола-





гаться на себя, а не ждать помощи от государства, развили в них любовь к свободе и независимый характер. Все эти вооруженные украинские выходцы стали называть себя казаками, потому что во многом были похожи на своих врагов — татарских казаков: они переняли не только все их военные хитрости, но даже костюм и обычай брить голову, оставляя один только длинный чуб. При наступлении зимы небольшая часть казаков устраивала себе на каком-нибудь неприступном Днепровском острове шалаши из хворосту, покрытые лошадиными шкурами, и оставались там зимой, держа варту (сторожу). Большая же часть возвращалась домой в Малороссию; там они продавали на ярмарках привезенные из степи меха, шкуры, мед, рыбу, часто посоленную, за недостатком соли, золою, а также отбитых (угнанных) татарских коней и скот. Их рассказы о своих подвигах и прелестях привольной степной жизни побуждали многих слушателей, мещан и крестьян, и себе попытать счастья — «показаковать в поле», а, раз вкусив этой жизни, они уже не возвращались к прежней и тоже делались казаками. От этого, чем дальше, число казаков все росло и росло.

Так как в Литве и на Украине не было постоянного войска, то каневский и черкасский старосты старались воспользоваться храбростью и опытностью казаков в военном деле для охраны границы от татар и турок, образуя из них правильно вооруженные околицы, роты и сотни; сами поощряли мещан и крестьян поочередно посылать из своей среды в степь варту и всех таких людей освобождали от податей. Татары вскоре почувствовали казацкую силу. В 1527 году хан жалуется польскому королю Сигизмунду: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал вашей милости, чтоб вы остановили их, но вы их остановить не хотели. Я шел на Московского князя, 30 человек за болезнью вернулись из моего войска; казаки поранили

их и коней побрали. Хорошо ли это? Черкасские и каневские власти тем пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего, Московского князя, под наши улусы и, что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву».

Иногда сами старосты становились во главе казаков и вели их в поход, громили татарские загоны, били турок под Очаковом и брали огромное количество скота и коней. Из таких старост особенно прославился, как казацкий предводитель, «знаменитый казак» Евстафий-Остап Дашкович.

В самом начале XVI столетия Дашкович упоминается, как воевода великого князя литовского и наместник кричевский. Вскоре Дашкович со многими литовскими дворянами бежал в Москву и поступил на службу к великому князю Василию III Ивановичу, который послал его в 1508 году с войском на помощь восставшему против литовского великого князя Михаилу Глинскому.

После неудачного исхода предприятия Глинского Дашкович передался Сигизмунду I и был на Украине старостой черкасским и каневским. На обязанности старост в украинских поветах лежала в то время забота об охране границ от набегов крымцев. Для этой цели он весьма удачно воспользовался запорожскими выходцами-казаками и успел сосредоточить в своих руках значительную военную силу, которая оказала немалые услуги в борьбе его с татарами. Дашкович оставался главным распорядителем малорусских казаков до самой своей смерти (1536); ему, главным образом, обязано казачество своим упрочением, как военное сословие.

Главными сборными местами для украинских казаков сделались Канев и Черкассы; так что в Москве казаков так и звали «черкасами». Отсюда казачество распространилось по Киевщине, Полтавщине, Черниговщине, и по южной части



▲ Василий III Иванович





▲ Казаки на Сечи

Подолья. Но наряду с этими мало-российскими или городовыми казаками, которые вскоре стали получать жалованье из казны за свою службу, в степи действовали независимые ни от кого казацкие ватаги, или «купы», под предводительством своих выборных гетманов (от немецкого слова «гауптман» — капитан). У них были две главные цели: борьба с татарами и занятие доходными степными промыслами».

Польская шляхта стала перебираться на Украину, где селилась на выпрошенных у короля землях, раздаваемых им в награду за службу; литовские и русские дворяне, желая получить права шляхты и во всем сравняться с нею, стали переходить в католичество.

Исподволь на Украине стали прививаться польские порядки, в числе их и крепостничество. Не прошло и нескольких десятков лет, как русский народ увидел себя в горчайшей кабале, разница в вере и языке пана и хлопа уничтожила прежнюю близость между ними, они стали чужими.

Пан-католик, живя за счет своих хлопов, не жалел их, как «схизматиков» — еретиков, выжимая из них все соки и звал их не иначе, как «быдлом» — скотом.

Тяжела и горька была жизнь хлопа у пана, особенно в правобережной Украине, а потому много стало уезжать их на восток и на Низ, где они, если только не были перехвачены в дороге, превращались в вольных казаков.

«Казак» по-татарски значит — бродяга, наездник, вольный воин. Это название появилось давно. Так называли вольных жителей левобережной Украины, которые плавали вниз по Днепру за рыбою и затем продавали ее в Киеве и других городах. Эти смельчаки стали набираться старостами из королевских местечек и волостей или сами собирались в шайки и выбирали себе предводителей. Ловля рыбы в низовьях Днепра, в соседстве с татарами, часто оканчивалась кровавыми стычками с ними, а потому эти рыболовы, в то же время должны были быть воинами, отчего стали называться казаками.

Российский историк, академик С. М. Соловьев писал:

«Первоначально и преимущественно казак, человек бездомный, изгнанник из общества, человек, которому тесно, тяжело в обществе при известных условиях; казак искал через бегство из общества только

личной свободы, он являлся в степь с тем узким, младенческим взглядом на общественные отношения, к которому приучила его прежняя среда частной зависимости. Он бежал в степь для того, чтобы быть вольным казаком, а не мужиком, ибо с понятием труда соединялось понятие мужичества. Вольный казак, молодец, вовсе не хотел работать, или хотел работать как можно меньше, хотел жить за чужой счет, за счет чужого труда.

Все удалые и беспокойные головы, все, имевшие причины враждовать с правительством, стремились в степное Запорожье; здесь-то вспыхивали восстания и разливались по всей Украине, отсюда являлись вожди этих восстаний».

Украинское казачество зародилось на территории Среднего Поднепровья в конце XV века. Среди ученых нет единодушия в вопросе происхождения слова «казак». Считалось, что оно происходит от названия народов, некогда живших вблизи Днепра и Дона (касоги, х(к)азары), или от самоназвания современных киргизов — кайсаки. Существовали и другие этимологические версии происхождения термина «казак»: от турецкого «каз» (т. е. гусь), от монгольского «ко» (броня, защита)





и «зах» (рубеж). Некоторые ученые выводили его из татарских глаголов «каз» — «рыть», «кез» — «скитаться», «кач» — «бежать, спастись»; другие создали невероятную этимологию этого слова от «каз» — «гусь» и «ак» — «белый».

Слово «казак» впервые было упомянуто в латинской рукописи конца XIII века «*Godex cumanicus*» в значении «сторож» или «дежурный». Вслед за этим оно все чаще встречается в тюркоязычных источниках, означая свободного вооруженного человека.

Одна из современных трактовок версии термина «казак» такова — «сам термин «казак» — тюркского происхождения. В «Тайной истории монголов» (1240 года) так называется свободный человек, не связанный семейными узами, склонный к завоеваниям. В словаре половецкого языка (1303 года) казаком именуется воин-разведчик, сторожевой. На землях Руси казаками начали называть свободных людей, которые селились в приграничных районах Московского государства, Великого княжества Литовского

и Польши. В условиях приграничья, находясь между двумя враждебными социокультурными мирами — миром христианства и миром ислама, — казаки с самого начала были вынуждены объединяться в вооруженные отряды во главе с выборными атаманами, и быть готовы в любой момент дать ответ тем, кто зарился на их независимость. Свои ряды они пополняли за счет крестьян-беглецов, крепостных и каторжников, людей, преследуемых по религиозным или политическим мотивам. Их товарищество было многонациональным. Так, польский посол Пясочинский, ведя переговоры в 1601 году с представителями турецкого правительства, отмечал, что среди казаков были «поляки, украинцы, московитяне, волохи, турки, татары, евреи, и вообще люди всякого языка».

В безграничных степях между Черным, Азовским и Каспийским морями с неизвестных времен является народ, носящий имя «казак». О происхождении и начальной судьбе этого народа нет правдивого

сказание ни в летописях, ни в истории. Истинно только то, что казаки в X веке существовали уже в землях русских — Киевской Руси и далее по Днепру, Дону и Бугу.

Подобно началу истории всех политических обществ и история казаков начинается появлением витязей, дела которых переживают многие столетия, записываются в летописи и служат потом первыми страницами в истории народов.

Русский исследователь старины П. Симоновский доказывал в работе «Краткое сочинение о казацком малороссийском народе и военных его делах», собранное из разных историй иностранных, немецкой — Бешенга, латинской — Безольди, французской — Шевалье и рукописей русских 1765 года», вышедшей в типографии Московского университета в 1847 году:

«Довольно, что имя оное казак, есть древнее и всем вестимое. Сие слово, казак, есть сложено из двух наречий — Каспиум, то есть Каспийское море, и Саки, то есть скифский





▲ Гедимин — князь литовский

народ, ибо саками именовали их, по автору Плинию.

Малороссийские казаки, без сомнения, суть древнейшие от донских, око сии в 1579 году, в государствовании царя Ивана Васильевича, стали быть известны, а оные начали быть еще в 1340 году, когда Польша Чермную Русь себе покорила.

Когда знаменитый князь литовский Гедимин, в 1320 году, татарскому владению над Киевом конец учинил, взял без малейшего сопротивления град Киев и учредил в нем воевод своих, что обывателей земли той привело в страх и многие из них принуждены были оставить дома свои и искать поселения себе внизу по Днепру, где как скоро поселились, то поляки, литва, татары, будучи теперь их соседями, беспрестанно делали на малороссиян нападения и обиды, отчего они, защищая себя, приобрели от мала до велика привычку к воинскому искусству.

Обыкновенно украинские казаки

назывались тогда запорожцами, потому что по той стороне днепровских порогов все жили.

Король польский Сигизмунд I (1507–1548 годы) взял отсюда некоторую часть того военного народа и поселил их в вершине днепровских порогов, для защиты границ от турецких и татарских нападений, когда те казаки размножились так сильно, что в состоянии были, в согласии с братиею своею запорожцами, разбивать на Черном море турок и татар.

Король Стефан Баторий, которому Польша, за многие добрые учреждения, много должна, рассуждая, как нужны и полезны казаки на войне, сделал из них в 1576 году воинский корпус, разделяя его на 6 полков, в каждом полку по тысяче человек, а те полки разбил на сотни, с тем, чтобы каждый казак, принадлежащий к полку, вписан был в сотню и, когда потребует, в оной непременно должен быть. Всякий полк и вся-

кая сотня имели себе определенного от короля начальника, который тогда по определению королевскому был без перемены. Над всеми же теми полками король сделал им главнейшего командира с титулом гетмана, которому для лучшего уважения и почитания, жаловал королевское знамя, бунчук, булаву и печать с изображением казака, стоящего в поле, которою и ныне Малороссия печатается. Тогда же быть определил и войсковым старшинам — обозному, судье, писарю, есаулу».

Казачество является по духу и целям своим прямым продолжением богатейства святорусского, а потому его нужно считать столь же древним, как и самое русское государство. Можно смело сказать, что казачество — это Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под иноземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору и смело смотрящая в очи соседям — врагам.

Итоги исторической дискуссии в конце XIX века подвела знаменитая энциклопедия Брокгауза и Ефрона:

«Как один из видов избавления от гнета помещиков развивалось бегство крепостных. Крепостные крестьяне и беднейшее мещанство уходило в восточные, слабо заселенные степные районы, в низовья Днепра, где поступали на службу в пограничные замки, а также занимались охотой, рыболовством. Такие неоседлые люди стали называться казаками. Они фактически становились свободными людьми. Казаки становились организаторами походов против татар, которые были вызваны их постоянными набегами.

Во второй половине XVI века казачество за Днепровскими порогами создало свой военный центр — Запорожскую Сечь».

В советской историографии утверждалось, что формирование казачества происходило только за счет крестьян, которые бежали от крепостничества. Этот классовый подход к рассмотрению вопроса формирования казачества и до сих





пор перевешивает в научных трудах и популярных публикациях. Ряд украинских историков отрицают это утверждение и доказывают, что казаки выступили на историческое поле задолго до закрепощения крестьян. Украина была известна позднесредневековой Европе под названием «страна казаков».

Вольтер в «Истории Карла XII» писал: «Украина, страна казаков — одна из плодороднейших стран света. Украина всегда желала свободы». Казаки по форме и сути были разновидностью европейского рыцарства. Свое происхождение они ведут от княжеской эпохи и являются наследниками дружинно-рыцарских традиций Киевской Руси. Наверно не случайно церковные иерархи в своем Манифесте 1621 года назвали Запорожское войско наследниками древнекняжеского рыцарства. Булла папы Григория IX говорит о казаках под 1227 годом.

Казачество породило не так крепостное право, как горячее желание возродить свою державу на старинных киеворусских просторах. Именно

но на этом постулате формировалась идеология вооруженного отпора, единения всех, кто делал вклад в это дело, независимо от национальности, социального происхождения. Поэтому в казацких рядах вместе были и крестьяне, и ремесленники, и шляхтичи, и священники, и аристократы, и иностранцы. Казачество пополнялось как выходцами из украинских земель, так и из Беларуси, Московского княжества, Молдавии.

Казаки осваивали незаселенные украинские степи в низовьях Днепра, на которые не распространялась власть ни польских, ни татаро-турецких захватчиков. Вольные поселенцы — казаки, для которых свобода ценилась превыше всего, создавали на новых местах и новую общую организацию — казацкое общество, громаду, в которой каждый получал равные со всеми права пользоваться хозяйственными угодьями и участвовать в самоуправлении, в том числе и в выборах казацких предводителей. Одновременно каждый был обязан с оружием в руках охранять поселения, ходить в военные походы».

На исторической арене украинское казачество как явление появилось в конце XV века, но как социальный слой сформировалось лишь на рубеже XVI–XVII веков. Именно тогда украинское казачество переросло в отдельную сословную группу со своими особыми интересами, экономическими и общественными прерогативами. Между казаком — степным воином конца XV — начала XVI века, который занимался так называемым «уходничеством» (экономическим промыслом), и казаком конца XVI века, ставшим защитником интересов украинского народа в могущественном многонациональном союзе Речи Посполитой, — огромная разница.

Казачество формировалось на довольно большой этнической и социальной базе, которая на протяжении двух столетий постоянно обновлялась и изменялась. В этот процесс были втянуты крестьянство, боярство, шляхта, мещанство.

К началу XV века Польская Корона на Правобережье и Левобережье Днепра. На юго-восточной Украине



▲ Днепровские пороги



хозяйничали магнаты: Жолковские, Калиновские, Замойские, Корецкие. На украинских землях окончательно укрепилось крепостное право. На Украину были перенесены польские порядки и законы. Все это усиливалось национальным и религиозным гнетом. Крестьян принуждали принимать католичество, лишали прав, называли скотами — «быдлом». Большую роль в создании казачества сыграла вера. Паны в замках и имениях за редким исключением были католиками, простой народ — православным и упорно держался этой веры. От религиозного принуждения народ уходил казаковать в степи.

Шляхта постоянно мешала развитию украинских городов, уже имевших Магдебургское право. Обнищавшие горожане бежали казаковать в степи. Православные бояре и дворяне также притеснялись польскими магнатами.

Широким потоком хлынула шляхта на Русь, а за ней шло католическое духовенство. Магнаты усердно выпрашивали у короля дарственные записи на свободные земли, и король охотно давал эти грамоты. «Иной пан получал такой кус земли, что его на добром коне несколько дней не объедешь». За панами потянулась сюда и мелкая шляхта, «загоновая» беднота, чтоб и себе воспользоваться крохами от панской добычи. Выслужится такой шляхтич у пана, поможет ему тот «врасти в землю», обзавестись хозяйством, пойдет он в гору, смотришь — иной вскоре и сам делается магнатом.

Иной захудалый шляхтич продавал последнее свое имущество на родине и с деньгами спешил на Украину; там являлся к пану и просил дать ему даром участок земли. Панами это было очень на руку, так как это увеличивало доходность их земель: новопривыкший шляхтич старался заселить землю; если она была пуста, заводил челядь и хозяйство; если же земля была с крестьянами, то он облагал их поборами и тогда платил пану аренду. Заселение Украины с этих пор быстро двинулось вперед, страна была богата, пустынна и могла бы прокормить много народу.

Беда была в том, что шляхта приехала из Польши преизобильно, польские кметы не шли. Тут нужны были дешевые рабочие руки, а их или вовсе не было, или на новых землях сидело свободное население: земляне, казаки, вовсе не расположенные даром работать на свалившихся к ним с неба новых господ; шляхта же выросла на хлопском труде и не признавала никакого другого. К тому же русский человек-простолудин был в глазах поляка схизматиком, еретиком, и они иначе не называли его, как «быдлом» (животным), «песьей кровью». Суда на пана нигде нельзя было найти: судьи были продажны, да и магнаты не боялись их, издеваясь над судебными приговорами. Бедствия народа еще усиливались от присутствия в Малороссии буйного наемного «кварцаного войска»: служившие в нем жолнеры бесчинствовали и обирали жителей.

Одним словом, положение хлопков в Малороссии сделалось вскоре таким же тяжелым, каким оно было в Польше, и даже худшим. Один польский писатель писал:

«В Турции ни один паша не может того сделать последнему мужику, иначе поплатится головою; и у московитян первейший боярин, и у татар мурза не смеют так оскорблять простого хлопа, хотя бы и иноверца. Только у нас в Польше вольно все делать в местечках и селениях. Азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат в свободной Речи Посполитой».

Паны получали со своих имений громадные доходы, разбрасывали деньги, как полу, и все-таки не могли растратить. Вся жизнь магнаты проводили в пирах и попойках; в раззолоченных палатах замков день и ночь гремела музыка, бочками стояло венгерское вино и томилось множество шляхтичей-дармоедов.

За панами тянулась и прочая шляхта. Тот же польский писатель говорит:

«От сенатора до ремесленника, все пропивают свое состояние, потом входят в неоплатные долги. Никто не хочет жить трудом, всяк норо-

вит захватить чужое. Легко достается оно, легко и спускается; всяк только о том и думает, чтоб поразмашистее покутить. Заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они, как саранча: одна особа съедает в один раз столько, сколько множество бедняков заработает в долгое время. Сменяются над поляками, что у них, верно, пух имеет такое свойство, что на нем могут спать спокойно, не мучаясь совестью».

Малороссы не захотели превращаться «в быдло», они не захотели превращаться в хлопков, они хотели воли. Те люди, крестьяне, ремесленники, дворяне, которые шли к днепровским порогам, попадали не на пустое место — их там уже ждали, у украинских казаков уже была своя организация, да и самих казаков, опытных степных воинов, было уже немало.

Южная окраина украинских земель подвергалась постоянным набегам и разорениям от орд крымских татар — Польской Короне и Великому княжеству Литовскому, в состав которых входили украинские территории, необходимо было принимать меры по защите границы. Нападения крымцев делались все грознее и опустошительнее, отряды врагов продвигались все дальше и дальше, и с 1506 года Великое княжество Литовское начало платить дань крымскому хану. Это, естественно, не помогало, в 1511 году в городе Пиотрокове был созван большой сейм для обсуждения татарской проблемы.

Воевода Евстафий-Остап Дашкович на Городенском сейме (1522 г.) предложил создать передовую охранную линию в низовьях Днепра:

«Необходимо для сего учредить деятельную стражу только из двух тысяч воинов. Они могли бы разъезжать на малых судах и лодках между днепровскими островами и порогами, препятствуя татарской переправе. Для прикрытия сей стражи острова следует укрепить, а для доставления ей жизненных припасов нужно не более пятисот всадников».





▲ Евстафий Дашкович

Сейм одобрил проект Дашковича и постановил организовать в низовьях Днепра четырехтысячное войско, на вооружение и содержание которого собрать особый земельный налог. Войско, охранявшее Подолию, возглавил Евстафий Дашкович.

Дашкович деятельно принялся за осуществление своего великого, как оказалось, плана. Именно этим обстоятельством мы обязаны тому, что в запорожском внутреннем строе, быту и порядках с первых же шагов бросаются в глаза черты военного устройства как древних государств Спарты и Рима, так и позднейших рыцарских орденов.

Дашкович был строителем города Чигирина. Деятельность Дашковича, как организатора казачества послужила поводом для некоторых историков Малороссии ошибочно считать его первым казацким гетманом

или первым запорожским атаманом.

Дашкович отобрал четыре тысячи казаков, разделил их на полки и сотни, поставил над ними старшин, полковников, есаулов, сотников и десятников, устроил казацкий суд из старших казаков. Ежегодно он менял две тысячи казаков, содержащихся «на Низу», на других, отпуская первых «в поле, в степь». С самого начала украинское казачество делилось на два вида — служащих на границе и живущих дома до того времени, пока их не позовут в военный поход.

Первый поход состоялся в 1516 году. 1200 казаков во главе с Дашковичем дошли до Ак-Кермана в турецких владениях, разбили татар и вернулись, пригнав с собой 500 лошадей и 3000 голов скота. В следующих походах казакам Евстафия Дашковича против татар

помогали военные формирования князя Константина Острожского — в 1522 и 1523 годах. До этого, в 1515 и 1521 годах, казаки по приказу польских властей ходили в поход на московские окраины.

Днепровская стража поначалу была малочисленна и не могла бороться с большими войсковыми соединениями врага. Большое казачье войско было поручено сформировать Богдану Рожинскому, командующему войсками на украинских землях. Он организовал двадцать местных полков по две тысячи казаков в каждом и разделил их на сотни. Они получали свои названия по городам и селам, где находились — «Киевского полка, Киевская сотня». Все казаки были переписаны, был составлен именной список, реестр; сами казаки стали называться реестровыми. Половина казаков составили конницу, вооруженную за собственный счет ружьями, пистолетами, саблями и копьями, предназначенную для действий «в поле». Вторая половина, пехота, вооруженная ружьями, копьями и кинжалами, предназначалась для обороны городов и местечек. Во время военных действий реестровые казаки получали жалованье, иногда одежду. В мирное время они занимались хозяйством, ремеслом, торговлей, были освобождены от налогов.

Во второй половине XVI века казачество за Днепровскими порогами создало свой военный центр — Запорожскую Сечь. Запорожская земля стала центром казачьей силы.

Низ, или Запорожье, составляли земли, лежащие по обе стороны Днепра, ниже его порогов, почти до самого Черного моря.

Места эти были степные, и природа носила здесь двойственный характер; по местам она представляла необычайное изобилие, каким вообще отличалась Украина, а по местам являла собой крайний недостаток.

Весной Запорожье представляло собой безгранично раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную, как бы шелковистую поляну, с нависшими скалами над многоводными реками и глубокими балками.



И сколько здесь было разнообразия! Вот расстилается лог, тянется овраг; там по берегам рек скалы выступают из-за скал; тут мелодически журчит ручей или капризно извивается чистая, как хрусталь, река; вот высятся небольшие пригорки, поднимаются курганы и могилы, а там подалее, у могучих текущих вод, чернеют дремучие, девственные густолиственные леса.

Все это чрезвычайно красиво и величественно.

Запорожье было богато водой: один Днепр с его притоками занимал огромную площадь земли, давая возможность развиться лесной и степной флоре, несмотря на палящее солнце летом и лютую стужу зимой, но зато поражали путешественника густотой своей чащи, величиною отдельных деревьев и разнообразием их пород.

Здесь росли липа, клен, граб, вяз, дуб, ясень, чинар, кожевенное дерево, лоза, осокорь, ива, верба, шиповник, боярышник, шелковица, терновник, дикая груша и яблоня, дули, барбарис и много других древесных растений.

Наиболее крупные лесные пространства лежали лишь к востоку

от устья Днепра, а в остальном в Запорожье лес рос повсеместно по берегам рек и балок.

Земля была плодородна и тучна; она могла изобильно производить разного рода хлеб: рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, лен, коноплю. Из огородных культур: арбузы, дыни, огурцы, картофель, чеснок, лук, свеклу, петрушку, репу, капусту.

На пространстве нескольких сотен десятин можно было найти множество видов растительности: дикий чай, шалфей, ковыль, цикорий, куколь, спаржу, хрен, мак, ромашку.

Все это при первом блеске весеннего солнца поднималось из земли, быстро выросло и в короткое время достигало почти полного развития.

Вместе с появлением растительности появлялись и животные, прилетали и птицы; особенно изобиловали теми и другими «плавни».

Плавни — это низменные долины по обеим сторонам среднего и нижнего течения Днепра, особенно на левом берегу, покрытые сочной травой, высокими камышами и разного рода, преимущественно мягкой породы, деревьями: в ве-

сеннее время и в дождливую осень плавни сплошь затоплялись водою, летом же они были сухи, исключая самых низменных мест, наполненных водой и представляющих из себя протоки — речки, озера и болота. Следствием этого было то, что в самое жаркое лето, когда прибрежные степи представляли из себя выжженные солнцем, а потому безжизненные пространства, плавни имели и давали необходимую для развития растений влагу и были убежищем от жары разного рода зверя и птицы.

В плавнях в изобилии водились кабаны, медведи, барсуки, волки, лисицы, выдры, буйволы, дикие лошади, олени, лани, козы; куропатки, коростели, скворцы. Множество мелкой пташки таилось, шныряло и перелетало в густой траве и кустарниках, спасаясь от громадных гадюк, разных змей и от парящих в высоте орлов, ястребов и соколов; дрофы, дикие курицы, точно стадо баранов, паслись в прибрежной степи; вершины оголенных дубов покрывались группами рассеявшихся по сучьям тетеревов; лебеди, гуси, утки, бакланы, журавли, птицы-бабы и другие водяные и болотные птицы плавали, ныряли и кор-



▲ В Днепровских плавнях





▲ Остров Хортица

мились в речках и озерах, поднимаясь иногда на воздух разноголосыми стаями, чтобы спастись от покушений лакомки-лисицы, и снова опускались на другое озерко, столь же богатое рыбой, как и прежде.

Нигде, кажется, не водилось такое множество разной рыбы, как в Днепре и его притоках. С древнейших времен дошли сказания о богатстве его рыбой. Здесь водились: осетры, сомы, севрюги, лини, стерляди, щуки, тарань, чебаки, окуни, ерши, плотва, судаки, язи, сельди, чилики и белуги, доходившие до трех сажен длины.

Всего вдоволь было здесь у низовцев.

Пользование этими естественными дарами природы составляло для запорожцев главное средство для жизни. Охота и рыбная ловля давали им почти все. Если же чего не хватало, то в «поисках», так называли они свои набеги на крымские и турецкие владения, доставали остальное: платья, оружие и прочее имущество и снаряжение.

Познакомившись с устьем Днепра, с его многочисленными гирлами,

островами и камышами, казаки стали выходить в море, где захватывали турецкие торговые суда.

Производя свои подчас исключительно дерзкие набеги, запорожцы не боялись мести турок: их спасал от этого тот же Днепр. По сказанию Биплана, в нижнем Днепре было более десяти тысяч островов, и все они были покрыты такой густой травой, таким непроглядным камышом и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромные деревья за мачты кораблей, плывущих по днепровским водам, а всю массу островов — за один огромной величины остров.

Столь же надежно прикрыто было Запорожье и с севера порогами Днепра. Кто не видел этих порогов, кто не пытался проехать через них, тот никогда не может себе представить всей грозности, всего ужаса и величия, каким поражает здесь Днепр всякого путешественника. Кровь леденеет в жилах, уста смыкаются, сердце перестает биться. Уже издали можно узнать приближение порогов по тому странному шуму,

оглушительному реву воды, которая, вливаясь в промежутки между порогами, сильно пенится, высоко вздымается и затем разом падает вниз, все мгновенно увлекая за собой. Много здесь разбилось судов и погибло народа.

Дорог на Запорожье не было никаких, кроме Днепра. Большие острова, поднимающиеся высоко над водой своими отвесными гранитными боками, густо поросшие деревьями и травой, были любимейшим и надежнейшим местом поселения всех выходцев из Украины. Здесь они чувствовали себя вольными людьми, зная, что паны не отважатся проникнуть сюда.

Вот тот Низ, который был предметом глубокого благоговения в глазах каждого казака.

Но то же самое Запорожье-Низ по местам и в иное время года носило противоположный характер, являя крайний недостаток во всем. Становится поэтому понятным, почему та местность, где угнездилось казачество, не принадлежала никому из соседних народов и носила у них



название Дикого поля, но поляки ошибочно называли все Запорожье Диким полем.

Дикое поле начиналось на западе от реки Синюхи, притока Буга, и тянулось на восток к правому берегу Днепра, далее простираясь и к югу. Это было бесплодное пространство, опустошенное к тому же часто саранчой, удаленное от поселений настолько, что человек рисковал умереть голодной смертью во время пути. Лишь некоторые места около воды изобиловали рыбой и дичью и имели пастбище для лошадей.

С половины лета степи левого берега мало отличались от Дикого поля: от жары пересыхали речки и ручьи, трава высыхала и делалась мало годной для пастбы лошадей и скота. Сухость травы давала обильную пищу для степных пожаров, иногда охватывающих местность в несколько десятков верст. Летом около полудня появлялись мухи величиной с пол вершка и кусали лошадей до крови, а вечером со всех сырых и низменных мест с глухим жужжанием поднимались рои комаров, жадно накидывавшихся на все живое, и только в дыму костров можно было найти спасение от них. К числу прочих невзгод, посещающих Запорожье летом, надо прибавить еще саранчу и заразные болезни. Сырость плавней способствовала укоренению в Запорожье разных вредоносных лихорадок, а иногда к ним прибавлялась еще страшная болезнь, известная под именем моровой язвы или наглой смерти; немало запорожцев погибло от нее.

Зимой на Низу было не лучше: лютая стужа, метель и стаи озверевших от голода волков делало ужасным положение путника в степи, где, кроме волков, не показывалось ничего живого, а тишину нарушал лишь ветер, с ревом перегонявший сугробы снега с одного места на другое.

Если ко всему этому прибавить, что запорожцы обыкновенно находились или в поисках, или на охоте в плавнях, в соседстве с непримиримыми врагами — татарами, то станет понятно, что жизнь казака на Низу была сурова и полна лишений. Во-

обще, уйти за пороги на Низ — значило подвергнуть себя многим лишениям, которые мог выдержать только человек с крепкой натурой.

Вот на этой сказочно дикой девственной земле и появилась крепость украинских казаков — Сечь. Запорожская Сечь.

Первая казацкая крепость, ставшая прообразом Запорожской Сечи, была построена в 1550-х годах на днепровском острове Малая Хортица православным князем Дмитрием Вишневецким, позднее прозванным или отождествлявшимся запорожцами с малороссийским народным героем казаком Байдой.

Князь Вишневецкий Дмитрий Иванович, потомок и Рюриковичей, и Гедиминовичей, волынский православный магнат, князь Белевский, воевода Кабардинский царства Русского родился в 1517 году в день святого Дмитрия — 8 ноября. В 1550 году был назначен польским королем черкасским и каневским старостой.

Для защиты от турецко-татарских набегов Вишневецкий собрал и объединил разрозненные казацкие отряды, на собственные средства в 1552 году построил на острове Малая Хортица деревянно-земляной замок — форт на Малой Хортице — «город напротив Конских Вод».



▲ Вишневецкий Д.И.





Опираясь на этот форпост, Вишневецкий в 1553-1556 годах организовал несколько походов запорожских казаков в турецкие и крымские владения — на города Очаков и Ислам-Кермен.

В малохортинской крепости находилось постоянно около 300 казаков. Остров Малая Хортица невелик, в длину около 700 метров, в ширину — 200 метров. Остров расположен в Старом русле Днепра — Речище. Крепость была заложена на северной, высокой каменистой части острова. Расстояние до берега Большой Хортицы почти 200 метров и столько же до правобережного берега Украины. С военной точки зрения такое расположение крепости было весьма выгодным, что позднее подтвердили боевые действия против крымцев. Крепость имела вид подковы, южная и северная стороны которой в высоту были 40 сажень, западная — 56 сажень. В середине укреплений было открыто 25 ям.

Многие историки называют ее колыбелью украинского казачества. Казаки называли Вишневецкого своим гетманом. До этого предводители казачьих отрядов назывались атаманами. Это слово, вероятно, тюркского происхождения, означало выборного предводителя; войсковой атаман считался главным начальником войска. Позднее у запорожцев главой войска стал кошевой атаман.

Само слово «гетман» (польское *hetman*, чешское *hejtman*, немецкое *hauptman*) означало, начальник, предводитель. В Чехии в период гуситских войн именно гетман руководил таборитскими войсками. В Польше и Литве гетманами первоначально назывались командующие наемными войсками, позднее, с XVI века, пожизненное звание гетмана носили командующий всеми вооруженными силами государства — великий гетман, и его заместитель — польный гетман. Именно с первого казацкого командующего Д.И. Виш-

невецкого гетманами стали называть выборных глав реестровых и запорожских казаков.

Запорожцы под предводительством Вишневецкого взяли турецкую крепость Ислам-Кермен и пушки крепости установили на хортицких камнях, охраняя запорожский кош. Хортинская Сечь сыграла важную роль в подготовке походов против турок и татар. Крымский хан дважды осаждал Хортицкую крепость. В январе 1557 года Девлет-Гирей с большей частью крымской орды не смог взять крепость и ушел «с большим соромом». В 1558 году в результате ответных действий турецких и крымских войск Хортинская Сечь была после длительной осады взята врагом, правда, с помощью янычар и молдаван, приплывших на челнах. Но и в этом случае, когда кончились еда и боеприпасы, князю Вишневецкому с запорожцами удалось покинуть Сечь, оставив победителям только руины.

Вишневецкий просил литовское правительство о помощи «людьми и стрельбой», но получил характерный для того правительства ответ: не оказывая помощи, оно советовало не трогать татар и турок.

Не имея никакой надежды на помощь литовского правительства, Вишневецкий в 1558 году со своими казаками перешел на службу к московскому царю Ивану IV Васильевичу. Иван Грозный дал князю большое количество денег, город Белев (ныне в Тульской области) и земли в окрестностях Москвы. Князь Вишневецкий стал служить Москве. Совместный поход с московскими войсками против татар не дал ощутимых результатов. Московское правительство направило было Вишневецкого на Кавказ для борьбы с черкесами, но Вишневецкий вернулся на Украину.

Дипломатические усилия Вишневецкого организовать русско-литовский союз для отпора крымской агрессии не имели успеха. Вишневецкий возвращается в Черкассы.

В 1561 году Сигизмунд-Август, «чтобы не раздражать татар», послал казаков Вишневецкого в Ливонию, на войну против Москвы.



▲ Иван IV Грозный



После этого Вишневецкий вмешался в междоусобную борьбу молдавского боярства, видимо, поддавшись соблазну стать молдавским господарем, но волохи предали его. Вишневецкий был взят в плен и выдан турецкому султану Сулейману I. Султан повелел казнить мятежного князя путем повешения за ребро.

В 1563 году князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, легендарный воин, гроза турок и крымских татар, был казнен в Стамбуле. Он был сброшен с башни на крюки, вмурованные в стену у морского залива. Зацепившись ребрами за крюк, князь прожил в муках еще три дня, пока турки не убили его из луков за то, что он хулил их веру.

С этого времени казаки стали постоянно жить на днепровских островах, «чиня большие шкоды кочевьям перекопского хана; раз поймали крымских купцов тридцать человек и убили их за то, что они взяли литовских пленников, купленных ими в Москве».

Уже тогда казаки не очень считались с верховной властью Польской короны. Они становились грозной силой. Казачество било татар, наказывая за набеги, казаки начали выходить в море и атаковать турецкие суда. Крестьяне и обнищавшие мещане бежали на Низ, ставший приютом всех ненавидевших крепостное право, национальные и религиозные гонения. У запорожцев стали формироваться обычаи и традиции. Их количество стало значительно увеличиваться после 1569 года, когда после Люблинской унии было создано католическое государство — Речь Посполитая. Польский летописец-хронист М. Бельский писал о казаках-запорожцах второй половины XVI века:

«Эти люди обыкновенно занимаются на берегу Днепра ловлей рыбы, которую там же без соли сушат на солнце и тем питаются в течение лета, на зиму расходятся в ближайшие города, спрятавши в укромном месте на днепровском острове свои лодки, оставивши там несколько сот человек на курене, или как они говорят, на стрельбе. Они имеют и свои пушки; они причиняют большую



▲ Иван Подкова

беду татарам и туркам и уже несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях немало брали добычи; так что турки и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как прежде.

В числе островов есть остров Хортица, где перед этим жил Вишневецкий и очень вредил татарам, так что они не смели так часто вторгаться к нам. Есть и третий остров, Томаковка, где больше всего проживают низовые казаки, так как он служит для них самым крепким замком.

Казаки так свыклись с этой местностью, что проходят пороги в своих кожаных лодках, которые они называют чайками, на которых опускаются вниз и втаскивают на веревках вверх. В таких лодках Русь прежде причиняла вред греческому императору, подплывая к самому Константинополю».

В 1575 году казаки во главе с Богданом Ружинским ходили в Крым и освободили много христианских пленных. На следующий год в турецкой Анатолии они взяли и сожгли города Синоп и Трапезунд.

После объединения Польши и Великого княжества Литовского в Речь Посполитую казачьи полки, созданные в украинских городах, поступили под начало особого «казачьего старшего», непосредственно подчиненного коронному гетману. Запорожские казаки не подчинились королю Сигизмунду и, несмотря на его письма и универсалы, продолжали драться с татарами и турками. В 1574 году несколько тысяч казаков не смогли остановить объединенные татарско-турецкие войска. Произошло нашествие на южные земли Речи Посполитой. Татары набрали громадный полон, сожгли окраин-





ные города и местечки, и вернулись в Крым. Днепровская стража была малочисленна.

Кроме городовых и реестровых казаков, были созданы полки охочеконных — конных добровольцев. Эти полки назывались по именам назначаемых гетманом полковников. В зависимости от военно-политической обстановки их было от пяти до двадцати.

Ставший во главе запорожцев и охочеконных Иван Подкова, по легенде, ломавший подкову двумя пальцами одной руки, совершил несколько удачных походов в турецкие земли. Победив турецкое войско в битве на реке Прут в 1577 году казацкие войска заняли молдавскую столицу Яссы. Иван Подкова предложил польскому королю «взять Молдавию под свою руку». Король не захотел ссориться с султаном и приказал казакам уйти из турецкой Молдавии. Иван Подкова был обманом пленен в Немирове и казнен во Львове. Присутствовавший

на казни итальянский дипломат докладывал тосканскому герцогу:

«Барабанный бой и большой шум от людской толпы звучали на ратушной площади. Пройдя к месту казни и глядя на людей без страха перед смертью, Подкова обратился к народу: «Панове поляки, я приведен на казнь и не знаю за что, поскольку не знаю за собой никакой вины, которая бы заслуживала такой кары. Знаю только одно, что я всегда боролся против врагов христианского имени и всегда воевал за пользу этому имени для нашей Отчизны. Теперь я должен умереть, поскольку так приказал поганый пес турок вашему королю, своему слуге, а король ваш — палачу».

Татары несколько раз пытались уничтожить казацкое укрепление на днепровском острове. Казачий лагерь — кош — состоял из больших куреней — сараев, землянок, которые казаки легко бросали в случае нужды. Татары занимали остров и вскоре уходили, а «Сечь» появля-

лась на другом острове — и так все шло «по кругу». Остров с «сечью» укреплялся рядами окопов и пушечных батарей. На пристани обычно находился паром и множество лодок, байдарок, «душегубок», походных чаек, стояли кузницы, мастерские, торговые палатки. В больших котлах кипела смола, лодки готовили к походам. На самом острове стояли курени, небольшая деревянная церковь. Между пристанью и куренями стояла небольшая караульная застава, наблюдавшая за проезжавшими и проходившими. Сами запорожцы, обычно очень причудливо одетые, всегда носили лихо заломленную казацкую шапку с красным верхом — знак казацкого достоинства. Под страхом смерти на Сечь не допускались женщины, запорожцем мог стать только холостой казак.

В запорожцы принимали всех православных желающих. Куреней бывало до нескольких десятков, каждый имел своего атамана. В курене — длинном сарае на сто-две-



▲ Сечь зимой





▲ Сагайдачный Петр К.



▲ Северин Наливайко

сти человек, построенном из обмазанного глиной хвороста и покрытом дерном, — хранилось казацкое добро и припасы. Казна и оружие хранилось в войсковой скарбнице — тайнике, располагавшемся даже и под водой.

День на Сечи начинался с восходом солнца. Перекрестясь и сполоснув свое лицо горстью свежей днепровской воды, каждый принимался «справлять громадское дело»: кто шел чинить лодки, кто объезжал коней или учился стрельбе в цель, кто ловил рыбу или отправлялся на охоту.

В это время «кухари» с помощниками разводили огонь в «горнах» и варили в саженных котлах борщ, уху, кашу, галушки, а на железных прутьях-вертелах жарили целиком баранов, кабанов, сайгаков, быков и даже громаднейших туров; пекари пекли груды хлеба.

Все эти яства готовились на каждый курень отдельно. На конских шкурах, а то и прямо на земле раскладывались караваи хлеба и стави-

лись солонки. Собравшиеся на обед запорожцы, скинув высокие шапки и перекрестившись на восход солнца, доставали из глубины своих бездонных карманов ложки, вынимали ножи, резали хлеб на части и рассаживались кружком на земле, скрестив и поджав под себя ноги потурецки. Кухари громадными черпаками наливали в деревянные мисы, до сажени в окружности, варево, которое разносилось по кучкам запорожцев. Запорожцы ели степенно, не торопясь, и по обычаю съедали все без остатка. Первым опускал ложку в мису «батько». После варева подавали печеное и жареное, деля его на части топорами и ножами, причем сердце животного постоянно отдавалось атаману, чтобы «добрый был до своих диток», а легкое животного делилось поровну между всеми, чтоб «казак был легкий на воде».

После обеда вся Сечь заваливалась отдыхать. Запорожцы не любили спать в душных куренях, а предпочитали растянуться на свитке или

на сене прямо под открытым небом; непогоды они не боялись.

Вечер казаки проводили в бездействии: лежа на земле с люльками в зубах, слушали они рассказы бывалых товарищей о морских походах, о схватках с татарами и ляхами.

Такое препровождение времени не дает нам, однако, права считать казаков совершенно бездеятельными и неспособными к труду. Часть запорожцев постоянно находилась в отлучке в степи или плавнях, на охоте или рыбной ловле. Куренными атаманами велась очередь между казаками, посылаемыми на эти работы, служившие средством для прокормления всей Сечи.

Целыми неделями жили эти партии в непролазных и топких плавнях или в необъятной степи, где часто сталкивались они с отрядами татар, и тут-то на деле обучались молодые и неопытные казаки тем военным приемам и сноровкам, которые делали их такими ловкими и опасными противниками на войне.





▲ Казацкий суд

При стычках с татарами запорожцы употребляли много тонких военных хитростей, которые помогали им одерживать победы даже в тех случаях, когда перевес был на стороне врага. Так, если запорожцы видели, что в открытой битве им не справиться с татарами, то старались уйти от них на своих быстрых конях и, чтобы сбить неприятеля с толку, делились на несколько партий и разъезжались по разным направлениям. Большие партии ехали «гусем», малые же по три и четыре в ряду, стараясь потоптать при этом как можно больше травы, чтобы дать татарам неверное представление о величине каждой партии. Татарам приходилось также делиться на несколько частей, сообразно силе и числу казацких партий. Казакам этого только и надо было: съехавшись в назначенном месте, они разбивали отряды татар один за другим.

Бывалый казак не боялся заблудиться в бескрайней степи, в этом не-

обозримом море травы: небо и сама степь с ее разнообразной жизнью верно и точно давали ему все необходимые для путника сведения. Так, днем и ночью казак мог узнать, в каком направлении лежит та или другая часть света. Днем он узнавал это по высоте солнца, ночью ему помогали ярко блестевшие и сиявшие звезды.

Запорожцам были хорошо знакомы все звуки и голоса дикой степи и плавней. Запорожец выл по-волчиному, шипел по-змеиному, ревел по-туриному, отлично кричал перепелом и куковал не хуже настоящей кукушки. Крик «пугу-пугу» был даже условным криком запорожцев; этим криком они давали знать друг другу о своем присутствии. Вообще все эти звериные и птичьи крики были рядом условных сигналов, которыми переговаривались невидимые друг другу запорожцы, чтобы ввести в заблуждение, обмануть, перехитрить своих врагов. Случалось, что,

скользя в траве, как змеи, подбирались неслышно несколько человек запорожцев к заночевавшему в степи табору татар и спугивали табун их лошадей. Остальные же запорожцы, притаившиеся с конями в высокой траве, как буря налетали на метавшихся в беспорядке по табору татар, и не было им спасения. Пока при свете пылавших костров шла беспощадная резня, небольшой отряд запорожцев на лучших конях несся по степи напереймы татарскому табуну, так как хороший конь считался лучшей добычей для казака.

Охота и рыбная ловля, хотя и часто оканчивавшиеся кровавыми схватками с татарами, не считались казаками за настоящее «дело»: таким делом считалась лишь война с «неверными».

Почти каждый год запорожцы предпринимали морские походы на Крым и Турцию.

С объявлением похода в Сечи закипала лихорадочная деятельность.



Не было больше пьяных и гуляющих, все были серьезны, старательно и быстро делали необходимые приготовления для похода. Конопатились к походу чайки, там мололи и сушили порох, здесь резали и вялили на солнце куски разного мяса, одни готовили сухари, чинили одежду, другие пристреливали мушкеты и точили сабли.

Спокойно и властно распоряжался кошевой атаман. Куренные атаманы со значками в руках наблюдали за работами, а в атаманском курене войсковой писарь и есаулы составляли по чайкам списки казаков, отправлявшихся в поход, а также и тех, которые оставались в Сечи для защиты ее от неожиданного набега в отсутствие коша.

В каком именно году начались морские походы запорожцев, сказать трудно: давно уже небольшие партии казаков во время ловли рыбы в устье Днепра выходили в открытое море, где при случае делали нападение на купеческие галеры турок. С 1601 по 1612 год каждое лето запорожцы захватывали по несколько галер, со следующего же 1613 года начались большие морские походы запорожцев.

В запорожские казаки шли крестьяне, мещане, торговцы, слуги, ремесленники, мелкая служилая шляхта, которую переводили в разряд государственных крестьян. Это была уже сложившаяся военная сила, не подчинявшаяся Польской Короне. И с ней надо было что-то делать.

Первая попытка решить проблему украинского казачества принадлежала польскому королю Стефану Баторию, правившему в Речи Посполитой в 1575–1586 годах. Он попытался упорядочить украинское казачество, которое Польская Корона уже страшилась. «Желающих» казаков записали в новый реестр, а затем разделили на шесть полков. Число реестровых казаков, по данным разных источников, колебалось от нескольких сот до нескольких тысяч. Они получили свою старшину и свой суд. Казачьего гетмана выбирали сами казаки, польский король его утверждал, или нет. Казачьей столицей стал город Трахтемиров

у Канева, там с 1578 года появились арсенал и госпиталь. Кроме Трахтемирова начала строиться и гетманская столица Батури.

Баторий воевал с московским царем Иваном Грозным, и ему было нужно, чтобы казаки не трогали турок и татар, с которыми Речь Посполитая подписала мир. Однако эти меры привели не к тем результатам, которые ожидал Баторий.

Городами реестровых казаков стали Киев, Белая Церковь, Корсунь, Константинов, Бар, Черкассы, Чичирин, Кодак, Ямполь, Брацлав, Винница, Умань, Чернигов, Лубны, Переяславль, Фастов. Однако несколько десятков тысяч казаков лишились казачьих прав и привилегий и должны были перейти в крестьянское сословие — «посполство», рискуя стать крепостными польских панов. Казаки и все охочеекомонные пошли

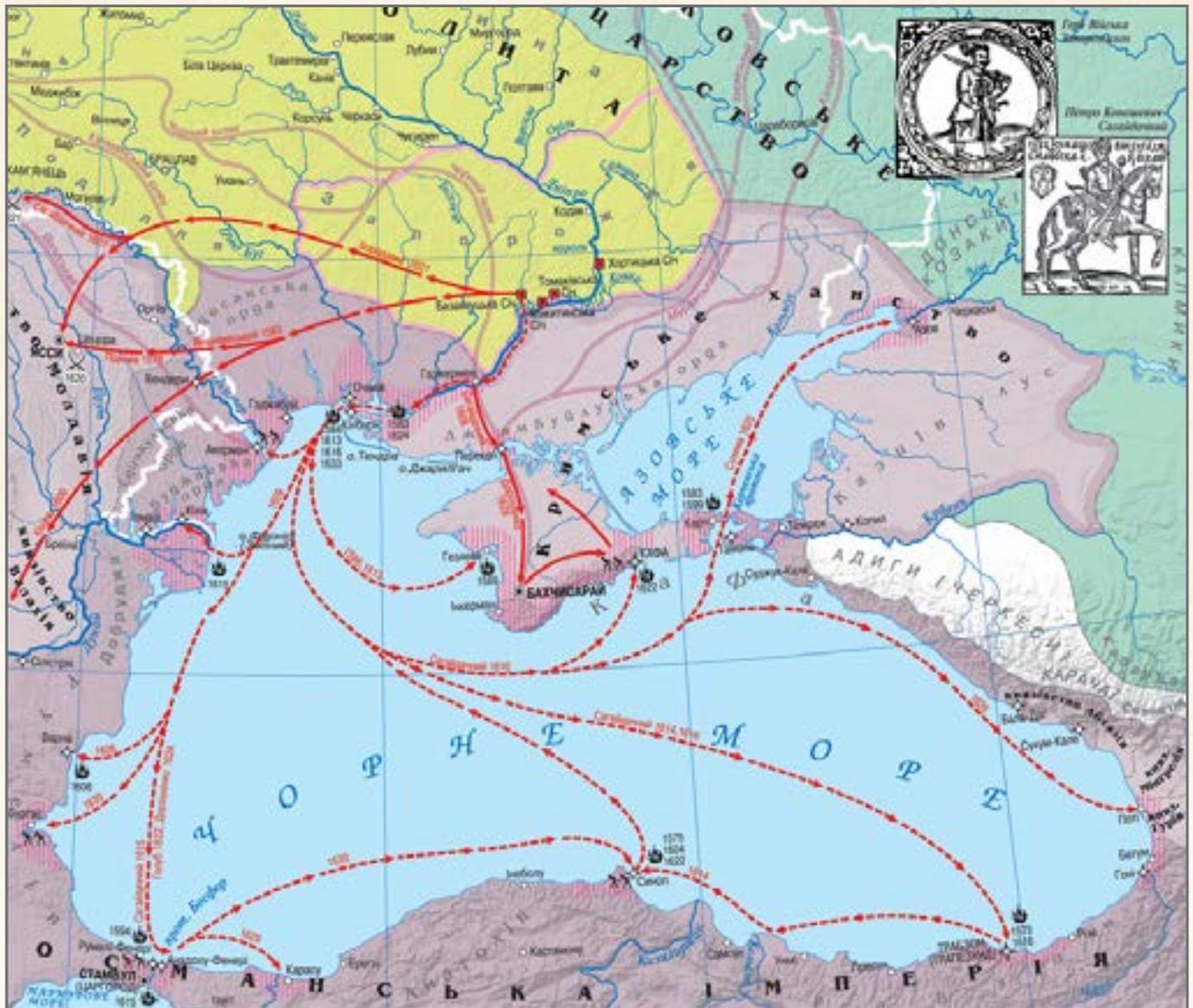
в Запорожскую Сечь, которая была полностью независимой, несмотря на попытки Батория обуздать запорожцев, которые вопреки запретам короля выбирали себе кошевого атамана. Посланцев короля, приехавших за казацкой свободой, топили в Днепре. Число запорожцев достигло двадцати тысяч воинов. С этого времени и пошло разделение украинских казаков на реестровых, городских и запорожских, низовых.

Некогда мирные артели рыбаков, чабанов, табунщиков и чумаков превратились теперь в организованное войско, не признававшее под собой ничьей власти. Теперь у запорожцев были свои земли, которые они ревностно оберегали; были свои подданные — все те колонисты, которые жили под их крылом в степи. На Украине и в чужих землях их считали «славными рыцарями», твердым



▲ Стефан Баторий





▲ Морские походы запорожцев

оплотом христианства против мусульман, а вскоре они выступили также против гордых ляхов, как борцы за поруганную веру и угнетавшийся панам украинский народ.

Главным средоточием запорожских земель была укрепленная Сечь — Сича. Там пребывали власти, квартировала главная вооруженная сила, там была гавань для всех приходивших с моря судов. Сначала Сечь была на острове Хортица, потом ее переносили несколько раз дальше вниз по Днепру, поближе к Крыму, на разные днепровские острова: Базавлук, Томаковку, на острове у устья Чертомлака. Запорожцы для постройки своей Сечи всегда выбирали

неприступные места. Одни только плавни Великого луга тянулись на 45 верст в длину и 20 в ширину, оберегая казаков с татарской стороны. Сечь была совершенно неприступна с трех сторон: с юга лежала сеть плавней до самого Днепра, с севера был лиман, а с запада — высокий берег реки Базавлука. Зимой запорожцы обкалывали лед у наиболее доступной части своего острова и не давали воде покрыться толстым слоем, чтобы неприятель не мог пробраться к ним сухим путем.

Найдя удобное место, запорожцы высекали на нем лес и приготавливали бревна для частокола; отсюда, как полагают, произошло и самое

слово «Сечь». Сечь была окружена ровом и земляным валом с пролазами к реке. Чтобы вал не осыпался, его укрепляли частоколом, бревна которого сверху были заострены, а снизу просмолены. Чертомлыцкая Сечь имела по валу 900 сажен вокруг.

Все войско Низовое, или «тваристство», состояло из сечевиков и зимовчаков. Первые жили в самой Сечи и составляли «лыцарство». Они одни выбирали своих старшин, участвовали в дележе добычи, все они имели одинаковые права. В Сечи царило полное равенство; уважались ум и храбрость, а не знатное происхождение. Зимовчаками назывались казаки, как



одинокое, так и семейные, жившие не в Сечи, а по зимовникам, хуторам и селениям, разбросанным по степи. Они занимались разными промыслами доставляли в Сечь продовольствие. Число сечевых казаков в разное время было различно: доходило до десяти или пятнадцати тысяч и больше, а всех с семьями до ста тысяч человек.

Существует версия, что когда султан спросил у казаков, сколько их всех, те ему ответили: «У нас шо куст, то казак, а где байрак, то там по сто казаков».

Большей частью сечевики были малороссами, но попадались и великороссы, и поляки, и волохи, даже выкрещенные татары, турки и калмыки. Здесь находили приют все потерпевшие какую-нибудь обиду и не нашедшие управы, все гонимые за веру; были и такие, которых привлекала слава или надежда на добычу.

Так пополнялась Сечь. Выход из товарищества был всегда свободен.

Поступая в братство, запорожец, как бы порывал со всем своим прошлым и бросал даже свое прежнее имя, а принимал то, которое ему давали товарищи. Эти прозвища обозначали или занятие каким-нибудь ремеслом, например: «Коваль, Рыбалка, Бондаренко, Золотаренко; или намекали на какую-то особенность в одежде или наружности: Вкус, Лысый, Рудый, Гладкий, Нечеса, Перебий-Нис, Открый Ворота. Подчас эти шуточные прозвища были весьма затейливы, например, Задери-Нога, Пивтора-Кожуха, Задеры-Хвист-Пистолем, Закруты-Губа».

Такова история казачества, писанная «официальными» историками, собранная из летописей, былин, сказаний. При ее рассмотрении не всегда видна внутренняя, скрытая от официальной точки зрения жизнь и бытие казачества.

Когда Костомаров, вместе с Белозерским, Гулаком, Шевченко, основал в Киеве, в 1847 году, «Кирилло-Мефодиевское Братство», он написал

«Книги бытия украинского народа» — что-то вроде политической платформы, где казацкое устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

«Не любила Украина ни царя, ни пана, скомпонувала соби козацтво, есть то истее братство, куды кожний пристаючи був братом других, чи вин був преж того паном, чи невольником, аби христианин, и були козаки миж собою вси ривни и старшины выбирались на ради и повинни були слугувати всим по слову христовому, и жадной помпи панской и титула не було миж козаками».

Костомаров приписывал казакам высокую миссию: «Постановило козацтво виру святую обороняти и визволяти ближних своих з неволи. Тим то гетман Свирговский ходив обороняти Волощину, и не взяли козаки миси з червонцами, як им давали за услуги, не взяли тим, що кровь проливали за виру та за ближних и служили Богу, а не идолу золотому».



▲ Постройка чаек





Костомаров в тот период был к сожалению «достаточно невежественен в украинской истории». Впоследствии он хорошо узнал, кто такой был Свирговский и зачем ходил в Валахию. Но в эпоху Кирилло-Мефодиевского Братства авантюрная грабительская экспедиция польских шляхтичей легко сошла у него за крестовый поход и за служение «Богу, а не идолу золотому».

По Костомарову, казаки несли Украине такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и соседние с нею.

Приблизительно так же смотрел на запорожскую Сечь М. П. Драгоманов. В казачьем быту он видел общинное начало и даже склонен был называть Сечь «коммуной». Он не мог простить П. Лаврову, что тот в своей речи на банкете, посвященном 50-летию польского восстания 1830 г., перечислив наиболее яркие примеры революционно-демократического движения (Жакерия, Крестьянская война в Германии, Богумильство в Болгарии, Табориты в Чехии) — не упомянул «Товариства (коммуны) Запорожского». Драгоманов полагал, что Запорожье

«самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши Волынцы и подоляне XV века». Одной из прямых задач участников украинофильского движения Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных местах и классах населения Украины воспоминания о прежней свободе и равноправности». (Он включил это в качестве особого пункта в «Опыт украинской политико-социальной программы», выпущенной им в 1884 году в Женеве. Там, популяризации казачьего самоуправления в эпоху Гетманщины и, особенно, «Сечи и вольностей товариства запорожского» — придается исключительное значение. «Программа» требует от поборников украинской идеи всемирно их пропагандировать «и подводить их к теперешним понятиям о свободе и равенстве у образованных народов».

Это вполне объясняет широкое распространение подобного взгляда на запорожское казачество, особенно среди «прогрессивной» интеллигенции. Она его усвоила в результате энергичной пропаганды деятелей типа Драгоманова. Без всякой проверки и критики, он был принят всем русским революционным движением. Затем он нашел выражение в тезисах ЦК КПСС по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией:

«В ходе борьбы украинских народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета, — говорится там, — а также против турецко-татарских набегов, была создана военная сила в лице казачества, центром которого в XVI веке стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа».

Составители тезисов проявили значительную осторожность, ни о коммунизме казачьем, ни о свободе и равенстве не упоминают — оценивают казачество исключительно, как военную силу, но «прогрессивную роль» его отмечают в соответствии с традиционной украинофильской точкой зрения.

Между тем, историческая наука давно признала неуместность по-



▲ Богдан Хмельницкий



исков «прогресса» и «демократии» в таких явлениях прошлого, как Новгородская и Псковская республики, или Земские Соборы Московского Государства. Их своеобразная средневековая природа мало имеет общего с учреждениями нового времени. Тоже старое казачество. Объективное его изучение разрушило как аристократическую, так и демократическую легенды. Сам Костомаров, по мере углубления в источники, значительно изменил свой взгляд, а П. Кулиш, развернув широкое историческое полотно, представил казачество в таком свете, что оно ни под какие сравнения с европейскими институтами и общественными явлениями не подходит. На Кулиша сердились за такое развенчание, но опорочить его аргументацию и собранный им документальный материал не могли. Обращение к нему и по сей день обязательно для всякого, кто хочет понять истинную сущность казачества.

Демократия в наш век расценивается не по формальным признакам, а по ее общественно-культурной и моральной ценности. Равенство и выборность должностей в общине, живущей грабежом и разбоем, никого не восхищают. Не считаем мы также достаточным для демократического строя одного только участия народа в решении общих дел и выборности должностей. Ни древняя, античная, ни новейшая демократия не мыслили этих начал вне строгой государственной организации и твердой власти. Господства толпы никто сейчас с понятием народовластия не сблизает. А запорожским казакам именно государственного начала и недоставало. Они воспитаны были в духе отрицания государства. К своему собственному войсковому устройству, которое могло бы рассматриваться, как прообраз государства, у них существовало мало почтительное отношение, вызывавшее всеобщее удивление иностранцев. Популярнейший и сильнейший из казачьих гетманов — Богдан Хмельницкий немало терпел от своеволия и необузданности казаков. Все, кто бывал при дворе Хмельницкого, поражались грубому и панибратскому



▲ Брюховецкий Иван

обхождению полковников со своим гетманом. По словам одного польского дворянина, московский посол, человек почтенный и обходительный, часто принужден был опускать в землю глаза. Еще большее возмущение вызвало это у венгерского посла. Тот, несмотря на радушный прием, оказанный ему, не мог не вымолвить по-латыни: «Занесло меня к этим диким зверям!».

Казаки не только гетманский престиж ни во что не ставили, но и самих гетманов убивали с легким сердцем. В 1668 году под Диканькой они убили левобережного гетмана Брюховецкого. Правда, это убийство было совершено по приказу его соперника Дорошенко, но, когда тот выкатил несколько бочек горелки, казаки, подвыпив, надумали убить к вечеру и самого Дорошенко. Преемник Брюховецкого, Демьян Многогрешный, признавался:

«Желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мне смерть приключится, то у казаков такой обычай — гетманские пожитки все разнесут, жену, детей и родственников моих нищими сделают; да и то у казаков

бывает, что гетманы своею смертью не умирают; когда я лежал болен, то казаки собирались все пожитки мои рознести по себе».

К «розносу» гетманских пожитков казаки готовы были в любую минуту. Сохранилось описание банкета, данного Мазепой в шведском стане в честь прибывших к нему запорожцев. Подвыпив, запорожцы начали тянуть со стола золотую и серебряную посуду, а когда кто-то осмелился указать на неблаговидность такого поведения, то был тут же прирезан.

Если такой стиль царил в эпоху Гетманщины, когда казачество пыталось создать что-то похожее на государственное управление, то что было в сравнительно ранние времена, особенно в знаменитой Сечи? Кошевых атаманов и старшину поднимали на щит или свергали по капризу, либо под пьяную руку, не предъявляя даже обвинения. Рада верховный орган управления — представляла собой горластое неорганизованное собрание всех членов «братства». Боярин В. В. Шереметев, взятый татарами в плен и проживший в Крыму много лет, описывал в одном письме





▲ Дорошенко М.

к царю Алексею Михайловичу свое впечатление от татарского Курултая или, как он его называет, «Думы». «А дума бусурманская похожа была на раду казацкую; на что хан и ближние люди приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дело никакими мерами сделано не будет». На необычайное засилье самовольной толпы жалуются все гетманы. Казачество, по словам Мазепы, «никогда никакой власти и начальства над собой иметь не хочет». Казачья «демократия» была на самом деле охлократией.

Не здесь ли таится разгадка того, почему Украина не сделалась в свое время самостоятельным государством? Могли ли его создать люди, воспитанные в антигосударственных традициях? Захватившие Малороссию «казаценки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, под-

чинив весь край своей дикой системе управления. Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII века. Не создав своего государства, казаки явились самым неуживчивым элементом и в тех государствах, с которыми связывала их историческая судьба.

Объяснения природы казачества надо искать не на Западе, а на Востоке, не на почве удобренной римской культурой, а в «диком поле», среди тюрко-монгольских орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть не всей русской истории. Осевшие в Приднепровьи

и известные чаще всего, под именем Черных Клобуков, они со временем христианизировались, обрусели и положили начало, по мнению Костомарова, южнорусскому казачеству. Эта точка зрения получила сильное подкрепление в ряде позднейших изысканий, среди которых особенным интересом отличается исследование П. Голубовского. Согласно ему, между степным кочевым миром и русской стихией не было в старину той резкой границы, какую мы себе обычно представляем. На всем пространстве от Дуная до Волги, «лес и степь» взаимно проникали друг друга, и в то время как печенеги, торки и половцы оседали в русских владениях, сами русские многочисленными островками жили в глубине тюркских кочевий. Происходило сильное смешение кровей и культур. И в этой среде, по мнению Голубовского, уже в киевскую эпоху стали создаваться особые воинственные общины, в составе которых наблюдались как русские, так и кочевые инородческие элементы. Основываясь на известном «Codex Samanicus» конца XIII века, Голубовский самое слово «казак» считает половецким, в смысле стража передового, дневного и ночного.

Толкований этого слова много и выводилось оно всегда из восточных языков, но прежние исследователи сопровождали свои утверждения аргументацией и соответствующими лингвистическими выкладками. Только В. А. Голубуцкий, автор работы о запорожском казачестве, отступил от этой хорошей академической традиции. Отметив тюркское его происхождение и истолковав, как «вольного человека», он ничем не подкрепил своего открытия. Не трудно заметить руководившее им желание — закрепить филологически за словом «казак» то значение, которое придавалось ему в националистической публицистике и поэзии XIX века.

Некоторые исследователи идут дальше Голубовского и ищут следов казачества в скифских и в сарматских временах, когда на нашем юге подвизались многочисленные ватаги,



добывавшие пропитание грабежами и набегами. Степь искони дышала разбоем, хищничеством и той особой вольностью, которую так трудно отождествить с современным понятием свободы. Наиболее яркую печать наложила на казачество самая близкая к нему по времени, татарская эпоха степной истории. Давно обращено внимание на тюрко-татарское происхождение казачьей терминологии. Слово «чабан», например, означающее пастуха овец, заимствовано от татар. От них же заимствовано и слово «атаман», производное от «одаман», означающее начальника чабанов сводного стада. Сводное же стадо составляли десять соединенных стад, по тысяче овец в каждом. Такое стало называлось

«кхош». Казачье «кош» (становище, лагерь, сборное место) и «кошевой атаман» вышли из этого степного лексикона. Оттуда же «курень» и «куренный атаман». «Значение куреня, — по словам Рашидед-Дина, — таково: когда в поле кибитки во множестве стоят кругом в виде кольца, то называют это Курень».

Объяснить проникновение в среду днепровских казаков тюрко-монгольской кочевой терминологии не так уж трудно, ввиду близости Крыма. Но наиболее вероятным ее источником были казаки же, только не свои русские, а татарские. Представление о казачестве как специально русском явлении до такой степени распространено у нас и в Европе, что о существовании иноплеменных ка-

зачьих скопищ редко кому известно. Между тем, Дон и Запорожье были, надо думать, младшими братьями и учениками казаков татарских.

На существование татарских казаков имеется множество указаний. Оставляя в стороне вопрос о большой Казахской орде за Каспием, которую некоторые историки, как Быкадоров и Эварницкий, ставят в родственную связь со всем казачьим миром, мы ограничимся более близкой нам территорией Причерноморьем.

В 1492 году хан Менгли-Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из-под Киева с добычей, было ограблено в степи «ордынскими казаками». Об этих ордынских или «азовских» казаках-татарах неоднократно пишут русские летописцы со времен Ивана III, характеризуя их, как самых ужасных разбойников, нападавших на пограничные города и чинивших необычайные препятствия при сношениях Московского Государства с Крымом. «Поле не чисто от азовских казаков», читаем мы постоянно в донесениях послов и пограничных воевод государю. Татарские казаки, так же как русские, не признавали над собой власти ни одного из соседних государей, хотя часто поступали к ним на службу. Так, отряды татарских казаков состояли на службе у Москвы, не гнушалась ими и Польша. Известно, по крайней мере, что король Сигизмунд-Август призывал к себе белгородских (аккерманских) и перекопских казаков и посылал им сукно на жалованье. Но чаще всех привлекал их себе на помощь крымский хан, имевший постоянно в составе своих войск крупные казачьи отряды. Разбойничая на пространстве между Крымом и московской Украиной, татарские казаки были в военном, бытовом и экономическом отношении самостоятельной организацией, так что польские летописцы, зная четыре татарские орды (заволжскую, астраханскую, казанскую, перекопскую), причисляли к ним, иногда, пятую — казацкую.

Надо ли после этого ходить далеко на Запад в поисках образца для запорожской Сечи? Истинной шко-



▲ Демьян Многогрешный





▲ Иван III Великий

лой днепровской вольницы была татарская степь, давшая ей все от воинских приемов, лексики, внешнего вида (усы, чуб, шаровары), до обычаев, нравов и всего стиля поведения. Прославленные морские походы в Туреччину выглядят совсем не патриотическим и не благочестивым делом. Сами, украинофилы прошлого века знали, что казаки «розбивали по Черному морю христианское купечество заодно с бесурменским, а дома плиндровали руськи свои города татарским робом».

«Были в Швеции казаки запорожские, числом 4 000, пишет одна польская летопись, — над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар».



▲ Калнишевский Петр

Под 1603 годом повествуется о походе казаков под начальством некоего Ивана Куцки в Боркулабовской и Шупенской волостях, где они обложили население данью в деньгах и натуре.

«В том же году в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то делает. Приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил казакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть: все люди плакали, Богу Создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда казаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою брали; один казак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин или девиц 4 или 3».

Чем эта картина отличается от вида крымской орды возвращающейся с ясырем из удачного набега? Разница может быть, та, что татары своих единоверцев и единоплеменников не брали и не продавали в рабство, тогда как для запорожских «лыцарей» подобных тонкостей не существовало.

Школа Запорожья была не рыцарская и не трудовая крестьянская. Правда, много крепостных мужиков бежало туда, и много было поборников идеи освобождения селянства от крепостного права. Но принесенные извне, эти идеи замирали в Запорожье и подменялись другими. Не они определяли образ Сечи и общий тонус ее жизни. Здесь существовали свои вековые традиции, нравы и свой взгляд на мир. Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казаком, менял этнографию, менял душу. В глазах современников, как отдельные казаки, так и целые их объединения, но-



сили характер «добычников». «Жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись». Казакование было особым методом добывания средств к жизни, и тот же Папроцкий, воспевавший казаков, как рыцарей, признается в одном месте, что в низовьях Днепра «сабля приносила больше барышей, чем хозяйство». Именно поэтому в казачество шли не одни простолюдины, но и шляхта, подчас из очень знатных родов. Насколько возвышенными были их цели и устремления, видно из случая с знаменитым Самуилом Заборовским. Отправляясь в Запорожье, он мечтал о походе с казаками на московские пределы, но явившись в Сечь, и ознакомившись с обстановкой, меняет намерение и предлагает поход в Молдавию. Когда же татары приходят с дружеским предложением идти совместно

грабить Персию, он охотно соглашается и на это. Запорожские мораль и нравы хорошо были известны в Польше: коронный гетман Ян Замойский, обращаясь к провинившимся шляхтичам, выставлявшим в оправдание прежних проступков свои заслуги в запорожском войске, говорил: «Не на Низу ищут славной смерти, не там возвращаются утраченные права. Каждому рассудительному человеку понятно, что туда идут не из любви к отчеству, а для добычи».

Даже в поздние времена, в начале XVIII века, казаки не стеснялись называть свое ремесло его собственным именем. Когда Булавин поднял на Дону восстание против Петра I, он отправился в Запорожье с целью прибрать там себе помощников. Сечь заволновалась. Одни стояли за немедленное соединение с донским атаманом, другие боялись порывать с Москвой. Дошло до смены кошевого и старшины. Умеренная

группа одержала верх и порешили всей Сечью не выступать, а разрешить желающим присоединиться к Булавиному на свой риск. Булавин встал в Самарских городках и обратился к запорожцам с призывом:

«Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в черны вершины самарские!».

До учреждения оседлого регулярного казачества в середине XVI века, термином «казак» определялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удаляться в степь за линию пограничной охраны и жить там наподобие татарских казаков, то есть, в зависимости от обстоятельств, ловить рыбу, пасти овец или грабить. ■



▲ Против Речи Посполитой





БЕСЕДА К. М. СИМОНОВА С ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКОМ А. П. ПОКРОВСКИМ



▲ Булганин Н.А., Жуков Г.К., Соколовский В.Д., Покровский А.П.

Я рассказал А. П. Покровскому о цели своей беседы с ним. О том, что работаю над заключительным романом, которому предшествовали "Живые и мертвые" и "Солдатами не рождаются", о том, что действие этого романа происходит во время Белорусской операции июня—августа 1944 года. Объяснил, по каким причинам я беру именно этот период. А также сказал, что по моим предположениям та армия, которой будет командовать герой моей книги Серпилин, окажется примерно в положении

(условно говоря, конечно) 33-й армии Третьего Белорусского фронта. Армии, которая сначала была в Третьем Белорусском фронте, потом, при разделении фронтов, перешла во Второй Белорусский, а потом, в разгар операции, 10 июля, была передана обратно из Второго Белорусского в Третий и в дальнейшем была во втором эшелоне Третьего Белорусского фронта и закончила эту операцию на рубежах Восточной Пруссии.

Движение этой армии отвечает моим намерениям показать

вначале бои в районе Могилева, вернуть своих героев туда, где они начинали войну, а в дальнейшем вывести их к границе Восточной Пруссии. Хотя, конечно, не будет браться историография армии. Это будет условно.

В связи с этим я просил рассказать то, что связано с характером, со стилем работы штаба фронта, с характером взаимоотношений штаба фронта с армией, с распорядком работы, а также и с взаимоотношениями штаба фронта со Ставкой.



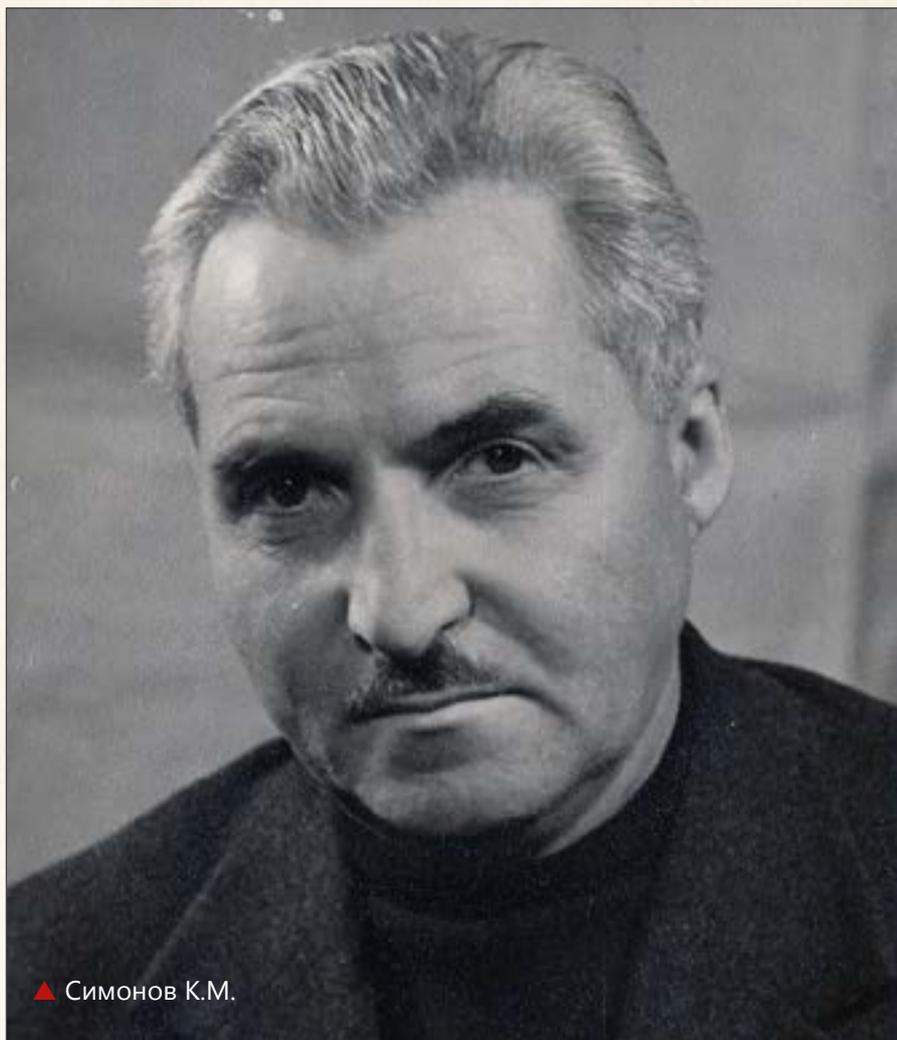
Я предупредил, что беседа не носит характера документального, что я хочу просто иметь опорные материалы для того, чтобы в книге, не претендующей на документальность, тем не менее, изобразить в той ее части, которая будет связана со штабной работой, изобразить эту штабную работу поближе к реальности, к фактам войны и к ее действительному характеру, сложившемуся со времени войны.

В ответ на это Александр Петрович Покровский сказал мне примерно следующее:

— То, что я буду вам рассказывать, и те характеристики, которые я вам буду давать по ходу рассказа, не есть какое-то суждение в окончательной своей форме. Многие вопросы дискуссионны, многие не разработаны еще в достаточной мере нашей историей. А характеристики людей, о которых я буду говорить, носят, естественно, субъективный характер; оценки этих людей в данном случае принадлежат мне и не претендуют на объективность. Я излагаю вам все это с целью дать вам общий материал для размышлений на эти темы, когда вы будете писать роман, а не для того, чтобы в какой-то мере использовать этот материал как материал документальный.

В период Великой Отечественной войны я работал с несколькими командующими фронтами. Перед войной в звании генерал-майора я был заместителем начальника штаба Московского военного округа. После того, как Ворошилов был освобожден от обязанностей наркома обороны и на его место был назначен Тимошенко, первым заместителем к Тимошенко был назначен Буденный. Вскоре после своего назначения он вызвал меня к себе и предложил работать у него. Сказал, что должности еще не установлены, но он хотел бы, чтобы я работал у него и вместе с ним и приступил к этому сразу же. И спросил, как я к этому отношусь.

Поблагодарив его, я сказал, что я чувствую себя на месте на той должности, на которой нахожусь



▲ Симонов К.М.

в штабе Московского военного округа, и не думаю о том, чтобы менять ее на что-либо другое.

Буденный не посчитался с этим, настаивал на том, чтобы я пошел к нему. В итоге я сказал: "Слушаюсь", — и на следующий день явился к нему в Наркомат. Он повторил, что должности еще не определились, а пока что попросил меня, чтобы я знакомился со всей текущей литературой, с текущим ТАССом по военным вопросам и докладывал ему, помогал быть в курсе всех текущих событий, с их отражением в литературе и в печати.

Этим делом я некоторое время занимался.

Одновременно со мной в Наркомат пришел работать генерал-лейтенант Злобин. Образованный, умнейший человек, который пошел к наркому обороны Тимошенко

на ту же роль, что я пошел к Буденному. Встретившись, я спросил его, чем он сейчас занимается. Он сказал, что подрабатывает вопросы кадров, должностей и так далее. В этом разговоре он сказал, что намечаются должности "генерал-адъютантов".

Через некоторое время такое решение состоялось. Он стал генерал-адъютантом у наркома, а я генерал-адъютантом у первого заместителя, у Буденного.

Следующие события начала войны показали, что мы не были подготовлены к организации полевого управления. Положение о полевом управлении армией в условиях войны не было выработано перед войной. Были записки, проекты, но такого Положения о полевом управлении армией, о Ставке и вообще о переходе армии на военное положение, если говорить о ее управлении, —





▲ Буденный С.М.

Положения, которое перед первой мировой войной существовало, — такого разработанного и утвержденного Положения не было. Поэтому в начале войны все это утрясилось не сразу. Ставка организовывалась с рядом перемен и уточнений. И полевые управления направлений, которые были созданы вскоре после начала войны — трех направлений, объединявших фронты, тоже были организованы уже в ходе дела, наспех. А практически это выглядело так, что Буденный вызвал меня к себе и сказал, что мы едем, направляемся, чтобы я собирался. Куда, как направляемся, я еще этого не знал. И только в поезде, который двигался по направлению к Брянску, — в вагоне ехали Буденный, я и его адъютанты, — я спросил у Буденного, что же, так сказать, предполагается.

Предполагалось не более и не менее, что он должен был принять в свое подчинение четыре под-

ходивших из глубины страны армии. И вот для того, чтобы принять эти четыре подходивших армии там, в районе Брянска, у Буденного не было ни управления, ни штаба. Практически был у него генерал-адъютант в моем лице и еще адъютанты, охрана, ополченцы. Все. Так что первые меры к тому, чтобы принять эти армии, к тому, чтобы что-то организовать, пришлось принимать в очень необычной, неудобной обстановке.

Правда, тем временем уже были организованы направления. Западный фронт стремительно отходил; эти армии, которые предназначались нам, пошли на Западный фронт, а Буденный был назначен командующим Юго-Западным направлением.

Куда ехать? Аппарата у Юго-Западного направления не было. Штаба не было. Куда ехать? Поехали в Полтаву. Так решили и поехали. Вот в таком же примерно составе.

Таким образом, там управление Юго-Западного направления, начальником штаба которого я стал по ходу дела, создавалось на ходу и из ничего. Не было аппарата. Не было готовых кадров. То есть кадры-то были, но даже наличие самых хороших кадров, знающих, опытных людей — это еще не создает само по себе работоспособного штаба. Штаб складывается в работе: он должен быть подготовлен. А у нас что получалось? Например, чтобы создать штаб Южного фронта, было направлено туда управление Московского военного округа. Но управление Московского военного округа было не в курсе дела. Оно не знало ни этого театра, ни этих войск, ни всего того, что связано с подготовительной работой, предшествовавшей войне в штабе тех соединений, которые должны развертываться именно на этом театре военных действий. Штаб Московского воен-



ного округа, прибывший туда, на юг, и ставший штабом Южного фронта, долго разбирался в обстановке и осваивался с нею.

Разумеется, это было неправильно. Мы могли иметь, предвидя военные действия, мы могли иметь там, на юге, заранее сформированное управление штаба Южного фронта. И это стоило бы не столь уже дорого в мирное время и могло быть создано не открыто, а закрыто, под другим названием. Это было бы крайне необходимо.

Итак, первый из командующих, с кем я работал во время войны, был Буденный.

В предшествующие дни на Юго-Западном фронте побывал Жуков, в самые первые дни, организовал там наступление с лозунгом: "Бить под корни!" На Люблин. Из этого наступления ничего не получилось. Погибло много войск, мы потерпели неудачу. Жуков уехал в Москву. Правда, потом он говорил, что это наступление было организовано по приказанию Сталина.

Буденный — человек очень своеобразный. Это настоящий самородок, человек с народным умом, со здравым смыслом. У него была способность быстро схватывать обстановку. Он сам не предлагал решений, сам не разбирался в обстановке так, чтобы предложить решение, но, когда ему докладывали, предлагали те или иные решения, программу, ту или иную, действий, он, во-первых, быстро схватывал обстановку и, во-вторых, как правило, поддерживал наиболее рациональные решения. Причем делал это с достаточной решимостью.

В частности, надо отдать ему должное, что когда ему была доложена обстановка, сложившаяся в Киевском мешке, и когда он разобрался в ней, оценил ее, то предложение, которое было сделано ему штабом, чтобы поставить вопрос перед Ставкой об отходе из Киевского мешка, он принял сразу же и написал соответствующую телеграмму Сталину. Сделал это решительно, хотя последствия такого поступка могли быть опасными и грозными для него.

Так оно и вышло. Именно за эту телеграмму он был снят с командующего Юго-Западным направлением, и вместо него был назначен Тимошенко.

Тимошенко приехал настроенный на то, чтобы не отступать, продолжать сражаться на тех позициях, на которых находились войска, и с ощущением, что здесь, на Юго-Западном направлении, впали в панику и что телеграмма Буденного неправильно ориентировала Ставку.

Тимошенко — человек в военном отношении подготовленный, много работавший над собою, разбирающийся в вопросах тактики и оперативного искусства. В этом смысле нельзя его недооценивать. Но у него было очень своеобразное отношение к штабу. Он имел с собою — видимо, он выговорил себе такое право, — имел с собою так называемую группу Тимошенко. Он не доверял нам, людям, работавшим в штабе Юго-Западного направления. И в то же время он нас не снимал. Мы продолжали работать все на своих местах, но к каждому из нас был назначен своего рода дублер. То есть целая группа генералов, полковников, приехавшая с Тимошенко, докладывала ему. Находилась при соответствующих отделах штаба, при начальнике штаба, оперативном отделе, разведывательном и так далее и докладывала ему свое мнение,

свою точку зрения на события. Получались двойные донесения, двойная информация. Это, разумеется, создавало ненормальную обстановку в работе. Чувствовалось, что Тимошенко доверяет людям из своей группы, хочет в каждом случае перепроверить те данные, которые дают работники штаба. Стремление знать в точности обстановку — стремление хорошее, но то, как это проводилось при помощи такого дублирования, создавало совершенно ненормальные условия для работы.

Вскоре я был освобожден от должности начальника штаба Юго-Западного направления. Я считая, что это было сделано правильно. После всего того, что произошло на Юго-Западном направлении, после наших тяжелых неудач я сам находился в тяжелом состоянии, и мне было трудно исполнять свои обязанности.

Меня отозвали и назначили на Северо-Западный фронт начальником штаба в армии, которой командовал Пуркаев. А оттуда я был назначен начальником оперативного управления на Западный фронт. Здесь мне пришлось, на Западном фронте, впоследствии — на Третьем Белорусском, работать всю войну, до самого ее конца. Сначала в роли начальника оперативного управления, потом некоторое время в роли начальника штаба 33-й армии, а за-



▲ Тимошенко С.К.





▲ Жуков Г.К.

тем снова в оперативном управлении и заместителем начальника штаба фронта у Соколовского. А затем после снятия Конева, когда Соколовский стал командующим фронтом, я стал начальником штаба фронта и в этой должности уже оставался с зимы 43-го года до конца войны.

В качестве начальника оперативного управления мне много пришлось работать с Жуковым и с Коневым. Жуков мало выезжал, не выезжал, в сущности, на фронт, а с Коневым мне приходилось бывать и в ряде поездок в армии.

Многие черты стиля руководства Жукова и Конева были схожи. Но Конев среди всех командующих фронтами, с которыми приходилось работать, был человеком наиболее экспансивным, горячим. Правда, надо заметить и другое. Он был горяч, но отходчив. Мог очень возмутиться, раскиснуть, накричать, но быстро отходил. И вообще, вот вспоминая всех их, я должен сказать, что из всех командующих фронтами, с которыми я имел дело, Конев был, как бы это сказать, самым... Это был больше всего солдат, и в нем было больше всего человечности, в его характере, в натуре. А мне приходилось сопровождать его в поездках в армии. Как-то однажды целый

день мы ходили с ним по траншеям переднего края — надо было послушать, как он разговаривал с солдатами. Это не был показательный разговор: вот командующий поехал и поговорил с солдатами. Это был естественный разговор. За этим стояла его солдатская суть, солдатская натура. Он с солдатами говорил так, ибо иначе и не мог говорить, с абсолютным пониманием солдатской жизни, души, с абсолютной естественностью, с полным отсутствием чего-либо показного или нарочитого.

Потом, имея сведения с других фронтов, я слышал, что Жуков немало выезжал в армии, на передовые. Но во время Московской операции он никогда на моей памяти не выезжал на фронт, всегда находился на своем командном пункте. Смешно было бы тут говорить о мере храбрости; это вообще по отношению к Жукову вопрос недискуссионный. Но если говорить о причинах, почему он сидел на КП неотрывно, то причина одна — целесообразность. Слишком было опасное положение под Москвой. Слишком напряженное. На слишком многих и разных направлениях можно было каждый момент ждать удара, изменения обстановки, грозного для нас разворота событий. В этих условиях ко-

ман্ডующий фронтом, который бы уехал на один участок, а в это время произошли бы события на другом и его бы не оказалось на командном пункте для того, чтобы немедленно принять соответствующие меры, — поступил бы неправильно, неразумно. И, испытывая на себе огромную меру ответственности за Москву, находившуюся за спиной, Жуков не позволял себе поддаваться никаким порывам, никуда не выезжал. Он работал, сидя на командном пункте, всю Московскую битву. Я расцениваю это как целиком положительный факт в складывавшихся тогда обстоятельствах.

Жуков ценил штаб, понимал значение штаба в работе командующего, не мыслил свою работу в отрыве от работы штаба. И штаб при нем работал спокойно и регулярно. Подписав вечером итоговое донесение, он больше не дергал штаб. Подводились итоги вечером, во время составления итогового донесения, определялись задачи на следующий день, и с утра можно было спокойно работать в штабе, зная, что не будет дерготни, напоминаний, вопросов. Во всяком случае, первые несколько часов утренней работы.

Работникам штаба Жуков доверял. Доверял их донесениям, суждениям. И, пока он доверял, работать с ним было хорошо. Но с людьми, раз выходящими у него из доверия, он бывал крут, и если учесть огромные полномочия, которые он имел, огромные права, — это грозило, могло грозить тяжелыми последствиями.

Надо сказать, что стиль разговоров с командармами в штабе фронта в период командования Жукова установился грубый. Неправильно, на мой взгляд. И Жуков, и Булганин, и Соколовский, начальник штаба, были грубы с командармами и по телефону в случае неудачи или неполного успеха, словом, всего того, где происходившее не соответствовало первоначальному плану, — по телефону шла грубая ругань, и иногда можно было услышать больше разговоров о том, что снимут голову, чем разговоров о том, как поправить дело. А ведь умение руководить



и умение снимать голову — это разные умения.

К тому, что я сказал, все, конечно, не сводилось, но это имело место и имело чисто отрицательное значение, на мой взгляд.

После Жукова был назначен Конев. После Конева, после неудачных боев зимой 43-го года Конев был освобожден, впоследствии назначен на Степной фронт, а Западным фронтом был назначен командовать Соколовский.

Говоря о Западном фронте, о ряде неудач, его постигших, и о его упорных, но часто неудачных наступательных операциях на протяжении длительного времени, нельзя забывать следующей стороны дела. Западный фронт работал в интересах Сталинграда, в интересах южных фронтов. Об этом нельзя забывать. Особенно в период наступления немцев на юге и в самый период Сталинградского сражения. И обо-

ронительного, и наступательного. Говоря о Сталинграде, часто забывают даже о том, что сделали армии, непосредственно не сражавшиеся в Сталинграде, а воевавшие на Воронежском, Юго-Западном фронте. А тем более забывают о действиях на других фронтах. Между тем действия Западного фронта притягивали к себе большое количество немецких частей, не давали снимать немцам свои части, противостоявшие Западному фронту, не давали перекидывать эти части на юг, и все эти операции оказывали огромную помощь Сталинграду.

В частности, следует сказать о Погорелово-Городищенской операции летом 42-го года, затем о Жиздринской операции. Они не дали того эффекта, на который рассчитывали, но все же это были наступательные операции, в которых мы сковали большие немецкие силы и тем помогли Сталинграду.

Что сказать о Соколовском? Это очень противоречивый человек. Он был очень умен. Я бы сказал, исключительно умен, широко образован. Когда заговоришь с ним по вопросам оперативным, стратегическим, общеполитическим, то этого человека можно заслушаться. Он очень широко брал вопросы, мыслил широко. Я бы сказал, мыслил политически. Стратегически и политически. Словом, это был большой умница, образованнейший командир с огромным опытом. А в роли командующего фронтом у него не получилось. И даже трудно объяснить, почему так вышло. Он проводил одну за другой целый ряд стоящих нам очень тяжелых потерь неудачных операций. И после всех этих неудач он был снят приехавшей из Москвы специальной комиссией Государственного Комитета Обороны.

Операции предпринимались недостаточными силами. Во время



▲ Захаров М.В., Конев И.С.





▲ Соколовский В.Д.

операций, в ходе их особенно становилось ясно, что мы не сможем выполнить задачу, что для этого недостаточно сил и средств. Об этом докладывали Соколовскому, но он это не принимал во внимание и продолжал операцию.

Думаю, что известную роль сыграло в этом и его отношение к Гордову, командующему в то время 33-й армией, на которого он опирался. Не знаю, как кто смотрит на Гордова; я о нем, лично я, резко отрицательного мнения. Это человек, который воевал, не считаясь с потерями, организовывал наступления, не думая о потерях, давал необдуманные обещания, пытался выполнить их ценою огромных жертв, а в итоге не выполнял их. В конце концов он был снят, и снят совершенно правильно.

А значительная часть операций, которые проводил Соколовский как командующий фронтом — он именно 33-ю, бывшую Ефремовскую, армию, которой командовал Гордов, выдвигал на решающие участки наступления, делал из нее ударные силы.

Когда пришел поезд с комиссией, сначала члены комиссии — там был Маленков во главе комиссии, был там еще и Кузнецов Федор Федотович, начальник разведуправления в то время, еще несколько лиц, — сначала они говорили с Военным советом, а затем вызвали и нас, меня в том числе, в качестве начальника штаба фронта.

Помню, как Маленков в спокойном тоне спросил Соколовского: "Как же получились все эти неудачи? Вот здесь объясняют, что были недостаточные силы, недостаточные средства, что эти операции нельзя было проводить этими силами и средствами. Что вы можете на это сказать? Вам же это было видно. Почему же вы ни разу за все время не сняли трубку, не позвонили товарищу Сталину и не сказали своего мнения о том, почему нельзя проводить эти операции, почему недостаточны силы и почему выполнение поставленных задач не может быть обеспечено?"

Была долгая пауза. Соколовский так ничего и не ответил. Я был по-

ражен. Но факт остается фактом. Он не ответил на это ни одного слова. И он действительно не звонил...

В ответ на вопрос Соколовский так и не сказал ни слова. Не знаю, чем это объяснить, не могу. То ли не решался звонить Сталину, то ли верил в то, что ему удастся выполнить поставленные перед фронтом задачи с теми недостаточными силами и средствами, которые у него были. А было всего мало как раз в этой последней операции, после которой его сняли. Мало было танков. Мало было снарядов. Мало было людей. Нечем было выполнять задачи.

Может, играло роль и то, что Гордову он верил, что тот выполнит задачу, возложенную на 33-ю армию. Может быть, тот обещал, а этот доверился. Трудно сказать.

Работа с Соколовским как с командующим фронтом сначала протекала нормально. Командный пункт функционировал нормально, как и всегда; на командном пункте находился он, член Военного совета,



начальник штаба, начальники родов войск, артиллерии, танковых войск, начальник связи, инженерных войск, командующий воздушной армией. А потом, после первых неудач, Соколовский занял странную позицию. Он уехал с КП фронта за 20—30 километров, там приказал оборудовать себе отдельный пункт, там у него была связь, были адъютанты. И все, больше ничего не было. Оттуда он по телефону связывался со штабом, с Москвой и с армиями, непосредственно разговаривал оттуда с командующими. Это было такое странное уединение, мешавшее, конечно, нормальной работе и штаба, и нормальной работе командующего. Почему он так сделал, трудно сказать.

Быть может, тут сыграло роль то, что штаб докладывал истинное положение вещей ему как командующему. Докладывал реальное наличие войск, боеприпасов, средств усиления. То есть докладывал картину, из которой было ясно, что операция успехом увенчаться не может. По су-

ществу, в этой форме представлял свои возражения против проведения операции. Может быть, он не хотел постоянного давления штаба и таким образом отъединялся от него, по существу, командовал помимо штаба. Хотя, конечно, штаб продолжал делать свое дело.

Это создавало очень сложную обстановку, ненормальную.

Когда Соколовский был снят, вместе с ним был снят и ряд других офицеров, в частности начальник разведки, очень хороший кстати. Но приехал Кузнецов как начальник Разведупра и, видимо, считал по своей линии нужным кого-то снять, наказать.

Я не был снят. Получил выговор и остался начальником штаба. И вот в этой обстановке приезжает на фронт новый командующий — Черняховский. Перед его приездом Западный фронт имел подряд несколько неудач. Серьезных неудач. Была комиссия ЦК, был снят командующий, выговор получил начальник

штаба. Можно было ожидать, что в такой обстановке новый командующий, молодой — ему тогда не исполнилось еще и тридцати восьми лет, — отнесется к штабу с недоверием, постарается, может быть, заменить людей, взять на их место других, тех, которым он доверяет. Во всяком случае, можно было ожидать настроенного отношения к работе штаба с его стороны.

Однако этого не произошло. Он приехал и подошел ко всем вопросам очень трезво, спокойно. И мне, как начальнику штаба, выразил доверие, советовался, информировался, разбирался вместе со мной в обстановке. Словом, было ясно, что он намерен работать с теми людьми, которые здесь, в штабе, находятся.

Надо сказать, что штаб Западного фронта, впоследствии Третьего Белорусского, был очень сильный штаб, один из самых сильных штабов. Коллектив давно сложился. Сложился еще в тридцатые годы в Белорусском округе. Конечно, потом многое было,



▲ Галицкий К.Н.



▲ Кузнецов Ф. Ф





много людей потеряли — и до войны, и во время войны, много было перетрясок, перемен. Но дух штаба сохранялся. Культура работы. Коллектив штаба продолжал существовать, и в нем жила преемственность, жили традиции. Поэтому, объективно говоря, Черняховский был прав, когда он не стал шерстить штаба, переставлять людей, когда он отнесся к штабу как к коллективу, в котором ему придется работать.

Я, как начальник штаба, благодаря такому отношению командующего почувствовал уверенность в работе, желание работать с ним. И я постарался, естественно, передать эту уверенность, это желание всему коллективу штаба, постарался настроить штаб на дружную, целеустремленную работу, на всемерную помощь командующему.

В смысле стиля работы Черняховский во многом напоминал Конева. Он так же, как Конев, много ездил на фронт, в войска, постоянно бывал там. Он был человеком выдержанным и при волевом характере не проявлял этот характер в грубости

и в резкости. Умел потребовать, умел быть твердым, но не ругался, не разносил людей, не унижал их.

Вспоминаются события в августе сорок четвертого года под Гольдапом, когда 33-я, частично 11-я армия неудачно действовали в Восточной Пруссии; начали наступление, наткнулись на немцев, которые нанесли удар силами нескольких танковых дивизий и отступили, были сброшены с плацдармов на той стороне Шишупы. Это была чувствительная неудача, болезненная. Особенно если учесть, что речь шла о переходе границы Восточной Пруссии. И когда это произошло, я был свидетелем разговора по телефону Черняховского, если не ошибаюсь, с Галицким. Можно было ожидать, что Черняховский за эту неудачу начнет разносить командарма. Однако этого не случилось. Он позвонил и потребовал доклада. Не ругал, а уяснил себе положение армии, спрашивал, где что находится, где артиллерия, где такие-то, такие-то и такие-то части, где находятся резервы, что можно в кратчайший срок подтянуть и так далее.

Когда уяснил себе положение, отдал ряд приказаний — что сделать, куда что передвинуть, какие меры принять. На том разговор и кончился.

Для него, как для командующего фронтом, неудача эта была очень болезненной, чувствительной, но он не дал волю своим чувствам, а прежде всего занялся делом — выяснением положения и исправлением его. Что, конечно, было абсолютно верно и что далеко не всегда делали другие в таких ситуациях.

Черняховского я совершенно не знал. Знал о нем, что он боевой командарм, в качестве такового поделился, но лично знаком с ним не был. До этого и с Соколовским, у которого я был заместителем начальника штаба Московского военного округа, и с Жуковым, и с Коневым я был давно знаком, мы вместе служили в свое время в Белорусском округе, и, конечно, в отношениях, в доверии ко мне эта совместная служба играла определенную роль. Я был в Белорусском округе начальником штаба корпуса, а Конев командовал там стрелковой дивизией,



▲ В центре – Василевский А.М., Черняховский И. Д., допрос немецких генералов. Белорусская операция



Жуков — кавалерийской. Обе эти дивизии не входили в наш корпус, наш корпус был двухдивизионного состава, но, когда происходили учения, зачастую дивизии эти придавались корпусу или входили в состав группы, которая проводила учения, и мне, как начальнику штаба корпуса, постоянно приходилось иметь дело с ними обоими как с командирами дивизий, входивших в оперативное подчинение корпусного командования.

Мое собственное примечание по поводу неудач Западного фронта в 43-м — начале 44-го года.

Мне кажется, что серия неудач Западного фронта имеет свои причины, помимо тех или иных неудачно проведенных операций, не наилучших действий командующих фронтом. Думается, само положение Западного фронта было двойственным. С одной стороны, все основные действия разворачивались на юге. Там с самого начала, начиная со Сталинграда, добивались наибольших успехов, захватывали большие территории. Там был наибольший простор для действий все усиливавшихся наших танковых частей. Там в течение долгого времени решались основные судьбы войны, и к этому привыкли. Туда шли формирувавшиеся у нас танковые корпуса и армии; туда шло значительное количество новых формирований артиллерии; там сосредоточилась основная масса авиации. А Западный фронт находился в двойственном положении.

С одной стороны, он стоял еще слишком близко к Москве для того, чтобы слишком ослаблять его. То есть на нем держались все время значительные силы. Главным образом пехота и артиллерия. Но технику туда давали туго, боеприпасами обеспечивали меньше, чем наступающие фронты. Танков было мало, авиации было тоже не слишком много. То есть на Западном фронте было сил слишком много для того, чтобы воспринимать его как пассивный фронт, и слишком мало для того, чтобы он мог стать активным фронтом. Ему добавляли сил перед операциями, укрепляли его, снабжали, но в пределах, которые не дава-



▲ Сталин И.В.

ли возможности провести операцию на полную силу, на полную мощь, так, как это происходило на южных фронтах.

В то же время от него требовали активности. И потому, что этот фронт был все-таки довольно сильным, во всяком случае, по массе людей, по количеству армий, находившихся на нем, и потому, что он был слишком близок от Москвы и очень соблазнительна была любая возможность отодвинуть немцев подальше от Москвы. Словом, именно здесь проявлялась такая вот половинчатость, двусмысленность положения фронта, давала себя знать и оборачивалась очень типичными для этого фронта операциями с неполным, частичным успехом и большими потерями, которые всегда бывают прежде всего именно в таких операциях.

Когда же Западный фронт, разделенный на Второй и Третий Белорусский, принял участие в операции с решительными целями и когда для этой операции этим фронтам и соседним с ним Первому Белорусскому и Первому Прибалтийскому были даны достаточные средства для проведения операции большого размаха, то фронт пошел и отлично выполнил свою задачу.

Возвращаясь к рассказу Покровского.

— На плечах начальника штаба фронта лежит необходимость все увязать, все сомкнуть. Хотя начальники родов войск, командующие артиллерией, бронетанковыми войсками, командующие воздушной армией — люди, не подчиненные начальнику штаба, а подчиненные командующему фронтом; хотя они в некоторых случаях даже сами члены Военного совета фронта, но они все связаны со штабом. Вот сомкнуть, увязать деятельность всех этих служб, всех родов войск — это должен штаб. Поэтому при подготовке любой операции, после выработки плана, директивы, все службы идут в штаб, все идут к тебе, все один за другим приходят, решают вместе с тобой и со штабом все необходимые вопросы, которые требуют уточнения, доработки, увязки.

Бывало, конечно, и так, что иногда начальники родов войск игнорировали штаб. Бывало так, что человек хочет себя поставить в независимое по отношению к начальнику штаба положение, обходит его, действует сам, подчеркивает свою самостоятельность, но где-то в конце концов становится туго, и он в этом, как правило, раскаивается, у него возникает





▲ Павлов Д.Г. Мерецков К.А., Тимошенко С.К.

необходимость, вернее, понимание той необходимости, которая бывает с самого начала реальной, — увязка всех своих действий со штабом, работа в тесном контакте со штабом фронта. В конце концов, такой момент приходит для каждого, даже для того, кто хотел бы по субъективным причинам игнорировать штаб.

Очень важно поставить себя как начальника штаба в правильное положение во взаимоотношениях со всеми родами войск и их командующими, начальниками. Очень важно, чтобы люди, они сами, их начальники штабов шли к тебе, звонили тебе, давали правдивую информацию по своей линии. У штаба артиллерии идет информация по штабу бронетанковых войск, по штабу воздушной армии, по штабу тыла. Очень важно, когда ты имеешь возможность проверять информацию и пополнять информацию, полученную тобой непосредственно от своих штабных работников, информацией, полученной от работников штабов родов войск.

Ну, а трудность, повторяю, в том, что начальники родов войск не подчинены тебе. Как бы и подчинены, а в то же время нет. Надо сказать,

что мы, как правило, находили общий язык и правильную систему отношений с командующими родами войск.

Очень хорошо было работать с Хрюкиным — командующим воздушной армией. Это был человек молодой, с большим боевым опытом, способный, выдержанный, умный, умеющий хорошо организовать работу авиации, подчиненной ему. Когда он пришел после Михаила Михайловича Громова, мы, можно сказать, вздохнули. Громов — блестящий летчик, но человек невоенный, не военачальник, не организатор. О нем даже рассказывали такой случай, что, когда в течение долгого времени мы не могли организовать воздушную разведку в немецких тылах, ничего не получалось, ну никак, — он созвал командиров авиационных частей к себе и, возмущаясь этим обстоятельством, стыдил их и даже спросил их: "Наконец, есть ли среди вас хоть один мужчина, который сделает то, что ему поручено?!"

Он стыдил, а Хрюкин, когда пришел, организовал воздушную разведку, и мы стали получать нужную нам информацию.



▲ Хрюкин Т.Т.

Дружно проходила работа с Иваном Сергеевичем Хохловым — вторым членом Военного совета, который занимался вопросами тыла и снабжения. Человек очень хороший, обаятельный, знающий, умный, с большим опытом в том деле, которым он занимался на фронте.

Очень важную роль на фронте играли, конечно, военные сообщения. Алексей Васильевич Добряков, генерал-лейтенант, начальник ВОСО фронта, был на высоте своего положения, был очень опытен в этой работе и делал все возможное для своевременного снабжения фронта, что играло очень большую роль в работе.

Вообще тут нельзя преуменьшать роль военных сообщений. Они играли огромную роль. И, наоборот, при плохой работе могла провалиться любая, самым хорошим образом задуманная операция.

Я спросил у Покровского, что он думает по поводу института представителей Ставки. Он на это ответил так:

— Вы задаете вопрос, по которому — вы это сами прекрасно знаете — существуют разные точки





▲ Рокоссовский К.К. в центре. Московская битва

зрения, существует немало споров. Рокоссовский выступал в печати, критиковал этот институт, отрицательно отзывался о нем. Основное направление его мысли было критическое. Выступали другие военные деятели — Василевский, например, и из их выступлений в печати, статей можно создать себе представление, что институт представителей Ставки играл положительную роль.

Ну, прежде всего надо анализировать все в целом. Обычно, когда останавливаются на роли представителей Ставки, то берут только наступательные и удачные операции, как правило, и на их фоне рассматривают роль представителей Ставки. Но представители Ставки были в разных операциях. Представители Ставки были во время Керченской операции. Представители Ставки были и в Крыму в период падения Крыма. Принимали они участие и в целом ряде других операций, оборонительных в том числе, и их деятельность в этих операциях освещена в литературе очень мало. И надо сказать, что я не помню такого случая, чтобы они существенно исправили положение во время этих неудачных для нас операций.

Я, конечно, не претендую на то, что мое мнение объективно. У раз-

ных людей разное складывается мнение по этому поводу, подчеркиваю это. Этот вопрос вообще заслуживает гораздо более обширного исследования, которое еще, по существу, не предпринято. Но мое личное мнение, что институт представителей Ставки мало оправдывал себя. Кроме

того, надо проанализировать, в каких случаях были представители Ставки, в каких нет. Здесь проявлялся субъективный момент, связанный с дроблением фронтов. На мой взгляд, мы занимались неоправданным дроблением фронтов. Ну, например, перед Белорусской операцией, почему был разделен устоявшийся, сложившийся Третий Белорусский фронт на два фронта — на Третий и Второй? Задача была общая. Полоса наступления не разделена была никакими естественными преградами. Пришлось формировать новое управление фронта Второго Белорусского. На какой базе? На базе корпусного управления, что, разумеется, не могло дать сразу сильного штаба фронта. Развертывать штаб фронта из корпусного управления — должно быть ясно, что это не наилучший вариант развертывания.

Фронт переставал быть фронтом, превращался иногда, в сущности, в усиленные армии. А армии, входившие в состав этого фронта, соответствовали примерно немецким армейским корпусам. В таких условиях человек, который координирует действия двух соседних фронтов, по существу, командовал одним раз-



▲ Василевский А.М.





▲ Сталин И.В. осматривает трофейную технику

дробленным на две части фронтом. А в Белорусской операции вышло так, что сначала Третий Белорусский фронт разделили на два — на Третий и Второй. А потом, когда производилась координация, то получилось, что эти разделенные фронты попали к разным координаторам, потому что Вторым Белорусским фронтом и Первым Белорусским фронтом, левее него, занимался как координатор Жуков, а Третьим Белорусским фронтом и Первым Прибалтийским, правее него, занимался как координатор Василевский.

Я читал одну статью, где давалась такая оценка, что вроде бы Черняховский был очень доволен тем, что Василевский был представителем Ставки и осуществлял координацию руководства фронтами, его фронтом в частности. У меня такого впечатления не сложилось. Черняховский был человек выдержанный, но его, на мой взгляд, тяготило то, что действия его координируют и что есть еще какая-то инстанция между ним и Ставкой. Это не облегчало его работу. При всем его личном уважении

и высоком мнении о Василевском. Дело не в личностях тут, а в самом положении двухступенчатом, которое не может не тяготить командующего фронтом.

Да и не случайно, конечно, что когда действовали большие фронты, во главе которых стоял Конев, стоял Жуков, то никакой речи о координации действий, о том, чтобы назначить к ним координатора, не было. У них не было координаторов, они действовали самостоятельно. Их действия координировала Ставка, что и было вполне правильно.

В итоге выходит, что это не было принципиальным решением, — координация действий нескольких фронтов, это было решением, во-первых, спорадическим, временным, во время той или иной операции, а во-вторых, это правило, которое существовало не для всех. К одним командующим фронтами назначали координаторов, а к другим нет. Да и координаторы были разные, игравшие более реальную роль и менее реальную роль. Этому тоже есть ряд примеров. Есть и примеры,

по существу, формальной координации действий. Такие примеры были.

Проблема дробления фронтов и связанная с нею проблема представителей Ставки для координации действий фронтов как одна альтернатива, и проблема направлений, постоянно объединяющих действия нескольких фронтов, как другая альтернатива — это вопрос, еще недостаточно освещенный в нашей военной истории, но существующий.

И надо добавить, что при дроблении фронтов, при наличии малых фронтов руководство ими со стороны Ставки приобретало слишком оперативный и даже тактический характер, что тоже сказывалось отрицательно.

Донесения, которые шли в Ставку, часто бывали, на мой взгляд, слишком детализированы. Нужно было доносить о каждой детали, о каждом взятом населенном пункте. Вряд ли в этом существовала действительная необходимость. Общее стратегическое руководство такой меры подробности донесений не требует.



Перед началом операции, в период замысла ее и в тот период, когда она уже решена и надо людей готовить к ее выполнению, перед начальником штаба, вообще перед штабом существует диалектическая трудность. С одной стороны, нельзя разглашать строгую военную тайну. Но, с другой стороны, надо, чтобы люди поняли, чего они ждут и к чему они должны готовиться. Вот тут находи меру того и другого.

Какая отрицательная черта в работе представителей Ставки на фронте? Представитель Ставки едет, конечно, не один. Он едет со своим собственным аппаратом. В этом аппарате у него представители разных родов войск, люди, которые в состоянии контролировать, входить в курс той или иной отрасли деятельности штаба фронта, который координирует координатор. Раз представитель едет со своим аппаратом, то начинается и дублирование. Его сотрудники идут в штаб, один дублирует начальника штаба, другой — связь, третий — разведку, четвертый — оперативное управление, и поскольку они заняты этой деятельностью и должны информировать представителя Ставки обо всем, что они знают, то возникает на фронте получение двойных сведений. Сначала запрашивает сведения штаб, соответствующие отделы, а потом запрашивают те же самые сведения у тех же самых людей, в тех же самых войсках работники аппарата представителя Ставки. В войска следуют двойные запросы, от войск следуют двойные донесения, которые часто не совпадают. Не совпадают, потому что, во-первых, донесение может быть по-разному прочтено и понято, — уже одно несовпадение; во-вторых, одно донесение от другого или одно полученное сведение от другого отдают час или два: за это время положение уже в чем-то переменялось в ту или иную сторону — снова несовпадение. А в итоге бывают случаи, когда представитель Ставки начинает стыдить тебя в роли начальника штаба фронта: как же, вот вы сообщаете то-то и то-то, а дело

обстоит так-то и так-то, ваш штаб плохо работает, что это за штаб!

Надо отметить одно важное обстоятельство. Сталин, назначая своих представителей Ставки для координации фронтов, в то же время не выпускал из виду командующих. Не отпускал командующих с провода, разговаривал не только с представителями Ставки, но и с командующими фронтами. И командующий фронтом имел возможность непосредственно донести ему по любому вопросу, по которому считал это нужным. Это, конечно, облегчало положение командующего фронтом и было правильно при той сложившейся практике, которая была.

А в общем, по моему ощущению, и командующий фронтом, и штаб, и начальник штаба, как правило, вздыхали свободно, когда с фронта отбывал представитель Ставки.

Было правило, при котором устные донесения в Ставку шли каждые два часа по ВЧ, а итоговое давалось в двадцать четыре часа ежедневно.

Выезжал ли я как начальник штаба на фронт? Редко.

Разный стиль может быть у начальников штабов. Например, если

вы посмотрите воспоминания Бирюзова, то увидите, что у него был другой стиль: он много выезжал в войска. Я — нет. В принципе выезды начальника штаба в войска, конечно, возможны: командующий может дать то или иное поручение начальнику штаба, в особенности если сам командующий в это время остается на командном пункте, но если нет прямой цели, прямого поручения, то у меня и здесь, в штабе, всегда много работы, поэтому я по собственной инициативе не выезжал. Командующий, как правило, с утра уезжал вперед, в войска, а я должен был сидеть в штабе. Думаю, что это правильно. К вечеру командующий фронтом возвращается из войск; мои офицеры, посланные от штаба фронта, из оперативного отдела, разведывательного, тоже возвращаются к этому времени. Командующий и лица, которые ездили с ним, привозят свои сведения, мои офицеры свои. Эти сведения смыкаются и помогают подвести итоги и наметить планы на следующий день.

Вдобавок, как я уже говорил, я получал сведения не только через своих офицеров, но и от офицеров



▲ Макаров В.Е., Василевский А.М., Покровский А.П.





воздушной армии, от артиллеристов. От офицеров других штабов, тоже выезжавших или находившихся в войсках. Это тоже помогало представить себе общую картину. Начальник оперативного управления часто уезжал вместе с командующим вперед.

О Черняховском. Черняховский был танкистом, и он всегда интересовался техникой, интересовался новинками. Гибель его была связана, между прочим, с этой его чертой. Он поехал к Горбатову из соседней армии, потому что туда прибыли новые самоходки.

Продолжаю запись А. П. Покровского.

Штаб посылает своих офицеров в войска. Там они являются и помощниками людей, которые командуют войсками, и информаторами начальника штаба, оперативного отдела.

В штабе фронта была сильная группа офицеров, постоянно ездив-

ших в войска. Многие из них погибли, в особенности так называемые делегаты связи, потому что приходилось и много летать, много и часто подвергаться риску. Но они делали свое дело, как правило, хорошо.

Надобно сказать, что когда и командующий фронтом ездил в войска, посылка офицеров даже в те же соединения, в которых был командующий фронтом, имела большой смысл, потому что командующий фронтом часто не имел возможности добраться до переднего края. до передовых траншей. Ему это просто не давали сделать, да это было бы и неразумно. А офицеры штаба были там, могли доложить о том, что происходит в низах, на самой передовой.

Так что эта группа офицеров была очень сильная. Но отношение к ним в войсках бывало разное. И это, как, очевидно, и повсюду, зависело от стиля командования армиями. Два типа отношений к этим офицерам представляли собой

Николай Иванович Крылов — командующий 5-й и Гордов — командующий 33-й. Это были крайние полюса. Николай Иванович Крылов относился к этим офицерам как к помощникам, как к людям необходимым, присутствие которых желательно в армии, присутствие которых он приветствует. А Гордов относился к ним как к фискалам, не стеснялся и говорить: "Копаетесь, подрываете авторитет! Опять явились". Рассматривал их объективную информацию о происходившем в армии как нечто, направленное против него как командующего.

Конечно, присутствие в войсках офицеров из штаба фронта связано с деликатностью порученного им дела, с чувством такта, с правильной нацеленностью их. Но отношение, которое они встречали в разных случаях, характеризовало и самих командующих теми или иными армиями.

Один из офицеров оперативного отдела управления штаба, тогда мо-



▲ Гордов В.Н.



▲ Крылов Н.И.



лодых офицеров, сейчас продолжает служить в Белорусском округе, там, где он когда-то начинал службу. Это Арико, генерал-полковник, ныне начальник штаба Белорусского военного округа.

Когда штаб перебирался, то надо было запросить Ставку. Как мы это делали, переброску штаба? Ну, сначала ехала для выбора места группа представителей, у нас ездил часто комиссар штаба, потом постепенно там устанавливалась связь, строились блиндажи, строились основательно, главным образом, как правило, в лесу. Мы получили один раз жестокий урок под Касней, когда нас разбомбили, и с тех пор всегда был лозунг: "Штабы — в леса, в овраги". Мы этот лозунг выполняли, и больше за всю войну штаб ни разу не подвергался целенаправленной бомбежке немцев. Был замаскирован всегда хорошо.

Была у нас бригада строительная. Ну, в армию позабирали много старичков. Кто, так сказать, с болезнями, кто без одного пальца, кто прихрамывает. Так вот из этих старичков собрали такую строительную бригаду, которая очень быстро, хорошо выполняла необходимые задания, когда нужно было что-то построить. В частности, переместить штаб и организовать строительство на новом месте блиндажей и всего, что там требовалось.

После этого устанавливалась дублирующая связь; туда переезжали офицеры оперативного отдела, устанавливалась связь с армиями. Когда уже все было налажено и как бы существовал уже полностью оборудованный новый командный пункт, тогда я, как начальник штаба, запрашивал разрешения переехать: "Прошу разрешения переехать". И переезжал.

Переезд штаба диктуется необходимостью наилучшей связи с войсками. И связи не только вниз, но и вверх. В то же время он связан и с соображениями безопасности. Во время наступления часто перемещать штаб сложно, потому что работа очень напряженная и, часто перемещая штаб, можно утратить



▲ Пуркаев М.А.

по крайней мере часть связи. С другой стороны, слишком далеко оставлять штаб, когда развивается наступление, тоже нельзя, ибо это делает очень длительными поездки в войска. В частности, поездки командующего. Командующий не должен тратить больше двух часов на поездку в войска в одну сторону, иначе это слишком накладно. Словом, тут приходится искать каждый раз целесообразных решений в условиях тех противоречий, которые постоянно существуют на войне, в условиях ее постоянной диалектики.

Вспоминаю, например, когда я был начальником штаба в 3-й ударной армии у Пуркаева, на Северо-Западном, я ему докладываю, что мне надо перейти со штабом к войскам ближе, потому что я те-

ряю с ними связь. Снега глубочайшие. Он говорит: "Тяни, держи", — а как держать? Глубочайшие снега, ничего не проезжает, тянуть связь трудно. Но он не хочет упускать со мной связь и не дает мне переехать. В итоге я с ним связь сохраняю, а с войсками утрачиваю, за что мне же, естественно, и попадает в итоге.

Вопрос перемещения штаба бывает вопросом очень драматическим. Вот мне пришлось говорить с Лукиным; он упрекает Конева за то, что тот выехал вместе со штабом из Вяземского окружения. Считает это неправильным, считает, что, если бы штаб оставался, можно было по другому организовать оборону внутри кольца окружения. Ну, с его позиций это можно понять. Но если говорить о целесообразно-





сти, мне лично кажется, что Конев поступил правильно. Какой был бы прок, если бы там, в Вяземском окружении, мы вдобавок ко всему тому, что потеряли, потеряли еще и все управление Западным фронтом? Это управление оказалось в тяжелом положении и тогда, когда оно вышло, потому что было очень мало войск, фронт был потрясен предыдущими неудачами. Но если бы мы в этих условиях под Москвой не имели еще управления фронтом? Легче было бы или тяжелей восстанавливать положение? Разумеется, тяжелей. Так что, я думаю, что в данных драматических обстоятельствах Конев правильно перебазировал штаб фронта.

Во время Белорусской операции мы, устремившись на Борисов и не учитывая масштаба окруженной нами совместно со Вторым

и Первым Белорусским фронтами группировки, поставили одно время штаб под удар. По существу, мы оказались со штабом под ударом крупной немецкой группировки, которая шла на штаб. Пришлось принимать меры, вводить в дело полк охраны штаба, подбросить некоторые другие части на защиту штаба. В общем, с положением быстро справились, но момент был опасный и непродуманный.

В ответ на мой вопрос о том, как происходит приемка армии с соседнего фронта, Покровский сказал так:

— Приемка армии во время операции происходит, конечно, на ходу. В частности, когда мы принимали 33-ю армию, Черняховский выехал и нашел возможность быстро встретиться с ее командующим. В других обстоятельствах была бы возможна

и поездка начальника штаба фронта для того, чтобы принять армию. Однако в тех условиях быстро развертывавшегося наступления мне, например, отлучиться из штаба фронта было бы крайне трудно.

Проблема приемки армии зависит в значительной мере от того, впервые вы ее принимаете или эта армия уже была у вас. Если она была у вас, то вы ее лучше знаете. Если не была, значит, принимать нужно новое для вас хозяйство. Это требует более долгого и тщательного ознакомления.

В данном случае в Белорусской операции мы принимали 33-ю армию как армию, которая была уже у нас. Это было проще.

Вообще в Ставке, в Генеральном штабе часто подходили с излишней легкостью к передаче армии из фронта в фронт и к изменению



▲ Громов М.М. в центре





▲ Ефремов М.Г.

разграничительных линий. Например, впоследствии нам так изменили разграничительную линию, что мы три армии правофланговых передали Прибалтийскому фронту и сразу же три армии левее себя приняли во фронт. Это значит сдать три армии и принять три армии. Одновременно почти что. Представляете себе, какие это порождает сложности? Ну и, кроме того, командующие фронтами уже привыкли к тому, что фланговые армии могут быть в связи с изменением разграничения переданы соседу. В связи с этим очень часто в этих армиях, которые ты

получал переданными, не хватало средств усиления. Они были слабыми, наиболее слабыми, потому что свои резервы, свои средства усиления командующий фронтом, штаб фронта не направляли в ту армию, которая могла быть завтра передана соседу. Он не хотел лишаться средств усиления, резервов. Это было типичное явление при передачах армий, от которых каждый раз страдали те, кому армии передавали. Сегодня мы, а завтра соседи.

Мое примечание. Насколько я понял из этих слов, вопрос о ча-

стом изменении разграничительных линий и о передаче фланговых армий с фронта во фронт тоже для Покровского был связан с проблемой излишнего дробления фронтов. Он, видимо, стоял за более крупные фронты, за стабильность их управления, за стабильность входивших в них частей.

Думаю, что эта точка зрения была у него связана и с обстоятельствами Западного фронта, сложившимися там. Западный фронт долгое время был стабильным, долгое время штаб фронта привык иметь дело с одними и теми же армиями, с одними и теми же нарезанными ему участками действий, с одними и теми же разграничительными линиями, и в этих условиях изменения, начавшиеся с разделения фронта на Третий Белорусский и на Второй Белорусский, штабом фронта, в том числе и начальником штаба, воспринимались особенно остро и болезненно.

Хочу сделать это примечание, в то же время внутренне считая, что, видимо, в принципе Покровский прав, с моей точки зрения.

Затем я задал вопрос о заместителях командующих фронтами. В ответ на это Покровский сказал так:

— У нас на Западном фронте был одно время заместитель командующего Хозин, а в остальные периоды заместителя командующего фронтом не было. В армиях были заместители командующего.

Что сказать о должности заместителя командующего фронтом? Да, у нас был заместитель командующего фронтом все время Софронов Георгий Павлович. Заместитель командующего по формированиям. Но к чему сводилась его роль? Роль так же, как и других заместителей командующих, незавидная, потому что практически, да и по установившемуся порядку первый заместитель командующего фронтом и армией — начальник штаба фронта или армии. А существование еще одного заместителя обрекало его на то, чтобы выполнять поручения. Вот поез-





жай, посмотри, погляди там, прими там дивизию, посмотри, как идут дела, что-то они плохо движутся. Вот он и ездил, возвращался, заходил к командующему, к начальнику штаба, ждал нового дела какого-то, нового поручения. Томился, опять выезжал. Приезжал, докладывал, снова ждал. Очень трудная жизнь была у заместителей командующих.

Я сказал, что, по моим наблюдениям, заместителями командующих в армиях, главным образом, были люди, которых как-то не определили к месту. Люди храбрые, заслуженные, но в то же время их не послать на корпус, потому что есть более сильные командиры корпуса. Послать на меньшее дело нельзя: звание большое и человек заслуженный. Вот и становится заместителем командующего. А в душе у него иногда такое чувство, что пошли-те меня хоть на полк, только бы не продолжать деятельность в этой незавидной роли.

С этими замечаниями Покровский, в общем, согласился.

Я спросил его, с кем он держал связь, как начальник штаба, с кем общался в армиях.

— Разные были стили у начальников штабов. Если вы посмотрите записки Бирюзова, он часто звонил, разговаривал с командующими армиями. Я лично, как правило, держал связь с начальниками штабов. Мне важно было взаимопонимание с начальниками штабов, твердая связь с ними, знание всего того, что происходит в армейских штабах. Командующим я звонил в тех случаях, когда передавал указания командующего фронтом командующим армий. Ну и в тех случаях, когда отсутствовал начальник штаба соответствующей армии, тогда я звонил командующему.

Вообще связь шла параллельная. Командующий фронтом — с командующими армиями, на-

чальник штаба — с начальниками штабов армий, оперативное управление фронта — с оперативными отделами штабов армий.

Режим работы. Порядок, утвержденный сверху, был таков. К 22.00 оперсводка в Генштаб посылалась за подписью начальника штаба фронта. В 24.00 в Генштаб шло итоговое донесение, подписанное командующим фронтом, членом Военного совета и начальником штаба. К 3.00 должна была быть отправлена разведсводка, подписанная начальником штаба и начальником разведывательного отдела.

Как я строил свою работу? Отправив в 22 часа оперсводку, я шел к командующему, там обычно бывал в это время член Военного совета, иногда начальники родов войск, командующие родами войск — шли обсуждения итогов дня и подготовка итогового донесения. Здесь же происходили и главные, принципиальные беседы по поводу прошедших и предстоящих событий. Итоговое донесение отправлялось в 24 часа, а примерно до часу еще, как правило, продолжалась эта беседа с наметкой предстоящего на следующий день.

Затем командующий ложился, а начальник штаба шел к себе работать. Работать по детализации предстоящего дня. Кончал работать в шесть-семь утра и шел отдыхать. Командующий около семи утра, как правило, выезжал в войска. Я как раз ложился отдыхать. На телефоне оставался сидеть опытный оператор, собирал сведения из армий и передавал их в Генеральный штаб.

Я вставал около двенадцати часов дня, и вскоре мне звонили из Генштаба для доклада Сталину. Звонил все эти годы, пока я был начальником штаба, один и тот же человек — ныне генерал-полковник Ломов. Ныне он в Академии Генерального штаба на кафедре

стратегии, а тогда был направленным нашего фронта. Там, в Генштабе, сидело несколько генералов, у каждого из которых был один, или два, или три фронта, ряд фронтов, и они постоянно были в курсе наших дел.

Он звонил для доклада Сталину. Мы говорили с ним каждый день годами. Каждый день, без исключения. А увидались впервые после войны, в сорок шестом году. В глаза друг друга не видели никогда, только по голосу знал его, как никого другого.

К двум-трем часам у Верховного лежала уже карта с нанесенным на нее положением по всем фронтам. Вот для нанесения этого положения мне и звонили около двенадцати часов.

Но если шло наступление, то в Генштаб было положено доносить о событиях каждые два часа круглые сутки.

Думаю, что в этом хорошем порядке была одна отрицательная черта. Донесения требовались излишне подробные. В этом необходимости не было с точки зрения общего стратегического руководства.

Говоря о командовании 33-й армии, Покровский сказал, что после Ефремова армии не везло. Неудачным командующим был Гордов. Слабым командующим был Крюченкин.

— Это,— сказал он,— человек другого масштаба, не командарм. Это типичный кавалерист, не двинувшийся никуда вперед. Командир кавалерийского корпуса в начале войны. Это и был потолок его возможностей. Слабый командующий. Безуспешно командовал армией и пришедший ему на смену Морозов, который очень неудачно действовал во время первого августовского прорыва в Восточную Пруссию. ■



С.В. ДМИТРИЕВСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТАЛИНА



▲ Сталин И.В. и Ленин В.И.

Партия Ленина никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений вовне, ее «генеральной линии», охранялось сильной рукой и непрекаемым авторитетом ее создателя и вождя.

Пока партия была маленькой подпольной сектой, ее внутренняя раскладка была менее заметна. Расходившиеся с ее линией либо выходили из ее рядов, либо безропотно подчинялись. Да и самые расхождения тог-

да не столь остро чувствовались, так как все это были чисто теоретические споры, немедленных жизненных выводов из них делать не приходилось.

В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и все почти активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, призраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть многое осуществлять. Сле-

довательно, борьба за идеи в рядах партии приобрела жизненный интерес, практическое значение. В силу этого через несколько лет революции внутри партии расслоение стало исключительно сильным — и наметилась неизбежность жестокой борьбы.

В начале революции тон в партии задавала «старая гвардия», старшее поколение, причем по преимуществу его интеллигентско-эмигрантская часть.

Здесь наибольшую роль вначале играла небольшая, но сильная своей сплоченностью, ясностью и целью-





Дмитриевский Сергей Васильевич (1893-1964), родился в Холме, Люблинской губернии. В 1919 окончил юридический факультет Петроградского университета. До Октябрьской революции 1917 — эсер. В 1919 вступил в РКП(б). Работал в НКВД. В 1923 генеральный секретарь советского торгпредства в Берлине, в 1924 первый секретарь советского посольства в Афинах, с 1927 советник советского посольства в Стокгольме. В 1930 бежал и стал невозвращенцем. Занимался публицистикой, участвовал в движении младороссов. В 1940 обратился к начальнику Главного Управления Имперской Безопасности фашистской Германии Гейдриху Р.Т. с призывом «не препятствовать естественному развитию СССР в национал-социалистический режим». Это вызвало у последнего подозрения в связи Дмитриевского с НКВД, цель которого предотвратить военные действия Германии против СССР. Автор книг: «Судьба России» (1930), «Сталин предтеча национальной революции» (1931), «Советские портреты» (1932), «Люди и дела» (1934). Особое место в монографиях Дмитриевского занимает вопрос о Сталине, которого он считал выразителем «национал-коммунизма», создавшим почву для развития новой Российской империи. Книги Дмитриевского имели большой резонанс в среде эмиграции, оказав влияние на евразийцев и младороссов. Троцкий в своемopusе «Сталин» дает следующую характеристику Дмитриевскому — «...бывший советский дипломат, шовинист и антисемит, временно присоединившийся к сталинской фракции в период её борьбы против троцкизма, затем перебежавший за границу на сторону правого крыла белой эмиграции... В качестве открытого фашиста он продолжает высоко ставить Сталина, ненавидеть его противников и повторять все кремлевские легенды».

стью системы идей группа, собравшаяся вокруг Троцкого.

Это не были «ленинцы», большевики, русские революционеры. Сам Троцкий ленинской партии всегда был чуждым и враждебным человеком, всегда вел самую ожесточенную борьбу против ее идей. Его объединение с Лениным и вступление в партию в 17 м году было чисто тактическим шагом. Перед ним и Лениным на первых порах стояли общие враги и общая цель их преодоления. Конечно, участие Троцкого в Октябрьской революции было вполне искренним — и он сыграл в ней большую роль. Но дальше — и с каждым шагом все больше — пути Троцкого и Ленина расходились. При этом вокруг Троцкого подбиралась и все яснее кристаллизовалась внутри самой ленинской партии группа одинаково с ним мыслящих, одинаково с ним переродившихся под влиянием западноевропейских условий и оторвавшихся от русских, людей. По преимуществу вокруг него группировалась не русская и не азиатская часть партии. Постепенно создавалась фракция Троцкого. Эту фракцию по ее положению в партии можно определить как временно сомкнувшийся с нею отряд чистых марксистов западноевропейской складки, чистых интерна-

ционалистов и антinationалистов. Эту фракцию по ее положению в русской революции можно определить, как отряд международных кондотьеров революционного дела. Они внесли в революцию много мужества, энергии, страсти. Но с таким же успехом они могли участвовать и в революции испанцев, индусов, готтентотов.

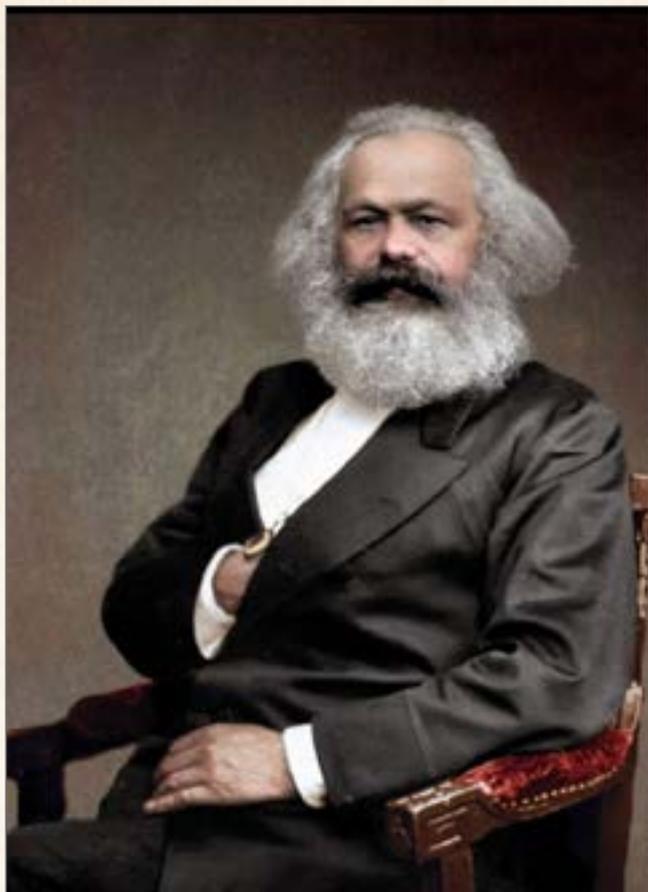
Для Ленина разгром русских капиталистов, борьба с международными были только методом овладения русской народной душой и осуществления задач русской народной революции. И Ленин говорил и думал о мировой революции. Но она не была его единственной целью. Когда ее не получилось, Ленин нисколько не пал духом, но сосредоточился на русских задачах. Россия для него стояла на первом месте. Преобразованная Россия могла в дальнейшем, окрепнув, помочь преобразованию мира.

Троцкому на Россию как такую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку: взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социа-

лизм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемонию западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней: то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология, близкая идеологии западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной, с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной





▲ Карл Маркс

жизни, из полуколонии культурного капитала превратится в полуколонию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее, привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату.

Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное

порабощение — как политическое, так и экономическое городом — деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверх индустриализации» России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса властителя.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизировался». В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Чем дальше, тем больше русская жизнь доказывала, что далеко не все определяется пролетариатом, что он только часть народных масс, и притом не решающая часть, сколько бы об этом ни говорили демагоги. Что его роль в руках власти — роль только орудия, только моста к основным массам народа, к крестьянству, решает же судьбы страны и революции крестьянство. Поэтому «про-

летарская» власть возможна только как «рабоче-крестьянская», т.е. может быть построена только на союзе рабочих и крестьян...

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл.

Очень правильно уловил их лейтмотив Сталин:

– Мы уже выполнили свою революционную миссию, проделав Октябрьскую революцию. Теперь все зависит от международной революции, ибо без предварительной победы западного пролетариата мы не можем построить социализма, а революционеру в России, строго говоря, больше нечего делать...

– Известно, — рассказывает тот же Сталин, — что в 1923 г., накануне германской революции, часть учащейся молодежи у нас готова была бросить книги и ехать в Германию. «В России революционеру нечего делать, — го-



▲ Троцкий Л.Д.





ворили они, — нужно бросить книги и ехать в Германию, делать революцию».

Это было влияние троцкистских идей. Но и в Германии революции не произошло. Что осталось делать, спрашивает Сталин, нашим «ужасным революционерам»? — «Лишь одно: вертеться на холостом ходу, отдаться воле стихии и помаленьку переродиться в обычных буржуазных демократов». Ничего другого не оставалось. И Троцкий, и жалкие остатки его группы постепенно стали свертывать революционные знамена вообще и сползать к идеалу единутробных им меньшевиков, к социал-буржуазной олигархии.

Вся система идей Троцкого, как и люди, ее отстаивавшие, были глубоко чужды и глубоко враждебны русскому народному сознанию. Русский народ в революцию осознал свою силу. И его революционные слои не хотели и не могли терпеть в своей среде выкидышей антинационально

марксистской, унижавшей его выросшую за годы революции национальную гордость мысли. Вот почему шедшая за Троцким часть европеизированной старой гвардии, несмотря на все свои заслуги на первых этапах революции, нашла резчайший отпор в народных массах — и была свалена народными слоями ленинской партии, «большевиками», «ленинцами». Шедшая было одно время за Троцким часть молодежи скоро от него отшатнулась. Лишь самые незначительные группки молодежи, по преимуществу не русской, продолжали пережевывать его идеи. Так Троцкий был отброшен от власти.

Значительная часть «старой гвардии» составила так называемое «болото». Это был очень многочисленный и очень влиятельный на первых порах революции слой. К нему примкнули в процессе развития революции многочисленные слои беспринципных карьеристов, «примазавшихся», особенно, когда спала волна Граждан-

ской войны и опасностей, к власти. Сюда же примыкали «старые революционеры» из других партий типа Рафеса, Лозовского, Радека, Коппа, Майского и пр., тоже искавшие исключительно власти и выгод. Вождами болота были Зиновьев и Каменев.

Эти люди, как мы уже видели, были вообще против Октября. И в дальнейшем, до самого конца своих политических дней, они не могли уверовать в Октябрьскую революцию, ненавидели ее, поносили на каждом шагу.

«Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоверием, как авантюру, заранее обреченную на неуспех», — пишет об одном из наиболее темных в рядах этих политических проходимцев, Красине, Троцкий.

И, тем не менее, и Красин, и Зиновьев, и Луначарский, и Губельман (Ярославский), и тысячи других служили режиму Октябрьской революции. Они налипли на тело новой государственности, как мухи налипают

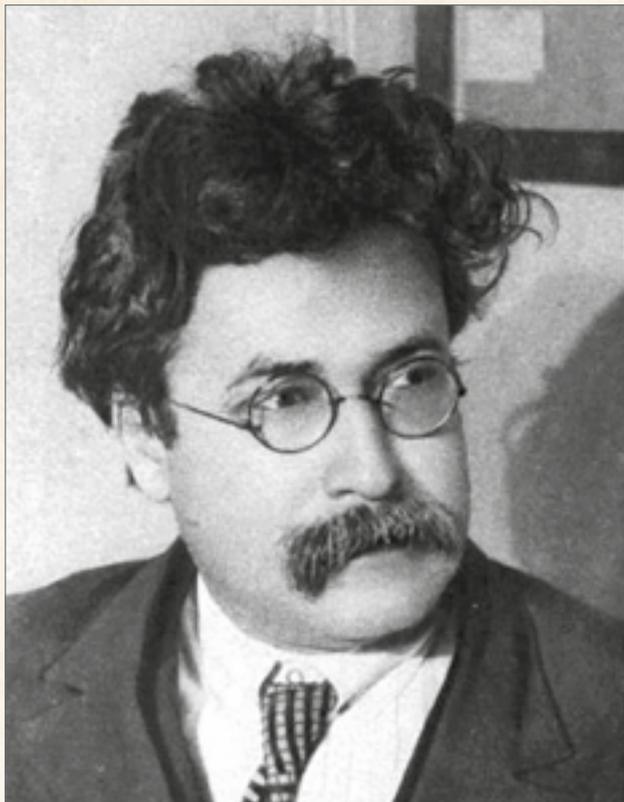


▲ Зиновьев Г.Е.



▲ Троцкий, Ленин, Каменев

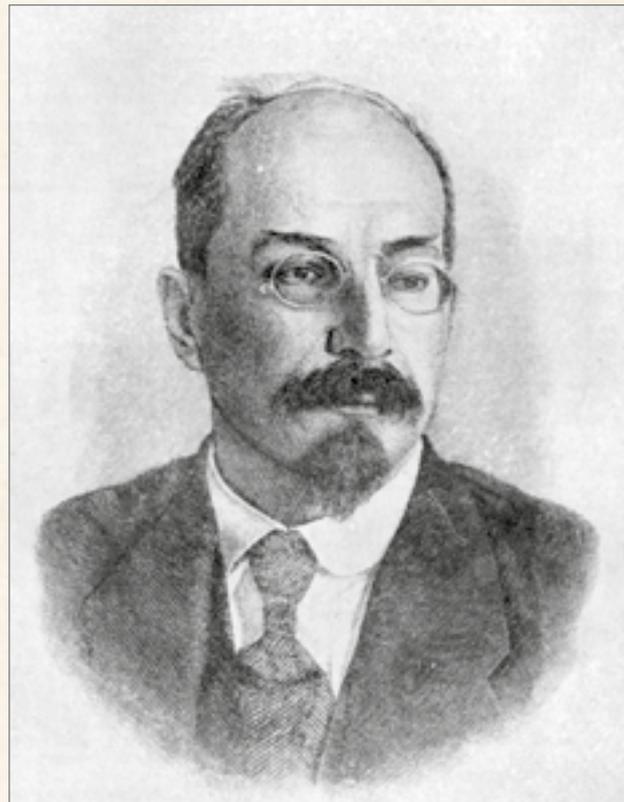




▲ Ярославский Е.М.

на сладкий пирог. Не верили, ненавидели — и все таки служили. Ибо ненавистная революция ненавистного народа дала им жирные куски, почетные места.

В окружении народной массы этих людей не видели никогда. Они не были ни в одном из тех мест, где строилась подлинная народная революция: ни на фронтах, ни на фабриках, ни в деревне. Они не видели ни крови, ни голода, ни вшивых, ни тифозных, — никого и ничего. Впрочем, когда некоторые из них — Зиновьев, Луначарский — попробовали появиться в народной среде, им свистали, выгоняли вон. Если народ возмущался Троцким, то этих гиен революции он презирал и ненавидел... Они сидели поэтому, замкнувшись, в комфортабельных квартирах и кабинетах, среди наворованных ценностей, среди своры продажных лакеев с Горьким во главе; покачивали свои ожиревшие тела на мягких рессорах дорогих автомобилей и салон вагонов; наслаждались, как могли, среди общей нищеты и разрухи, жизнью и властью.



▲ Луначарский А.

Словом: это были типичные представители того слоя стадных олигархов, который проникает собой, во все века, все к власти приходящие революционные партии и которого лозунгом является: «Все из народа, все для себя!»

Революция для них постепенно стала очень выгодным делом, партия была для них вначале орудием, которым они укрепляли свою власть, потом, когда их разбили, публичным домом, где они продавались сильнеешему.

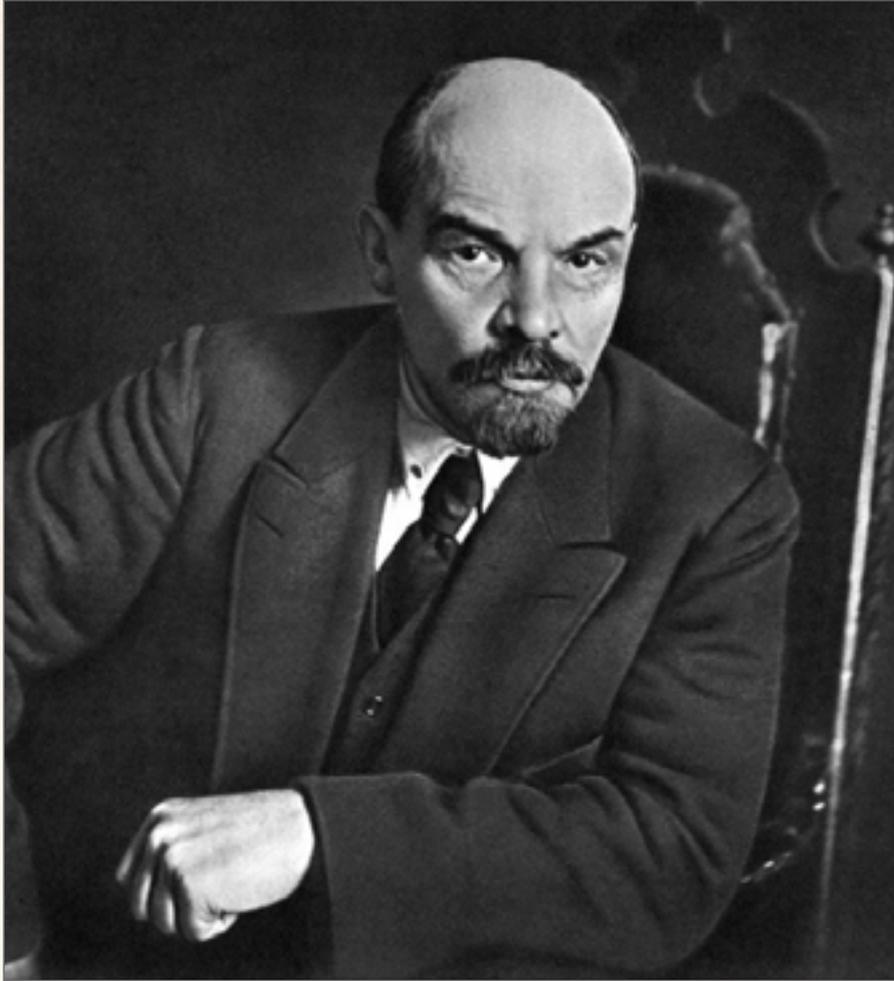
Было бы кощунством назвать этот слой революционным. Это была самая настоящая мещанская контрреволюция. Самые настоящие термидорианцы. Когда слой этот начал терять свое влияние, представители его порастрашались по обоим воинствующим революционным лагерям. Часть стала на сторону Троцкого, часть на сторону Сталина. Некоторые сели меж двух стульев, выжидая, кто победит.

Этот слой, который один момент, казалось, — это было после высылки Троцкого, — предав своих вождей, утвердился у власти за широкой спиной

Сталина и грозил создать в стране подлинный «термидор», в последующие годы был смят, опрокинут, рассеян, частью полностью выброшен за борт народными слоями партии...

...Судьба революции решалась не в кабинетах и квартирах партийных чиновников из «старой гвардии», не в столицах и городах вообще, но на фронтах Гражданской войны, на широких полях земли, в дыму крестьянских восстаний, среди голода. Там представителей термидорианского болота совсем не было видно. Там редко бывали и люди типа Троцкого. Изредка только проносились они по огненной линии фронта и по развороченным полям в блестящих салон вагонах — и не столько помогали, сколько мешали. Там были свои люди. Там вырастал слой крепких людей русской просторной земли, который именно и лег в основу ленинской партии, который именно и проделал подлинную работу революции: черную, трудную, кровавую. Эти люди в своем большинстве прежде почти никому не были известны. Часть и из них, но очень небольшая,





▲ Ленин В.И.

принадлежала к партийной «старой гвардии» — к русской, подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи. Некоторые из этой молодежи тоже получили закалку еще в подпольной революционной работе, остальные же, подавляющая масса, были выращены для революции войной. Тут были выходцы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды, и интеллигенты, все — вплоть до дворян, до аристократов. В результате тяжелой жизни, упорной и кровавой борьбы они все стали внутренне на одно лицо. Их души поросли звериной шерстью, покрылись мозолями и стали непроницаемыми для праздных сантиментов и сомнений. Много, много уродства было в их душах, как много было уродства и в сложившейся в своеобразных русских исторических условиях народной душе. Но эти

люди были плоть от плоти народа. И именно такие люди были нужны стране в жестокую эпоху революции. Они походили на пионеров американского Запада. Они были пионерами новой России, которую не только хотели обратить во вторую Америку, но поставить еще выше, выше всех прочих стран, выше всего мира...

В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами. Но коммунизм был для них не столько целью, сколько орудием национальной борьбы. Внутри страны им разрушались фактории иностранного капитала — динамитом коммунистических идей они хотели взорвать западный империализм в его собственных твердынях. Кроме того,

идеи коммунизма вносили какой-то высший смысл в их борьбу. Они делали Россию носительницей огромной идеи мирового счастья, обетованной страной всех угнетенных народов, священной родиной социализма. Совокупность их идей легла в основу своеобразного русского национал-коммунизма. Из них родилась теория социализма в одной стране и красного империализма, ставшие краеугольными камнями сталинской системы.

С такими идеями долгое время шли на борьбу, пробивались к власти народные, основные слои партии, по преимуществу ее молодое, второе поколение. За ними, тесно с ними сливаясь, шла масса еще более фанатично русской, еще более пронизанной непримиримостью к Западу и к западным идеям и людям молодежи, рожденной уже самой революцией.

Вождем этих слоев был Сталин. Он сам был плоть от их плоти, вырос, воспитался в тех же, что они, условиях. И эти слои на своих мускулистых руках и вынесли его к власти.

...Ленин ясно различал сложившиеся в партии слои — предвидел, насколько может предвидеть будущее человек, и обострение борьбы между ними, и ее возможный исход. Борьба шла уже и при нем. Но Ленин умел держать в руках, и примирять, и использовать все слои. Он сам презирал людей болота. Но был расчетливым хозяином. В их среде было много образованных, знающих людей. Россия была бедна культурными силами. В большом хозяйстве может пригодиться всякая щепка. Вот почему он держал их. Косился он и на людей Троцкого — но и их терпел и использовал. Его симпатии были с людьми типа Сталина. Но вместе с тем он знал — они непримиримы и беспощадны. Дать власть секретаря ЦК в руки такого сильного человека, как Сталин, дать в его руки организационный аппарат, право подбирать людей — это значило дать огромный перевес националистическому, основному сейчас слою партии, это значит обречь на неизбежный разгром прочие ее слои. Это не входило в планы Ленина. Не было возможно



при жизни его. Но что если он умрет или вынужден будет отойти от работы? Ленин чувствовал себя все слабее — и с этой возможностью должен был считаться.

— Сей повар, — задумчиво говорил он о Сталине, — будет готовить только острые блюда!..

И, тем не менее, он решился. Была установлена новая должность — генерального секретаря партии. И весной 1922 г. на эту должность был назначен Сталин. Тем самым он был намечен в наследники Ленина.

Вскоре, в том же 1922 г., Ленин заболел. Врачи сказали: «Надежд на выздоровление нет. Болезнь будет прогрессировать. Чудес в природе не бывает».

Силы, доселе связанные крепкой рукой Ленина, предвидя скорую развязку и неизбежный друг с другом бой, стали занимать боевые позиции.

Сталин только что стал тогда во главе партийного аппарата. Положение его было трудное. Почти все руководящие посты были заняты представителями «болота» либо людьми Троцкого. Люди сталинской группы были еще по преимуществу на низах, а решала верхушка. Надо было поэтому действовать хитростью, не выдавая собственных планов, идти на блок с другими, придать себе самому вид орудия чужой воли.

Троцкий сообщает, что Сталин вначале искал соглашения с ним.

— Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамильярности отношений. Но он отталкивал меня... При каждой его попытке я делал инстинктивный шаг назад — и проходил мимо. Думаю, что в этом надо искать источники холодной, на первых порах трусливой и насквозь вероломной вражды ко мне Сталина -.

Корни вражды были, конечно, гораздо глубже: в разнице мировоззрения, психологии. Но то, что Сталин попробовал вначале заключить блок именно с Троцким, вполне вероятно и понятно. Троцкий психологически, по активно революционному складу своей природы, был для Сталина все таки гораздо более естествен-

ным союзником, чем термидорианское, контрреволюционное болото. К тому же Сталин вовсе, вероятно, не думал долго идти одним путем с Троцким. Он хотел только заключить с ним временный союз, им побить «болото», а затем перехитрить и уничтожить его самого.

Сталин заключил соглашение с «болотом». Там с радостью приняли этот союз. Все мелкие хищники предпочитают действовать кучей. Силы, стоявшие за Сталиным, «болото» считало ничтожными. Но Сталин сам по себе был силой, которую вожди болота думали использовать против Троцкого, а потом, конечно, вышвырнуть.

Так возник, еще при жизни Ленина, строй олигархии — утвердилось всемогущество политбюро. Но за спиной политбюро, при невольном содействии Зиновьева и Каменева, Сталин и Молотов подбিরали силы, подтягивали кверху

своих людей. Зиновьев и Каменев видели в этом только усиление своего лагеря.

...Произошло чудо. Неожиданно для всех, силой гигантской своей воли, Ленин преодолел болезнь. Оправился не вполне, но мог приступить к работе. Он сразу рассмотрел все карты готовившейся игры. Понял, конечно, ее возможные последствия. И задумался.

Вероятно, этот период — меж первым и вторым заболеванием — был самым тяжелым в жизни Ленина. Он твердо знал уже, что дни его сочтены. Вместе с тем он знал, что сейчас еще от него многое зависит: многое он может изменить. Но в каком направлении?..

Речь шла о том, кому быть его наследником. Созданный им государственный строй был построен в расчете на диктатуру лица.

Зиновьева и Каменева он сразу же откинул. Откинул и Троцкого.



▲ Ленин В.И. и Сталин И.В.





▲ Пятаков Г.Л.

Дольше остановился на «молодых»... Пятаков. Он из нового слоя, возвращен и закален революцией. Закален и личной судьбой. Его брата замучили в Гражданской войне гайдамаки. Со спины вырезали длинные полосы кожи, потом выкололи глаза, потом у живого еще начали сверлить сердце, пока не просверлили до смерти. Это и многое другое оставило много жестких зарубок на душе Пятакова. Он упорный, твердый, тяжелый человек. Но он слишком уж администратор. Слишком злоупотребляет администрированием: люди для него машины за номерами. Он не сможет повести за собой массу. Он не сможет и уловить настроений народных душ. Не годится.

Бухарин... Больше всех любит его Ленин. Но годится ли он хоть сколько нибудь в правители государства? Он абстрактен, он схоласт, он и жизнь, и людей рассматривает только как отвлеченные категории, сквозь строчки книг и своих рукописей. И потом — он слишком мягок. Его мягкость — это то его свойство, за которое его так любят и не могут не любить. Недаром в шутку его зовут: мягкий воск. Но на этом воске может писать что угодно любой беспринципный человек, любой демагог. На самостоятельную твердую линию Бухарин не годится.



▲ Бухарин Н.И., Молотов В.М.

Кто же тогда?.. Остается опять один только: Сталин. Он больше всех имеет в себе данных правителя государства — и именно русского государства. Но он неизбежно приведет к расколу в партии. В силу властности своей неизбежно станет самодержцем. В душе он деспот — служащий, правда, не личным интересам, а идее, но именно поэтому особенно страшный. Что сделает он со страной?.. Он, конечно, пойдет не теми путями, что он, Ленин, не путями примирения слоев и классов в стране и примирения с Западом. Его путь — непримиримая борьба. Хуже всего то, что он деспот восточной складки, не смягченный ни одной каплей западного гуманизма. Как страшный яд, на стенках его души осела тысячелетняя традиция восточной культуры, созданной еще монгольскими властителями, складывавшейся на огромных пространствах и среди громадных человеческих масс, где отдельная человеческая личность была ничто. Годы революционной борьбы — и особенно годы Гражданской войны, беспредельной власти военного диктатора на кровавом фоне фронта — только усилили в нем действие этого яда. Он любит по своему людей вообще, особенно людей своей родины, России, но человек для него ничто: его он

не любит, не уважает, не ценит. Все для него только орудия. Его деспотизм может оказаться много ужаснее революционного деспотизма Кальвина и Робеспьера... Но... может быть ход истории требует именно такой силы, как Сталин, и такого строя, какой тот, по всей вероятности, создаст? Может быть, иначе России не выбиться на путь независимости и благополучия — поскольку не будет его самого, Ленина, умевшего сочетать твердость и смелое дерзание с гибким подходом к народным интересам и силам? Может быть, только такой тупой таран, как Сталин, и сможет пробить для России дверь в будущее? Ведь был же у Франции Робеспьер, и он оказался нужным, поскольку Франция не имела своего Кромвеля, а Наполеон пришел так поздно...

Ленин не нашел ясного решения в короткие дни своего возвращения к работе. Но Сталина от власти не отстранил. Решил только пойти по пути компромисса — и сознательно укрепил режим олигархии. Вместе с тем, он попытался сделать все, что был в силах за столь короткий срок, чтоб демократизовать строй государства, демократизовать и партию. Этим он думал ограничить верховную власть лица. История, однако, пошла своим ходом...



Группа Троцкого, как ни самоуверен был ее вождь, понимала, что главной и опаснейшей для нее силой враждебного блока является Сталин. Стоило свалить Сталина — и Каменев и Зиновьев приползут мириться на животе. Понимала эта группа и то, что сейчас еще свалить Сталина легче, чем позднее. Сейчас можно еще воспользоваться авторитетом Ленина.

Вероятно, группа Троцкого улавливала те колебания, какие в отношении Сталина были у Ленина. Возможно даже, что некоторые из размышлений Ленина были в точности переданы: Троцкий имел своих агентов везде, в том числе и в секретариате Ленина. Кроме того, Троцкому удалось завербовать в свои ряды и настроить против Сталина простодушную и ревнивую Крупскую, жену Ленина.

И вот со стороны Троцкого — очень тонко, очень осторожно, чтобы не возбудить у Ленина подозрений, — начался подкоп против Сталина.

Сталин меж тем все крепче захватывал в руки вожжи власти. Поскольку с ним были Зиновьев и Каменев, поскольку его союзником был Дзержинский, поскольку аппарат оргбюро был всецело в его руках через твердого и преданного ему Молотова, сделанного вторым секретарем ЦК, поскольку, наконец, и на местах он начинал постепенно все больше опираться на своих людей, — он действовал сейчас зачастую самовластно, искренне полагая, что Ленин, ценивший инициативу в людях своего окружения, это только одобрит. Но за каждым таким шагом Сталина следили люди Троцкого — и немедленно сообщали Ленину, стараясь внушить ему, что Сталин рассматривает его уже как живой труп.

Действовали больше через Крупскую. Внушали этой недалекой женщине, что она должна держать Ленина в курсе всех дел, иначе Сталин все захватит в свои руки. Ленину меж тем становилось все хуже, и он не выходил из своей квартиры.

Крупская звонила Сталину, требуя информации, разъяснений, все «для Ильича». Сталин, грубый по природе, возмущенный этой мелкой и при-

дирчивой опекой, относя ее всецело на счет самой Крупской, бывал подчас с ней исключительно резок, оставляя ее запросы без ответа. Крупская тотчас бежала с жалобой к Ленину.

С другой же стороны к нему прибегали его секретари и тоже говорили:

– Сталин отказывается дать справку... У Сталина ничего нельзя добиться... Он даже не желает с нами разговаривать.

Ленин был в конце концов тоже человеком. Болезнь обострила его чувствительность. Вопрос об отношении к нему был в этот момент для него особенно болезненным. В самом деле: может быть, с ним уже совсем перестали считаться?! Для этого властного человека, привыкшего считать себя центром всего, такая мысль была непереносима.

За несколько дней до второго удара, окончательно свалившего Ленина, Сталин тоже захворал и уехал в деревню. Этот момент группа Троцкого решила использовать для решительного шага. Использовали репрессии,

которыми обрушился Сталин на грузинских коммунистов сепаратистов, во главе с тупым и упрямым Мдивани. Это были друзья и союзники Троцкого. В то же время репрессии осуществлял Орджоникидзе. Были причастны к ним и Молотов, и Ворошилов, и Дзержинский. Таким образом, Троцкий, в случае удачи, бил не только по Сталину, но и по его ближайшим людям.

Ленину изобразили дело так, что Сталин самовластничает, рассыпает партию, обманывая его, Ленина, неверной информацией.

Ленин, находившийся на краю своих сил, раздражился невероятно. А тут ему еще подсунили несколько документов, показывавших, что Сталин подтасовывает предстоящий партийный съезд, усиленно проводя на него своих сторонников. Против кого собирает Сталин силы? Не против Ленина ли?..

Завязав всю эту интригу через подставных лиц, Троцкий сам, чтобы иметь возможность в случае чего сыг-



▲ Ленин В.И. и Крупская Н.К.





▲ XIII съезд РКП(б)

рать в полную невинность, сказался больным, лег в постель с французским романом. К нему прибежала Фотиева, ленинский секретарь и друг, тоже ущемленная Сталиным:

– Владимир Ильич, — сообщила она, — готовит против Сталина на съезде бомбу...

Затем Троцкому принесли записку, продиктованную Лениным:

«Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это находится под „преследованием“ Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив...»

От этой записки пахло уже победой над Сталиным. Троцкий тотчас же переслал Ленину заранее подобранные материалы против Сталина. Через некоторое время другой секретарь Ленина, Гляссер, принесла Троцкому пачку рукописных материалов.

– Это от Владимира Ильича. Он хотел выступить на съезде партии против Сталина, но боится, что не сможет. Посылает поэтому вам все материалы.

...Новый гость в квартире Троцкого: Каменев. Он только что был у Крупской, и та сообщила:

– Владимир Ильич только что продиктовал стенографистке письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений.

Оказывается, бесконечно надоевшую ему своими приставаниями Крупскую, когда та вновь позвонила ему за какими-то справками в деревню, Сталин жесточайшим образом, самыми последними словами изругал, Крупская немедленно, вся в слезах, побежала жаловаться Ленину. Нервы Ленина, и без того накаленные интригой, не выдержали. Крупская поспешила отправить ленинское письмо Сталину. Копии этого письма не сохранилось. О нем известно только по рассказам. В нем Ленин писал,

что грубость Сталина переходит все границы, что он ведет себя, как опьяненный властью восточный сатрап, что он недостойн быть коммунистом.

– Вы знаете ведь Владимира Ильича, — с торжеством говорила Крупская Каменеву, — он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически...

«Каменев, — описывает Троцкий, — был взволнован и бледен. Почва уплывала у него из под ног. Он не знал, с какой ноги ступить и на какую сторону повернуться».

Троцкий поспешил использовать подвернувшиеся козыри. Он постарался внушить Каменеву, что ни ему, ни Зиновьеву со стороны Троцкого опасность не грозит. В то же время он угрожал.

– Иногда, — говорил он, — из страха перед мнимой опасностью люди способны навлекать на себя опасность действительную. Имейте



это в виду и передайте другим...

Троцкий потребовал от Каменева, чтобы тот на предстоявшей в Тифлисе партийной конференции, куда Каменев ехал в качестве представителя ЦК, выступил против линии Сталина.

Вместе с тем Троцкий решил использовать Каменева как орудие давления на Сталина. Он дал понять, что и против Сталина он ничего предпринимать не будет.

— Я стою за сохранение status quo. Если Ленин до съезда станет на ноги, что, к несчастью, маловероятно, то мы с ним вместе обсудим вопрос заново. Я против ликвидации Сталина... Но нужен крутой поворот. Кроме того, необходимо, чтобы Сталин сейчас же написал Крупской письмо с извинениями за грубости, и чтобы он на деле изменил свое поведение. Пусть не зарывается. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество...

Каменев все обещал. Немедленно отправился к Сталину. Вскоре Крупская позвонила, что она получила от Сталина письмо с извинениями. Троцкий чувствовал себя победителем...

Но творцы интриги, которая могла быть чреватой большими последствиями для дальнейших судеб и партии и страны, не учли одного: здоровья Ленина. Волнения последних дней так сильно повлияли на него, что он, продиктовав письмо Сталину, потерял сознание. Потом его хватил второй и последний удар. С Лениным было кончено.

Вне себя принесся в Москву Сталин. Нисколько не сдерживая своей грубости, он набросился на Крупскую, говоря, что это она доконала Ленина. Он угрожал, что обвинит ее в этом перед всей партией, что разоблачит все ее маленькие интриги. Растерянная Крупская обещала впредь не вмешиваться ни во что, обещала молчать о письме Ленина, вернула Сталину его собственное письмо.

Каменев получил еще в пути шифрованную телеграмму: Ленин в параличе, не говорит, не пишет. На грузинской конференции Каменев выступил по директивам Сталина. Блок Сталина и «болота» опять встал против Троцкого. Последний отрезал последнюю

возможность компромисса своей интригой, своими угрозами. Началась жестокая борьба.

В 1924 г. Ленин умер... Но незадолго перед смертью на маленьком листке бумаги он записал свои мысли о людях, которые могли бы быть его преемниками. Эти личные характеристики были зачитаны на XIII съезде партии — и они в значительной мере предопределили исход борьбы за ленинское наследство.

Больнее всех било завещание по Троцкому, Зиновьеву и Каменеву.

Троцкий был твердо убежден, что его и никого иного Ленин наметит своим преемником. И вот... «пожалуй, самый способный из всех, но слишком самонадеян». Но это еще пустяки. Самое главное: «не большевик». Кратко, ясно — и уничтожающе. Какие могут быть после этого разговоры о преемстве? Как может «не большевик» править страной, где у власти партия большевиков?.. Ленин сухо проходил мимо Троцкого, как мимо чуждого человека.

Еще пренебрежительнее Ленин к Каменеву и Зиновьеву. Мимходом говорит он: «Я не буду дальше харак-

теризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню только, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». И все. И точка, прекращающая все разговоры.

Положение Сталина было гораздо выгоднее. Ибо о Сталине в завещании говорилось следующее:

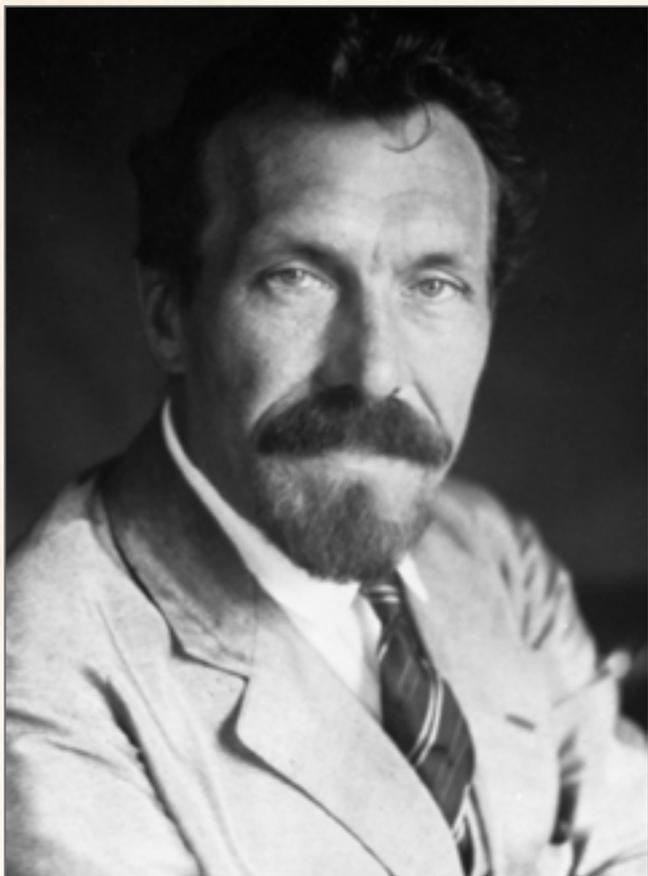
«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризен и т. д.».

В этой характеристике не было ни слова о политической неподходящести Сталина. Наоборот. Ленин предлагал наметить на его место че-



▲ Дзержинский, Ворошилов у гроба Ленина





▲ Рыков А.И.



▲ Красин Л.Б.

ловека, который, если исключить грубость, «во всех других отношениях», т. е. именно политически, имел бы свойства Сталина. Но такого человека не было. Ленин его не наметил. Прочих же людей верхушки Ленин сам отвел, как непригодных правителей, как не могущих заменить Сталина. Таким образом, вопрос стоял так:

— Есть ли кем сейчас заменить Сталина?

Ответ в тот момент был ясен:

— Нет.

Тогда стал вопрос:

— Можно ли примириться с грубостью Сталина, если он во всех других отношениях подходящий?

Сторонники Зиновьева и Каменева видели в Сталине союзника. Им незачем было выступать против него. Людям, которые шли за Сталиным, тем более не было оснований его сваливать. Да и что значит грубость? Они сами привыкли еще к большей. Поэтому, когда Сталин выступил и сказал:

— Сам знаю, что груб и резок... Но, что же тут сделаешь. Таким родился.

То они ему только аплодировали.

Грубость Сталина в тот момент была только по сторонникам Троцкого. Но именно Троцкому было невыгодно давать бой на почве завещания Ленина. Даже в том случае, если б он мог тогда свалить Сталина, он сам не мог сразу стать властителем страны. Нужна была более глубокая игра. Нужно было пока что скрыть от масс, от широких слоев партии, от активных частей населения завещание Ленина. А затем надо было сделать, чтобы с течением времени завещание это потеряло вес. Для этого надо было исподволь подорвать авторитет Ленина и заменить его своим собственным. Троцкий и становится на этот путь. Начинает оттачивать свое перо, чтобы выступить в дальнейшем с ревизией и фальсификацией ленинизма и истории революции. Чтобы показать, что не он, Троцкий, шел за Лениным, а наоборот, что большевизм был всегда ошибкой и что Ленин стал

побеждать, только отрекшись от большевизма, пойдя по дороге троцкизма. После этого становилось не страшным обвинение в «небольшевизме». Эта тактика окончательно погубила Троцкого. В дальнейшем Сталин блестяще использовал его самонадеянную ошибку. Он изобразил его не как собственного соперника и врага, но как врага Ленина. Он опубликовал ряд документов из дореволюционных еще времен, в которых Троцкий резчайшим образом против Ленина выступал. Он постарался доказать — и доказал, что Троцкий всегда был враждебен Ленину и большевизму и что нынешняя его борьба лишь новое и естественное проявление этой враждебности.

— Оппозиция, — говорил он в 1927 г., когда решался вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК партии, — думает «объяснить» свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т.д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство,



а не объяснение. Троцкий ведет борьбу с ленинизмом с 1904 года. За период с 1904 года до Февральской революции 1917 года Троцкий вертелся все время вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против партии Ленина. Почему? Может быть, виновата здесь грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, он обретался тогда вдали от заграницы, ведя работу в подполье, а борьба меж Троцким и Лениным разыгрывалась за границей — при чем же тут грубость Сталина? За период от Октябрьской революции до 1922 года Троцкий, находясь уже в партии большевиков, успел произвести две грандиозных вылазки против Ленина и его партии: в 1918 г. — по вопросу о Брестском мире и в 1921 г. — по вопросу о профсоюзах. Обе эти вылазки кончились поражением Троцкого. Почему? Может быть, тут виновата грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, на секретарских постах стояли тогда всем известные троцкисты, — при чем же тут грубость Сталина? В дальнейшем партия имела целый ряд новых вылазок со стороны Троцкого, причем каждая вылазка оканчивалась новым поражением его... Не ясно ли из всего, что борьба Троцкого против ленинской партии имеет далеко идущие, глубокие исторические корни? Не ясно ли из этого, что нынешняя борьба партии против троцкизма есть продолжение той борьбы, которую партия вела во главе с Лениным с 1904 года? Не ясно ли из всего этого, что попытки троцкистов подменить ленинизм троцкизмом являются основной причиной провала и банкротства всей линии оппозиции?..

И «завещание» Ленина Сталин тогда же крайне удачно использовал против Троцкого:

— Оппозиция думает козырять «завещанием» Ленина. Но стоит только прочесть это «завещание», чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, «завещание» Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции. В самом деле, это факт, что Ленин в своем «завещании» обвиняет Троцкого в «небольшевизме», а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время Ок-

тября говорит, что эта ошибка не является случайностью. Что это значит? А это значит, что политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «небольшевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью» и которые могут и должны повториться. Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в «завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина.

Цинично — но метко!

...Сталин в 1924 г. остался на своем посту. Вот как он сам рассказывает об этом:

— Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил освободить меня от обязанностей генсека. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту... Через год после этого я вновь подал заявление пленуму об освобождении, но меня вновь обязали остаться...

«Завещание» было скрыто от широкой партийной массы и от населе-

ния. А когда слухи о нем проникли за границу, то не кто иной, как Троцкий, выступил в печати с заявлением:

— Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял... Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии...

Так писал Троцкий в сентябре 1925 г. Но любопытно, что потом он сам заговорил и о «скрытии» и «нарушении» завещания, и, наконец, уже за границей, сделал поразительнейшее сообщение: «Бесспорная цель завещания — облегчить мне руководящую работу»...

...Сталин не терял времени. Одержав формальную победу, которая



▲ Дзержинский Ф.Э.





▲ Крестинский Н.Н.

на некоторое время закрепляла в его руках власть, он стал с лихорадочной быстротой осваивать партию и перестраивать партийный аппарат: только это могло дать ему окончательную победу. Кроме Молотова, Дзержинского и Орджоникидзе, его ближайшими помощниками в этой работе были Бубнов и Андреев.

«От кустарничества, — пишет Бубнов, тогдашний третий секретарь ЦК, а теперь сталинский нарком просвещения, — необходимо было перейти к организованному учету партийных сил, систематическому изучению и правильному распределению в строгом соответствии с потребностями переживаемого периода. В результате громадной работы, которая проходила под руководством Сталина, законченную организованную структуру получил партийный аппарат руководящих органов и были произведены организационные изменения в построении низового партийного аппарата на основе укрепления принципа демократического централизма».

Это — чисто официальная, потому неясная и неполная характери-



▲ Бубнов А.С.

стика той, действительно громадной перестройки, которую произвел Сталин в партийном аппарате. Эта перестройка на сегодняшний день выразилась в том, что Сталин, сведя постепенно на нет все зачатки советского демократизма, создавшиеся было в последние ленинские годы, довел до крайнего выражения самодержавие партии в стране. И Совнарком, и отдельные наркоматы, и правительства республик на местах, и крупнейшие Советы — все это потеряло свое прежнее значение, обратилось в подсобные, чисто технические учреждения, в канцелярии, в консультативные и исполнительные органы партии. Сам аппарат партии был значительно расширен; в нем создавались деловые ячейки по всем отраслям государственного управления, которые и стали направлять и контролировать все действия советских органов.

В то же время в самой партии централизация была доведена тоже до крайних своих выражений, вся партийная сеть была переустроена и переукомплектована так, что полностью

обеспечивалось сначала самодержавие коллеги олигархов — политбюро, — в дальнейшем самодержавие лица, диктатора, Сталина. Выборность партийных чиновников, довольно широко осуществлявшаяся прежде на местах, уступила место назначению из центра. Это делало партийных чиновников целиком от центра зависимыми. Для того, чтобы еще больше держать их в руках, в партийном аппарате была установлена система сыска за всеми через органы самой партии — ее контрольные комиссии, — а затем и через органы ГПУ — государственной полиции. Все подбиралось — малейший скользкий шаг, малейшая ошибка, ничтожнейшие штрихи личной жизни, — все складывалось в архивах партийных органов, в случае надобности вытаскивалось наружу, грозило уничтожить человека. А так как в тяжелых условиях советской жизни безгрешных людей не было и так как было невероятно легко «припаять» любой проступок любому человеку, даже проступок несовершеннолетний — во лжесвидетелях никогда недостатка не было,



а шпионить постепенно стали все, вплоть до ближайших друзей, вплоть до жен и детей, — то все сверху до низу оказались в полной зависимости от партийных верхов. Достаточно было одного жеста — сначала кого либо из олигархов, потом верховного диктатора или кого либо из его ближних — и любой человек мог скатиться в грязь, в небытие политическое, в небытие гражданское, стать даже лицом к лицу с дулом нагана. Кому уже никак нельзя было «припаять» действий — приписывали слова, уклоны мысли.

«Материалы» на высших сановников, на ближайших ему лиц, хранил в несгораемом шкафу сам диктатор. При надобности он вытаскивал их — и угрожал. Так постепенно партийный режим превратился в партийный зажим. Партии, как более менее свободного коллектива, не стало. Партия превратилась в огромный бюрократический аппарат, который, как чудовищный спрут, раскинул свои щупальца по всей стране — и каждое движение которого направлялось из одного только места — из кабинета диктатора на Новой площади. «Режим, установившийся внутри партии, — писали еще в 23 м году Пятаков, Преображенский, Серебряков и другие, — совершенно нестерпим. Он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чи-

новничьим аппаратом». В этом было много правды.

Не только съезды Советов обратились в чисто декоративные собрания послушно голосующих чиновников — такими же декорациями на здании диктатуры являлись и съезды партии, и ее конференции, и пленумы ЦК. Они послушно штамповали то, что предлагала им верховная власть.

И в то же самое время власть — как это ни странно — не отдалилась, но приблизилась к народным массам в известной их части. В самую партию были вовлечены большие массы новых членов: один за другим объявлялись наборы в партию «рабочих от станка», их принимали в нее десятками и сотнями тысяч. И это не ослабляло, но усиливало диктаторскую верхушку. Троцкий в свое время презрительно называл тысячи тысяч новых людей народной массы «голосующей скотинкой». Частично это верно: эта масса почти слепо шла за Сталиным и близкими ему людьми, и в море ее голосов тонули голоса троцкистской и «болотной» интеллигенции. Но почему эта масса шла именно за Сталиным и его людьми? Была ими куплена? Нет. Покупали в большинстве голоса именно троцкистской и «болотной» интеллигенции. Там продажность процветала — и ею Сталин широко пользовался. Но все увеличивавша-

яся масса народных членов партии шла за сталинской группой главным образом потому, что находила в ней, в ее стремлениях, в ее идеях, в самой психологии людей, ее составлявших, что то близкое и родственное себе. Она ощущала, что Сталин и его люди не просто играют в политику, не просто ищут власти, ради нее самой, ради выгод, какие она дает, но искренне стремятся что то дать народу.

И эти широкие массы нового партийного материала, сочетавшись с народным же по своему происхождению и по своим устремлениям руководством, выполняли для него громадную службу: они тысячами нитей связывали партию, вернее, сталинскую ее группу, с народными массами, которые они представляли, служили в этой массе проводниками и идеологии, и действий сталинизма. Поэтому диктатура Сталина была, а во многих отношениях остается еще и сейчас, во многих отношениях народной диктатурой. Во всяком случае она была, отчасти есть еще и сейчас, властью, гораздо более связанной с народными массами, чем любая так называемая «демократия». И над этим надо задуматься.

— Наши товарищи, — говорит как то Сталин, — иногда не замечают, что вокруг наших партийных, советских, культурных, профессиональных, просветительных, комсомольских, армейских, женотдельских и всяких иных организаций копошатся целые муравейники самочинных организаций, комиссий и совещаний, охватывающих миллионные массы беспартийных рабочих и крестьян, муравейники, создающие в своей повседневной, незаметной, кропотливой, нешумливой работе основу и жизнь Советов, источники силы Советского государства.

В этом большая правда. В этом — и не только в штыках — сила сталинского строя.

Огромнейшую, активнейшую роль играли и играют организации молодежи, на которые никто так не сумел опереться, как Сталин. И это опять доказывает, что что то от народной души Сталин представляет, на каких то струнах ее до сих пор даже умеет играть. ■



▲ Орджоникидзе Серго





ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ,
полковник, ветеран военной разведки

Я НЕ ЛЕЗ БЕЗ СПРОСА В ЧЬЮ-ТО ДУШУ



*Я не лез без спроса в чью-то душу
И в свою обычно не пускал
Этот принцип никогда я не нарушу
Ведь так гласит мой внутренний устав.*

*Так жить — не значит вечно быть в футляре,
Быть черствым, к чужой боли равнодушным
Так жить — лишь значит уважать чужое право
Тому открыться, кому считаем нужным.*

*Беречь свой мир, чтоб кто-то ненароком
Не растоптал его, не сглазил черным оком
И так в душе уже немало шрамов
От козней, от предательств и обманов.*

*Всех тех, кому случайно доверялись
Кому в минуты скорби открывались,
Кого ошибочно считали мы друзьями,
И кто за пазухой держал огромный камень.*

*Так жить — не значит невозможность быть другим,
Быть нежным к своим близким, дорогим
Быть искренним с друзьями на досуге
Слова любви в ночи шептать подруге.*

*Порой так хочется раскрыться на распашку
Порвать, как говорится, на груди рубашку
И прокричать с вершины уж прошедших лет,
Что жизнь без зависти есть к счастью билет.*



ВЛАДИМИР МЕЩЕРИКОВ,
полковник, ветеран военной разведки

РОССЫПЬЮ РАЗНОЕ

*Что ж, дураки, дороги — многие года,
Россия ими мир подлунный удивляла.
Вчера в Госдуме первая беда
Опять вторую с упоением обсуждала.*

*Каждый свои утверждает резоны,
Свой он к успеху имеет подход:
Честный старательно учит законы,
Умный судью на обед позовет.*

*С годами дни становятся короче,
Воспоминанья лезут напролом,
И наполняются томительные ночи
Пленительными снами о былом.*

*Невесть за что, не глядя на года,
Его высоким чином наградили.
В нем мыслей не бывало никогда,
А вот единомышленники были.*

*Все люди разные, казалось бы, но всё же
В них есть и общее, о чём нередко слышу.
В чём кровельщик и психиатр схожи?
А тем, что чинят съехавшую крышу.*

*Люди часто на соблазны падки,
И при том чужих готовы оттереть.
Тот, кто принципы меняет как перчатки,
Успевает руки больше всех нагреть.*

*Тягостная повесть,
Пагубная страсть,
Ведь замучит совесть,
Если не украсть.*

*Легла счастливая стезя,
Доходы стали велики.
Купаясь в роскоши, друзья,
Не заплывайте за буйки.*





ФОН КЛЕЙСТ ЭВАЛЬД (1881-1954).

ГЕРИНГ, ГИММЛЕР, ГЕББЕЛЬС — КАКИМИ Я ИХ ЗНАЛ



▲ Гитлер и Геббельс

Гитлера окружали две категории людей. Одни были ему целиком преданы, другие же стремились к власти и влиянию при жизни Гитлера и мечтали захватить всю власть в свои руки после смерти.

К ним я отношу Рема, Геринга, Геббельса, Гиммлера и Бормана. Последнего я никогда не видел, и слышал о нем очень мало. Эта лич-

ность мне неясна. Между четырьмя первыми происходила с самого начала борьба, даже тогда, когда они временно объединялись для того, чтобы устранить третьего соперника. Так, Геринг с Гиммлером против Рема, предположительно также против Бломберга, возможно, и против Фриче и вообще против старых генералов.

Если я буду излагать мои личные впечатления о Геринге, Гиммлере и Геббельсе, то после Нюрнбергского процесса, результаты которого мне известны только в отношении «ОКВ и Генерального штаба» и организаций, это будут просто небольшие эпизоды.

Геринга я впервые увидел 29.I.1933 года. Шлейхер ушел в от-





Фон КЛЕЙСТ Эвальд (1881-1954).

Один из нацистских военных преступников, генерал-фельдмаршал немецко-фашистской армии (1943). На военной службе с 1900 г. Окончил военную академию (1913). Во время первой мировой войны занимал штабные должности. После войны служил в кавалерии рейхсвера. Во время агрессивных войн против Польши (1939), Франции (1940), Югославии (1941) командовал танковым корпусом и танковой группой. На советско-германском фронте с начала войны. До ноября 1942 г. командовал 1-й танковой армией (до октября 1941 г. — 1-я танковая группа), являвшейся главной ударной силой немецко-

фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта. С ноября 1942 г. командующий группой армий «А». Весной 1944 г. за оставление Крыма, поражение на Южном Буге и несогласие со стратегией Гитлера уволен в отставку. В конце войны взят в плен англичанами и в 1946 г. Как военный преступник передан Югославии, а затем СССР.

Находясь под следствием, Клейст дал показания о ходе агрессии фашистской Германии против Советского Союза, ведении боевых действий на южном крыле советско-германского фронта. Был осужден за варварскую практику ведения военных действий, жестокость, проявленную по отношению к пленным и гражданскому населению оккупированных стран. Военным трибуналом приговорен к 25 годам тюрьмы. Умер в заключении.

ставку 25 января. Стоял вопрос: «Что же дальше?». Я сидел в центральной ложе в «Дейч-ландхалле» на всеимперском турнире рядом с государственным секретарем Мейснером (вероятно, речь идет о немецком государственном деятеле Отто Лебрехте Мейснере, ред.) и его женой, с которыми я был знаком. Вдруг появился Герман Геринг в потертом кожаном желтом пальто. Он шел по длинному проходу между боковыми ложами и рядами стульев прямо к нам. Теперь стало ясно, что между Гинденбургом и Гитлером происходят какие-то переговоры, так как Мейснер занимался всегда формированием новых кабинетов.

Вторично я встретился с Герингом в Бреславле во время процесса о поджоге рейхстага. Я был пригла-

шен Хейнесом на завтрак, который он давал со своими СА-фюрерами в честь Геринга. Я сидел напротив Геринга. Он беседовал со своими соседями о поджоге рейхстага и решительно отрицал свое участие в этом деле. Я заметил, что разговор велся специально для меня, и это вызвало у меня подозрение, что Геринг, наверное, сам причастен к этому делу. В последующие годы я неоднократно видел Геринга. Так, 1.V.1934 года я встретил его у оберпрезидента в Бреславле. Мы беседовали о строительстве нового городского театра в Бреславле.

В 1935 году — в замке в Бреславле, где я сидел с ним за маленьким столиком. Мы вели беседу о водоемах Туравы, и о том, какое это может оказать влияние на климат. Во вре-

мя другой встречи мы говорили об охоте. Приветствовали мы друг друга «охотничьим приветствием».

Самым могущественным из вышеупомянутых лиц мне казался Гиммлер. Если проследить путь его восхождения от 1934 года, когда он еще подчинялся Рему и до конца, то следовало бы ожидать найти в нем нового Фуше, утонченного интригана, большого организатора с огромной работоспособностью. Но таким я его не знал. Мне Гиммлер казался глупым. Я долго искал того человека, который вел его на поводу, но не мог найти. Не был ли это сам Гитлер?

Впервые я встретился с Гиммлером в 1933 году в Шваневитце в Силезии на завтраке. Мы сидели за большим круглым столом. Вдруг





▲ Гиммлер и Геринг

он обратился к своему соседу, силезцу, и спросил его: «Не похож ли я на сельского учителя?». Тот, к кому он обратился, застыл с открытым ртом, и было видно, что «да» готово сорваться у него с языка. «Видите — в этом моя сила» — заявил тогда Гиммлер. Может быть его глупое поведение, о котором я слышал, было лишь маскировкой? Этому я не могу поверить.

В дальнейшем я видел Гиммлера неоднократно, но продолжительных бесед с ним не вел. В начале 1934 года, во время моей борь-

бы в Хейнесом, мы с ним вновь встретились в узком кругу. Он дал мне понять, что в этой борьбе он стоит на моей стороне. Тогда Гиммлер еще находился в подчинении у Рема, а его силезские СА подчинялись Хейнесу. Но вслед за этим он продлил разговор, заявив, что имеет намерение создать семь первоклассных пехотных дивизий из обученных людей. Рейхсвер имел, кроме трех кавалерийских дивизий, тоже только семь пехотных дивизий. В случае войны часть его (Гиммлера) дивизий должна

была остаться в стране для предотвращения возможности революции, остальные же он готов был передать в распоряжение военного командования на фронте.

Разумеется, он хотел следить за тем, чтобы их не посылали на самые опасные участки, и систематически меняли состав. Это мне заявил мой новый союзник, которому было известно, что моя борьба с Хейнесом, в конечном счете сводилась к борьбе «за одну армию»! «Глупая утопия» — подумал я. Но Гиммлер продолжал и в дальнейшем держаться этой высказанной им мысли и развивать ее.

В последующие годы я также неоднократно встречался с Гиммлером, например, на имперских партийных съездах. Я был у него в гостях в его огромной походной палатке в СС-овском лагере, где толпились иностранные представители, дипломаты, высшие хозяйственные руководители — все отборное общество. Гиммлер был тогда могущественным человеком. Он хотел принимать как король, а был всего лишь сельским учителем.

Затем я еще два раза встречался с Гиммлером во время войны. Зимой 1941—1942 годов, по дороге в лейбштандарт, он заехал ко мне в Мариуполь на тарелку горохового супа. Мы говорили о трудностях снабжения и о плохих дорогах в период дождей. «Ах, этому очень легко помочь, — заявил Гиммлер, — я просто выстрою твердую дорогу от Днепропетровска до Таганрога. Камни у меня с Карпат, а рабочая сила из деревень, расположенных вдоль дороги».

Осталось только за голову хвататься. Везти камни, когда железные дороги не успевали подвозить боеприпасы и продовольствие. Рабочая сила из деревни, когда ее было недостаточно для обработки полей. Глупо.

Последний раз я виделся с ним в начале 1944 года. Кейтель устроил обед для широкого круга генералов. Когда все разошлись, мы с Манштейном остались вдвоем у стола. Вдруг к нам подошел



Гиммлер и сказал: «Теперь война выиграна». Мы смотрим на него озадаченно. «Да, русские мобилизовали уже всех, до последнего человека, у меня совершенно точные сведения, они уже больше не могут». Заявлять это нам, старым фронтовым солдатам, было просто дерзостью. Этому, может быть, верил Гитлер, потому что он желал верить. С 1942 года неоднократно приходилось слышать о подобных высказываниях Гиммлера, которые мы считали невозможными. Теперь мы это услышали от него самого. Глупо!

Геббельс, без сомнения, самый умный из приближенных Гитлера, ненавидимый Герингом и Гиммлером, не мог рассчитывать на то, чтобы захватить одному власть после Гитлера. Исчезнет Гитлер, не станет и Геббельса. Возможно, что при новой, неожиданно сложившейся политической ситуации, власть мог захватить другой, которому, как и Гитлеру, потребовались бы ум и слово Геббельса, которому бы он стал необходим.

С Геббельсом я познакомился лично в начале 1934 года. Сношения между мной и СА-фюрером Хейнес сильно обострились, и об этом говорили уже не только в Бреславле. В это время Геббельс предложил свои услуги сделать доклад для офицерского корпуса бреславльского штандарта (вероятно, речь идет о штандарте (полке) СА «Бреслау», ред.). Очень знаменательно.

Я встретил его на аэродроме. Туда же приехал уполномоченный СА-фюрер, который по поручению Хейнеса попросил министра посетить и его. Геббельс коротко и решительно отклонил приглашение. Мы вместе поехали в здание, где размещался мой штаб и там, в большом зале, Геббельс сделал офицерам доклад. Он говорил о том, что тогда хотелось услышать солдату. Он назвал рейхсвер теми мощными скобами, которые сдерживали империю с 1918 до 1933 года, верным носителем всех ценных традиций старой слав-

ной армии мировой войны. Он говорил о рейхсвере как о единственной армии, призванной защищать немецкую землю.

Когда я стал после доклада благодарить его, он сказал мне при выходе несколько саркастически: «Я, конечно, мог бы сказать и противоположное с таким же успехом». Он имел в виду выступление перед СА. Затем он, вместе с теми, кто его сопровождал, — одним

гауляйтером и еще несколькими лицами, был на чашке чая у моей жены, где показал себя очень ловким и любезным собеседником. Его я тоже впоследствии часто видел, но не беседовал с ним. На фестивале певцов я сидел между ним и Папенем на трибуне около Гитлера, мимо которой проходили группы певцов.

Когда я был назначен главным командующим армейской группи-



▲ Рём и Гитлер





▲ Клейст 1941 г. Запорожье



▲ Хейнес Эдунд

ровки, он прислал мне на рождество 1942—1943 года посылку. Один раз это была книга, другой раз — вечная ручка. Я поблагодарил его и написал: «Это и не умно, и не благородно оскорблять храброго противника. Солдат, который уважает своего противника, уважает самого себя». Он ответил: «Я очень хочу с вами поговорить. Если вы будете в Берлине, зайдите, пожалуйста, ко мне». Я к нему не попал.

Фрау Геббельс я видел 15 февраля 1945 года, когда она приезжала в разрушенный Дрезден. Она сказала тогда: «Если наступит конец, то я с детьми приму яд». И все высшие СС-фюреры получили уже тогда от Гимmlера пилюли цианистого калия.

28 января 1951 г.
Москва

